СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Выпуск 2

Санкт-Петербург

2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Выпуск 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2019

УДК 80/81
ББК 81.2
С-47

Редакционная коллегия

Е.В. Генералова, канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский гос. ун-т, ***Р. Драгичевич,*** докт. филол. наук, проф., Белградский ун-т (Белград, Сербия), ***В.С. Ефимова,*** докт. филол. наук, Институт славяноведения РАН (Москва), ***Е.И. Зиновьева***, докт. филол. наук, проф., Санкт-Петербургский гос. ун-т, ***В.Н. Калиновская***, канд. филол. наук, доцент, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), ***К.И. Коваленко***, канд. филол. наук, мл. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН, секретарь (Санкт-Петербург), ***Л. Макариоска,*** докт. филол. наук, проф., университет Св. Кирилла и Мефодия, (Скопле, Македония), ***И.А. Малышева***, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), ***Е.П. Мирчева,*** докт. (PhD), проф., Институт болгарского языка «Профессор Любомир Андрейчин» БАН (София, Болгария), ***Мякишев В.П.***, докт. филол. наук, проф., Ягеллонский ун-т (Краков, Польша), ***О.Н. Никитин***, докт. филол. наук, проф., Московский гос. областной ун-т, ***М.Н. Приемышева***, докт. филол. наук, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), ***Г.В. Судаков***, докт. филол. наук, проф., Вологодский гос. ун-т, ***О.В. Трофимова***, докт. филол. наук, проф., Тюменский гос. ун-т, ***М.И. Чернышева***, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).

Ответственные редакторы выпуска

к.ф.н. ***В.Н. Калиновская,*** д.ф.н. ***И.А. Малышева***

Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 2 / Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. В.Н. Калиновская, И.А. Малышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. 319 с.

Сборник «Славянская историческая лексикология и лексикография» (вып. 2) содержит статьи, посвященные истории славянской лексики (XI–XIX вв.) и проблемам ее лексикографического описания. В статьях рассматриваются вопросы изучения истории слов, устойчивых выражений и лексико-семантических групп, исторического словообразования, проблемы использования словарей в качестве источников историко-лексикологических исследований. Один из разделов сборника содержит статьи, авторы которых анализируют особенности функционирования слов в публицистическом тексте XIX века.

ISSN 2658-3755
DOI 10.30842/26583755
DOI 10.30842/265837552019

© ФГБУН Институт лингвистических исследований Российской академии наук
© Коллектив авторов

Предисловие

Второй выпуск сборника «Славянская историческая лексикология и лексикография» включает разделы: «Лексикология», «Словообразование», «Лексикография», «Язык русской публицистики и периодики XVIII—XIX вв.», «Хроника». Авторы научных статей, вошедших в сборник, продолжают рассмотрение того круга вопросов, который был представлен или анонсирован в первом выпуске (вышел в 2018 году). Содержание статей отражает различные направления в исследовании истории слов и словарного состава славянских языков на разных этапах истории; ряд статей посвящен отдельным аспектам лексикографического описания лексических единиц и устойчивых выражений в словарях разного типа и назначения; среди затронутых авторами статей вопросов изучения лексики можно выделить проблематику, связанную с адаптацией заимствований, спецификой ее семантизации в тексте, с изучением особенностей функционирования слова в тексте как основы последующих изменений в его семантической структуре.

Несомненную ценность представляет методологическая составляющая размещенных в сборнике публикаций: в них представлены результаты исследований с применением современных методов анализа и описания лингвистического материала, учитывающих, в частности, такие факторы, как комплексность и междисциплинарность в подходах к изучению исторического текста. Последним обстоятельством объясняется появление в сборнике ряда статей, несколько раздвигающих границы собственно лексикологического исследования, что позволяет авторам осуществлять поиск ответов на конкретные вопросы на более широком поле с учетом историко-культурного контекста (см. раздел «Язык русской публицистики и периодики XVIII–XIX вв.»).

Статьи в разделе «Лексикология» посвящены истории отдельных групп лексики, выделяемых на основе деривационных связей, семантической или функциональной близости (статьи Е.В. Генераловой, В.В. Истратий, Т.Д. Коркиной) и конкретных слов (статья С.И. Иорданиди); внимание авторов акцентируется на проблемах семантического развития (статьи И.Е. Кузнецовой, И.А. Малышевой), сосредоточено на определении стилистической функции отдельных слов и сочетаний в художественном тексте (статьи Н.В. Патроевой, М.Г. Шарихиной). Основу проблематики статей, вошедших в раздел, составляют задачи выявления механизмов семантической динамики, вопросы лексической вариантности/синонимии, развития лексики как системы. Большинство статей отличает комплексный характер исследования, проявляющийся, в частности, в обращении к вопросам этимологии, исторического словообразования, которых в той или иной мере вынуждены касаться авторы статей.

В разделе «Словообразование» представлены статьи авторов, в фокусе внимания которых оказались вопросы, связанные с лексическим наполнением некоторых словообразовательных моделей, оказавшихся чрезвычайно продуктивными на определенных этапах развития лексической системы русского литературного языка (статьи П.А. Семенова, О.А. Старовойтовой). Исследовательский пафос сосредоточен, в основном, на вопросах семантики и стилистического статуса новой лексики, особенностей ее функционирования в текстах XVIII–XIX вв.

В статьях из раздела «Лексикография» намечается целый круг вопросов, связанных как с решением конкретных практических задач исторической лексикографии (статья М.И. Чернышевой), так и с необходимостью теоретического осмысления лексикографической практики прошлых эпох (изучение словарей как источников информации о лексической системе славянских языков в процессе их становления) (статьи А.С. Котельниковой, Г.А. Молькова, С.В. Русановой). В статье Р. Драгичевич анализируется культурно-историческая специфика словников исторических словарей сербского языка. Статья Е.Е. Иванова посвящена проблемам лексикографического описания библейских крылатых выражений в современном белорусском языке с элементами историко-культурного комментирования.

Один разделов выпуска — «Язык русской публицистики и периодики XVIII–XIX вв.» — посвящен насущным вопросам изучения публицистического наследия. В раздел включены материалы Международной конференции «Язык русской публицистики XIX века», прошедшей в Институте лингвистических исследований РАН в октябре 2019 г. Среди разнообразного круга проблем, обозначенных авторами статей, можно выделить такие, как семантизация актуальных для данного периода словоупотреблений (статья А.А. Малышева), динамика изменений в семантической структуре отдельных заимствованных слов (статья Е.В. Макеевой), выявление источников заимствованной лексики, особенностей ее адаптации и функционирования в газетном тексте XIX века (статьи И.Б. Дягилевой, С. Янурика).

Проблемы роста отвлеченной лексики, смыслового расширения слова, динамики его стилистических параметров анализируются в связи с освещением роли языковой личности в развитии русского литературного языка (статьи Е.А. Потехиной, Д.А. Романова). Некоторыми авторами поднята чрезвычайно важная для исторического словаря XIX века тема семантизации и необходимости историко-культурного комментария актуальных для публицистики того времени слов и выражений (статья Л.Е. Бушканец). В отдельных статьях затронута тема отражения фундаментальных процессов развития лексической системы русского литературного языка, нашедших отражение в региональной литературе указанной исторической эпохи (статья М.А. Харламовой).

Сборник предназначен для специалистов в области исторической лексикологии и лексикографии славянских языков, для филологов, историков, культурологов, а также для широкого круга читателей.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Е.В. Генералова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ *МОСКОВСКОЙ ВОЛОКИТЫ*[1]

Развивающаяся с 60-х гг. XX в. микроистория и история повседневности как отдельное направление историографии[2] ставит задачей восстановление обыденной, каждодневной жизни прошлых эпох. Изучение исторической повседневности перспективно на материале лингвистических источников, т.к. в них закреплено языковое сознание человека, общества определенного исторического периода.

Предметом настоящей статьи является исследование «лексики промедления» — словарного материала, имеющего семантику ‘замедлять, затягивать, задерживать’, ‘промедление, задержка’ и т. п. Эта лексика представляет особый лингвокультурологический интерес, будучи связанной с историческим феноменом так называемой «московской волокиты» — ведением дел в Приказах на Москве, сопровождавшимся существенной потерей времени и убытками для обратившихся в государственные органы. Это возникшее именно на Москве и широко распространившееся в Московском государстве XVI–XVII вв. явление получало отражение, с одной стороны, в деловых памятниках старорусского языка, с другой стороны, и в источниках народно-разговорного языка: в посадской и житийной литературе, частной переписке и других памятниках неделовой письменности, фиксирующих неофициальное, частное восприятие этой важной стороны жизни того времени, демонстрируя и обиходное осознание этого явления.

Материалом исследования послужили данные исторических словарей и картотек русского языка, в первую очередь — «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (далее — СОРЯ), и его Картотеки, хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Поскольку в число

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00224 «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (восьмой, девятый, десятый выпуски).

[2] См., например, *Побережников И.В.* Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 8–13; *Осовский О.Е.* Криминальная повседневность в памятниках русской деловой письменности конца XVI–XVII века // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: Материалы к словарю-справочнику. Вып. 1. Саранск, 2014. С. 71–97.

источников СОРЯ вошли памятники частно-деловой и официально-деловой письменности, семейная и дружеская переписка, записи русской разговорной речи, сделанные иностранцами и представленные в разговорниках и тематических словариках XVI–XVII веков, русские повести, тексты русской демократической сатиры, пословицы XVII века и др.[3], то данные этого словаря (по замыслу Б.А. Ларина, словаря языка русского Средневековья, представляющего «начальный этап образования национального русского языка (устного и письменного)»[4]) содержат ценный материал для реконструкции повседневных поведенческих норм и обыденного восприятия определенных явлений, т. е. именно микроистории. Использованы также материалы СлРЯ XI–XVII.

Явление московской волокиты возникло в Московском централизованном государстве и было напрямую связано с системой приказного делопроизводства. Рядовым явлением было затягивание судебных дел в Приказах на несколько лет, чему способствовала система передачи судебных дел из Приказа в Приказ, объявление «недоверия» судье, взяточничество, необъективность судей и дьяков. По Судебнику Ивана IV хорошо известна такая форма реакции государственных органов, как игнорирование должностными лицами обращений «жалобников» (см. статья 7 Судебника 1550 г.)[5]. Собственно под волокитой подразумевается умышленное затягивание сроков рассмотрения дела представителями административно-судебного аппарата, и современные историки рассматривают это явление как одну из форм коррупции[6]. В широком смысле волокитой может быть названа вообще любая задержка, проволочка, замедление в делах.

В лингвистическом отношении отметим прежде всего факт наличия большого количества слов, связанных с этим явлением в старорусском языке. Это лексемы корневых групп *-волок-*, *-медл-, -мотч-, мешк(ал)-*, *-держ-* и слова с некоторыми другими основами.

Слово *волокита* восходит к древнему праславянскому корню **volk*-и является, таким образом, однокоренным со словами *волок* (в старорусском языке известно с семантикой ‘сухопутное пространство между двумя реками, по которому из одной реки в другую перетаскивают суда, грузы’, ‘таможенная застава на волоке, где таможенные головы собирали пошлину’, ‘проезжая дорога лесом от одного населенного пункта до другого’)[7], *волочить* (‘тащить, тянуть по

---

[3] Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» // Вып. 4. СПб., 2011. С. 8.

[4] *Ларин Б.А*. Заметки о «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» / Публикация и примечания С.С. *Во*лкова // Вопросы теории и истории языка: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. СПб., 1993. С. 5.

[5] Судебник 1550 г. Историко-правовой обзор // Памятники русского права. Вып. 4 / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1956. С. 234.

[6] *Оспенников Ю.В*. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15.

[7] Ср. также *волоки* ‘устройство для перевозки грузов’, ‘пушечный станок на полозьях’, *волоченики* ‘ручные санки, салазки’, *волоченье* ‘ловля рыбы волоком (неводом)’, *волочилище* ‘место, где ловят рыбу волоком (неводом)’.

земле’, ‘принуждать кого-л. идти куда-л., уводить с собой насильно’), книжно-церковные *влачить* и *влечь* с аналогичной семантикой, лексемы гнезда *проволок(ч)*- с семантикой ‘проволока‘, ‘протаскивать‘ и ‘промедление, задержка‘, ‘задерживать‘ и др.

Однако специфическая деловая семантика обозначения затягивания делопроизводства появляется у корня *-волок(ч)-* только в XVI в. В XVI в впервые фиксируется и само слово *волокита* (в фонетическом облике *волокита* и *волокида*). Эта лексема имела обиходное, бытовое и деловое, собственно юридическое значение. Впервые слово *волокита* зафиксировано в языке в первом, обиходном значении — в Домострое с семантикой ‘суета, длительные заботы, беспокойство’: *Со всякими* <делами> *управа без волокиты* (Дм., 33, XVI в.). Слово фиксируется с такой семантикой в памятниках и деловой, и частной переписки. Появление лексемы *волокита* в разговорниках иностранцев (Ридли, Шрове, Т. Фенне) — яркое доказательство существования этого слова в обиходном значении именно в разговорном языке и появления первоначально в устной речи: см., например, *Я твое орудьё стряпал, дай мнѣ нынѣча могорец за мою волокиду* (Разг. Фенне, 398, 1607 г.). Слово *волокита* в обиходном значении могло употребляться как в единственном, так и во множественном числе, обозначая ‘конкретные дела, связанные с суетой, беспокойством’: *А што в твоем листу писано, штож государь мой волокитами меня трудит; ино государь мой, его царское величество, волокитами меня не трудит* (Посл. Ив. Грозного, 276, 1567 г.). *На Москвѣ в своихъ волакитах живъ сентября по 1-е число* (ПНРЯ, 12, XVII в.). Особое значение слова *волокита* ‘скитания, странствия‘ реализуется в сочинениях Аввакума: *Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели* (Авв. Ж., 101, 1675 г.) (ср. *волочить* ‘принуждать кого-л. следовать куда-л., уводить с собой насильно’, ’*волочиться* ‘скитаться, не имея постоянного места жительства’).

Несколько позже и, как уже было сказано, именно в языке Московской Руси возникает специфическое значение слова *волокита* — ‘намеренное затягивание судебного процесса и принятия решения по делу‘: см. *И от такой их* <бурмистров> *великой волокиды и многих задержек, волочась за тем делом, животишка свои и статки все прожил и одолжал великим долгом* (РШЭО, 290, 1666 г.). *А в великои волокиде и в убытках в болших буду тебѣ гсдрь бит челом на него Григоря Зузина* (МДБП, 205, 1668 г.). Это же значение реализует и глагол *волочить*: *И их* <торговых людей> *свейские приказные люди волочат ... многое время и росправу чинят с великой волокидой* (РШЭО, 136, 1648 г.). Возвратный глагол *волочиться* означает ‘подвергаться постоянному затягиванию дела в присутственных местах‘: *Съ Воронежа съ Озовскими отписками присланы мы* <станичные атаманы> *къ тебѣ, государю, къ Москве. Волочимся на Москвѣ недѣлю, помираемъ голодною смертью* (ДД II, 211, 1641 г.); причина затягивания дела обозначается дополнением с предлогом *за*: *Доведетца ... взять мне* <Кузнецову> *... по исполной записи, недоплаты на ... Е. Ляшихинѣ ... 10 рублевъ ... и тѣхъ денегъ онъ ... не платитъ, и за тѣмъ дѣломъ волочюсь*

я ... многое время (А. Кунг., 128, 1698 г.), *И против того челобитья государевым торговым людем не было никакова указу 4 недели, и в то время, отставя свои промыслы, волочились за тем челобитьем безпрестанно* (РШЭО, 135, 1648 г.).

Это значение реализует и гнездо *проволок(ч)-*:

проволока ‘промедление, задержка, проволочка‘: *И въ том сыскъ и росправу учинят вправду без проволоки* (Моск. а., № 7, сст. 24, 1635 г.);

проволочка ‘промедление, задержка‘: *И то я выразумляю, что то все ненадобные рѣчи дѣлу в проволочку чинит (*В-К II, 122, 1644 г.);

проволочься ‘замедлиться, затянуться‘: *И посол твой не поѣхал же к нашим бояромъ на совѣтъ, и то дѣло за тѣмъ проволоклося* (Англ. д., 70, 1569 г.).

Появляются и особые устойчивые сочетания, составляющие принадлежность деловой письменности:

учинить (*чинить*) *безволокитно: Про те спорные места велел сыскати обе стороны сторожильцы, да по сыску меж их управу и розъезд учинити безволокитно* (Нижегор. док., 81, 1595 г.);

волочить и убытчить (*и продавать*) ‘подвергать постоянному затягиванию дела в присутственных местах‘*: Меня холопа твоего из Новые чети приставы волочат и убытчат а отвечат я в том приказе ... без твоего гсдрва указу не смею* (МДБП, 68, 1649 г.). *И он, Исай, ведая вину свою, к суду многое время не стал и не отвечал и крестьянишек моих волочит и убытчит напрасно* (АХБМ I, 115, 1650 г.). *И подячеи Семен Адашев твои гсдрвы всякие подати с тех моих дрвнишек принимаетъ у людишек моих и у крстьянишек и в тех податех отписеи не дает ... и людишек моих и крстьянишек волочат и убытчат* (ПНРЯ, 129, 1680 г.). *А губной староста и всякие приказные люди тѣхъ нашихъ* <боровских рейтар> *бобылишковъ волочатъ и продаютъ и убытчатъ напрасно* (АМГ II, 2, 1635 г.).

Ярким «маркером» своего времени является устойчивое сочетание *московская волокита: А он, Исай, хотя крестьян государя моего в том деле московскою волокитою изволочить и изубытчить, собрав по себе поручную запись, не бив челом тебе, г., с Москвы съехал* (АХБМ I, 116, 1650 г.). *И велите, государи, намъ же, холопемъ своимъ ... поднемные деньги и подводы давать во Псковѣ по десяти рублей и ваше же великихъ государей годовое жалованье безъ московския волокиды* (ДАИ X, 118, 1682 г.). Так же, как и слово *волокита*, устойчивое сочетание, включающее это слово, функционирует в языке не только в форме единственного, но и в форме множественного числа: *А стала гсдрь мнѣ* <Ваське Аврамову> *от тово Семена продаж в три годы московских волокит и проестеи дватцат сем рублев денег* (Южн. челобитные, 13, 1619 г.).

Исследователи отмечают регулярное упоминание о волоките как о пороке управления в разного рода грамотах: земских, губных и т. п.[8] Постоянные кон-

[8] *Раздорский А.И.* «Воровство», «хитрость» и «нерадение» при сборе таможенных и кабацких доходов в XVII в. (на примере службы курских, белгородских, вяземских и можайских голов и целовальников) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4;

тексты, отмечающие это явление, встречаются и в памятниках частной переписки. И официальные кодексы законов Московской Руси, и частные грамотки однозначно совпадают в оценке волокиты как сугубо отрицательного явления: см. *А судные дела велети ему* <судье> *вершити безволокитно, чтобы однолично истцом и ответчиком в судных делех волокиты и убытков не было* (Улож. 1649 г., 80). *А мнѣ сиротѣ вашему в Каргополе за тѣм дѣлом многово времяни жит и волочитца невмоч* (МДБП, 120, 1694 г.).

Помимо лексем с основой *-волокит-*, замедление, задержка в делах обозначается целым рядом других лексем, но следует отметить, что все они в первую очередь реализуют обиходное, а не юридическое значение, обозначая промедление в делах в широком смысле (не только затягивание судопроизводства).

Прежде всего эта лексика представлена глаголами, обозначающими действие затягивания, замедления. С одной стороны, это регулярное указание на действие создания помех, препятствий в быстром исполнении, осуществлении чего-л., часто на задержки в пути:

задержать (реже в несов. виде *задерживать*) 1. ‘принудить, заставить остаться где-л. на какое-л. время’: *Казаков из Перми отпустил бы еси в Сибирь в Томский город не задержав* (Сл. Перм. I, 188, 1640 г.). *Велѣно у насъ* <армянских купцов> *съ нашихъ товаровъ съ шолку сырцу взять пошлины и провозъ и отпустить къ Архангелскому городу, и по се число за тѣмъ задержаны и волочимся многое время напрасно* (ДАИ X, 190, 1686 г.); 2. ‘оставив у себя, не отдать, не выдать, не послать что-л. вовремя’: *Боярин смоленский Василей Лавринович Буслава, взявши от меня, Семена, 30 рублев денег своих, кабалы на тые деньги, ему даные, не отдал и при себе ее задержал* (РБС, 45, 1596 г.), *Наисветлѣишии гсдрь княз Лев Александрович <Шлаковский> ноября въ 17 де от гсдна секретаря от Лаврентья Г[релла] дошли до меня* <М. Вейгера> *листы в связке запечата[ны] на твое имя подписаны и околничеи и воевода княз Василеи Петрович тѣ листы не задерж[ал] послал к Москве в Посолскои приказ* (В-К II, 70, 1643 г.), *А что ты* <С. И. Пазухин> *изволил писат чтоб взят грамота в Муромъ дело взят к Москве и тое грамотку твою Иван Петров задержал у себя долго да и тово ты не написал именно ис коева приказу имат грамота* (ИНРЯ, 171, XVII – н. XVIII в.).

С другой стороны, напротив, часты указания на промедление, вызванное различными препятствиями, помехами:

замедлить (реже в несовершенном виде *замедлять*) ‘задержаться, промедлить в исполнении какого-л. дела’: *Да и о тѣхъ указах пожалуи не замѣдли чтоб в Астрахани хлѣб возить поволно* (Грамотки, № 432, 1701 г.);

замешкать: *Не отпустите тѣх 50 человѣк вскорѣ тотчас и замѣшкаете и вам от нас быть в великой опалѣ и в продаже* (Сл. Перм. I, 195, 1592 г.);

Оспенников Ю.В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15.

замешкаться*: А как де отпуск казны с Москвы замешкаетца, и они, послы, отпущены будут поздо в зимнее время* (РД II-2, 117, 1670 г.);

замотчать: *И вамъ бы, государи* <монахи>*, о томъ гнѣва не положить, что тотъ слуга Никифоръ въ Новѣгородѣ замотчалъ* (А. Ивер. м., 414, 1662 г.);

замолчать: *И то де мы, холопи, сплутали и зделали негораздо, что сысском замолчали* (Сл. Том., 74, 1651 г.) (причина задержки дана сущ. в тв. п.);

замешкалить: *Замешкалити. to hinder* (Ридли, 149, 1599 г.).

Почти для всех этих слов характерна развитая семантика (глаголы многозначны). Важной особенностью является синонимичность и в ряде случаев практически дублетность этой лексики. Глаголы указывают на задержки в пути, делах, затягивание отправки документов, выплаты денег. Прилагательное *задержный* даже специализируется в значении ‘невыплаченный (о деньгах)‘: *На тѣ задержные денги на денежную неприемную казну в промыслу соляном прибыли не будет* (Сл. Перм. I, 188, 1684 г.).

Подчеркнем, что все выше перечисленные глаголы и производные от них отличаются существенной близостью семантики и сходными условиями употребления

Следует отметить, что наличие такого большого количества синонимов и даже дублетов — характерная особенность лексико-семантической системы русского языка XVI–XVII вв., отличавшейся избыточностью лексических средств: «при рассмотрении синонимии этого переходного периода в развитии русского языка становится особенно очевидным, каким богатым выбором различных лексических средств располагал русский язык в период формирования национального языка»[9].

Очень близкими по семантике оказываются и характерные для русского языка XVI–XVII вв. образованные по одной и той же модели устойчивые сочетания с наречной семантикой ‘немедленно, без промедления’:

без (*всякого*) *задержания*: *И Федот говорил, что … А как пришол … государев указ на Терек, и по государеву указу терские воеводы послали ево* <посла царя Левонтия> *к Москве и отпустили без всякого задержаня* (Ст. сп. Елчина, 223, 1640 г.). *И не посылал* <архимандрит константинопольский Венедикт> *наскоро* <грамоты> *ис Путивля к Москве с вѣрнымъ рабомъ црствия вшего* <царя Алексея Михайловича> *с Ыванамъ толмачом толко держал ихъ у себя три мсца в рукахъ без дѣла и подобаетъ к великимъ велможным людемъ. ноипаки великие державы … подобаетъ посылати наскоро безо всякого задержания* (В-К IV, 90, 1649 г.);

без (*всякого*) *замедления*: *Того старца к нам в строители отпустить без замедления* (Сл. Перм. I, 195, 1686 г.);

---

[9] *Порохова О.Н.* Некоторые вопросы синонимии русского языка XVII в. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 78. См. также: *Кутина Л.Л.* К вопросу о синонимике в языке XVII в. // Ученые записки ЛГУ, № 243. Серия филологических наук, вып. 42. Л., 1958. С. 104–134; *Генералова Е.В.* О специфике синонимических отношений в языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Вестник САФУ. 2016, № 3. С. 98–106.

без (*всякого*) *замотчания: И для московской посылки тем служилым людем подорожные и подводы давати безо всякого замотчанья* (Сл. Том., 74, 1646 г.). *И вам бы* <приказчикам Б. И. Морозова> *... ехать бы ко мне к Москве без замотчания, чтоб вам поспеть к Москве к Рожеству Христову* (Хоз. Мор. II, 193, 1659 г.). *Замочных мастеров прислати бы тебе по указу великих государей без замотчанья* (Сл. Сиб., 47, 1665 г.);

без (*всякого*) *замешкания: Мои млстивыи гсдрь корол* <польский> *имѣючи дружбу ко всѣмъ крестьянскимъ гсдрем хотя ихъ в томъ остерегати от такои великои погибели и страху ... посла своего прислал безо всякого замешканя (*В-К I, 63, 1621 г.);

без замолчания: *И строенье винокуренъ и винокурных заводовъ и о курене вина велено чинить по вышеписанному великого гсдря укузу* (так!) *без замолчания* (Сл. Нерч. I, 283, 1710 г.).

Ср. более древнее сочетание с аналогичной семантикой *без* (*всякой*) *зацепки, без* (*всяких*) *зацепок: Да память князю Семену и Михайлу. Приѣдутъ къ нимъ княжи Михайловы дѣти Вяземского, или кого пришлютъ ... ино о нихъ молвити Михайлу Русалкѣ великому князю, чтобы ихъ велѣлъ отпустить со всѣми ихъ състатки, безо всякихъ зацѣпокъ* (Польск. д. I, 170, 1495 г.*)*.

Аналогичной семантикой ‘без задержки, без промедления’ обладают сочетания деепричастий от глаголов с семантикой ‘замедлить, задержать‘ с отрицанием:

не замедля: И по гсдрву указу и по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова велено с тои соли взят новых пошлин по 5 алтын с пуда и того 180 рублев и тѣ днги прислат в приказ гсдрвы Болшие казны не замедля (Арх. Пожарских, 465, 1646 г.). *Пожалуи* <С. И. Пазухин> *пришли днги о чем я* <Д. Челюскин> *млсти твоеи бил челомъ пожалуи не замедля пришли* (ИНРЯ, 172, XVII – н. XVIII в.);

не замешкав: А будет Родивона дома нет ино б староста Родивону поговорил как приедет чтоб велел ко мнѣ отписат тотчас не замешкав (Арх. Пожарских, 257, 1649 г.);

не замотчав: С чебаксарскои пристани хлѣб в суды погрузили и отпустили июня в первом числѣ в добром здорове, а в Чебаксарех осталось малое число и тот хлѣб отпущенъ будет не замотчав (Грамотки, № 433, XVII – н. XVIII в.);

не заметчав: Дати подводы и отпустить их в Китайское гсдрство, не заметчав (Сл. Том., 74, 1617 г.).

Все эти устойчивые сочетания обозначают желаемое отсутствие волокиты, задержек, проволочек. Синонимичными им является наречие *безволокидно.*

К лексике замедления также относятся отглагольные существительные со значением ‘промедление, приостановка в каком-либо деле, вызванное какими-либо препятствиями, помехами’:

задержание: *В отдаче б денег задержанья не учинил* (Сл. Перм. I, 188, 1697 г.). *А тотъ мой товаръ, лежа, зазимовалъ и залетовалъ, погнилъ ... и въ томъ товарѣ и въ задержаньи мнѣ, иноземцу, шкота многая и несмѣтной*

убытокъ чинитца, и безъ промыслу сталъ годъ цѣлой (Пск. писц. кн. II, 34, 1631 г);

задержка: *Челобитье на Василья Бѣляева ... в задержке работным людем денег и в остановке и во взятке со многих людей себе поминков* (Сл. Перм. I, 188, 1697 г.);

замедление: Хлѣб возили от житного двора на Низъ струшками велми далеко и за тѣмъ у насъ <приказчика И. Петрова> *в хлѣбнои груске учинилос великое замедлѣние* (Гр., № 435, 1701 г.);

замешкание: *И ты братец* <Тимофей> *с тою грамотою пошли человека своево и моево* <Киреевского> *в Козелескь не помешкав чтобы крестьяном впред в том делѣ волокиты нѣ было в ннешнею деловую пору а что по се число тою грамотою замешкания было и нне то дела чрез великую моч насилу зделал* (ИНРЯ, 52, XVII – н. XVIII в.);

замолчание: *И строенье винокуренъ и винокурных заводовъ и о курене вина велено чинить по вышеписанному великого гсдря укузу* (так!) *без замолчания* (Сл. Нерч. I, 283, 1710 г.);

замотчание: *А нашъ* <Никона> *... указъ поставилъ въ оплошку, и церковному каменному дѣлу учиниль замотчания, а о томъ мы ... писали къ вам* <властям> *съ похвалою, и вы то поставили себѣ ни во что* (А. Ивер. м., 500, 1664 г.);

зацепка: *Чтоб над тем Ондреем и над ево братом и над ево людьми никакой шкоты и зацепки и задержанья и убытков ни в чем не было нигде* (РШЭО, 40, 1628 г.).

В целом, все эти существительные тоже очень близки по семантике и являются синонимичными существительному *волокита*: *И от такой их великой волокиды и многих задержек, волочась за тем делом, животишка свои и статки все прожил и одолжал великим долгом* (РШЭО, 290, 1666 г.).

Семантика и употребление этих слов демонстрирует осознание волокиты и задержек как крайне нежелательного и отрицательно воспринимаемого, но неизбежного зла, существующего в повседневной действительности.

С одной стороны, судьба слова *волокита* в языке достаточна стабильна: строго говоря, на практике сохраняется явление затягивания дел, а в языке продолжают функционировать лексемы, его обозначающие. С другой стороны, частота его употребления сокращается, и «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует слова с этой семантикой как выходящие из употребления, в первую очередь устаревает вариант *волокида* (СРЯ XVIII 4: 41–42). Кроме того, уже в старорусском языке у слова *волокита* появляется семантика ‘человек ухаживающий за женщинами’[10] (фиксируется в разговорнике Хеймера: *Прости своякъ Гандреи ты старои волокита* <verschlagener Schurke> (Разг. Хеймера, 13, к. XVII в.)), и в XVIII в. фиксируется уже целое гнездо слов, реализующих это

[10] Рассматривается как омоним к *волокита*[1] ‘промедление, задержка’, тем более что существенно меняется не только семантика существительного, но и его грамматические характеристика (*волокита*[2] является одушевленным существительным).

значение: *волокита, волокитный, волокитство* ‘ухаживание за женщинами, любовные похождения’, *волочиться* ‘ухаживать за женщинами’.

Таким образом, на основе лингвистических данных (памятников делового и неделового назначения) могут быть воссозданы особенности восприятия специфического явления московской волокиты. Лингвистический материал свидетельствует о возникновении у гнезда *волокит-* специфического значения ‘затягивание делопроизводства‘, соответствующего практике ведения дел в Приказах в Московской Руси. О значимости и распространенности этого явления в старорусской повседневности свидетельствует значительное количество основ, реализующих это значение, развитость и при этом близость их семантики. Кроме того, памятники ярко демонстрируют однозначно отрицательную оценку этого явления.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Авв. Ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

А. Ивер. М. — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.) / Собрал архимандрит Леонид // РИБ. Т. 5. СПб., 1878.

А. Кунг. — Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) // Изд. А. Г. Кузнецов. СПб., 1888.

Англ. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией / Изд. под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина. Сб. императорского русского исторического общества. Т. 38. СПб, 1883.

Арх. Пожарских — Das Hausarchiv der Fürsten Požarskii. Documente zur Geschichte russicher Güter 1633–1652. Herausgegeben und kommentiert von Maritta Schmücker-Breloer. Böhlau; Verlag; Köln; Weimar; Wien. 1996.

АХБМ I — Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / Под общ. ред. А. И. Яковлева. Ч. I. М.-Л., 1940.

В-К I — Вести-Куранты 1600–1639 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

В-К II — Вести-Куранты 1642–1644 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

В-К IV — Вести-Куранты 1648–1650 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1983.

Гр. — Грамотки XVII – начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

ДАИ X — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 10. СПб., 1846–1872.

ДД II — Донские дела. Кн. II. СПб., 1898–1917 // РИБ. ТТ. 18, 24, 26, 29, 34.

Дм. — Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов и Т. В. Рождественская. СПб., 1994.

ИНРЯ — Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

Нижегор. док. — Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI в. М., 1977.

ПНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия / Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова, М., 1965.

Польск. д. I–V — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. СПб., 1882 (Сб. РИО. Т. 35). Т. II. СПб., 1887 (Сб. РИО. Т. 59). Т. III. СПб., 1892 (Сб. РИО. Т. 71). Т. IV. М., 1912 (Сб. РИО. Т. 137). Т. V. М., 1913 (Сб. РИО. Т. 142).

Посл. Ив. Грозного — Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье / Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1951.

Пск. Писц. гр. II — Псков и его пригороды. Кн. II // Сб. Москов. архива министерства юстиции. Т. VI. М., 1914.
Разг. Феннне — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.
Разг. Хеймера — Günther Erika. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. Frankfurt am Main, 2002.
РБС — Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963.
РД II-2 — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 2. Ч. 2. М., 1959.
Ридли — A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue / Attributed to Mark Ridley. Edited from the late sixteenth-century manuscripts and with an introduction by Gerald Stone. Köln; Weimar; Wien, 1996
РШЭО — Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.; Л., 1960.
Сл. Нерч. — Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. / Сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Чита, 2003. Т. 1.
Сл. Перм. I — Словарь пермских памятников XVI– начала XVIII / Сост. Е.Н. Полякова. Пермь, 1993. Вып. 1.
Сл. Сиб. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.
Сл. Том. — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.
Ст. сп. Елчина — Статейный список Ф. Е. Елчина // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.-Л., 1954.
Улож. 1649 — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. М., 1959. Вып. 6.
Хоз Мор. II — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Хозяйство боярина Б.И. Морозова. М.-Л., 1933–1936. Ч. 1–2.
Южн. Челобитные — Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов. М., 1993.

СЛОВАРИ

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).
СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–8. СПб., 2004–2016 (издание продолжается).
СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб., 1984–2019 (издание продолжается).

С.И. Иорданиди

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭТЮД: *РАЗГИЛЬДЯЙ*

Лексема ***разгильдяй***, которой посвящена предлагаемая статья, существует только в русском языке. Об этимологии, значении и структурных особенностях этой лексемы известно многое, но есть некоторые нюансы, на которых считаем необходимым остановиться подробнее.

Словарные материалы и другие публикации

Данная часть статьи посвящена фиксации лексемы ***разгильдяй*** и ее значений в словарях (толковых и словообразовательных) различного периода, а также в разного рода публикациях. Слишком подробное представление этого материала заняло бы слишком много места, поэтому здесь изложена только некоторая часть материала; при этом комментарии по поводу дефиниций рассматриваемого образования и достоинствах/недостатках самих словарей, как исторических, так и современных, а также и других печатных материалов, отсутствуют.

Необходимо заметить, что словарные данные свидетельствуют об эволюции значений рассматриваемого слова. *Разгильдяй* — ‘небрежный в делах, несобранный, неряшливый человек’ (БАС[1] 12: 27) получает различные истолкования.

Первая фиксация этого слова (как *разгилдяй*) отмечается в словаре И. Нордстета, в котором выделены такие значения, как ‘тяжеловес’ (un lourdaut[1]), ‘увалень’ (un dandin), ‘грубиян’ (un grossier). Зафиксированы также глагол ***разгильдяить*** со значениями ‘быть тяжелым, неловким’ (être lourdaud), ‘переваливаться’ (être dandiner), ‘быть грубым’ (être grossier) и существительное ***разгильдяйство***, с соответствующим значением (Нрд. II: 687). В «Этимологическом российском лексиконе» Ф. Гелтергофа, оказавшем довольно сильное влияние на словарь И. Нордстета, рассматриваемая лексема не представлена[2]. В

[1] Приводятся только авторские французские эквиваленты.

[2] *Гелтергоф Ф.* Российский Целлариус. Этимологический российский лексикон, купно с прибавлением иностранных слов в российском языке. М., 1771.

работе С. Микуцкого *развильдяй* и *разгильдяй* (обл. *развилье* ‘непроворный, слабый человек’) возводится к глаголу *вилять*. К этому предположению автор дает следующий комментарий: от прсл. глагола **witi* к причастию на *-л*в ст.-рус. и диал. *вило́й* ‘завившийся, закрутившийся в вилок, качан (о капусте)’[3]. Аналогично С. Микуцкому Е. Якушкин видит здесь влияние *развеять*, *развей*, *развильдяй*, *разгильдяй*[4]. В СРНГ приведен следующий пассаж: «*Развильдяй* — это кто ничего не может сделать, никудышний человек и неряха» (СРНГ 33: 301). В словаре А.Ф. Ивановой читаем: «*Развильдяй* — это кто ничиво не может зделъть, никудышный человек и неряха»; «*Развильдяем* человека звали какого-нибудь непорядъшнъвъ. Што стоишь, *развильдяй*, неужели не можыш зделъть?» (Иванова: 434). В Словаре Н.В. Горяева *разгильдяй* рассматривается как результат контаминации *глазеть* и *галиться* (‘шалить, смеяться’, также *изгаляться* ‘показывать зубы, насмехаться’, ср. галити ‘радоваться, ликовать’ (Горяев 2: 293). А.Г. Преображенский полагает, что это — новообразование по типу *разгуляй, растрепай, разстегай* (Преобр. II: 175). М. Фасмер по сути повторяет определение Преображенского: «Образовано аналогично *разгуляй* «увеселительное место», *растрепай* ‘растрепа, оборванец’, т. е. от повел. формы. Возм., связано с *гиль* «путаница», … возм., «расшевели-ка» (Фасмер III: 433). О.Н. Трубачев, снабдивший этот словарь своими комментариями, учитывает здесь концепцию А.И. Попова, связывающего *разгильдяй* с татарским собст. именем *Уразгильды*, *Уразгильдей*, *Разгильдей*, *Разгильдяй* (Фасмер III: 433) (об этом будет сказано ниже). В словаре Г.Г. Мельниченко, объединяющем материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.), также представлена лексема *развильдяй*, наряду с *разгильдяй* (Мельниченко 2: 172). В «Словаре областного Вологодского наречия» слову *разгильдяй* дано следующее определение — ‘небрежный, неопрятный, также ленивый, непроворный человек’: *Ты что таким* ***разгильдяем*** *все ходишь сегодня*? (Обнорский) (Дилакторский: 428). В словаре В. Даля дано развернутое определение исследуемой лексемы: ‘мешок, неповоротливый’; ‘кто ходит вперевалку, качая руками и приседая’; ‘неряха, нечеса, растрепа, рохля, растегай, оборванец’; ‘беззаботный разиня или шатун’; приведены также глаголы *разгильдяйничать*, *разгильдяить* (Даль IV: 23). Сл. 1867 определяет лексему *разгильдяй* следующим образом: ‘тот, кто ходит неловко, нескладно, переваливаясь с боку на бок.’ Здесь также отмечен глагол *разгильдяить* ‘ходить неловко, переваливаясь с боку на бок’(Сл. 1867 IV: 23–24). Словарь Ушакова представляет следующее определение значения исследуемого слова: ‘беспорядочный, неаккуратный и нерадивый в делах человек, разиня’ (Ушаков III: 1139). См. также данные «Словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: ‘нерадивый, небрежный в делах, разболтанный человек’ (ТСРЯ[1] 665); в словаре под ред. Н.Ю. Шведовой обнаруживается точно такое же толкование: ‘нерадивый, небрежный в делах человек’ (ТСРЯ[2]

[3] *Микуцкий С.* 7-ой отчет кандидата Станислава Микуцкого // Известия ОРЯС. Т. V, вып. 5. СПб., 1855. Стлб. 331.

[4] *Якушкин Е.* Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1986. С. 31.

792). Аналогичную трактовку встречаем в Малом академическом словаре: ‘беспорядочный, небрежный, нерадивый в делах человек’ (МАС III: 598). Из словарей последнего времени можно привести дефиницию Т.Ф. Ефремовой: *Разгильдяй* — ‘беспорядочный, неаккуратный, нерадивый в делах человек’ (Ефремова 2: 430). «Словарь синонимов» демонстрирует широкую палитру значений к слову ***разгильдяй***: *бездельник*, *вертопрах*, *лежебок*, *лоботряс*, *лентяй*, *лодырь*, *обалдуй*, *оболтус*, *охламон*, *пофигист*, *раздолбай*, *растепа*, *ротозей*, *шалопай*, *шалопут* (ССинРЯ). Понятно, что в любых значениях *разгильдяй* выступает как слово с отрицательной коннотацией и имеет помету *просторечн*. Судя по диалектным материалам, *разгильдяй* редко фигурирует в диалектной речи. Так, в СРНГ зафиксированы такие лексемы, как *разгиндяй*, *разгиндяйничать*, *развильдяй*, *разгилье* ‘о человеке, не приспособленном к жизни’ (слабом, больном) и т. д. (СРНГ 33: 301–302). Мена *л* на *н* и *в* в этом случае требует, конечно, определенных разъяснений.

Появление «Русского этимологического словаря» А.Е. Аникина вносит некоторую определенность в отношении этимологии рассматриваемого слова. Ученый находит восемь омонимичных образований лексемы ***гиль***, из них три омонима имеют непосредственное отношение к нашей проблематике. Все они учитывались и ранее, но А.Е. Аникин предлагает их более точную этимологическую трактовку 1. ***гиль*** (в словаре Аникина — омоним V) — ‘слово, которым отгоняют гусей’. Здесь представлены украинские диалектные материалы: межд. *гилЯ* ‘слово, которым отгоняют гусей, уток, голубей’, то же польск. *hylhyl*. Предполагается изменение *гилЯ*<*гулЯ* далее (?) к *гуляти*, русск. *гулять*. 2. ***гиль*** м. и ж. р. (в словаре — омоним VI) — ‘вздор, чепуха, нелепость’: *нести гиль* ‘говорить вздор’, *гиль гнать* ‘делать неприятности’; *гиль молоть*, *гиль несть* (Аникин 10: 222–223). А. Аникин приводит и др. этимологии, полезные и в нашем случае. 3. ***гиль*** м. р. (в словаре — омоним VII) — ‘смута, мятеж, самоуправство’: *собраться гилемъ* ‘мятежной толпой’. Ученый возводит *гиль* к *гуляти*, опираясь на материалы ЭССЯ ‘предаваться разгулу’ (ЭССЯ 7: 172; Аникин 10: 222–223), и полагает, что исходное значение сущ. ***гиль*** — ‘буйная толпа’, в рус. яз. ‘толпа, скопище народа’, костр. (СРНГ 6: 171).

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что значение слова ***разгильдяй*** характеризуется динамичностью, претерпевая определенные изменения — от оценки физических и психических особенностей человека до других характеристик, связанных с отношением человека к жизненным ситуациям и к своим обязанностям, хотя первоначальная семантика продолжает иметь место (‘неловкая походка’; ‘несобранность, рассеянность’ и т. п.). Как будет показано ниже, в текстах превалирует не буквальное, а оценочное значение.

О такой семантической эволюции свидетельствуют примеры из художественной литературы и других материалов, представленных в Картотеке СРЯ XVIII и в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ).

Картотека «Словаря русского языка XVIII века»[5]

Отметим, что материалов по функционированию исследуемой лексемы не так уж и много. Приведем этот материал почти исчерпывающе, при этом интересующее нас слово зафиксировано, в основном, в переносном, оценочном значении: *Не досадно ли вам будет едакого видѣть человѣка наслѣдником столь многочисленного имѣния? Изрядную сдѣлает честь вашему дому едакой ротозей, пототуй, пустоголовый, коего не принудишь говорить не растолкав, и при всем том не вытянешь больше четырех слов; и на конец такой* ***разгильдяй****, котораго бы батюшка ваш не предпочел вам никогда, если бы не принудило его к тому ваше непокорство.* Ппв Немой 21 (1766)[6]. *Семья слово не знатное, а фамилия слово благородное, так надобно его непремѣнно оставлять для таких знатных господъ, каков есть мой благоизбранный* ***разгильдяй****.* Члкв Пересм. I 15 (1766). *Въ разсуждении таковых охуждений не совсѣм нужно остроумие. Жениху по виду его дайте хотя и справедливое, однакож обидное и смѣшное прозвище, как на примѣр: гайдук, кирик,* ***разгилдяй****, розиня, фефюла, простофиля и набитая чучела*. Н. Стрхв Кн. карм. II 60 (1791).

Зафиксирован также глагол ***разгильдяить***: *Не надобно слишком спѣшить учить дѣтей ходить; надобно обождать, чтоб мѣста около крестца, лядвѣйки и бедреца, долженствующия поднимать всю тяжесть тѣла, утвердилась таким образом, чтоб безопасно могли двигаться, а не* ***разгильдяить****, как говорятъ по просту.* Дом. леч. I 110 (1790). В приведенном отрывке просматривается прямое значение глагола — ‘ходить, двигаться неловко, неуклюже’. С таким значением выступает отглагольное существительное ***разгильдяйство*** в следующем примере: *Надобно имѣть прямую голову, и крѣпко быть подпоясану; чрез сие средство тѣло будеть содержаться в выгодном положении и избѣгнет всякаго* ***разгильдяйства***. Танц. сл. 286 (1790). И, что особенно важно, есть пример с лексемой ***разгильдяй*** со значением, инициированным ***разгильдяить***: *Еней, сказала, хоть Детина, И брат тебѣ по мнѣ хоть он; Но туп, как сущая дубина, И* ***разгильдяй*** *как самой слон.* Оспв Енеида I 41 (1791). Здесь имется ввиду, по всей вероятности, неловкость, неуклюжесть, размашистость шагов, мешающая окружающим.

Национальный корпус русского языка

Здесь представлены следующие примеры:

А.С. Пушкин: *Они ворчат*: «*Уймется ль негодяй*, *Что за повеса*! *экой* ***разгильдяй***?». Домик в Коломне (1830).

И.И. Лажечников: *Это не тот ротозей, который считал на небе звезды, толкнувшись с кабинет-министром на лестнице Летнего дворца; не тот умышленный* ***разгильдяй****, приходивший благодарить своего патрона за высокие*

---

[5] Материалы Картотеки были любезно предоставлены сотрудниками группы «Словаря русского языка XVIII века» Института лингвистических исследваний РАН (г. Санкт-Петербург).

[6] Шифры источников даются в соответствии с принятыми в СРЯ XVIII.

к нему милости; это, правда, Эйхлер ... но Эйхлер обновившийся. Ледяной дом (1835).

В.А. Вонлярлярский: *Странным показалось костюковскому помещику, что на молодом человеке этом не было ни запонок, ни булавок, ни даже пестрого платка, а просто что-то черное; нижнее платье его не притянуто даже было книзу двумя глянцевитыми штрипками, а вместо шарфа был небольшой черный платок, повязанный весьма небрежно. «**Разгильдяй**!» подумал штабротмистр, отвернувшись от помешавшего ему гостя.* Большая барыня (1852).

А.П. Чехов: *Их чуть свет плотники поднимут … Какой же ты **разгильдяй**, Коля*! Безотцовщина (1878–1881).

Н.С. Лесков: *Я чувствовал себя сконфуженным не столько перед Вами, как перед графиней Софьей Андреевной, Татьяной Львовной и Марией Львовной, которые могли подумать: «Что за **разгильдяй** такой!»* Письма Л.Н. Толстому (1887–1894).

А.Е. Зорин: *Толстый, обрюзглый, неповоротливый, не дурак выпить в компании, охотник поесть до отвалу да спать до обалдения, немного **разгильдяй**, — он вдруг при сознании опасности обратился в грозного воеводу, готового жизнь положить ради исполнения своего долга.* Кровавый пир (1901).

В. Дудинцев: *Она начала срочно шить для Нади из синего кашемира специальную свободную одежду, которой Дроздов каждый день давал новое название — то размахай, то **разгильдяй** — как придется*. Не хлебом единым (1956).

В. Курочкин: *Сергачев не то с удивлением, не то с презрением посмотрел на Малешкина. — Шапку поправь, **разгильдяй***. На войне как на войне (1965). *Зачем потащился на кухню, а? Встать, **разгильдяй**, когда с тобой разговаривают!* На войне как на войне (1965).

Ю. Бондарев: *Очень правильно, товарищ лейтенант, что звания ему не присвоили. **Разгильдяй**! Не обтесался.* Горячий снег (1969).

В. Войнович: *Да он, товарищ лейтенант, **разгильдяй**, — охотно объяснил старшина.* Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975).

Как видно из приведенных материалов, исследуемое слово в современном языке выступает в характеризующе-качественном, оценочном значении. Ср. также пример из «Зарева» Б. Пастернака: *Ай время*! *Ай да мы*! *Подите-ка*, *считали*: *рохли*, ***разгильдяи***. *Да это ж сон*, *а не политика*! *Вот вам и рохли. Поздравляю*. Нетипичное значение слова ***разгильдяй*** отмечается у В. Дудинцева (как отличительный признак «свободной» одежды; использовано скорее как метафора).

Примеры из устного подкорпуса НКРЯ:

1. *Я себе теперь тож **разгильдяем** чувстую.*

Да ладно тебе! (Разговор бывших одноклассников при встрече, 2007).

2. *А то вокруг всё **разгильдяи** да обормоты* (Е. Райская. Супертеща для неудачника, к/ф. 2003).

3. *Смотрите, у нас есть две точки зрения / Машина / которая утверждает / что это злонамеренный поступок / и Виктор / который предполагает / что просто* ***разгильдяи.***

Там приезжают ***разгильдяи*** *к* ***разгильдяям****? Скажите мне / пожалуйста / а насколько с вашей точки зрения современная цивилизация застрахована от такого рода ситуаций?* (Беседа с социологом на общественно-политические темы, 2003).

4. *И двух человек я пригласил на сбор / нигерийцев / так Эгуавон с ними даже не здоровался. Потому что* ***разгильдяи*** *такие*. (Беседа с тренером А. Тархановым, 2001).

5. *На мой взгляд / это повесть о том / как один* ***разгильдяй*** */ без стержня и опоры / не никудышний / но и ничем не примечательный / определяет в итоге / в ходе пережитых коллизий свою жизненную позицию* (Заседание семинара Б. Стругацкого, 1989).

6. *Где ты болтаешься? В строй!* ***Разгильдяй****!* (С. Дружинина и др. Гардемарины, вперед!, к/ф, 1987).

7. *Ты слышишь меня / он мне всю горючку разлил!* ***Разгильдяй****!* ***Разгильдяй****!* (А. Герман, Э. Володарский. Мой друг Иван Лапшин, к/ф, 1984).

8. *Потому что вы / Полищук / не солдат / а* ***разгильдяй*** (А. Герман, К. Симонов. Двадцать дней без войны, к/ф, 1976) и др.

Происхождение

Прежде чем приступить к выяснению происхождения лексемы *разгильдяй*, сосредоточимся на одном важном постулате, на который было обращено внимание Ж.Ж. Варбот — о строгом отличии диахронического словообразовательного анализа от синхронного и об их частичном несовпадении. Первый — диахронический анализ — основан на восстановлении исторической последовательности соединения морфем и их фонетического облика периода присоединения каждой из них к производящей основе, второй — синхронный анализ — устанавливает возможности морфологического членения слова относительно синхронного разреза языка[7]. В нашем случае (как, допустим,в новейшем морфемном словаре В. Лопатина и И. Улуханова) ***разгильдяй*** рассматривается как мотивированное глаголом образование (подобное *развихляй* от *развихляться*, *растрепай* от *растрепаться*, *разгильдяй* от *разгильдяйничать*) (ССРЯ 2016: 250). Иное дело — в диахронии, о чем и пойдет речь ниже.

Существует две наиболее значимых теории возникновения этого слова: первая возводит лексему *разгильдяй* к диалектному *гиль* ‘нелепость, вздор’ и ‘смута, мятеж, скопище’, вторая, как уже об этом упоминалось выше, к татарскому имени собственному *Уразгильды*, *Разгильдей*, *-дяй*.

Обратимся сначала к «отечественной» истории исследуемой лексемы. Происхождение слова *гиль* до сего времени остается неясным. *Гиль* фигурирует уже в словарях XVIII–XIX вв., выступая в таких значениях, как ‘вздор, пу-

[7]*Варбот Ж.Ж.* О словообразовательном анализе в диахронических исследованиях // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963. С. 194–212.

стошь, чепуха, нелепица' (САР[1] II: 40; Шимкевич: 42), 'вздор, чепуха' (СРЯ XVIII 5: 113). В СРНГ представлены две трактовки этого слова: 1. *гиль* — междометие, принадлежащее ономатопеической лексике — слово, которым отгоняли гусей: *гиль-гиль.* Южн., Ворон.; 2. *гиль>гильгнать* — 'постоянно сердясь, делать кому-л. неприятности': *«Ен гиль гоне на мене!» — жалуется невестка на свекра.* Белг., Курск. 1926 (СРНГ 4: 171). В. Даль выделяет *гилъ* (с твердой основой) 'смешник, балагур, шутник' и *гиль* 'смута, мятеж, скопище'. (Даль I: 863). Картотека и СлРЯ XI–XVII показывают, однако, что в значении 'смута, мятеж; буйство, самоуправство' употребляются оба варианта слова: *А которые мужики воры, и те приходили на отца моего* ***гилемъ***; *… и меня тутъ в соборной церкви* ***гилемъ*** *мало не убили*; *… и отъ того, государь, ихъ неправедного сыска учинился мятежъ и* ***гилъ*** *великой во всемъ монастырѣ* Суб. мат. 1663 г. *Крики и шумы и* ***гили*** *частые; и я, холопъ твой, за то имъ учинилъ наказание ... чтобъ и впредь бунта и* ***гиля*** *не заводили.* Пам. старообр. 1669 г. В БАС[1] для слова ***гиль*** с пометой *устареви*. приводится значение 'вздор, чепуха, нелепость', ср., например: *Все то, о чем я думал, была ужаснейшая* ***гиль***. Толстой, Отрочество. *Да, водевиль есть вещь, а прочее все* ***гиль***. Грибоедов. Горе от ума. *Я ужасно сердит теперь и оттого написал такую* ***гиль****, а ты будешь хохотать над тем, что я бешусь*. Герцен. Письмо Кетчеру. (БАС[1] 4: 20)[8].

Материалы исторических и диалектных словарей свидетельствуют о том, что слова с корнем ***гил'-*** составляют довольно большое словообразовательное гнездо. Так, в СлРЯ XI–XVII наряду с ***гиль*** 'смута, мятеж, буйство, самоуправство', представлены: ***гилевати*** 'буянить, бесчинствовать'; ***гилеванье*** 'действие по глаголу гилевати'; ***гилевство*** 'то же, что ***гиль'***; ***гилевщикъ*** 'буян, смутьян'; ***гилянство*** 'буйство, самоуправство' (СлРЯ XI–XVII 4: 20–21). В словаре В. Даля и СРНГ отмечены такие лексемы, как ***гилькать*** 'кричать' (СРНГ IV: 350), ***гилить*** 'смешить, проказить, балагурить, острить' (Даль I: 411), ***изгиляться*** 'насмехаться, трунить, зубоскалить, глумиться, поднимать на смех, корчить, представлять либо передразнивать кого-л., ломаться, коверкаться, дурачиться'; ***изгиляй*** 'шатун, лентяй, повеса'(Даль II: 17–18). Можно также вспомнить сочинение Е. Георгиевской-Дружининой «***Гиль*** на Москве», где речь идет о соляных и медных мятежах в России XVII в. Поэтому предположение о происхождении исследуемого образования при столь широкой палитре единиц одного словообразовательного гнезда не кажется абсурдным.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой ***разгильдяй*** в диахронии представляет собой преффиксально-суффиксальное образование (приставка ***раз-***, +***д***' + суффикс-***ай*** (орфографически -***яй***). В работах, посвященных словообразовательной структуре исследуемого слова, принимается во внимание такой способ образования сущ. *разгильдяй*, но никак не объясняется пресловутое *д*' в его составе (иногда даже выделяют здесь суффикс -*дяй*, которого нет в рус-

[8]В «Словаре украинского языка» зафиксирован глагол *гилькотіти* (О гусях: *кричать. Гилькотять* гуси. Харьк. губ.). Отмечена также составная лексема *гиль-гуси* в значении 'околесица, чушь': Прийшов отой брехун, як заніс *гиль- гуси*. Лебед. уезд. (СлУМ 1: 349). Электронная версия словаря: О. Омелець slovnik.hrinchenko@gmail.ru

ском языке). Еще в далекие годы, занимаясь из простого любопытства этой лексемой, я пришла к выводу, что *д*’ является ни чем иным, как вставным (аналогическим, эпентетическим формантом по аналогии с *лентяй*, *слюнтяй* и под.). Я предположила, что словообразовательная структура *разгильдяя* выглядит таким образом. Впоследствии я узнала о том, что аналогичная трактовка есть у О.Н. Трубачева. В письме ученого к Евгению Степановичу Отину (от 27.12.1966 г., изданном в 2014 г.) читаем: «Дорогой Женя! ... Я даже подумывал насчет возможности объяснить разгильдяй скорее как исконное, но экспрессивное образование от основы гиль с неким эпентетическим д’: *разгиляй>разгильдяй, ср. аналогичное д’ в прохиндей — *про-хин-ей (как мне кажется) или т’ в лентяй и под. Но это — между прочим»[9]. Со своей стороны скажу, что если есть префиксально-суффиксальное ***изгиляй***, почему не быть и слову ***разгиляй***? Предположения О.Н. Трубачева переросли в уверенность, и в дальнейшем рассмотрение слова ***разгильдяй*** как префиксально-суффиксального образования со вставным *д*’ было представлено, как мне казалось, в одной из заметок в сборнике «Этимология». Но эту заметку я, проштудировав всю библиографию трудов О.Н. Трубачева, так и не нашла. Возможно, что этот сюжет так и остался только в письме к другу. Однако в комментариях к статье *разгильдяй* в словаре М. Фасмера (который он перевел и дополнил) О.Н. Трубачев приводит мнение А.И. Попова, согласно которому, это слово обязано своим возникновением татарскому имени собственному *Уразгильдей*, *--яй*, а также *Разгильдей*, *-яй*. О.Н. Трубачев пишет следующее, при этом ничего не утверждая: «Иначе объясняет это слово Попов»[10]. И добавляет в письме к Е.С. Отину: «Конечно, тюркская этимология выглядит весьма серьезно в общем». В поддержку концепции А.И. Попова была опубликована статья адресата О.Н. Трубачева — Е.С. Отина. Автор указывает на то, что «в русском языке имеется небольшая группа нарицательных имен с пейоративным значением, истоки которых уходят в антропонимию, ср. пентюх (<Пантелей), олух (<Олуферий), фефела (Феофила) и др. Замечу, кстати, что Б.М. Ляпунов полагал исходным для слова *олух* — Елевферий, для *пентюх* — Пантелеймон. Далее Е.С. Отин пишет, цитируя в своем пассаже В.В. Виноградова: «Их отрицательная эмоциональная окраска определилась как “созвучием морфологического состава имени с живыми формами и элементами данной языковой системы”», так и «“фонетическим строем имени, экспрессивно-смысловыми потенциями, заложенными в звуковом облике слова”». И далее: «Есть основания полагать, что именно такой путь развития прошло и слово *разгильдяй* — образование со скрытой … антропонимической базой»[11]. Е.С. Отин полагает, что тюркское собственное имя в русском языке «подверглось двустороннему аналогическому выравниванию. Образцом для лексической аналогии послужили слова с при-

---

[9] Из архивов. Письма 1952–1999 гг. О.Н. Трубачева Е.С. Отину // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 15. Донецк, 2014. С. 299.

[10] *Попов А.И.* Олух, пентюх, разгильдяй // Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957. С. 35.

[11] *Отин Е.С.* К этимологии слова *разгильдяй* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII, М., 1972. С. 166–168.

ставкой *раз-*, имеющей экспрессивно-усилительное значение, и существительные с суффиксом *-яй*, служащие названиями лиц, “вызывающих презрение, пренебрежение”) *негодяй*, *скупердяй*, *кисляй*, *вихляй*, *слюняй* и т. д.»[12]. Автор, к сожалению, не обратил внимание на то, как хронологически соотносятся эти имена. Если они есть в диалектном языке, то это вовсе не означает, что они функционировали в языке XVII в. Так, *скупердяй* впервые зафиксировано в Сл. 1847, т. е. могло быть не образцом, а продолжением развития деривационно однородных лексем (кстати, *вихляй, глупендяй*, *разгильзяй* (так!), отмечено в «Полном французском и российском лексиконе» 1798 г. (см.: СРЯ XVIII 3: 178; 5: 133); *гультяй*, *гуляй*, *лентяй*, *летяй*, *негодяй* в СлРЯ XI–XVII (СлРЯ XI–XVII 4: 156; 8: 206, 222; 11: 68). Стоит заметить, что *Уразгильды* с татарского переводится на русский язык как «счастье пришло»! С такой семантикой стать русским *разгильдяй* — сомнительно!

Сторонники тюркского происхождения слова *разгильдяй* ссылаются на имя и фамилию *Разгильдей*, *Разгильдеев*, встречающиеся в некоторых деловых текстах[13]. Есть еще примеры фиксации имен и фамилий такого типа, но их немного. Мне представляется это явлением того же порядка, как *Иванов* — от *Иван*, *Петров* — от *Петр*, *Разгильдеев* — от *Разгильдей* и т. п. Кстати, в СРНГ отмечены лексемы *разгильдеевец*, *разгильдеевщина* — по фамилии помощника инженера *Разгильдеева*, хозяйничавшего на Карийском золотом прииске в сер. XIX в., и отличавшегося особой жестокостью по отношению к рабочим прииска (СРНГ 33: 301).

По поводу перехода имен собственных в нарицательные с отрицательной коннотацией высказался В.В. Виноградов, который, как известно, много уделял внимания истории слов. Кстати, В.В. Виноградов так и не принял окончательно версии отантропологического происхождения слова ***олух***. В работе об этом слове ученый отмечал: «История собственного имени и процессы превращения его в нарицательное с определенным значением и яркой экспрессивной окраской очень сложны. Само формирование нового значения в собственном имени должно быть социально-исторически мотивировано. … Самый тот факт, что, например, в народной русской речи “собственные имена очень близки по своей

---

[12] *Отин Е.С.* К этимологии слова *разгильдяй.* С. 168.

[13] Один из авторов приводит упоминание о некоем *Разгильдееве* в Коломне (1577 г.), о енисейском казаке *Разгильдееве* (1677 г.), в архиве Мордовского научно-исслед. института значится темниковский татарин Бегит Розгильдеев. Из среды татар-мишарей, вышедших на русскую службу в XVI в., свидетельствует грамота, подписанная князьями Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским, о пожаловании в князья *мурзу Баюша Разгильдеева* в 1612 г. за героизм, проявленный при сражении сногайскими татарами, пытавшимися осадить и захватить арзамасские и алатырскае места. Впоследствии (в 1618 г.) ему и его соратнику мурзе Ямашу Менгушеву, была выдана жалованная грамота, подписанная царем Михаилом Федоровичем (См.: Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868. С. 259–260).

Обращает на себя внимание этимология фамилии и имени *Разгильдеев*, *Разгильдей*, *Баюш*, данная Н.А. Баскаковым: *Разгильдеев* от *Ораз — Уразгелди* ‘счастье пришло’, *Баюш* ‘богатство’. См.: *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 252–253.

функции к нарицательным (ср. употребление личных имен в народных загадках и старинный народный календарь, не знавший ни чисел, ни месяцев, а только святцы), нуждается в историческом объяснении”» (В.В. Виноградов ссылается на исследование Д.К. Зеленина «О личных именах собственных в функции нарицательных в русском языке»)[14].

Обращаем внимание на то, что слова В.В. Виноградова относительно истории слова ***олух*** как заимствования из чагатайского (староузбекского) *алук* ‘растерянность, одурение’, по предположению Ф.Е. Корша («эта тюркологическая этимология, как нам кажется, весьма произвольна и не имеет никакой исторической достоверности»[15]), могут быть в значительной мере отнесены и к предмету предложенного нами исследования.

Итак, префиксально-суффиксальное образование с приставкой *раз-*, суффиксом *-ай* (орфографически ***-яй***) и со вставным *д’* — *разгильдяй* является «продуктом» русской словообразовательной системы. Его функционирование связано, если использовать замечание В.В. Виноградова, с «фамильярно-бытовым стилем» разговорной речи. Выше уже было приведено в подтверждение этого тезиса значительное количество примеров из материалов Национального корпуса русского языка из художественной литературы и устной речи.

В рамках деривационного подхода наличествует и иная точка зрения — об отглагольной производности слова *разгильдяй* (от глагола *разгильдяить*). Возможность такой интерпретации по примеру сходных образований предложена М. Фасмером и просматривается также в доводах других, в том числе и современных исследователей (хотя этим вопросом по большому счету в настоящее время почти никто не занимается). Однако мы придерживаемся той точки зрения, что более предпочтительной является приведенная выше интерпретация лексемы *разгильдяй* как отсубстантивной формы со сложной структурой. Аргументы в пользу этого утверждения приведены. Отметим еще раз важность рассуждений Ж.Ж. Варбот о разнице в подходах к диахроническому и синхронному словообразованию, примененной к истории исследуемого нами слова. Если в диахронии это отсубстантивное образование от непроизводной основы *гиль* с приставкой *раз-* (выражающей в данном случае высшую степень следующего за ней значения мотивирующего слова) в совокупности с эпинтетическим *д’* и суффиксом *-ай*/*-яй* и с соответствующей своим образцам отрицательной коннотацией, то с точки зрения синхронной деривации *разгильдяй* предстает как вторичное отглагольное образование (от глагола *разгильдяить*).

Как нам представляется, если есть возможность соотнести то или иное слово русского языка с русским же словом или же словом одного или нескольких славянских языков как возможным его источником, может быть, не стоит это слово считать заимствованием или результатом переосмысления слова другого языка, в том числе и неродственного.

---

[14] *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999. С. 951.
[15] *Виноградов В.В.* История слов. С. 950.

Некоторые выводы

Таким образом, лексема ***разгильдяй*** представляет собой производное от лексемы *гиль* '*вздор*, *чепуха, нелепость*', впервые зафиксированное в материалах XVII в. с приставкой *раз-*, эпентетическим *-д*' и суффиксом *-ай*/*-яй*. Эту точку зрения на генезис рассматриваемого слова подтверждает и наш анализ материала, и предположения О.Н. Трубачева, высказанные им в частной переписке (с которыми нельзя не согласиться). Движение от субстантива к субстантиву (*гиль→разгильдяй*), а не от субстантива к глаголу, а потом опять к субстантиву (*гиль→разгильдяить→разгильдяй* — если даже предположить, что перед нами переосмысленная форма повелительного наклонения) в данном случае очевидна: здесь можно сослаться на прагматику языка (не в принятом в настоящее время сложном определении семантики этого слова и наличии соответствующих сложных дефиниций, а как элементарное деривационное правило — использование меньшего количества *шагов* (или *степеней*) при образовании производной лексемы)[16]. Таким образом, в свете сказанного выше, весь комплекс вопросов, связанных со словом *разгильдяй*, предстает если и не как вполне решенная проблема, то, по крайней мере, как один из путей ее решения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЛОВАРИ

Аникин — *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–12. М., 2007–2018 (издание продолжается).

БАС[1] — Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.–Л., 1948–1965.

Ефремова — *ЕфремоваТ.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 тт. М., 2000.

Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. М., 1955.

Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подг. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2006.

Иванова — *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Крылов — *Крылов П.А.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 2005.

КСлРЯ XI–XVII — Картотека «Словаря русского языка XI–XVII веков» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва).

---

[16] Понятие *шага (степени)* успешно используется при анализе структуры словообразовательных гнезд. Еще И. Калайдович писал: «Надлежит строго соблюдать последовательный порядок произведения слов. Для сего, во-первых, нужно помнить, что как от коренного слова происходят производные, так и сии в свою очередь, делаются корнями для других производных … Назовем сии поколения слов степенями и увидим, что производное первой степени будет корнем для производных второй степени … Так найден прекрасный способ размещения слов в многоступенчатых (многозвеньевых) цепочках в сложных по составу гнездах, который можно использовать и при составлении современных гнездовых словарей». И еще: «(следует. — *С.И.*) коренными словами принимать те, которые означают первые идеи, к какой бы части речи они не принадлежали; если же нельзя решительно сказать, какое из двух слов могло родиться раньше другого: то принимать за производное то, которое составлено из большего числа слогов». См.: *Калайдович И.Ф.* Опыт правил для составлении русского производного словаря, с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом // Сочинения в прозе и стихах / Труды Общества любителей русской словесности при Имп. Московском ун-те. Кн. 1. Ч. 5. М., 1824. С. 346.

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
БТС — *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
МАС — Словарь русского языка: в 4 тт. М., 1999.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка:www.ruscorpora.ru
Нрд. — *Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами, Словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом: в 2 тт. СПб., 1780–1782.
Преобр. — *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 3 тт. М., 1910–1914.
САР[1] — Словарь Академии Российской: в 6 тт. СПб., 1789–1794.
СлРЯXI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2005 (издание продолжается).
СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Спб., 1984–2019 (издание продолжается).
ССинРЯ — Словарь синонимов русского языка. Электронный ресурс https: // gufo.me.
ССРЯ — Словарь словообразовательных аффиксов русского языка / В.В. Лопатин, И.С. Улуханов . М., 2016.
Ушаков — *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 тт. М., 1935–1940. (Электронная версия: Фундаментальная электронная библиотека).
Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. М., 1986–1987.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Т. 1–41. М., 1974–2018.
Якушкин — *Якушкин Е.* Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1986.

И.А. Малышева

ГЛАГОЛЫ С *ПРЕ*- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА: ЗНАЧЕНИЕ УСИЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ[1]

Активность глаголов с *пре*- в русском языке XVIII века обусловлена многими причинами. Первой, несомненно, является взаимодействие русской и славянской языковых стихий, обусловленное социальными, религиозными, культурно-историческими и другими факторами, определявшими функционирование русского языка в данный период. Продуктивность данной модели способствовала появлению новых глаголов с *пре*-, непосредственно не связанных с церковнославянской традицией.

Глаголы с *пре*- широко представлены в текстах XI–XVII вв. По мнению И.С. Улуханова, значительное число глаголов с приставкой *пре*- было характерно для переводных текстов раннего времени, являясь «лишь показателем продуктивности определенных словообразовательных моделей в церковнославянском языке»[2], кроме того, многие из них «следует рассматривать как окказионализмы, не вошедшие в состав узуальной лексики ни церковнославянского, ни древнерусского языков»[3]. Сопоставляя язык переводов с греческими оригиналами, автор подчеркивает, что появление окказиональных приставочных глаголов может быть в одних случаях мотивировано необходимостью передать греческие риторические фигуры, в других — структуру греческого слова[4].

Немалую часть в группе глаголов с *пре*- составляют образования, обозначающие усиление действия. В отличие от глаголов с другими значениями (‘пересечь пространство’, ‘переместить объект’ ‘повторно совершить действие’ и др. — *пребежать, прелетѣть, прешагнуть; превести, преложити, преселити; превесити, предвинути* и под.) они в абсолютном своем большинстве не имеют соотносительных пар с *пере*-.

---

[1] Статья написана в рамках проекта «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *пре*- и *пред*-)», выполняемого при поддержке гранта РФФИ (проект № 18–012–00522).

[2] *Улуханов И.С.* Славянизмы в русском языке. Глаголы с неполногласными приставками. М., 2010. С. 46.

[3] Там же. С. 46.

[4] Там же. С. 54, 58.

Употребление глаголов в усилительном значении отмечается в письменных памятниках с раннего времени. В текстах XI–XIV вв. в числе других представлены, например, такие глаголы, как *преблаговолити, преблагодарити, превъзмутити, прегърдитися, преизлиховати, премудровати, премудрьствовати, препрославити, прерадовати, претрудити, преудивитися* и под.[5], в значении которых проявляется признак усиления, интенсивности действия. И.С. Улуханов, подробно исследовавший глаголы с *пре-* в русском языке XI–XVII вв., пишет о том, что глаголам с усилительным значением, чаще окказиональным (*премолихся, препомышляше, прехранимся* и др.), в греческих текстах соответствуют глаголы с приставками ὑπερ-, περι-, которые «чаще всего имеют усилительное значение … Одно из значений приставки περι- ‘сверх, через, совершенно, весьма’»[6].

Значительное количество подобных образований показывают исторические словари русского языка. Так, в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (далее — СДРЯ) и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (далее — СлРЯ XI–XVII) среди большого количества глаголов с *пре-* немало глаголов в усилительном значении: *пребогатити* ‘чрезвычайно обогатить, кого-л.’ (СДРЯ VIII: 20)[7], *превеличати* ‘преумножать’ (СДРЯ VIII: 32), *превъзнашати* ‘превозносить, восхвалять’ (СДРЯ VIII: 43, 44–45), *преочистити* ‘сделать совершенно чистым, свободным от чего-л. порочного’ (СДРЯ VIII: 246), *препочитати* ‘глубоко чтить, почитать’ (СДРЯ VIII: 260), *преспѣяти* ‘превосходить’ (СДРЯ VIII: 283), *пресыщатися* ‘пресыщаться, насыщаться сверх меры’ (СДРЯ VIII: 304) и др.; *преблагоизъясняти* ‘очень хорошо разъяснять, объяснять’ (СлРЯ XI–XVII 18: 144), *предивитися* ‘чрезвычайно удивлять, восхищаться, изумляться’ (СлРЯ XI–XVII 18: 189), *преизлишествовати* ‘изобиловать, быть в избытке’ (СлРЯ XI–XVII 18: 236), *преимуществовати*‘ иметь преимущество, превосходство над кем-л.’ (СлРЯ XI–XVII 18: 239), *преобогатити* ‘обогатить многим’ (СлРЯ XI–XVII 19: 11), *преплодити* ‘умножить, распространить’ (СлРЯ XI–XVII 19: 21), *преудивляти* ‘удивлять сверх меры, восхищать’ (СлРЯ XI–XVII 19: 73), *преумудритися* ‘стать в высшей степени мудрым’ (СлРЯ XI–XVII 19: 75), *преупестрити* ‘богато украсить’ (СлРЯ XI–XVII 19: 75), *прехваляти* ‘сильно хвалить, восхвалять’ (СлРЯ XI–XVII 19: 77), *прехотѣти* ‘сильно захотеть’ (СлРЯ XI–XVII 19: 81) и мн. др.[8]

---

[5] *Улуханов И.С.* Славянизмы в русском языке. С. 46–47.

[6] Там же. С. 53.

[7] Здесь и далее приводим примеры глаголов, в толковании которых подчеркивается усиление действия.

[8] Ср. в «Лексиконе» Ф. Поликарпова: *пребеззаконствую* (ЛП 32 (2 паг.)), *преблагодарен* (ЛП 33 (2 паг.)), *презябну, зело зябну* (ЛП 40 (2 паг.)), *преизрядствую, зри преизяществую* (ЛП 41 (2 паг.)), *преизлишествую, зри преизбыточествую* (ЛП 41 (2 паг.)), *преизобилую* (ЛП 41 (2 паг.)), *преиспещряю* (ЛП 41 (2 паг.)), *премогутствую, превелебствую* (ЛП 42 (2 паг.)), *преумоляю* (ЛП 46 (2 паг.)), *преустрашаюся* (ЛП 46 (2 паг.)), *преожесточаваюся* (ЛП 47 (2 паг.)) и др. В «Рукописном лексиконе первой половины XVIII века» (далее — РЛ) подобных глаголов немного: *преизбыточествовати, преизпесчренный, преимусчествовати, премудрити, преспевати, престарети, преустрашити* (РЛ 307, 310, 311) и др.

XVIII век наряду с глаголами, уже известными по более ранним текстам, предоставляет некоторое число новообразований. Например, в словарях и исследованиях более раннего языкового материала не отмечены такие глаголы, как *превозвысить, превозлюбиться, превосходствовати, превысить, пренадѣлять, пренаполнить, пренасытить, преогорчить/преогорчать, препобѣдить, препожаловать, пресытить/пресыщать, пресытиться* и др.: ***Превосходствовати*** *в краснорѣчии*. ВЛ 80. <Новгородская> *Губерния, вышеобъявленных ея дерзких на Святѣйший Синод нареканиях и укор, Синод* ***преобидѣла.*** ПСЗ X 74. *Чувствования царей, как бы они велики ни были, .. сочинитель никогда не* ***превысит*** *мѣры по великости особы им изображаемой.* Зрит. III 38. *Сей послѣдний ему представил всегдашнее обыкновение Народа Римскаго,* ***пренадѣлять*** *честьми и благодѣяниями Царей, ищущих с ним дружества*. Римск. ист. VII 123.

В материалах Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» (далее— КС XVIII) выявлено более 100 глаголов, в семантике которых можно установить усиление, интенсивность, чрезмерную степень действия.

Абсолютное большинство образовано от соотносительных однокоренных глаголов: *пребеззаконствовать < беззаконствовати, превозлюбить < возлюбить, превозмутить < возмутить, превредити < вредити, презябнуть < зябнуть, преизбыточествовать < избыточествовать, преизмождать < измождать, преизнуриться < изнуриться, преизобиловать < изобиловать, пренизвергать < низвергать, преободрять < ободрять, преповредиться< повредиться, препогибнуть < погибнуть, препоощрять < поощрять, препостыдить < постыдить, препосрамлять < посрамлять, преудивить < удивить, преудобрить < удобрить, преукорить < укорить* и др. Но, как отмечает И.С. Улуханов, «влияние соотносительных русских слов следует предполагать далеко не для всех русских новообразований, включающих старославянскую морфему. Значительная часть новообразований возникала по книжным словообразовательным моделям и выполняла вполне определенные стилистические функции: создавались образования усложненной структуры, украшавшие речь, — явление, родственное обильному созданию сложных слов. Как и во многих глаголах-кальках, приставка *пре-* в таких глаголах выражала чаще всего усиление или повторение действия»[9]. Это справедливо, поскольку не для всех глаголов с *пре-* в интересующем нас значении находится соответствующая безпрефиксальная пара.

Обращает на себя внимание тот факт, что глаголы с *пре-* в усилительном значении нередко полипрефиксальны, образуются от приставочных глаголов, и таким образом наложение префиксов (*преис-*, *прена-*, *прео-*, *препо-, препро-*, *преу-*) в большей степени усиливает значение, выражаемое мотивирующим глаголом: *преиспещрить, преисполнить, пренаделить, пренаполнить, преобрадоваться, преотяготить, препогрузить, препохваляться, препрославить, преукрасить, преустрашиться, преутаить* и под.[10]

---

[9]*Улуханов И.С.* Славянизмы в русском языке. С. 61.

[10]Ср., например, прилагательные: наряду с формами *преблагополучнейший, пребыстрейший, преизящный, прелюбезный, премерзкий, пресладчайший, пресправедливейший, пре-*

Словари XVIII века фиксируют ряд глаголов в усилительном значении, но это преимущественно слова, употребляемые в библейских и евангельских текстах: *превозрастаю, превредити, прегрѣшаю, преизбываю, преизбыточествую, преизливаюсь, преогорчить, препочивати, преукрасить, преукраситься* и др. (САР[1]), *преизбывать, преизливатися, преимѣти, преобиждати/преобидѣти, преогорчаться, преспѣвать, преукрашать, преуспѣвать, преуточнѣваться, преумудрятися* (САР[2]). САР[1] и САР[2] сопровождают их пометой *Сл.* и иллюстрируют цитатами из Библии. Реже они встречаются в иноязычно-русских словарях: *превосходствовати, преизбранный* (ВЛ), *презябнуть, преизбранный* (Л. 1762), *преизобиловать (*ФРЛ[1]), *преогорчиться* (Ад.).

Эти глаголы могут подтверждаться и употреблением в текстах: *Для того, что и Шведы в войнѣ искусны, и помогали им другие государи, ... к тому ж* ***превреждало*** *море, за которым болшая часть Шведской земли*. Унк. 58. *Внемли послѣдний глас: я естьли* ***прегрѣшил****, Закон я твой* <бога> *искал, в душѣ тебя любил*. Рдщв СС I 198. <Французский король> *возвращающься ... из аглии, и ко стому дионисию идущь* ***презябе****, и во оную немощь впаде*. Бароний 1416. *Всѣ мы с сладостным и восхитительным чувствованием часто повторяем, ... что Россия* ***преизобыточествует*** *сокровищами Натуры*. Пнк. 1800 92. *В кряжах земли, гдѣ обыкновенной кремень или голыш* ***преизобилуют****, поля всегда поростают всякими быльями*. Ист. Бюф. I 248. *Для чего с Шведами продолжительна война была? Поражен отчаянием, уныл,* ***преогорчен,*** *рѣшился-Кадм удалиться во храм Фивов.* Хрс. Кадм *43.* <Новгородская> *Губерния, вышеобъявленных ея дерзких на Святѣйший Синод нареканиях и укор, Синод* ***преобидѣла***. ПСЗ X 74.

***

Важно подчеркнуть, что многие из отмеченных глаголов имеют единичное (авторское) употребление или представлены редкими примерами: *Ты славою щедрот твоих щастлив без мѣры,* ***Превзыщешь*** *скоро всѣ мирских блаженств примѣры.* МАН IX 684 (1749). *Мы дней за 5 имели зачать италианской язык учится у господина Сери, которой особливыми качествами, принадлежащими к сему характеру,* ***преудоблен***. Пут. Дем. 130 (1757). *Надлежит, чтоб Император* ***преизяществовал*** *в дѣтском почтении*. Акад. изв. 1779 II 95[11]. ***Преополчилися*** *безсмертные Герои На разорение обманчивыя Трои*. Хрс. Тв. III 142.

Мы уже говорили о заметной роли В. Тредиаковского в создании слов с *пре-, пред-*[12]. Не стали исключением и глаголы со значением усиления: из об-

---

страшнейший, претвердый, претягостный, преужаснейший, прехвальный, прехвальнейший, прещастливейший, преядовитый и мн. др. нередки такие, как *пренаивеличайший, пренаивысочайший, пренаиглубочайший, пренаижесточайшийи* др.; *наипревеличайший, наипревосходнейший, наипремудрейший, наипрехвальнейший* и др.

[11] Слово *преизяществовати* ‘иметь превосходство, преимущество’ дано в СлРЯ XI–XVII (СлРЯXI–XVII 18: 238), однако в КС XVIII зафиксирован только один пример.

[12] *Малышева И.А.* Префиксальные образования в русском языке XVIII века (прилагательные с *пред-*) // Славянская историческая лексикография и лексикология. Вып. 1. СПб., 2018. С. 61–62.

щего количества выявленных в текстах XVIII века подобных глаголов более 50 отмечены у В. Тредиаковского, из них 38 исключительно в его текстах, преимущественно переводных (бо́льшая часть примеров — из «Тилемахиды») — *предержавствовать, презащищать, преизмождать, преизнуриться, пренизвергать, преободрять, преповѣрить, препогибнуть, преподвигнуться, препоощрять, препоражать, препоспѣшать, препосрамлять, препостыдить, препохваляться, прераспещрять, пресодрогнуться, преудручать, преукорить, преумолять* и др.: *Аркисий описывет ему блаженство, каковым наслаждаются ... Царя, служивши ... богам, и промысливши счастие Народам, коими они* ***предержавствовали***. Трд. Тилем. II 109. *Паллада сердце, в юном Пелаcгѣ,* ***Презащищает*** *от-Стрѣл твоего любопальнаго Сына*. Трд. Тилем. I 152. *Видал он часто онаго* <Филоклия> *в Критѣ, ... Блѣдна в лицѣ, прискорбна, суха, всего истощавша: Ибо Природа гаряча в нем притом и-ретива, Онаго* ***преизмождала*** *всего трудом беспокойным*. Трд. Тилем. II 28. *Был я* ***препогружен*** *в горчайшу прискорбия бездну*. Трд. Тилем. I 33. *Геминий, присланный к Антонию от приятелей его из Рима,* ***препоруган*** *от Клеопатры*. Римск. ист. XVI 2. *Сей Горок, влекущ за-собой Других Неисчетность,* ***Препохваляется****, как Добродѣтель отмѣнная, всѣми*. Трд. Тилем. II 173. *Точно, топимый как-Мѣди Крушец в пещи* ***преразженной****, Так растопляема есть тѣм-огнем Душа их мстящим*. Трд. Тилем. II 106. *Уста Шипков багрянитѣе оных, Коими* ***прераспещряет*** *Заря Оризонт пред-развсвѣтом, Также увяли*. Трд. Тилем. II 144. *Брань, величайшее из-всѣх зол есть, которыми Боги* ***Преудручают****, по-силѣ Судеб своих, Человѣков*. Трд. Тилем. I 177. *Льстила его похвалами приятными нѣжно и-хитро; Пигмалион коль много любил ея, объявила; Тѣнию* ***преумоляла*** *сею, умилиться над-нею; Ей надежда един есть он и-спасение скоро*. Трд. Тилем. I 134. *Сии Народы, по-имени кои-суть Мантурианцы,* ***Преустрашились*** *узрѣвши Суда и-Оружие наше*. Трд. Тилем. I 167.

Единичность фиксации некоторых глаголов не всегда говорит об их окказиональности, принадлежности одному автору (тексту). Встречаются примеры единичного употребления глагола у одного автора, однако у другого обнаруживается соответствующее отглагольное существительное. Например, отмечен глагол *преотяготить* (в форме причастия): *Плод во чревѣ матернем не сосет ли пуповиною своего перваго питания из мѣста, пока сѣмя из своего маточнаго мѣшечка здѣсь только когда высохнет; а у животных быв* ***преотягощено*** *влагою, отдѣлится и выпадет.* Галле V 279 (перевод В. Левшина). У другого автора встречаем существительное *преотягощение*: *Хотя то был для них* <граждан> *великий прибавок к трудам; однако не жаловались они на* ***преотягощение,*** *бывши весьма чувствительны к чести.* Римск. ист. I 163 (перевод В. Тредиаковского). В переводе С.Е. Десницкого «Истолкования аглинских законов г. Блакстона» (1780–1781 гг.) отмечено слово *преоруженный* ‘сильно, мощно вооруженный’: *Однако есть еще другая ... отрасль власти Королевской, ... в которой не одно Короля наваждение, но* ***преоруженная*** *сила дѣйствует его воиска регулярно.* Блэкстон II 563. В текстах двух разных авторов (оба текста оригинальные) отмечено существительное *преоружение* ‘сильное, мощное вооружение’: *Россия ... загремѣла в предѣлы свѣта ... побѣдоносным ополче-*

нием на полях и страшными ***преоружениями*** *на водах*. Дсн. 1775 7. *Сему Герою, ... в прехождении чуждых предѣлов с храбрыми ратниками ... неприязненныя* ***преоружения*** *нигде нее воспящают*. Брян. 1799 3. Личные формы глаголов *преотяготить, преоружить* в текстах XVIII в. не встретились.

Глагол и отглагольное существительное могут быть отмечены у одного автора (переводчика): *В этой школѣ* <маркиза де Пюисегюра> *учат говорению во снѣ, Сомнилогии, и что надлежит оную в ея возвышенном состоянии своими глазами видеть, чтобы повѣритьея* ***пренатяженной*** *чувствительности*. Галле III 290. *От таковаго* ***пренатяжения*** *нерв, как я опасаюсь, не остается ли великой слабости нерв в излѣченных?* Галле III 312 (перевод В. Левшина).

Отглагольное существительное в дополнение к глаголу, отмеченному в тексте, может быть зафиксировано в словаре: *Вся тварь возвещает самобытного творца, Безначальна прежде, суща после без конца; И в себе тою ж всегда, и* ***преудобренна***. Трд. Феопт. 197. В ЛП наряду с глаголом *преукрашаю*, ***преудобряю*** (ЛП 46 (2 паг.)) дано и существительное ***преудобрение*** (ЛП 46 (2 паг.)).

Случаи лакунарности (отсутствие глагола при наличии отглагольного существительного) могут быть связаны или с недостаточностью выявленного эмпирического материала, или со словообразовательной «независимостью» существования глагола и отглагольного существительного[13].

Наиболее часто интересующие нас глаголы (наряду с личными формами) употребляются в форме страдательного причастия прошедшего времени: *Богатая и тучная* <земля> ***преисполнит*** *яму так, что как ее ни топчи, она в нее не вмѣстится*. Комов 133. *Берега ея* <Темзы> ***преисполнены*** *хлѣбными, оружейными и многими другими к пользѣ купечества и мореплавания нужными зданиями*. Маркиз V 5. *Во нравах всѣ Творца чужих; И в мерзостях* ***преогорчили***. Трд. СП II 110. *Поражен отчаянием, уныл,* ***преогорчен****, рѣшился Кадм удалиться во храм Фивов*. Хрс. Кадм 43.

Однако значительно чаще отмечаются только причастные формы при отсутствии фиксации личных форм соответствующих глаголов: *Начальникам же я бывал неизмѣнно покорен, и самыя несправедливости правительства, коими* ***преобременен*** *я был, переносил терпѣливо*. Зап. Винск. 10. *Она* <церковь> *имеет изрядную фасаду мраморную и внутри также вся из белаго состроена мрамору и во многих местах фигурами из разных сортов и колеров мраморами* ***преиспещрена***. Пут. Дем. 164 (1757). *Явления* ***пренапряженной*** *вообразительной силы представляются здоровым, любопытным особам, посредством курений и мазей оглушающих ядов, на прим*<ер> *от болиголовы, ... сабуру, опиуму ... и подобных*. Галле V 423.

Реже отмечаются другие формы причастий, как правило, адъективированные: *Полководцы ведущие войны суть служитилие Божескаго провидѣния,*

---

[13] Например, КС XVIII содержит такие отглагольные существительные, как *пренатужение, преозлобление, преосѣмянение, препобѣждение, препокоивание, преполнение, препочитие, преспѣяние, престарѣние* и др., но они не подтверждаются в текстах соответствующими глаголами, однако *престарѣти* есть в РЛ, там же зафиксирован глагол *преспѣвати* (*преспѣяти* нет) (РЛ 310).

всегда ***премудродѣйствующаго***. ЕС 1763 II 140. *Получив радостное извѣстие, что удостоиваете устремлять на меня ваши миловидныя очи, ... что счастливым для меня влиянием вашей звѣзды* ***преблагоспоспѣшествующей*** *моему сердцу, имѣете склонность мнѣ доброжелательствовать, приемлю смѣлость молить вас о дозволении, чтоб я посвятил себя вашим услугам.* Хр. бес I 144 (1763). *Сам Ментор грядет к Неприятелям,* ***преудивившимся*** *странно, Что одного Человѣка зрят к себѣприходяща*. Трд. Тилем. I 177. *Градоначальники и Жерцы... не допустили до сих излишеств, которыявсеконечноб могли испепелить пламенем прекрасныя и* ***преблагоговѣемыя*** *Здания в Римѣ*. Римск. ист. XIV 260 (1765). *Почасту очи еябывают превязанны, и почасту проницает взор ея в мѣста* ***преудаленнѣйшия***. Осв. Иерус. 53 (1772)[14].

Активность причастных образований с *пре-* в усилительном значении обусловлена прежде всего тем, что значение усиления, интенсивности в большей степени связано с признаком (оно свойственно и прилагательным, и существительным[15]). Аккумуляция значения усиления именно в признаке и проявляется в том, что в глаголе данное значение реализуется в более частотном употреблении причастных форм, в том числе и испытавших процесс адъективации.

***

Сложно говорить о том, что глаголы с *пре-* в усилительном значении больше характерны для текстов каких-то определенных жанров. Они достаточно частотны в текстах, связанных с церковной или торжественной тематикой (Г. Бужинский, Д. Кантемир, Д. Ростовский и др.): *преглядеть, преизбыть, прекормляться, пренемагати, преопочивать, препобедитися, препокоити, препочитать* и др.

Характерны они для стихотворных текстов, например, встречаются в произведениях М. Ломоносова, А. Сумарокова, Н. Николева, М. Хераскова, Е. Кострова: *Но море нашей тишины Уже* ***предѣлы превосходит****, Своим избытком мир наводит*. Лом. СС I 87. [*Оскольд*:] *О преужасный день! о рок ожесточенный! Семира как то снес твой дух* ***преогорченный****!* Сум. СС III 268. *То сколь должна та быть душа Веселием* ***преуслажденна****, Для коей собѣседник ... Бог?* Нклв Тв. I 255. *Возсядь с нами при трапезѣ, и собесѣдуй; мы* ***пресыщены*** *уже твоим дружеством.* Хрс. Кадм 51. *Рекла, и нѣжностью* ***преобѣждая*** *страх, Веселый кажет вид в лицѣ и на очах.* Кстрв Соч. 242.

В.В. Замкова, отмечая такие глаголы и причастные формы, как *пренаполнить*, *пренаслаждаться*, *преобогрить*, *препоглащать*, *препоглощенный*, *препохваляться*, *препрославить*, *прераздражить*, *преутеснить, преиспещренный, преиспытанный, прераздражить, преутверждать, преутеснять* (преимущественно из произведений В. Тредиаковского), подчеркивает: «Сам характер вы-

---

[14] Интересны композиты, составленные из наречия с *пре-* и страдательного причастия: *За ... Вашу, цесарскаго величества,* ***превысокопоказанную*** *ко мнѣ милость отслужити я нѣсмь в силах*. Пут. Шрм.[1] 41. *Видѣли главу святаго Иоанна предтечи, положена зѣло в* ***предрагоукрашенном*** *кивотѣ за хрусталем*. Пут. Шрм.[1] 54. *Посадили его на* ***пребогатоубранную*** *лошадь, и повезли во дворец.* Всемирн. пут. III 179.

[15] См. примеры, приведенные выше.

сокой поэзии предполагает гиперболизацию, преувеличение, и одним из языковых средств для этого служит префикс *пре-*, поэтому находим в такой функции во всех жанрах высокого стиля множество подобных слов с префиксом *пре-*»[16].

Бо́льшее число данных глаголов обнаруживается в переводных текстах (здесь на первом месте стоит «Тилемахида» В. Тредиаковского[17]). Абсолютное число подобных образований следует отнести к окказиональным: их употребление единично и обнаруживается в одном тесте одного автора[18].

Однако их можно отметить и в текстах специальных (юридических, исторических, философских, естественнонаучных): <Славяне> *убоясь и разсуждая, что идет* <Герман> *с преизбранным воинством, ... предприятной путь к Солуню прекратили*. Лом. Древн. ист. 40. *Не привлекает ли вас к себѣ покрытой и* ***преиспещренной*** *благоуханными цвѣтами вид, и полей украшение?* Внм. 1767 16. *Явления* ***пренапряженной*** *вообразительной силы представляются здоровым, любопытным особам, посредством курений и мазей оглушающих ядов, наприм*<ер> *от болиголовы, блекоты, шафрану, сабуру, опиуму, мандрагоры, дурману и подобных.* Галле V 423. *В этой школѣ* <маркиза де Пюисегюра> *учат говорению во снѣ, Сомнилогии, и что надлежит оную в ея возвышенном состоянии своими глазами видеть, чтобы повѣритьея* ***пренатяженной*** *чувствительности.* Галле III 290[19]. *Мессиния, по трех столѣтиях своего забвения и неизвѣстности,* ***преобновленная*** *востала из своих развалин и падения в большем сиянии, и учинилась гораздо опаснѣйшею, нежели какова была в прежнем состоянии*. Епаминонд 147.

***

Анализ материала в отношении динамики употребления показал следующее. Безусловная активность глаголов с *пре-* в усилительном значении характерна для первой половины столетия, что связано как с содержанием текстов (церковно-религиозная литература), так и с сохранением традиционных церковнославянских элементов в письменном языке.

---

[16] *Замкова В.В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975. С. 153.

[17] См. примеры выше.

[18] О понимании окказиональных (потенциальных) слов для русского языка XVIII века писала И.М. Мальцева: «Для XVIII в. окказионально лишь то слово, которое неузуально и единично по употреблению в письменных источниках того времени. ... Разовая употребительность слова, и рассмотрение словообразовательных и лексико-семантических особенностей данного слова в отношении к лексическому составу памятников XVIII в., и сопоставление данного слова с другими подобными образованиями в лексике XVIII в. могут служить опорными данными для его отнесения в разряд неузуальных». См.: *Мальцева И.М.* Лексическая окказиональность в языке XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977. С. 46–47.

[19] В этом же тексте отмечено отглагольное существительное *пренатяжение*: *От таковаго* ***пренатяжения*** *нерв, как я опасаюсь, не остается ли великой слабости нерв в излѣченных?* Галле III 312.

В источниках середины века (50–70-е гг.) еще фиксируются некоторые глаголы и причастные формы, в том числе окказиональные образования (*преоборовший, преопочивать, преблагоспоспѣшествующий, премудродѣйствующий, преудаленнѣйший*), однако становится заметным превалирующее употребление глаголов, которые впоследствии сохранят и расширят свои позиции в языке (*превозвышать, превознести, превосходствовать, преизобиловать, преисполниться, препрославить, преуспѣвать*).

Конец столетия (80–90-е гг.), с одной стороны, показывает дальнейшее снижение активности ряда рассматриваемых глаголов, хотя отмечается употребление и редких образований, причем не только в художественных произведениях (*преогорчить* у М. Хераскова, *препобѣдить* у Е. Кострова, *преуслажденный* у Н. Николева и др.), но и в текстах научных, философских, исторических (*преоруженный* в «Истолковании аглинских законов» У. Блэкстона (перевод С. Десницкого и А. Брянцева[20]), *преизбыточествовать* в «Слове» 1780 года С. Зыбелина и в «Слове» 1800 года М. Панкевича, *препобѣдить* в «Российском магазине», *препокоивать* в «Историческом и географическом месяцослове» 1790 года, *препокоиваться* в Пут. в Иерусалим)[21].

Ю.С. Сорокин, отмечая, что в конце столетия в связи с возникающей прогрессивной журналистикой начинает нарастать оппозиционное отношение к славянизации языка («Такова позиция Новикова во многих его изданиях»[22]), тем не менее подчеркивает, что «было бы неосторожно языковые позиции писателей прямо выводить из их идеологических позиций»[23], и называет имена С. Десницкого и А. Радищева как примеры авторов, в произведениях которых прослеживаются тенденции архаизации языка[24]. Интересующие нас глаголы встречаются у обоих авторов: *препрославить*[25] (С. Десницкий), *превзошед, прегрешить, пресытиться* (А. Радищев).

---

[20] Ср. употребление слова *преоружение* в «Слове о всеобщих и главных законах природы» А. Брянцева.

[21] Это касается и отглагольных существительных: *препобеждение* (СПб. ж.), *препокоивание* (НЕС), *преоружение* (Брянцев) и др.

[22] *Сорокин Ю.С.* К сложению литературной нормы в русском языке XVIII века // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976. С. 189. В качестве примера можно привести издание Н. Новикова «Городская и деревенская библиотека», включающее 12 томов (1782–1786 гг.). Одной из задач издания было знакомство русского читателя с западноевропейской литературой. В собрание вошли переводные произведения разных авторов с европейских языков (преимущественно с французского), «истории и повести нравоучительные и забавные, … приключения веселые, печальные, смешные и удивительные», в которых можно было бы ожидать определенную частотность глаголов с *пре-*, обозначающих высокую степень переживания какого-либо состояния, ощущения, совершаемого действия и под. Однако анализ текстов показал отсутствие подобных глаголов. Об этом издании см.: *Рак В.Д.* Переводные анонимные произведения в «Городской и деревенской библиотеке» // XVIII век. Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Сб. 11. Л., 1976. С. 125–130.

[23] *Сорокин Ю.С.* К сложению литературной нормы в русском языке XVIII века. С. 189.

[24] *Сорокин Ю.С.* К сложению литературной нормы в русском языке XVIII века. С. 188–189.

[25] У него же отмечено отглагольное существительное *преоружение*.

С другой стороны, нарастает активность отдельных глаголов с расширением их семантики: *превзойти, превознести, превосходствовать, превысить, преимуществовать, преодолѣть, преуспѣть* и некоторые др.[26]

***

У глаголов с *пре-* в общей семантике усиления действия можно выявить несколько наиболее выраженных значений:

1. Интенсивность действия («очень, сильно, весьма»): *За смиренномудрие был* ***преудивляем****, И за ревность к закону от всѣх почитаем*. Жив. 369.

Более интенсивная степень совершения действия, выраженная глаголом, нередко подчеркивается дополнительными лексическими средствами, например, наречиями: *К гибели он своей бѣжит, и-готовятся Боги Онаго* ***препостыдить вельми*** *Наказанием вѣчным*. Трд. Тилем. I 86. *Мощною держит рукою Таж Копие преблещаще, В трепет могущее привесть и Грады и-ратны Народы: Сам и-Градив* <Марс> *бы весь от-того* ***пресодрогся всемѣрно***. Трд. Тилем. II 219. *Церква внутри* ***весма преукрашена*** *по новому вкусу*. Пут. Дем. 167 (1757). *Золотая лесница, которая зделана из мрамора, своды над оной* ***совсем преиспещрены*** *живописью и позолоченою штукатурною работою.* Пут. Дем.162 (1757).

Указанная семантическая особенность может выражаться повтором однокоренных глаголов: *Того ради* ***благодарим*** *и* ***преблагодарим*** *святейшей и благоговѣйнейшей души вашей божественности за изволение, каково писал и совершил тое, что прилежно просили мы*. Каптерев 54. *Всякому имущему дано* ***будет*** *и* ***преизбудет***. Буж. Полт. 7. ***Молчи*** *или* ***превозмолчевай***. ППЗ 42. ***Пожалован*** *и* ***препожалован*** *есмь я, холоп ваш, многажды, но еще дерзаю просить милостиваго жалования*. Псм Пстн. 45. *Сие* ***удивляя*** *его там* ***преудивило****, Что он видѣл толь-многих Царей в Гееннѣ казнимых*. Трд. Тилем. II 113[27].

Данное значение может быть обусловлено общим смыслом контекста: *Миллер как человек преученый и многим читаниям преисполнился, памятию и разсуждением* ***преодарен****, однакож неудобно в древней истории все одному изследовать*. Зап. Тат. 358. *Она* <церковь> *имеет изрядную фасаду мраморную и внутри также вся из белаго состроена мрамору и во многих местах фигурами из разных сортов и колеров мраморами* ***преиспещрена.*** Пут. Дмдв 164 (1757). *Паллада сердце, в юном Пеласгѣ,* ***Презащищает*** *от-Стрѣл твоего любопальнаго Сына*.Трд. Тилем. I 152. *Видал он часто онаго* <Филоклия> *в Критѣ,*

---

[26] То, что уже для языка XVIII века подобные образования становятся менее активными, говорит, в частности, то, что САР[1], включая отдельные глаголы, сопровождает их пометами *старин*., например, глагол *преудивить* ‘весьма удивляю, привожу в великое удивление’ (САР[1]II: 667). В САР[2] данный глагол отсутствует.

[27] Подобные повторы однокоренных глаголов, второй из которых «усилен» префиксом *пре-*, в наших материалах редки. Как отмечают исследователи, подобная конструкция повтора однокоренных синонимов встречается в текстах раннего периода «для перевода сочетания двух материально различных греческих глаголов-синонимов». См.: *Улуханов И.С.* Некоторые вопросы техники переводов с греческого, сделанных на Руси // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975. С. 172.

...Блѣдна в лицѣ, прискорбна, суха, всего истощавша: Ибо Природа гаряча в нем притом и-ретива, Онаго ***преизмождала*** *всего трудом беспокойным*. Трд. Тилем. II 28. *Вот-же чинят Побѣдители вред колик Государству, И что-против самих себя содѣвают, Как* ***превосхитить*** *хотят сосѣдни области нагло*. Трд. Тилем. II 124.

Словарные дефиниции к этим глаголам обычно включают такие «указатели», как *очень, сильно, слишком, излишне, в высшей степени* и под., подчеркивающие интенсивность действия: *превозрасти* ‘возрасти, чрезмерно разрастись’ (СлРЯ XI–XVII 18: 159); *прегорчити* ‘весьма огорчить, раздражить’ (СлРЯ XI–XVII 18: 169); *прелюбити* ‘сильно, горячо любить’ (СлРЯ XI–XVII 18: 269); *препочитать* ‘глубоко чтить, почитать’ (СДРЯ VIII: 260), *прерадоватися* ‘радоваться в высшей степени’ (СлРЯ XI–XVII 19: 36); *преумудритися* ‘стать в высшей степени мудрым’ (СлРЯ XI–XVII 19: 75) и др.

Подобное подчеркивание интенсивности действия или состояния в словарных толкованиях может быть выражено синонимическим рядом глаголов, в семантике которых присутствует сема интенсивности, сильного проявления называемого действия. Так, в СлРЯ XI–XVII фиксируется глагол *преогорчевати* с толкованием ‘раздражать, озлоблять или огорчать’ и одной цитатной иллюстрацией: *И нынѣ его преогорчеваютъ* (*eutexacerbant*) (СлРЯ XI–XVII 19: 13). САР[1] дает ряд *преогорчаю*, *преогорчеваю* ‘весьма разгневляю, оскорбляю кого до крайности, на великой гнев подвигаю’, *преогорчение* ‘великий гнев, великое оскорбление, великая досада’, *преогорчеваюсь* ‘великое оскорбление, досаду, прискорбие чувствую’, *преогорчительный* ‘весьма огорчительный, досадный’ (*преогорчительная вѣдомость*), в каждом из толкований подчеркивая интенсивность действия, состояния, признака. Глаголы и существительное подтверждаются только цитатами из библейских текстов (САР[1] II: 249)[28]. В КС XVIII глагол *преогорчить* отмечен у нескольких авторов: *Во нравах всѣ Творца чужих; И в мерзостях* ***преогорчили***. Трд. СП II 110. *Поражен отчаянием, уныл,* ***преогорчен****, рѣшился Кадм удалиться во храм Фивов.* Хрс. Кадм 43. Глагол *преогорчиться* подтверждается только цитатой из словаря Аделунга: *Озлиться,* ***преогорчиться*** (Ад. I: 469).

2. Чрезмерная степень действия или состояния: действие совершается сверх меры, состояние характеризуется избыточностью, превышением нормы — *преналиваться* ‘наливаться с избытком’, *пренасытить* ‘чрезмерно насытить чем-л.’: *Человѣк и в глубоком снѣ удерживает большое или меньшое участие темноватой памяти: ибо перекидывается с боку на бок, когда внутрения друг друга очень утѣсняют и кровью* ***преналиваются***. Галле III 301. *Когда ты* ***пренасытишь*** *их* <младенцев> *желания ... покамѣст им уже наскучит то, от чего хочешь отвадить, то тѣм самым вложишь столько отвращения,*

[28] Глаголы *преогорчить/преогорчать/преогорчеватьв* САР[1] и САР[2] сопровождаются пометой *Сл.* (САР[1] II: 242; САР[2] V: 225–226), в качестве примера встречаются и в грамматиках: *Сложное, т. е. из двух, или многих простых речений составленное, напр: Книго-продавец, често-любие,* ***пре-о-горчеваю***. См.: *Соколов П.И.* Начальныя основания российской грамматики. СПб., 1788. С. 30.

что не должен будешь бояться, чтобы они послѣ не захотѣли того с таким же вожделѣнием. Локк II 54.

Однако бо́льшая часть глаголов в значении чрезмерно совершенного действия образуется именно с *пере-*[29].

3. Полнота действия, связанного с преодолением какого-то уровня, предела — *превзойти, превозмочь, преизбыточествовать, преисполниться*: *Всякой с веселием и удовольствием жизнь свою препровождает: ибо в нем* <обществе> *все воображаемое благо* ***преизбыточествует.*** Зыб. 1780 3. *Птицы на вѣтвиях воспѣли, и весь воздух сладкими голосами* ***преисполнился***. Хрс. Кадм. 39. *По кладь крупитчату, полетом, И паки, равным же пометом,* ***Пренаполняет*** <пчела> *чванцы в прок*. Трд. Вешн. тепло 475.

4. Иногда можно говорить о нейтральности префикса — *превозлюбиться, превосхитить, пренизвергать, преободрять, преповредиться, препогибнуть*: *Очень искусен Хвалы на приустроение нѣжны, Коей-бы* ***превозлюбиться*** *и-самым Умѣренным Людям*. Трд. Тилем. II 68. *Сколько Людей, ... Кои моглиб великими быть Людьми превосходно. Еслиб, ревнивость, и достовѣрна к успѣху надежде, Их к трудам каковым и к-рачению* ***преободряли****?* Трд. Тилем. II 207.

Эта особенность обычно отражается в словарных толкованиях, в которых отсутствуют компоненты, указывающие на особую степень, силу, интенсивность обозначаемого действия: *превозлюбиться* «понравиться», *превосхитить* «захватить», *превредити* «причинить вред, создать препятствие», *преповерить* «доверить», *преповреждать* «повреждать, портить», *преповредиться* «повредиться», *препокоиваться* «отдыхать» и под.[30]

Однако грань между нейтральностью и значением усиления может быть весьма условной, размытой, особенно в тех случаях, когда значение интенсивности действия может подчеркиваться, как уже сказано, самим контекстом. Так, глагол ***прегрѣшить*** обычно определяется нейтральным толкованием «впасть в грех, согрешить», что достаточно убедительно подтверждается таким, напри-

---

[29] В «Словаре русского языка XVIII века» зафиксированы следующие глаголы: *перевариться* (в 4-м знач.), *перегнить, перегорѣть, пережечь, перезрѣть, перезеленить, переквасить* (ср. *преквасити* ‘переквасить’ в СлРЯ XI–XVII 18: 243), *перекоптить, перемочить, перержавѣть, переспѣть* и др. Причем, действие может быть вызвано как внутренними свойствами предмета (*перекиснуть, пересохнуть*), так и внешним воздействием на него (*пересдобить, пересолить, пересушить*) (СРЯ XVIII 19).

[30] Ср.: *преблазнити* «обмануть, перехитрить» (СДРЯ VIII: 20), *пребрати* «побороть, одолеть» (СДРЯ VIII: 22), *прегрѣшити* «провиниться, совершить проступок» (СДРЯ VIII: 53); *преболѣти* «претерпеть страдания» (СлРЯ XI–XVII 18: 146), *пребороти* «побороть, победить» (СлРЯ XI–XVII 18: 146), *превредити* «повредить чему-л.» (СлРЯ XI–XVII 18: 165), *прегрѣшати* «совершать грех, преступление, грешить» (СлРЯ XI–XVII 18: 170), *преистлѣти* «истлеть, погибнуть» (СлРЯ XI–XVII 18: 241), *прелгати* «обмануть» (СлРЯ XI–XVII 18: 257) и др. Однако скрытое, неявное в глаголе значение усиления, интенсивности может раскрываться в однокоренном прилагательном, ср.: *прелукавити* «перехитрить, обмануть», *прелуковати* «перехитрить, обмануть; обольстить» — но: *прелукавный* «очень лукавый, хитрый; коварный», *прелукавый* «очень лукавый, хитрый; коварный» (СлРЯ XI–XVII 18: 266); *престрашити* «устрашить, испугать», но — *престрашный* «очень страшный, ужасный, ужасающий» (СлРЯ XI–XVII 19: 59).

мер, материалом: *Аще прегрѣшиши в чем, премѣни изволение*. Апофегм. 89. *Внемли послѣдний глас: я естьли прегрѣшил, Закон я твой* <бога> *искал, в душѣ тебя любил*. Рдщв СС I 198. Однако в САР[1] дано более развернутое толкование «впадаю в грех, в беззаконие, в порок; много, часто грешу» (САР[1]II 400). Одна из цитат из «Тилемахиды» В. Тредиаковского говорит именно о многократности совершения греха: *Страшно было видѣть ему, коль-Цари жесточайше Мучимы суть,* ***прегрѣшивших*** *всѣх других Человѣков*. Трд. Тилем. II 110. Таким образом, вероятно, правильнее (и точнее) в семантике глагола *прегрешить* в языке XVIII века видеть два оттенка: ‘согрешить’ и ‘грешить много и часто’.

Одним из заметных процессов в развитии глаголов данной семантической группы является расширение их семантического содержания: развитие новых значений, возникновение новых черт в употреблении, активизация сочетаемости и др. В первую очередь это характеризует наиболее частотные, активно употребляющиеся глаголы (*превзойти/превосходить, превознести/превозносить, превысить/превышать*).

В качестве примера можно привести сопоставление семантических и функциональных характеристик глагола *превзойти/превосходить* в СДРЯ, СлРЯ XI–XVII и в материалах XVIII века.

Так, значение ‘превысить, оказаться больше чего-л.’, зафиксированное и в СДРЯ (СДРЯ VIII: 41), и в СлРЯ XI–XVII (СлРЯ XI–XVII 18: 154, 160), в текстах XVIII века представлено более широким спектром не только семантических оттенков, но и рядами лексической сочетаемости:

‘выйти за обычные пределы, стать выше обычной меры’ — *Щастие, которым он наслаждается,* ***превосходит*** *всѣ его* ***желания***. ПД I 270. *Ярость мучителя* ***превзошла мѣры***. Н. Эмн Роза 184. *Ты бы весьма не справедливо требовал имѣть знание вещей* ***понятие*** *твое* ***превосходящих.*** Фнлн Восп. дев. 18. *Ла Рив старался всѣми силами заслуживать ее* <похвалу публики> *и, как Французы говорят,* ***превосходил*** *в искусствѣ* ***самого себя***. Крм. ПРП V 41;

‘обнаружить обладание какими-л. свойствами, качествами в большей степени по сравнению с кем-, чем-л.’ — *Честность стократно его* ***богатство превосходила***. Маркиз I 13. *Нѣсть конца непостоянству и злости злых жен: ... всех ...* ***злостию превосходит***. Александр 174.

Значение ‘обнаружить преимущество в чем-л., превосходство над кем-, чем-л. в каком-л. отношении’ (*Механика всѣ прочия науки* ***превосходит***. ТМ) проявляется и в особенностях грамматической сочетаемости, которая, с одной стороны, закрепляется в устойчивых формах управления (чем, в чем): *Соболи Камчатские* ***величиною, пышностью и осью превосходят*** *всѣх соболей Сибирских*. Краш. ОЗК I 214. *Возмем в примѣр память: посмотри, сколь один человѣк* ***превосходит*** *другаго сим* ***дарованием***. Рдщв Чел. II 93. *Древние Философы далеко* ***превосходят*** *нынѣшних* ***в писаниях*** *своих*. Спб. учен.вед. 170; с другой — утрачивает одну из форм управления (чего): *Скитское житие Святогорское* ***превосходит Соловецкаго***. Афон. гора 92; но приобретает новую (по чему): *Но с каким Человѣческим ни сличится Величество Твое, узрится, что нѣтъ къ Нему и примѣнения: всѣ Оно* ***превосходит по всему***. Трд. СП II 305. *Мальчик*

лѣт двенатцати, три года с половиною не употребляет ни пищи, ни пития. Какое удивительное явление! какое чудо! Оно ***по*** *чрезвычайной своей* ***рѣдкости превосходит*** *почти вѣроятие.* Муза III 254.

Однако и глаголы, представленные в текстах редкими употреблениями или связанные с именем одного (нескольких) авторов, отмечаются тем не менее не только в прямом, но и в переносном значении, показывая расширение и жанровых, и контекстных характеристик своего бытования в языке — *преисполнить/преисполнять* ‘наполнить чем-л. в большом количестве’ и ‘целиком занять, заполнить собой (о чувствах, переживаниях)’; *пренаполнить/пренаполнять* ‘наполнить чем-л. до краев’ и ‘переполнить, заполнить (мыслями, чувствами и т. п.)’; *препобѣдить /препобѣждать* ‘одержать победу, взять верх над кем-, чем-л.’ и ‘преодолеть, превозмочь’; *преусладить*‘сделать очень сладким’ и ‘доставить большое наслаждение’, ‘переполнить наслаждением’: *Берега ея* <Темзы> ***преисполнены*** *хлѣбными, оружейными и многими другими кпользѣ купечества и мореплавания нужными зданиями.* Маркиз V 5. *Сии письма, которыя одно сердце облегчают, а другое неизрѣченною* ***преисполняют*** *радостию?* Фанни 130. *По кладь крупитчату, полетом, И паки, равным же пометом,* ***Пренаполняет*** <пчела> *чванцы в прок.* Трд. Вешн. тепло 475. *Царь, будучи* ***пренаполнен*** *щедростью и милостию, благоволил простить пажика сего.* Гулливер III 133. ***Препобѣдившаго*** *Соперников своих, Критяне хотят его здѣлать у себя Царем.* Трд. Тилем. II 36. *Странный и нещастный случай* ***препобѣдил*** *его терпение.* РМ I 297. *Не трудись-же содѣлывать оных* <людей> *Сильных, Богатых, Страшных оружием, и Блаженных Сладостьми жизни: ... Сей смертоносный порядок, есть яд им* ***преуслажденный***. Трд. Тилем. II 211. *Всѣ Союзны Цари отправились в том из-Соланта, Идоменеем довольны, и-Ментором* ***преуслажденны***. Трд. Тилем. I 201. *Коль он с самим собой щастлив, То сколь должна та быть душа Веселием* ***преуслажденна****, Для коей собѣседник ... Бог?* Нклв Тв. I 255.

Глаголы с *пре-* в языке XVIII века представляют значительный лексический пласт, весьма неоднородный как по генетическим, так и по функциональным характеристикам. Одна из групп глаголов с *пре-* со значением усиления действия на протяжении столетия претерпевает существенные изменения: сокращается количество данных глаголов, окказиональные образования остаются вне общего языкового употребления (только как характеристики языка отдельных авторов, текстов), в языке закрепляются и активизируют свое употребление немногие глаголы, которые, однако, расширяют расширяют свою семантику и, соответственно, лексическую и синтаксическую сочетаемость.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Галле — Открытыя тайны древних магиков и чародеев, или Волшебныя силы натуры, в пользу и увеселение употребленныя: в 12 частях / Перевел В.А. Левшин. М., 1798–1804. Ч. II, III, V.

Епаминонд — Серанде ла Тур. История о Епаминонде, фивском полководце. Пер. с франц. П. Пономаревым. М., 1774.

Каптерев — Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707). М., 1891.

Лом. Древн. ист. — Ломоносов М. Древняя Российская история. М.-Архангельск, 2011 (репринт 1847 г.).

Пут. Дем. — Путешествие братьев Демидовых по Европе. Письма и подневные Журналы. 1750–1761 гг. М., 2006.

Пут. Шрм.[1] — Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева. 1697–1699. М., 2013.

СЛОВАРИ И КАРТОТЕКИ

Ад. — Полный немецко-российской лексикон, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленный. Ч. 1–2. СПб., 1798.

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

РЛ — Рукописный лексикон первой половины XVIII века / Подгот. к печати А.П. Аверьяновой. Л., 1964.

САР[1] — Словарь Академии Российской: в 6 тт. СПб., 1789–1794.

САР[2] — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 тт. СПб., 1806–1822.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. М., 1988–2019 (издание продолжается).

СлРЯXI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л., СПб., 1984–2019 (издание продолжается).

И.Е. Кузнецова

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ГЛАГОЛА *ПРЕДАТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА[1]

Глагол ***предать*** в русском языке XVIII века относится к числу слов трудных для лексикографического описания, что обусловлено несколькими факторами. В-первых, он принадлежит высокому штилю и в прямом значении активного действия ‘отдать, вручить’, которое характерно для обиходного языка, практически не употребляется.

Примеры употребления глагола ***предать*** в его прямом значении единичны: *Множество* <шведов> *в невозвратный бег себе вдавше, и тии под Переволочною себе и оружие свое предали победителем*. Пркп. Полт.[2] (1717). В основе прямого значения глагола ***предать*** — представление о перемещении чего-либо в пространстве от субъекта к получателю. Это значение реализуется в конструкциях ***предать / предавать* что кому**, где субъект и получатель — одушевленные, а объект — неодушевленное существительное, обозначающее нечто материальное. Однако идея перемещения от одного лица другому реализуется в семантике глагола и тогда, когда она не связана с представлением о перемещении в пространстве: [Клердон:] *Коль безстыдно я требовал новыя его* <отца> *помощи! ... Молчал он - - - Потом ... предал мнѣ остаток своего имѣния*. Безбожн. 18 (1771). Этот сдвиг в семантике позволяет глаголу ***предать*** реализовать прямое значение, когда в качестве объекта выступает нематериальная ценность: *Правится вся страна от салтана правлением единовластным: и сию власть предает везирю своему*. Геогр. 1710 63. *Сократ умирая, такое сотвори к богу послѣднее свое прошение. Созателю всѣх, дух и премудросте, тебѣ душу мою предаю*. Апофегм. 2 (1716). В данном случае речь идет о пере-

---

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *пре-* и *пред-*)», выполняемого при поддержке гранта РФФИ (проект № 18–012–00522).

[2] Шифры источников XVIII в. даются по: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–142; см. также на сайте ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html. Тексты XVIII века, не входящие в число источников словаря, перечислены в конце статьи.

мещении от субъекта к получателю каких-то прав, возможностей, связанных с представлением об обладании тем, что является объектом действия.

Получатель в этих случаях, как правило, выражен существительным в форме дательного падежа, но может вводиться и конструкцией ***в руки*** кого, чьи: *Благословил Господь Бог оружие наше, предал нам* ***в руки*** *супостатов наших двѣ крѣпости*. ПБП I 42 (1695). *Веруем, Государь наш, веруем и надеемся, яко даст Тебе Господь по сердцу твоему, якоже и дал есть, и град Выборг предал* ***в руце*** *твои*. Явор. Пропов. (1710)[3]. <Народ> *приняв оружие и пламень востает против своего Отечества, и предает оное* ***в руки*** *неприятелю*. Дсн. 1770 19. [Иеффай:] *Я пойду в храм возсылать молитвы мои, и сотворити обѣт Господеви, да предаст врагов* ***в руку*** *мою*. Иеффай 254 (1787). Поскольку выражение ***в руки*** в подобных контекстах употребляется не в буквальном значении, оно придает оттенок образности и глаголу.

В том случае, когда прямое дополнение при глаголе ***предать*** выражено неодушевленным существительным, обозначающим какие-либо знания, сведения, реализуется метафорическое значение ‘сообщить’: *Иаков Арминии богословии в Лугдунѣ учитель ... догматы предавал слышателем*. Пуф. Ист. 1718 283. В данном случае уместно говорить не о получателе, а об адресате действия. Однако это же значение может быть реализовано и в конструкциях без прямого указания на адресата: *Логику … с Аристотелевои, на Аранскии язык слово в слово преложивше, в школах своих* <турки> *предают*. Кн. сист. 360 (1722). *Всѣ Науки и Художества своими собственными названиями оной предавал и писал*. Трд. Витийство 78 (1745). *Явил ты средство сообщать Понятье, чувствие, желанье, И нынѣшних времен познанье, Векам грядущим предавать*. Пнин ЖРС I 44 (1805).

Если сообщение касается какого-либо лица, живого существа, то прямое дополнение замещается придаточным изъяснительным или дополнением с предлогом **о**: *Честнии христианстии историки предали нам о Царѣ Феодосии Великом*. ПВМ 18 (1722). Указание на адресата при этом также может отсутствовать: *Сами скифы предали о себѣ у Герадота, что зачалися тысящию годами прежде Дариева похода*. КАН 129 (1728). *Предает оно* <политическое учение>, *что простыя общества составляют Домы*. Трд. СП II 273 (1752). В единичных случаях глагол ***предать*** в этом значении выступает в качестве безличного предиката: *То не вчера предано, и не вчера уставлено*. Клн. 10 (1742).

Представление о перемещении от субъекта к получателю каких-то прав, возможностей также реализуется в семантике глагола ***предать*** в конструкции ***предать / предавать*** **кого кому**: *Всяк себѣ, со всѣм имѣнием и жизнью, вѣрному другу совершенно предает*. Монтень 143 (1762). *Я мышлю о таких* <людях> *подобно как Июдах, Которые друзей злодѣям предают*. Хрс. Ненав. 104 (1779). Здесь можно говорить о появлении еще одного метафорического значения ‘отдать во власть, доверить’.

В процессе развития метафорического значения глагола ***предать*** происходит его семантическая редукция, и относящиеся к нему имена начинают обо-

[3] Цит. по: НКРЯ.

значать не объект, инструмент или получателя / адресата, а предикативный признак. При этом в разных типах предложений значение глагола грамматикализуется в разной степени.

В конструкциях ***предать / предавать* кого кому во что** позиция **во что** выражает цель совершающегося действия: *Мы, великий государь, наше царское величество, ваше курфистрское пресвѣтлѣйшество всемогущему Господу Богу* ***в сохранение*** *предаем*. ПБП I 88 (1696). *Преславных мужеи ..* ***в вѣчную память*** *миру предавати.* Апофеосис 169 (1709). Цель действия обычно понимается как желание каузировать получателя совершить действие с объектом, но она может быть связана и с самим объектом: *Бог* ***предал*** *человеку всяко создание* ***в послушание***. Явор. Пропов.[4] В редких случаях цель действия в этой конструкции выражена не существительным с предлогом ***в***(***во***), а инфинитивом: *Ничтоже тя в то время пользовать имать Галене, Епидаврие и прочие, врачевския мудрости исполненные. Бог вам* ***предает врачевати*** *кого, не за добродетели, но за согрешения, яковы сами есте. Согрешения ради своего впадет человек в руце врачу.* Явор. Пропов.[5]

Позиция получателя в рассматриваемой конструкции может оставаться незамещенной, её роль берет на себя определение при существительном, обозначающем цель действия: *Предаю себя* ***в милость вашу государскую*** ПБП I 88 (1696). *Монастырь же той в Высокую Его Императорскаго Пресветлаго Величества милость вручаю, також* ***во особенное призрение Святейшаго Синода и Преосвященнаго Архиерея Киевскаго****, яко его епархии суща предаю* Яворский. Завещание (1721)[6].

К концу XVIII века глагол *предавать* в этой конструкции грамматикализуется, становясь неполнозначным: *Как опасно повиноваться лестным склонностям и* ***предать*** *себя* ***в сущую пагубу***. Иван гост. сын I 15 (1785). *Прежде умру, нежели* ***предам*** *любезную* ***в жертву*** *безразсуднаго гнѣва.* ММ 3 80 (1803).

Еще одна конструкция, где выражена цель действия, — ***предать / предавать* кого/что кому на что**: <Кабарга> *так глуп, что сам себя предает охотникам на убиение*. Учен. расс. IV 69 (1759). <Заблуждения> *другим предают* <нас> *на посмѣяние и поругание, когда мы от них бываем изобличаемы в оных*. Анчкв 1770 14. *Царь и вся родня ... Моглиль предать ее* <Душеньку> *на мщение Венеры?* Богд. 22 (1799). Позиция получателя в этой конструкции также может оставаться незамещенной: *Чтоб* <кесарь> *по своему обѣщанию град предал на плѣнение*. Апофегм. 117 (1716). *Сие все предать на его генерала фельд-маршала разсуждение*. ВТС I 32 (1726). *Предаю на ваше благоразсуждение*. Жив. 1772 69.

Примеров чистой грамматикализации глагола в данной конструкции не выявлено, однако выражение ***предать на жертву*** имеет признаки фразеологического единства: *Войско Российское* ***на жертву*** *Шведам* ***предать*** *обѣщал*

---

[4] Цит. по: НКРЯ.
[5] Цит. по: НКРЯ.
[6] Цит. по: НКРЯ.

ЖПВ I 142; [Заира:] *Чудовища похитили меня из рук ево, чтоб* ***предать на жертву*** *властолюбивому тирану*. Нклв Феникс 159 (1788).

В конструкции ***предать/ предавать*** **кого/ что** с незамещенной позицией получателя реализуется значение ‘изменить, нарушить верность’. На первый взгляд может показаться, что это значение является наименее синтаксически обусловленным, однако в выявленных случаях в тексте тем или иным способом реализована идея платы за совершение действия: *Время, данное ему на покаяние, он то украдает на своя беззакония: есть предатель, ибо почитая временная паче вечных,* ***за малую долю сласти предает*** *велию будущую сладость,* ***за краткое желание земное предает*** *безконечное радование небесное,* ***за повседневное насыщение чрева своего предает*** *и променивает душевное насыщение*. Явор. Пропов. (1700–1722)[7]. *Готов и отца* ***предать, к большим мѣшкам жаден***. Кнт Сат. VII 154.

В конструкции, где получатель представлен неодушевленным существительным, — ***предать/предавать*** **кого/что чему** — значение глагола ***предать*** максимально редуцировано. В абсолютном большинстве случаев в данной конструкции глагол ***предать*** играет роль связки, а семантика конструкции в целом определяется значением существительного, замещающего позицию получателя: *Флот же российский вѣчной и безсмертной* ***славѣ предавати!*** Буж. Пропов. 231 (1717-1727). *За чѣм* ***предавать себя бѣдствам****, ища больших сокровищ*. Кнт. Сат. 80. *Не изслѣдовав,* ***писанию предавал*** *и на позор свѣта произносил*. Реш. д. 24 (1733). <Жена> ***предает проклятию*** *трактир и всѣх в нем живущих*. Хр. бес I 35 (1763). *Надлежит* ***предавать себя Трудам*** *беспредельным*. Трд. Тилем II 203 (1766). *Кормчия книги велѣно* ***проклятию предавать***. Дсн 1772 24. [Генлей:] ***Предаю*** *я* ***забвению*** *мягкосердие твое*. Безбожн. 12 (1771). <Типография> ***предает тиснению*** *ваши листочки*. Жив. 1772 83. ***Не предавай себя печали***. Држ. III 275 (1794). Как правило, возможна трансформация такой конструкции, замена её полнозначным глаголом: *предать огню, сожжению, всесожжению — сжечь*, *предать правосудию, мечу правосудия, суду — судить* и т. п. Во многих случаях такие выражения становятся фразеологизмами: *предать анафеме, предать забвению, предать смерти, предать земле* и т. п.

Однако, если роль получателя в рассматриваемой конструкции выполняют существительные, обозначающие явления природы, глагол остается полнозначным, реализуя значение ‘доверить, вверить’: *Мы предадим себя вихрям*. Мн. миров 115 (1740). *Ктобы ... мог отважиться предать себя открытому морю не вѣдая, как узнать, когда и гдѣ он находится?* Краш. Речь 73 (1750). *Человѣк предал живот свой свирѣпым волнам.* Рдщв Пут. 429 (1790).

В заключение следует отметить, что при лексикографическом описании глаголов, которые, будучи исходно полнозначными, грамматикализуются, используются в функции связки, необходимо учитывать значение всей глагольной конструкции. Это связано с тем, что «важно не столько изменение лексического значения глагола (оно может быть незначительным или вовсе отсутствовать),

[7] Цит. по: НКРЯ.

сколько изменение роли глагола в выражении предикативного признака»[8]. Кроме того, «хотя об источниках грамматикализации обычно говорят как о словах или лексемах, переосмыслению подвергается некоторая ситуация, которая в языке кодируется соответствующим глаголом, а чаще конструкцией с этим глаголом, где он выступает в качестве синтаксической вершины»[9].

[8] *Попова Л.В.* Функциональные и семантические преобразования глагольной лексемы (на примере связочного употребления глагола превратиться) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 3, 2011. С. 101-102.

[9] *Вострикова Н.В.* Грамматикализация глаголов каузации движения и изменения положения в пространстве // Материалы международной конференции «Диалог». [Электронный ресурс URL http://www.dialog-21.ru/media/2701/vostrikova.pdf]. С. 2.

В.В. Истратий

О ТЕРМИНОЛОГИИ РЕЧЕЙ С.Е. ДЕСНИЦКОГО, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРЕПОДАВАНИЮ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Уже в первой половине XIX в. за Семеном Ефимовичем Десницким — выпускником Глазговского университета и учеником Адама Смита, первым русским профессором-правоведом Московского университета — закрепилась репутация «мудрого праотца» отечественной юриспруденции. Такое наименование старшему коллеге дал адъюнкт того же университета, правовед Ф. Л. Морошкин в 1834 г. Морошкин не только признал Десницкого основоположником российского правоведения («Он <Десницкий. — *В. И.*> начертал Методологию и Энциклопедию теории и практики юридической для Московского Университета, столько полную, что даже в нынешнее время нельзя придумать ничего нового. Настоящий факультет юридических наук весь по его начертанию»[1]), но высоко оценил и научное наследие ученого, поставив его в один ряд с крупнейшими европейскими философами и правоведами XVIII в.: «Десницкий … заслуживает Европейскую славу; читая его сочинения, я совершенно убежден, что ему недоставало только читателей и *иностранного имени* для занятия места близ Монтескьё с Блакстонами, Потье и другими знаменитыми юристами прошедшего века»[2].

В дальнейшем отношение к Десницкому как к отцу-основателю российского правоведения не подвергалось сомнениям и пересмотрам. Это заметно уже по заглавиям исследований, посвященных его деятельности и научному наследию: например, в 1894 г. профессор Петербургского университета Н. М. Коркунов произнес и позднее опубликовал речь «С. Е. Десницкий — пер-

---

[1] *Морошкин Ф. Л.* Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 231.

Цитаты из текстов XIX в. приводятся в современной орфографии. Тексты XVIII в. цитируются в упрощенной графике: ъ на конце слов не воспроизводится, буквы *ѣ*, *і*, *ѳ* и др. заменяются на *е*, *и*, *ф* соответственно.

[2] Там же. С. 226.

вый русский профессор права»[3], в 1945 г. вышла статья Б.И. Сыромятникова «С.Е. Десницкий — основатель науки русского правоведения»[4]; работы с подобными заглавиями продолжают выходить по сей день[5].

Наследие С.Е. Десницкого невелико: он является автором восьми речей, произнесенных в торжественных собраниях Московского университета с 1768 по 1781 гг. и затем напечатанных отдельными изданиями в университетской типографии, кроме того, Десницкий составил адресованное Уложенной комиссии «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768), а также перевел с английского книгу Т. Боудена «Наставник земледельческий или Краткое аглинского хлебопашества показание» (1780) и первый из четырех томов фундаментального «Истолкования аглинских законов» У. Блэкстона (1780–1782).

Незначительный объем оригинального научного творчества Десницкого не стал поводом для сомнений в значимости его фигуры для отечественного правоведения. Однако ни всеобщее признание, ни небольшой размер письменного наследия не сделали творчество Десницкого объектом пристального научного изучения. Это справедливо как для истории юриспруденции и России, так и для исторической лексикологии: несмотря на то, что работы правоведа представляют особый интерес для исследования формирования русской терминологии этой дисциплины, до сих пор мы знаем о языке Десницкого лишь то, что он — в полном соответствии с пуристическими установками второй половины XVIII в. — был архаизированным и славянизированным[6].

Представляется, что одним из основных вопросов при изучении как содержательной стороны творчества Десницкого, так и его терминологии должен стать вопрос об их источниках. Очевидно, что в своей научной и преподавательской деятельности он должен был опираться на известные ему теоретико-правовые концепции. Биография Десницкого дает основания предположить, что с большой долей вероятности основные источники его творчества следует

---

[3] *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий — первый русский профессор права (Речь в годовом собрании Петербургского юридического общества 13 ноября 1894) // Журнал министерства юстиции. 1894. № 2 (декабрь). С. 113–141.

[4] *Сыромятников Б.И.* С.Е. Десницкий — основатель науки русского правоведения // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 3. С. 33–40. В первое послевоенное десятилетие, на которое пришелся период «борьбы с космополитизмом», научный интерес к Десницкому как первому русскому правоведу был особенно велик. Ср. вышедшие в это время работы: *Покровский С.А.* Учение С.Е. Десницкого об обществе и государстве // Труды Воронежского гос. университета. Т. 14. Вып. 2. Воронеж, 1947. С. 78–101; *Загряцков М.* Общественно-политические взгляды С. Е. Десницкого // Вопросы истории. 1949. № 7. С. 101–112; *Бак И.С.* Десницкий — выдающийся русский социолог // Вопросы философии. 1955. № 1. С. 57–66; *Покровский С.А.* Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого. М., 1955.

[5] См. напр.: *Мерникова Н.* Семен Ефимович Десницкий — патриарх российской правоведческой профессуры // Управление персоналом. 2000. № 7. С. 26–33.

[6] См. об этом: *Петрунин В.О.* К истории языка научной прозы XVIII века (социологическая лексика «Слов» и «Рассуждений» С.Е. Десницкого) // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М., 1991. Ч. 2. С. 59–65; *Алексеев А.А.* Десницкий Семен Ефимович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 261.

искать среди трудов английских правоведов и философов. О том, что взгляды английской теории и истории права были особенно близки Десницкому, писал еще Ф. Л. Морошкин. Даже поверхностное сопоставление речей Десницкого с работами французских, немецких и английских философов и правоведов XVIII в. позволило Морошкину прийти к следующему выводу: «В нем видимо преобладало Английское учение и, может быть, сам Блакстон говорит иногда его словами. Не видно, чтоб он был знаком с учением Французских юристов, а Немецкие начала Философии и Юриспруденции, по выражению его, *изобретенные только для Немецкого меридиана*, он называл порождением шарлатанства и педантизма»[7].

Задачи настоящей статьи — во-первых, установить, обнаруживаются ли в оригинальных работах Десницкого следы английского влияния, а во-вторых, выяснить, отразилось ли это влияние в терминологии этих работ. Основным материалом исследования послужили две речи Десницкого, посвященные методологии преподавания юриспруденции — «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» 1768 г. и «Юридическое разсуждение о пользе знания отечественнаго законоискусства» 1778 г. Эти речи очень близки по содержанию и при этом написаны с разницей в 10 лет: первая из них написана вскоре после возвращения Десницкого из Великобритании и относится к первым сочинениям правоведа, вторая же создана спустя десятилетие после начала преподавания права в Московском университете. Удачной для целей исследования представляется и тематика этих работ: они посвящены не частным правовым проблемам, а общим вопросам преподавания юриспруденции, обсуждение которых не предполагает обязательного обращения к каким-либо философско-правовым концепциям или трудам каких-то конкретных авторов.

1. Содержательные заимствования в речах 1768 и 1778 гг.

В своих оригинальных сочинениях Десницкий называет фамилии целого ряда английских философов и правоведов, работы которых, по его мнению, достойны внимания при изучении юриспруденции. В своей первой речи 1768 г. он отмечает высочайший уровень английской политической и нравственной философии и перечисляет имена одиннадцати наиболее значительных авторов. Ср.: *В Британии ... толикое множество политических, метафизических и нравоучительных сочинений в свет издано, какого еще ни в каком другом Государстве не примечается. Отсюда прославились Гоб, Комберланд, Мандевиль, Лок, Баркле, Болинброк, Сыдне, Гарингтон, и недавние Гочесон, Давид Гюм и господин Смит, из которых последних один Метафизику, а другой нравоучительную Философию к великому удовольствию ученаго света издали.* Десницкий 1768 234–235.

Однако, несмотря на то, что Десницкий сопровождал свои речи достаточно внушительным ссылочным аппаратом, конкретные научные сочинения и фамилии их авторов в этих ссылках приводятся нечасто: в соответствии со сложившимися традициями Десницкий часто ссылается на собрания римских

[7] *Морошкин Ф.Л.* Об участии Московского университета… С. 229–230.

законов, имена же ученых даже при дословном цитировании в кавычках указывает не всегда. Среди наиболее часто упоминаемых им авторов его университетский учитель Адам Смит, Дэвид Юм и Уильям Блэкстон. Работы последнего были особенно близки по своей тематике к преподавательским и научным интересам Десницкого. Не случайно перевод «Теории нравственных чувств» Смита, упоминаемый в речи 1770 г. (Десницкий 1770 18), так и не был опубликован в отличие от трехтомного перевода «Комментариев». Естественным кажется предположение, что из-за отмеченной тематической близости в речах Десницкого должны обнаружиться содержательные переклички с работами Блэкстона.

Прямых ссылок на работы английского правоведа у Десницкого всего две: в своей первой речи 1768 г. он ссылается на «Discourse on the study of the law» 1758 г. (Десницкий 1768 243) и в последней речи 1781 г. — на «Комментарии» (Десницкий 1781 378). Однако он обращался к сочинениям Блэкстона существенно чаще, чем ссылался на них. Например, в «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» 1768 г. Десницкий сетует на то, что в России до сих пор не создано «никаких сокращенных, по примеру других Государств, наставлений Российских законов» (Десницкий 1768 244). По его мнению, составление таких «кратких наставлений» является первоочередной задачей формирующейся российской юриспруденции, и для решения этой задачи Десницкий предлагает развернутый план будущих «наставлений»: *Ныне в России ... законы и дела довольно умножились, и требуют уже необходимо, чтоб сделаны были и напечатаны для общаго всех знания краткия* наставления Всероссийских прав. *Что нетрудно бы сделать, показав вопервых главное всех Российских прав разделение на* права, *происходящия от различнаго состояния людей в России, и на* права, *происходящия от различных и взаимных дел между обывателями Российскими. В первой части показывать должно прерогативы Монархов Российских и права дозволенныя от них подданным своим, каковыя суть между дворянами и крепостными, между родителями и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, между судьей и судимым; где показывать должно всех Департаментов и Коллегий государственных учреждение и дела к ним принадлежащия. Ко второй части Российской Юриспруденции относить должно права* вещественныя *и* персональныя, *т. е. собственность, владение, наследие, право дозволенное, заклады, откупы, контракты и подобныя сим права, и сверьх сего все тяжебныя и криминальныя дела с назначенными по указам наказаниями к сей же части относить должно.* Десницкий 1768 245–246.

В этом плане нетрудно узнать структуру синопсиса университетского курса Блэкстона («An Analysis of the Laws of England», 1756), которая повторяется и в «Комментариях». Таким образом, слово *наставления*, по всей видимости, должно было передать английское *commentaries* или *analysis*.

К мысли о необходимости создания общего описания российских законов Десницкий возвращается во второй речи о преподавании юриспруденции — «Юридическом рассуждении» 1778 г.: *И в таком предприятии* <организации курса преподавания российского права в соответствии с современными требованиями. — *В. И.*> *весьма нужно иметь вопервых архиву или собрание всех, как*

древних, так и новых прав, законов и Указов Российских, из коих бы потом сочинить можно ***самократчайшия наставления Всероссийских Прав****, в которых разделение и оглавление надлежит иметь весьма применительное к свойству Российскаго правления и закона*. Десницкий 1778 36.

В этот раз он также не ограничивается общими декларациями и приводит детальный план первой части предполагаемого описания. Этот план под названием «Оглавление на Книгу I Российских персональных прав» помещен на последних страницах речи (Десницкий 1778 43–44), а в самом тексте автор сообщает, что «оглавления на первую часть прав персональных, происходящих от различнаго состояния людей в государстве Российском, предлагается здесь пример на разсуждение законоискуснейшей публике. *Смот. оглавление при конце*» (Десницкий 1778 36).

При ближайшем рассмотрении этот «весьма применительный к свойству российского правления и закона» план оказывается довольно точным повторением оглавления I тома «Комментариев» Блэкстона. Единственное различие, на которое можно указать, связано разделами об органах государственной власти: если Десницкий начинает их описание с фигуры монарха, наделенного законодательными полномочиями, то в трактате Блэкстона первыми излагаются функции парламента. Ср.:

«Юридическое рассуждение», 1778	«Истолкования аглинских законов», 1780–1782
Свойство и описание закона вообще, Основания закона Российскаго, Государства и народы, какие оному подвластны, Предметы закона Российскаго суть: I. Права персон, находящихся в состоянии, 1. Натуральном и имеющих права в защищении, α. Персональныя безопасности, β. Персональныя свободы, γ. И своея собственности и имения. 2. В приобретенном состоянии, в коем они имеют права будучи персонами ПУБЛИЧНЫМИ, как на пример: А. Властьми, из коих суть 1. Высочайшая и законодательная власть Монаршая, в которой α. Титул Монарший, β. Величество и прерогативы, γ. Доходы … (Десницкий 1778: 43).	КНИГА I. О существе законов вообще. О начале и основании законов Аглинских. О областях, управляемых законами Аглинскими. О предметах законов Аглинских. Первый предмет законов Аглинских составляют 1. Права персон, из коих первыми персонами толкуются 1. Персоны натуральныя, или в натуральном состоянии; их права 1. Естественныя, или природныя, из коих 1. Право личной безопасности. 2. Право свободы, или вольности. 3. Право имения собственности. КНИГА II. 2. Права публичных персон, составляющих 1. Правительственное отношение, в коем заключаются 1. Правительства, из коих есть 1. Верховное, заключающее в себе 1. Законодательную власть Парламентскую, 2. Исполнительную власть Королевскую, в которой 1. О Королевском титуле. 2. О его величестве … (Блэкстон III: 417).

«Юридическое рассуждение» 1778 г. содержит еще ряд текстуальных заимствований из «Комментариев». Одной из задач этой речи было доказать не только пользу, но и необходимость изучения отечественных законов для дворянства, и для этого правовед активно привлекал аргументацию Блэкстона, который во введении к своим «Комментариям» был занят тем же вопросом.

Например, в речи 1778 г. содержится рассуждение о том, что базовые знания государственных законов нужны всем гражданам, для дворян же строго обязательны в связи с их высоким общественным положением. В предисловии к трактату Блэкстона обнаруживается почти точное соответствие этому фрагменту. Ср.:

«Юридическое рассуждение», 1778	«Истолкования аглинских законов», 1780–1782
Кратко сказать, знание своего закона хотя посредственное, нужно всякому вообще для защищения себя в жизни и имении …, и в таких принадлежностях законознания довольно полагается для людей низшаго состояния и для неимеющих больше ни времени ни способов к просвещению и вразумлению себя оным за предел своего состояния. Но тем, коих щастие и природа одарила большими дарованиями и большим достатком времени и способов, незнание закона не может быть и простительно: ибо, по точнейшему света разумению, великия оныя выгоды и преимущества даются им от Бога и Государей не для одной их пользы собственной, но и для общей (Десницкий 1778: 15–16).	А поколику всякой из подданных пользуется соблюдением закона, того ради и всякаго живущаго в законе есть долг знать по крайней мере те законы, которые непосредственно до него касаются … И такого поверхняго законознания может быть довольно для низшаго состояния люжей, у которых не достает ни времени, ни способности к распространению своих намерений за предел своего ограниченнаго состояния, в коем судьба им определила пребывать. Но те, коих природа и щастие снабдили больше дарованиями и досугом, не могут столь удобно извинены быть в незнании закона; ибо такия выгоды даются им не для одной их собственной, но и для общественной пользы (Блэкстон I: 15–16).

Десницкий использовал не только аргументы Блэкстона, но и его примеры: вслед за английским правоведом он описывает известную из «Дигестов» историю встречи будущего консула Сервия Сульпиция со знаменитым юристом Муцием Сцеволой, укорившим Сульпиция в незнании римских законов, после чего тот, устыдившись, начал прилежно их изучать и стал блестящим знатоком права. Как и Блэкстон, Десницкий завершает эту историю уверениями в том, что не требует от своих благородных современников такого рвения, какое проявил Сульпиций. И весь пример целиком, и его заключительная часть, которую мы процитируем ниже, заимствованы из предисловия к «Комментариям». Ср.:

«Юридическое рассуждение», 1778	«Истолкования аглинских законов», 1780–1782
При всем том я бы погрешил дерзновением, естьлибы приведением сего толикой ревности к законоучению примера, советовал и Россиянам всем стараться быть толь великими законоискусниками, каков	При всем том я не советую быть всякому из наших Вельмож и благородных Агличан столь великими законоискусниками, каков был Сулпиций; хотя сей будучи таким, был купно великий Ритор, твердый поборник оте-

был Сулпиций, хотя сей будучи таким, был купно и несравненнейший оратор, и великий поборник отечества и премудрый Сенатор (Десницкий 1778: 29).	чества и премудрый и не утомимый в трудах Сенатор (Блэкстон I: 32).

Итак, в ораторской прозе Десницкого о преподавании юриспруденции содержатся существенные для их содержания переклички с «Комментариями» У. Блэкстона.

Следование английским традициям в общем подходе к преподаванию права дополняется в речах Десницкого «точечными» влияниями отдельных понятий английского права на терминологию этих речей. Далее мы рассмотрим ряд наименований, которые Десницкий употребляет по отношению к российским реалиям, но за которыми тем не менее стоят понятия британской правовой системы.

1. *Корпус*

Как показывает «Оглавление на Книгу I Российских персональных прав» из речи 1778 г., полное описание российских законов Десницкий предполагал начать с изложения прав и обязанностей отдельных субъектов юридических отношений. Особый интерес для нас представляют те правовые субъекты, которые в «Оглавлении» обозначены словом *корпус*. Ср.:

> *КАК СОСТАВЛЯЮЩИМИ* ***КОРПУСЫ*** *НА ОСОБЛИВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ,*
> *α. Академии наук,*
> *β. Университеты,*
> *γ. Коллегия медицинская,*
> *δ. Академии художеств,*
> *ε. Кадетские корпусы …*
> *КАК СОСТАВЛЯЮЩИМИ* ***КОРПУСЫ ПОЛИТИЧЕСКИЕ****, в коих суть:*
> *α. Первостатейные и второстатейные купцы и мещане,*
> *β. Компанейщики,*
> *γ. Откупщики,*
> *δ. Поставщики* (Десницкий 1778 44).

Как видно из приведенного фрагмента, это наименование Десницкий считает справедливым для организаций — образовательных, медицинских, научных, — а также для отдельных лиц, занимающихся определенной общественно значимой деятельностью.

Заимствование *корпус* вошло в русский язык еще во второй половине XVII в. (СлРЯ XI–XVII 7: 344), но в XVIII в. его семантическая структура значительно усложнилась: к двум значениям, известным по памятникам допетровского времени — ‘тело’ и ‘опорная часть, основание’ — добавилось еще семь, в числе которых было и имеющее отношение к общественно-правовой сфере значение ‘общественная, социальная, профессиональная организация, обще-

ство’ (СРЯ XVIII 10: 186–187). В «Оглавлении» из «Юридического рассуждения» 1778 г. слово *корпус* используется именно в этом значении, однако содержание юридического понятия, которое имеет в виду правовед в этом случае, может быть очерчено более точно.

Юридическое содержание, которое Десницкий вкладывает в термин *корпус*, связано со специфическим понятием английского права, обозначаемым термином *corporation*. В «Комментариях» Блэкстона этому понятию посвящена 18-ая глава первой книги, которая в переводе Десницкого носит заглавие «О обществах политических». В этой главе сообщается, что наряду с частными субъектами правовых отношений в английском праве выделяются особые «выдуманные или артифициальные персоны», выполняющие важные для общества функции — административные, судебные, образовательные, медицинские, торговые и т. д. Такие «искусственные» субъекты права в конечном счете всегда являются коллективными, однако для английского права принципиальным является тот факт, что в качестве *corporation* выделяются не только объединения или ассоциации, наделенные уникальным набором прав и обязанностей, но и отдельные лица, занимающие определенную должность или выполняющие какие-то общественно значимые функции, например, король, шериф, судья и т. д.

Очевидно, что Десницкий, который назвал термином *корпус* не только Академию наук, университеты и воспитательные дома, но и купцов, откупщиков и поставщиков, имел в виду именно английское понятие *corporation*, которое и стоит за его термином *корпус* в «Юридическом рассуждении» 1778 г.

Любопытно, что позднее, работая над переводом «Комментариев» Блэкстона, Десницкий решил отказаться от заимствования для передачи этого понятия. В третьем томе «Истолкований», опубликованном в 1782 г., термин *corporation* чаще передается не при помощи слова *корпус*, а как *общество* или *общество политическое*. Ср.: *Заведенныя в государстве такия общества называются* ***корпусами политическими*** *corpora corporata or bodies politic and corporate ... Сии* ***общества****, разумеемыя всегда пребывающими, удерживают за собой во всегдашней непрерывности права, коими наслаждается каждой из их сочленов ... Чтоб доказать такия общеполезности, доставляемыя государству сими* ***политическими обществами****, то возмем вопервых в пример наши училища Университетов Камбриджскаго и Оксфордскаго*. Блэкстон III 361–362.

2. *Разночинец*

Специальный раздел «Книги I Российских прав» Десницкий предполагал посвятить описанию прав и привилегий представителей различных сословий. В «Оглавлении» из «Юридического рассуждения» 1778 г. приводится план этого раздела, из которого следует, что внутри современного ему российского общества Десницкий выделял четыре сословные группы. Ср.:

3. В приватном состоянии находящияся персоны имеют права как:
A. Дворяне ... ,
B. Разночинцы,

C. Свободные,
D. Крепостные (Десницкий 1778 44).

Особый интерес для нас в этом списке представляет слово *разночинец*, которое не только не использовалось в XVIII в. в качестве сословного обозначения, но и в целом было малоупотребительным. Об этом свидетельствуют данные Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» (далее — КС XVIII) и Национального корпуса русского языка, где для XVIII в. слово *разночинец* представлено несколькими примерами.

Если сопоставить сословную структуру российского общества, предложенную Десницким, со структурой, описанной в «Наказе» Екатерины II, то можно заметить, что количество групп в этих схемах разное: у Екатерины их три — дворянство, мещанство и крестьянство (Наказ 1767 257–260). Однако это количественное различие, как кажется, связано исключительно с разницей в описании крестьянского сословия: Екатерина, которая создает идеальный образ, предпочитает видеть это сословие единым, в то время как Десницкий выделяет крепостных крестьян в отдельную группу, заостряя внимание на их положении как несвободных людей. Таким образом, *разночинцы* в схеме Десницкого — это та же группа, которую Екатерина при первом упоминании называет *мещанами*: *В городах обитают* ***мещане****, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках*. Наказ 1767 257.

Сопоставление схемы Десницкого с классовой структурой российского общества, описанной в «Наказе», как будто бы указывает на то, что словом *разночинцы* правовед называет ту же социальную группу, которую Екатерина обозначает как *мещане*, *горожане* и *средний род людей*. Однако слово *разночинец* встречается и в основном тексте «Рассуждения» 1778 г., и несмотря на то, что оно представлено здесь только одним примером, этот пример позволяет предположить, что Десницкий мог использовать его в несколько ином значении. Вот этот контекст: *Что сказано о* ***дворянах*** *и* ***разночинцах*** *вообще в разсуждении принадлежащаго им законознания в житии приватном и при публичных должностях, то самое еще с большею справедливостию можно утверждать и правительствующих и правоправящих*. Десницкий 1778 24.

Приведенная цитата подводит итог рассуждениям о необходимости изучения юриспруденции, которые, как было показано выше, в значительной степени повторяют введение к «Комментариям» Блэкстона, а в отдельных фрагментах представляют собой его точный перевод. Следование логике Блэкстона приводит к тому, что Десницкий в своей речи различает только две общественные группы — дворянство, наделенное особыми правами и привилегиями, и всех остальных граждан государства. Именно такие две группы противопоставляют английские законы, они же описаны в «Комментариях» Блэкстона, где обозначаются словами *nobility* и *commons*.

Такое же двухчастное деление общества, правда, на этот раз уже римского, содержит «Слово о римском правлении и разных оного переменах» И. А. Третьякова, товарища Десницкого по Московскому и Глазговскому университетам. Ср.: ***Патриции*** *издревле захватили было к себе все чины в правле-*

нии и достоинства; и ведение всех, как военных, так и гражданских дел и духовных, единственно принадлежало к ним; однако и ***разночинцам*** *мало по малу начали дозволять доходить сперва только до некоторых чинов, а напоследок они способными и достойными казались вступать во все чины.* Третьяков 1769 20.

По предположению С. А. Кибальника, первую речь Третьякова — «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях», — произнесенную 23 февраля 1768 г., в действительности составил Десницкий[8]. Даже если к речи Третьякова 1769 г. Десницкий не имел никакого отношения, одинаковое образование, совместная преподавательская деятельность и, наконец, общеизвестная дружба Третьякова с Десницким, как кажется, дают достаточные основания для уверенности в том, что они вполне могли пользоваться одной терминологией.

Наконец, необходимо отметить, что в своем переводе «Комментариев» для передачи английских обозначений *commons* и *commoner* Десницкий использует именно слово *разночинец*[9]. Материалы КС XVIII и Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что на протяжении всего XVIII в. оно оставалось малоупотребительным, бóльшая часть примеров с ним встретилась именно в произведениях Десницкого. Это относится и к дериватам, которые также не отличались высокой употребительностью, а два из них — *разночинский* и *разночинство* — впервые фиксируются в переводе «Комментариев» Блэкстона, осуществленном Десницким.

Таким образом, в своих оригинальных сочинениях Десницкий мог опираться как на более распространенные в России второй половины XVIII в. представления о сословной структуре общества, так и на английское разделение социальных групп. В обоих случаях он прибегал к использованию малоупотребительного слова *разночинец*, которым мог называть либо представителей мещанского сословия, либо, как это принято в английском праве, всех граждан государства, кроме дворян.

3. *Решение судебное*

Специальное терминологическое содержание в работах Десницкого получает слово *решение*. Общее количество примеров с этим словом невелико: в речи 1768 г. их три, в речи 1778 г. — восемь. В большинстве их них слово употребляется независимо, в двух первых случаях из «Слова» 1768 г. сопровождается определением *судебное*. Ср.: *Такое знание* <о правосудии. — *В. И.*> *премного зависит от изучения разных* ***решений судебных****, случающихся в разных правлениях*. Десницкий 1768 I 231. *По высокой своей судейской власти, они*

---

[8] *Кибальник С.А.* Третьяков Иван Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 3. СПб., 2010. С. 270.

[9] О социальной терминологии в переводе «Комментариев» см.: *Истратий В.В.* Социальная терминология в русском переводе трактата У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 3. СПб., 2015. С. 635–659.

также обязаны давать ***решения*** *и резолюции на самые тончайшие и многотруднейшие пункты закона, и до них принадлежитизследывать и поправлять такия погрешности в судопроизводствах, каковых иногда и самый обозрительнейший судия усмотреть не может. Сверьх сего они что ни решат, бывает конечным и неперевершиваемым; нет почти аппеллации на их суд, и нет поправления за их* ***решением*** <так! — *В. И.>, кроме Монаршаго, и к их определениям, какия бы то ни были, все нижния Юстиции Судища должны сообразоваться*. Десницкий 1778 24–25.

Десницкий употребляет это слово в контекстах, где речь идет о приговорах, вынесенных в результате судебного разбирательства. При этом любопытно, что правовед, во-первых, настаивает на необходимости изучения именно этих *решений*, а не законодательных актов, а во-вторых, не использует в этих случаях слово *приговор*, уже несколько столетий имеющее статус юридического термина (СлРЯ XI–XVII 19: 131), который подтверждается и толкованием «Словаря Академии Российской», где слово сопровождается пометой «речение приказное» (САР[1] II: 154). И особое внимание Десницкого к судебным приговорам, и употребление слова *решение* кажутся неожиданными в контексте российских правовых традиций второй половины XVIII в.

Причины такого отношения к решениям суда, как кажется, следует искать в английском праве, в традициях которого был воспитан правовед. Английская правовая система опирается не на законодательную норму, а на судебный прецедент, поэтому особое внимание к практике вынесения приговоров является неотъемлемой чертой английского права, а детальное изучение этой практики — обязательной частью образования английского юриста. Как кажется, именно «английское» отношение к судебной практике и заставляет Десницкого терминологически противопоставлять приговор и прецедент.

Отметим, что в «Истолкованиях аглинских законов» Десницкий также использовал слово *решение* для передачи английских наименований судебного прецедента. Ср.: *Ибо естьли и заподлинно окажется прежнее* ***решение*** *какого нибудь дела явно не справедливым, то такого не должно объявлять учиненным по худому закону, но учиненным и отнюдь не по закону, то есть, что оное* ***решение*** *зделано ошибкою*. Блэкстон I: 175.

4. *Адвокат* и *ходатай*

В обеих речах, посвященных преподаванию юриспруденции, Десницкий ссылается не только на необходимость базовых юридических знаний для каждого гражданина, но и на возможность овладения одной из юридических профессий, которые правовед считает общественно значимыми, а потому почетными. Таких профессий две: первая из них обозначается словом *судья* и в подробных комментариях не нуждается, тогда как вторая в контексте правовых реалий России второй половины XVIII в. вызывает определенные вопросы, связанные с содержанием профессиональной деятельности ее представителей.

Эту вторую юридическую профессию Десницкий обозначает словами *адвокат*, *ходатай* и *ходатайствующий*: в «Слове» 1768 г. он использует только

первое из них *адвокат*, в «Юридическом рассуждении» 1778 г. — только русские соответствия *ходатай* и *ходатайствующий*. Слово *адвокат* встречается в тексте речи 1768 г. 6 раз, слово *ходатай* в речи 1778 г. используется дважды, *ходатайствующий* — 1 раз, кроме того, последние два наименования обычно сопровождаются уточнением *в суде*, которое либо занимает позицию определения, либо формально относится к другому члену предложения, но стоит рядом с рассматриваемым наименованием. Ср.: *Не льзя всего здесь учения, потребнаго для судьи или* ***адвоката*** *точно определить; он сам больше узнает, что к его упражнению необходимо надобно, когда в свою должность вступит*. Десницкий 1768 232. *А паче еще всяк больше опытом и собственным учением уверившись о всеобщем превосходстве* его <римского права. — *В. И.*> *правил, и несравнейшей* <так! — *В. И.*> *истинне его решений, будет утверждать оное не меньше полезным, как и украшающим воспитание всякаго учащагося, всякаго богослова, всякаго судию, письмоводителя и* ***ходатайствующаго*** *в суде*. Десницкий 1778 10. *Не обучавшись систематическим порядком Правам Отечественным, и не бывав письмоводителем ни* ***ходатаем*** *в суде практическим, с каким успехом и удовлетворением он будет исправлять судейскую должность*. Десницкий 1778 20.

Понятие, которое обозначается при помощи слов *адвокат*, *ходатай* и *ходатайствующий*, — юрист, представляющий и защищающий интересы граждан в суде, — для российского права второй XVIII в. не было новым. Это доказывает история еще одного синонима из этого ряда — слова *стряпчий*, которое уже на рубеже XV–XVI в. могло использоваться в качестве наименования человека, нанятого для защиты интересов своего клиента в суде (СлРЯ XI–XVII 28: 203). Толкование слова *стряпчий* в «Словаре Академии Российской» показывает, что к концу XVIII в. деятельность таких наемных представителей вполне оформилась в самостоятельную профессию: «*Стряпчей.* … 2) Ныне называется тот, кто по доверенности чьей ходит, старается в суде по делам чьим нибудь. *Искусной стряпчей. Нанять стряпчаго для хождения по делам*» (САР[1] V: 918–919).

Итак, во второй половине XVIII в. ни профессия юридического представителя, ни обычно называющее ее слово *стряпчий* не были новыми, однако Десницкий предпочитает обозначать ее при помощи других наименований, которые, на первый взгляд, меньше подходили для этой задачи. Слово *адвокат* хотя и не рассматривается «Словарем русского языка XVIII века» как неологизм XVIII в. (СРЯ XVIII I: 25), однако до конца столетия оно продолжало восприниматься как наименование заграничной, чуждой реалии. Ср., например, следующий пример из КС XVIII: *А когда дело слушали, докладывал по делу дьяк, а ответствовал за капитана наемный стряпчий «****адвокат****» да писарь его корабля, а от нас был я, Иван Неплюев. Судьи во Франции ходят в черных платьях, также и дьяки; а дьяки называются прокураторы; всех дел канцелярии и судьи в одном доме по разным каморам, которые палаты называются «палацо де юстиция»*. Зап. Неп. 61 (втор. пол. XVIII в.).

Другими словами, оно воспринималось как экзотизм и было слабо приложимым к российским реалиям.

Слово же *ходатай* до этого не использовалось в функции юридического термина. «Словарь Академии Российской» выделяет у него только общее значение «заступник, предстатель, покровитель» (САР[1] III: 219). Среди материалов КС XVIII и НКРЯ специальные употребления представлены только примерами из работ Десницкого. Очевидно, именно отсутствие специализации заставляло Десницкого постоянно сопровождать это слово пояснением *в суде*.

По всей вероятности, отказ от слова *стряпчий* в пользу, казалось бы, не совсем точных синонимов, связан с тем, что соответствующее понятие в речах Десницкого изменяется под влиянием близких английских понятий, обозначаемых терминами *attorney*, *solicitor*, *barrister* и *advocate*. На специфическое содержание терминов *адвокат* и *ходатай/ходатайствующий* в речах Десницкого указывают контексты употребления этих слов. Судя по данным КС XVIII и НКРЯ, слово *стряпчий* использовалось как обозначение нанятого юриста, представляющего интересы клиента в гражданских делах. У Десницкого же *адвокат*, в соответствии с правилами английского судопроизводства, принимает участие и в уголовных процессах. Ср.: *После нравоучительной Философии, натуральной Юриспруденции и Римских Прав обыкновенно в Университетах преподается отечественных законов Юриспруденция, что все учащиеся окончив и будучи изследованы и засвидетельствованы во всем, допускаются* ***адвокатами в дела тяжебныя и криминальныя****, для оказания своего искусства на деле, и напоследок бывают судьями*. Десницкий 1768 232.

Кроме того, в обеих речах, посвященных юриспруденции и ее преподаванию, Десницкий говорит о том, что дворяне, не изучавшие эту науку, не смогут выполнять обязанности судьи или адвоката. Однако его современники-дворяне и не стремились заниматься этими профессиями, в особенности профессией стряпчего, которая, как хорошо видно из художественной литературы второй половины XVIII в., к этому времени уже стойко ассоциировалась с ябедничеством, казуистикой, необходимостью манипулировать законами, то есть обманывать судей и противников по процессу. Эти занятия, несовместимые с дворянскими представлениями о чести, воспринимались как неотъемлемая часть работы стряпчего, а потому эта профессия не могла быть приемлемой для дворянина.

Негативное отношение к деятельности стряпчих Десницкий ясно осознавал, хотя причины его, вслед за Блэкстоном, видел в сложности изучения права. Ср.: *Господа, отстав совсем от толь трудныя науки, вместо себя определяют теперь слуг своих учиться сему знанию; и естьли сия из господской переменившаяся в рабью наука продолжится навсегда; то мы за подлинно никогда не увидим ни единаго ученаго и благороднаго в суде* ***ходатаем*** *и защитником прав*. Десницкий 1778 33.

Возможно, уйти от отрицательного отношения к этой профессии для Десницкого было даже более важной задачей, чем утвердить новое содержание для понятия судебного представителя. И с этой задачей слова *адвокат* и *ходатай*, не имеющие традиций специального употребления, вполне успешно справлялись.

5. Выводы

В речах Десницкого, посвященных преподаванию юриспруденции, встречаются существенные для содержания этих текстов переклички с сочинениями английского правоведа У. Блэкстона, прежде всего с его «Комментариями к законам Англии», русский перевод первого тома которых Десницкий опубликовал в 1780–1782 гг. В первой своей речи — «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции…» 1768 г. — Десницкий приводит план будущего краткого описания российских законов, в значительной степени повторяющий структуру «Комментариев» Блэкстона. Десницкий продолжал считать эту структуру наиболее удачной для описания российской законодательной системы и спустя 10 лет: в 1778 г. он положил ее в основу «Оглавления на Книгу I Российских персональных прав», помещенного в «Юридическом рассуждении о пользе знания отечественного законоискусства…». Десницкий опирался на работы Блэкстона не только в общих, но и в частных вопросах. Например, фрагмент из «Юридического рассуждения» с аргументацией в пользу изучения юриспруденции для дворян представляет собой точный перевод отрывка из введения к «Комментариям».

Влияние понятийной системы английского права демонстрируют отдельные термины, которые Десницкий употребляет в своих речах о преподавании юриспруденции. Это слова *корпус* и *разночинец*, сочетание *решение судебное* и синонимический ряд *адвокат — ходатай — ходатайствующий*. Понятия, стоящие за всеми этими обозначениями, не были совершенно новыми для русского права конца XVIII в., однако в работах Десницкого объем этих понятий существенно изменяется под воздействием близких, но не тождественных английских правовых понятий.

Следы английского влияния в творчестве Десницкого — вполне ожидаемое явление, однако степень этого влияния и конкретные способы его проявления до сих пор не были изучены. В настоящей статье показано, каким образом знакомство с английским правом отразилось в двух из шести юридических речей Десницкого, посвященных преподаванию юриспруденции. Таким образом, поиски источников научных взглядов и терминологии первого отечественного правоведа — как среди трудов его английских предшественников, так и среди других сочинений по истории и теории права — продолжают оставаться актуальной научной задачей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Блэкстон — *Блэкстон У.* Истолкования Аглинских законов г. Блакстона, переведенныя по высочайшему повелению Великой Законодательницы Всероссийской с подлинника аглинскаго. Кн. I–III. М., 1780–1782.

Десницкий 1768 — *Десницкий С. Е.* Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета … говоренное … июня 30 дня 1768 года // Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами онаго, с краткими их жизнеописаниями. М., 1819. Ч. I. С. 213–281.

Десницкий 1770 — *Десницкий С. Е.* Слово о причинах смертных казней по делам криминальным … говоренное … Апреля 22 дня, 1770 года. М., 1770.

Десницкий 1778 — *Десницкий С. Е.* Юридическое разсуждение о пользе знания Отечественнаго законоискусства, и о надобном возобновлении онаго в государственных высокопокровительствуемых училищах … говоренное … Апреля 22 дня, 1778 года, юриспруденции доктором и публичным ординарным профессором Семеном Десницким. М., 1778.

Десницкий 1781 — *Десницкий С. Е.* Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства … говоренное … апреля 21 дня 1781 года // Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами онаго, с краткими их жизнеописаниями. М., 1823. Ч. IV. С. 367–398.

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН).

Наказ 1767 — Наказ, данный Коммиссии о сочинении проэкта Новаго Уложения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-ое. С 1649 г. по 12 декабря 1825 г. Т. XVIII. 1767–1769. СПб., 1830. С. 192–280.

Третьяков 1769 — Третьяков И. А. Слово о римском правлении и разных оного переменах … говоренное … Иваном Третьяковым июня 30 дня, 1769 г. М., 1769.

СЛОВАРИ

САР[1] — Словарь Академии Российской. Т. I–VI. СПб., 1789–1794.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2015. Вып. 1–30 (издание продолжается).

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. — Л., СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 1–22 (издание продолжается).

Т.Д. Коркина

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА: *ПРЕДСѢДАТЕЛЬ*, *ПРЕЗИДЕНТ*, *ПРЕЗЕС*[1]

0. Вопрос о взаимосвязи истории слов ***президент*** и ***предсѣдатель*** был поставлен В.В. Виноградовым в заметке, посвященной слову ***предсѣдатель***. Ученый отнес слово ***предсѣдатель*** к славянизмам, усвоенным в древнейший период, и описал историю бытования слова в русском языке следующим образом: предположительно (при отсутствии примеров в «Материалах» И.И. Срезневского) оно «изредка употреблялось в церковнославянских памятниках русской редакции XI–XV вв.», позднéе слово «начинает употребляться в официальном языке юго-западной Руси, где и укореняется в XVI в.», а «из западно-русского языка в XVII в. проникает в официальный язык русского государства. Быть может, именно в связи с усилившимся влиянием украинского языка на русский литературный язык XVII в. расширяется употребление слова ***предсѣдатель*** и в русском литературном языке»; активизацию слова в XVI–XVII вв. В.В. Виноградов связывает с «влиянием западноевропейских président, President, которые в свою очередь восходят к латинскому presidens»[2]. Данная заметка не была закончена, и представленные в ней наблюдения над историей слова являются предварительными и гипотетичными. Единственный пример употребления лексемы до XVIII в., приведенный В.В. Виноградовым, — фиксация в первой половине XVII в. — в «Лексиконе славенороссском» (1627 г.) Памвы Берынды *в значении* ‘староста, урядник, тот, который на першее мѣсце засѣдает’[3].

---

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *пре-* и *пред-*)», выполняемого при поддержке гранта РФФИ (проект № 18–012–00522).

[2] *Виноградов В.В.* Председатель // История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999. С. 542.

[3] Лексикон словенороський Памви Беринди. Підготовка тексту і вступна стаття В.В. Німчука. Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні АН УРСР, Кїев, 1961 (фотомеханическое издание). С. 94.

В источниках до XVII в., согласно имеющимся на сегодняшний день данным исторических словарей русского языка XI–XVII вв., слово ***предсѣдатель*** не отмечено, зарегистрированы лишь структурно близкие синонимы: *первосѣдальник* ‘глава церкви, епископ’ и *первосѣдница* ‘старейшина (о женщине)’ (СлРЯ XI–XVII 14: 205), *предсѣдальник* (Сл. 1847 III: 435). Со значением ‘сидеть впереди, на первом, главном, почетном месте (в собрании, в суде и т. п.)’ в XI–XVI вв. использовались глаголы с начальными морфемами *перво-*, *пред-*, *преже-* (*прежде-*)[4] и производные от них преимущественно в канонической и церковно-юридической литературе: *первосѣдание*, *первосѣдательствовати*; *предсѣдати*, *предсѣдательный*, *предсѣдѣти*; *предсѣдание*, *предсѣдѣние*; *прежесѣдание* (*прѣжесѣданье*), *прежде*сѣдание[5].

Слова ***предсѣдатель*** и ***президент*** начинают употребляться в текстах на русском языке с XVII в.

Слово ***предсѣдатель***, кроме фиксации его в словаре П. Берынды, согласно данным электронной картотеки СОРЯ, отмечено в переводе с немецкого «печатных цесарских курантов», которые подал в Посольский приказ в Москве Леонтий Марселис. Переводчик воспользовался данным словом для передачи морфемно нетождественного латинского *Primas* (название титула), что косвенно может свидетельствовать о его более раннем бытовании в русском языке: Пр[о]шл[ых] дне*и* посланни*к* моско*в*ско*и* | сюды приѣхал з грамотами | х кня*ж*ско*му* высочеству, к **пре*д*|седателю королевственному** | а что в тѣ*х* грамотахъ писано | еще о то*м* не вѣдомо (1668 г.)[6]. Ср. оригинал: *Es ist auch jüngster Tagen ein frischer Moscowitischer Envoye anhero angelanget / mit Schreiben an Sr. Fürstl. Hoheit den* ***Hn. Primas Regni****, von deren Inhalt man nichts vernehmen kann*[7].

Несколько ранее, в 30–40-е годы XVII в., в том же источнике — Вестях-Курантах — в значении ‘глава, председатель (в Западной Европе)’ встречается и слово ***президент*** (от лат. praesidens, praesidentis — ‘сидящий впереди, находящийся во главе’), пришедшее в русский язык через посредство старопольского и белорусского языка[8] или через немецкий язык[9]. Самый ранний пример со-

---

[4] Основная часть представленных в исторических словарях контекстов относится к переводам с греческого языка, где также наблюдалась вариативность в способах передачи этого значения (приставки προ-, πρωτο-, основы -καθεδρ-, κλισ-, -εδρ-, -καθιη-).

[5] На образования с приставкой *пред-* указывает и В.В. Виноградов в упомянутой заметке.

[6] Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 / Изд. подгот. В.Г. Демьяновым при участии И.А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е.А. Подшивалова, С.М. Шамин. Под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М., 2009. С. 306.

[7] Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2 / Исслед. и подгот. текстов И. Майер. М., 2008. С. 333. Помимо «Вестей-Курантов» СлРЯ XI–XVII отмечает употребление этого слова в документах Петра I (СлРЯ XI–XVII 18: 231).

[8] *Булыка А. М.* Лексічныя запазычанні ў Беларускай мове XIV–XVIII стст. Мінск, 1980. С. 23. *Гарбуль Л.* Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Вильнюс, 2014. С. 138.

держится в переводе «вестовых печатных листов» торгового человека Давыда Миколаева, которые он высылал в Москву в Посольский приказ из Голландии в 1637 г.: *Конте де Ферию да* ***прязиде****нту Розу велено во Шпанѣю быт*[10].

Данное слово отмечено и в других посланиях русских дипломатов из Западной Европы, например, в документе 1654 г. («Посольство от царя и великаго князя Алексея Михайловича, с известием о вступлении на престол к императору Фердинанду III»), при описании людей, окружающих Цесаря: *А при Цесарѣ стояли*: *по лѣвой рукѣ комнатной боярин и дворецкой большой и Рыцарь Максимьян Кн. Дидриштеинской и Николзбурской*, *граф Люмренберской да комнатной* ***президент*** *Давид Унгнат*[11]; в документе 1655 г. («Сношения царя и великого князя Алексея Михаиловича с императором Фердинандом III»), в переводе списка с проезжей грамоты: *тако ж всѣм и всякому Курфистом и иным Арцугам духовного и мирского чину*, *архиепископом и епископом*, *Князям*, *Марграфом*, *графом*, *волным господинам*, *началным в войску шляхтичем*, *приказным людем*, ***президентом***, *капитаном*, *порутчиком губернатором*, *державцом .. и всяким людем доброхотство наше и милость нашу Цесарскую и всякое добро объявляем*[12].

Представляется трудным проследить взаимовлияние слов ***президент*** и ***предсѣдатель*** (в частности, активизацию второго под влиянием первого) по имеющимся редким примерам допетровского времени. По нашему мнению, основная часть семантической истории этих лексем в русском языке и разделение функций между ними приходится на период XVIII века.

1. В начале XVIII века в контексте петровских преобразований начинается качественно новый этап в функционировании слова ***президент*** в русском языке: его проникновение в русскую систему наименования административных должностей. На начальном этапе этого процесса слово использовалось для обозначения должностей разного уровня и в составе разных ведомств.

В законодательных документах слово ***президент*** в значении ‘глава, первое лицо в каком-л. собрании, учреждении’ появляется уже в 1699 г. в связи с созданием в Москве Бурмистерской палаты, явившейся прообразом коллегий, присутствие в которой состояло из бурмистров, назначаемых из представителей купечества[13]. Возглавлял работу палаты президент: *и быть тѣм выборным*

---

[9] *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб, 1910. С. 236.

[10] Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина. Под ред. С.И. Коткова. М., 1972. С. 181. Данное употребление уточняет дату ранней фиксации слова, приведенную О.Н. Трубачевым в словаре Фасмера (1654 г.). См.: (Фасмер III: 358).

[11] Памятники дипломатических сношений древней России с Державами иностранными. Т. III (1632–1660). Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. СПб, 1854. Ст. 239–240.

[12] Там же. Ст. 261–262.

[13] *Емышева Е.М.* Генеральный регламент 1720 года как опыт создания организационного документа // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. М., № 8, 2008. С. 249.

Бурмистрам у тѣх дѣл и сборов перемѣняясь погодно, а из них по одному человѣку быть в первых, сидѣть по мѣсяцу ***Президентом***. ПСЗ III 599[14].

Упоминание той же должности — президента Бурмистерской палаты — встречается и в последующих законах 1700 г., например, в Приговоре Ратуши «О взятии в посады крестьян, которые живут в городах на тяглых землях, занимаются торгом и тягло платят, и о воспрещении городских промыслов тѣм, которые в посады записаться не пожелают»: *По указу Великого Государя и по приказу* ***Президента*** *и Бурмистров, вѣлено … Дворцовых и Архиерейских и монастырских и помѣщиковых крестьян, которые живут в городѣх на тяглых землях, и торгуют всякими торги, и тягло платят, взять в посады*. ПСЗ IV 18 (1700); в Наказе Брянским бурмистрам из Московской Бурмистерской палаты «О выборѣ земских Бурмистров и о наблюдении за исправностию таможенных и питейных сборов»: *Всего Московскаго государства у приему и у расходу Его Великаго Государя казны и всякихъ доходов быть на Москвѣ из купецких людей* ***Президенту*** *и Бурмистрам*. ПСЗ IV 75 (1700). *А в больших дѣлах, по подлинному свидѣтельству, доношение имѣть вскорѣ к Москвѣ к* ***Президенту*** *и Бурмистрам*. ПСЗ IV 77 (1700).

Главы крупнейших приказов (Посольского, Сибирского, Адмиралтейского) в самом начале XVIII в. в документах также назывались президентами: *Его священного царского величества ближней боярин, и адмирал, и государственной Посолской канцелярии верховной* ***президент****, и намѣстник Сибирской и кавалер Ѳедор Алексѣевичь Головин*. ПБП II 189 (1703); *А отписку, государь, велѣл я холоп твой подать на Москвѣ в сибирском приказѣ генералному* ***президенту*** *и московскому коменданту и сибирских правинцей судии, князю Матѳею Петровичю Гагарину с товарыщи*. ПСИ 325 (1708); *Прошу вашего величества … меня отпустить в Озовскую губернию к одмиралу генерал-губернатору азовскому и тайному советнику,* ***президенту*** *адмиралтейств и кавалеру графу Федору Матвеевичю Апраксину*. ПБП X 453 (1710).

В 10-е гг. XVIII в. в «Артикуле воинском» отмечено применение слова ***президент*** для обозначения должности старшего военного судьи: *В криксрехтах всегда опредѣлялось 13 особам сидѣть. А имянно в генералном криксрехтѣ сидѣл фелть маршал, или намѣстник его, или которыи знатныи генерал,* ***президентом****. А в полковом криксрехтѣ полковник, или полуполковник.* Артикул 4–5 (1715). *И как скоро суд учрежден, и каждыи на свое мѣсто сядет, тогда* ***президент*** *паки причину обьявит, и для чего сие собрание учинено, и они созваны*. Артикул 10–11 (1715).

Ликвидация Боярской Думы (1704 г.), создание Сената (1711 г.) и коллегий (с 1718 г.), активная перестройка органов административного управления привели к вхождению в русский язык значительного пласта иноязычных названий чинов и должностей. В контексте этих изменений слово ***президент*** расши-

[14] В статье используются материалы КС XVIII. Шифры источников и словарей XVIII в. даются по: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–142; см. также на сайте ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html. Новые шифры источников СРЯ XVIII, не вошедших в опубликованные дополнения, указаны в конце статьи.

ряет сферу функционирования и, по наблюдениям Е.Г. Сивериной, оказывается среди самой многочисленной группы слов, включающей в свой состав свыше ста слов немецкого происхождения, обозначающих должностные чины, титулы, звания и официально утвержденных в 1720 г. «Генеральным регламентом», документом, в котором законодательно закреплена система норм и правил коллежского делопроизводства, и в 1722 г. «Табелью о рангах»[15]: *Должность* ***Президента****, и вице Президента, есть накрѣпко смотрѣть, чтоб протчие члены Коллежские, о повѣренных дѣлѣх, и в приказаном им смотрении с надлежащим старанием, и прилѣжанием попечение имѣли*. ГР 10. ***Президенты*** *в надворных судах*. ТР 4. ***Президент*** *в магистратѣ в резиденции*. ТР 4. ***Президенты*** *от колегиев и штатс канторы*. ТР 1–2; в других юридических памятниках этого периода наименование новой должности активно используется: *А ежели ссора учинится между салдатами и матрозами, то надлежит командиру карабля, розыскать о том вмѣстѣ с сухопутными офицѣрами, и в том судѣ быть яко* ***президенту***. УМ 28 (1720) *Опредѣляем же в сей Духовной Коллегии быть имянованным здѣ членам*: *Единому* ***Президенту***, *двоим Вице-Президентом*, *четырем Совѣтникам*, *четырем Асессорам*. ДР 4 (1721) и др.

Таким образом, на данном этапе слово ***президент*** получает дополнительную актуализацию, встраиваясь в широкий поток заимствований из западноевропейских языков. Такая вторичная этимологическая привязка подтверждается и параллельным использованием этого заимствования в текстах, описывающих иностранные реалии — документах, дипломатической переписке и т. п.: *Суд их* <голландцев> *отправляется четырьми бургумистры; один из них сидит четверть года* ***президентом****, а въ другой год бургумистрым другие садятся, только из старых один остается*. АК I 131 (1705). *Граф Кронгиелм яко* ***президент*** *от канцелярии учинил, по том преизрядную рѣчь асамблѣе от Королевинои стороны*. Вед. II 271 (1719). *Таковы совѣты ... у дюка Нюкастля собираются, при которых обыкновенно присутствуют два статские секретаря, два гг. Валполи,* ***президент*** *тайнаго совѣта королевскаго и нѣкоторые из тайных совѣтников*. Кнт. Рел. 79 (1733) и др.

В текстах начала века слово ***президент*** еще может глоссироваться как незнакомое, непонятное. Например, в книге «География или краткое земного круга описание» ***президент*** определяется с помощью слова ***воевода***: *На сем острову прежде лѣт осмидесяти создали галанцы себѣ град батавию*, *в котором у них нынѣ засѣдает* ***президент*** *или* ***воевода*** *и нѣколико человѣков думных людеи*. Геогр. 1710 79; в «Духовном регламенте» находим: *Самое имя* ***Президент****, не гордое есть, не иное бо что значит, толко* ***предсѣдателя***. ДР 5 (1721). В начале XVIII в. (не ранее 1711 г. и не позже 1725 г.[16]) слово ***президент*** включено в «первый словарь иностранных слов, входивших в XVIII ст. в

---

[15] *Сиверина Е.Г.* К истории административно-политической лексики, заимствованной из немецкого языка в Петровскую эпоху // Вопросы теории, истории и методики преподавания русского языка. Научные труды. Т. 103. Куйбышев, 1972. С. 206.

[16] *Биржакова Е.Э.* Словари непонятных слов // Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. С. 30.

русскую речь», рукописный «Лексикон вокабулам новым»[17], составленный по поручению Петра I (и содержащий его пометки, исправления, уточнения), словник которого включал в себя «свыше 500 слов, в своей массе еще не вполне освоенных и требующих объяснений»[18], «отражал новации в сфере военного искусства, мореплавания, дипломатии, администрации»[19]. Слово ***президент*** в данном «Лексиконе» толкуется как ‘владѣтель, первый в приказѣ предсѣдатель’ (ЛВН 15).

В 10-е гг. XVIII в. на ряду со словом ***президент*** в русском языке начинает употребляться его однокоренное заимствование — ***презес*** (с вариантом ***презус***[20]). Вариант ***презес*** (лат. praeses) наиболее активно используется в Петровскую эпоху, а к концу века снижает употребительность. Ранняя фиксация данного слова в XVIII в. отмечена в «Письмах и бумагах Петра Великого» («Дополнение к Регламенту Кригскомиссариата»): *Но оной суд имеет быть под именем учрежденного* ***презеса***, *а обер-крикскамисар в то дело ни же и в розыск, ни же в суд мешатися* [*не*] *надлежит.* ПБП XI (2) 330 (1711). Отметим, что слово ***презес*** (как и вариант ***презус***) употреблялось в более узком значении, чем ***президент*** — ‘глава военного суда (кригсрехта)’. Слово встречается в письме Петра I Ф.М. Апраксину и членам военного суда (в обращении): *Господин* ***презес*** *и асесоре*. ПБП XI (1) 42 (1711), в «Книге о эксерциции»: *приговор судныи изображать по вящшим голосам. и когда всѣ ассессоры и* ***презес*** *подпишутся, тогда ему аудитору кругом приговору узлами очертить, чтоб не возможно было ничего приписать*. Кн. экс. 22–23 (1715), в «Уставе о воисках морских»: *А как допросят, и его вышлют, судьи тогда будут придумывать о нем по их рангу, зачав с нижняго офицера, даже до* ***презеса****, которыи сочтет голосы и опредѣлит*. УВМ 93 (1715); ср. также вариант ***презус***: *Другие сенаторы, яко же Тихон Стрешнев, и Мусин и прочия ему князь Якову яко* ***презусу*** *сущу*[21]*, и зело умом прехитрому, ... во всем уступаху*. Д. Тв. 13 (1716).

При сохранении этого узкого значения в дальнейшем, с 30-х годов, наблюдается постепенное расширение сферы употребления слова ***презес*** (***презус***) и сближение его с основным значением слова ***президент*** — ‘первое лицо в каком-либо собрании, учреждении’. Например, в «Материалах для истории имп. Академии наук» за 1732 г.: *Просим, чтоб назначить какого знатнаго особа, которому б в нашем собрании* ***презесом*** *быть*. МАН II 190. В лексикографических изданиях второй половины XVIII – начала XIX в. слова ***президент*** и

---

[17] *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб, 1910. С. 15.

[18] *Биржакова Е.Э.* Лексикографические источники и их использование в словаре русского языка XVIII века // Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. С. 193.

[19] *Биржакова Е.Э.* Словари непонятных слов. С. 29.

[20] Единичными примерами представлен также фонетический вариант ***прейзус***, ср.: *Когда* ***прейзус*** *столько ж много знает в обучении и в порядках морских, как я, мог командовать сухопутное войско* (ММД 50; 1718 г.); *В учрежденные .. при гарнизонных полках Ордонанс-Гаузы, в коих будут производимы над подсудимыми воинские суды, и там, гдѣ тѣ гарнизоны находятся, состоять будут и армейские полки, дѣлать командировку* ***Прейзусов*** *и Ассесоров* (ПСЗ XXVI 110; 1800 г.).

[21] Имеется в виду Я.Ф. Долгоруков, глава кригс-комиссариата.

презус определяются как синонимичные. Так, Н.Г. Курганов в «Словаре разноязычном» (1769 г.) дает вариант ***презус*** в одном ряду со словом ***президент*** в значении ‘начальник, председатель’ (Сл. Кург. 405). Н. Яновский в начале XIX века также приводит слова как синонимы: *Президент или Презус от латинскаго praeses (презес). Предсѣдатель, первенствующій в каком нибудь публичном собрании* (Ян. III: 438–439).

С административными реформами Петра I, с его ориентацией в данном вопросе на западную систему связана, по всей видимости, малоупотребительность слова ***предсѣдатель*** в первой половине XVIII в. Данное слово в начале и середине XVIII века стилистически противопоставлено заимствованию ***президент***: его употребление связано с текстами и авторами, язык которых ориентирован на церковнославянскую традицию. Слово ***предсѣдатель*** встречается у Ф. Прокоповича, который употребил его в «Слове о власти и чести царской» (1718 г.) в связи с делом царевича Алексея: *На пятом соборѣ ц҃ря Иустиниана повелѣние было*, *да бы* ***предсѣдатель*** *был Мима Патриарх Константинопольский*; *На шестом соборѣ сам предсѣдателен*[22] *был Константин погонат.* Пркп. Ц. вл. 15.

Ассоциация слова ***предсѣдатель*** с церковной сферой в Петровскую эпоху подтверждается также его употреблением у Б.И. Куракина. В его документах слово используется в значении ‘декан, глава Коллегии кардиналов’: *Кардиналы в Римѣ в мою бытность … Кардинал Булионе тот декано или* ***предсѣдатель***. АК I 183 (1707).

Важно отметить, что на данном этапе — уже в начале XVIII в. — начинается взаимодействие слов ***предсѣдатель*** и ***президент***. Возможно, ***предсѣдатель*** воспринималось как калька латинского *praeses / praesidens*, об этом позволяют судить лексикографические и другие метаязыковые контексты, в которых оба слова появляются в одном ряду. Лексикографическую фиксацию слово ***предсѣдатель*** получило в «Лексиконе треязычном» Ф.П. Поликарпова (1704)[23] с греческими и латинскими аналогами: *Предсѣда́тл, πρόεδρος, ἔφεδρος, ἔφορος, προστάτης, praeses, praesul, primas tenens* (ЛП 38 (2 паг.)). В более поздних словарях эта линия взаимодействия слов продолжается: *praeses, президент, главнѣишии судия, предсѣдатель* (ВЛ 476; 1731 г.); *praeses президент* (ЛВ[1] 301; 1746 г.)[24]. Работая над текстом проекта «Духовного регламента», Ф. Прокопович в один ряд ставит слова ***предсѣдатель*** и ***президент***, при этом одно слово выступает в качестве толкующего эквивалента к другому: *Самое имя* ***Президент***, *не гордое есть*, *не иное бо что значит*, *толко* ***предсѣдателя***. ДР 5 (1721). Аналогично, в качестве пояснения, слово ***предсѣдатель*** ис-

---

[22] В изд. 1761 г. испр.: предсѣдателем.

[23] Как известно, данный словарь составлялся с ориентацией на книжно-славянскую письменную речь, и «Лексикон славенороссий» П. Берынды использовался в качестве источника словаря. См. подробнее: *Петрунин О.В.* «Лексикон треязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова-Орлова // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: Наука, 1998. С. 81.

[24] Ср. также приводившиеся выше примеры из «Лексикона вокабулам новым» и словаря Н. Яновского.

пользуется в одном из переводов 1734 г.: *Услуги же его и разум возвели его на послѣжде в чин* ***Президента*** *той канторы, [****предсѣдателя****] власть сего чина возвысила его к надеждѣ, и удоволился продолжати куплю своего народа всей Империи*. Оп. о Япона 24 (1734[25]).

Этот синонимический потенциал, первоначально проявившийся в указанных специфических языковых условиях, в дальнейшем в течение XVIII в. был реализован.

2. В середине XVIII в. употребления слова ***предсѣдатель*** остаются немногочисленными. Слово встречается в переводе В.К. Тредиаковского 1751 г. «с латинского на славенороссийский» романа шотландского писателя, поэта Джона Баркли «Аргенида» (начало XVII в.). В том же значении, что и в работах Прокоповича, — ‘главный, тот, кто занимает первое место’: *Аполлин обыкновенно почитается* ***предсѣдателем*** *между музами*, *изобрѣтателем стихов врачевства*, *главнѣйшим нат прорицаниями*, *и искуснѣйшим из-лука стрѣльцом*. Арг. I 224. По поводу стиля этого перевода А.А. Алексеев замечает, что «лексическая славянизация не затронула это произведение»[26]. Однако другие имеющиеся контексты могут говорить о сохранении у лексемы стилистической характеристики церковнославянизма. В частности, М.В. Ломоносов использует слово в своем сочинении по древней российской истории в речи Константина Философа: *Постыжены развратники; и общим согласием запечатлѣвается на соборах непорочная вѣра. Всему сему свидѣтели, предсѣдатели и споспѣшники были премудрые и правосудные Государи: Константин и Ирина, Константин погонат, Юстиниан Великий, Маркиан, Феодосий юный, Феодосий Великий*. Лом. ДРИ 112 (1766). И Тредиаковский в более поздних своих переводах, язык которых отличается славянизированным стилем[27], неоднократно использует рассматриваемую лексему. Так, в значении ‘главный судья’ слово отмечено в поэме «Тилемахида» (1766 г.): *Правдою он* <царь Миной>, *наконец*, *заслужил быть в Царствии Мертвых*, *В Тартарѣ мрачном том* ***Предсѣдателем*** *и Судиею*. Трд. Тилем. I 77[28]. *А потом* ***Предсѣдатель*** *нам предложил три-Задачи*, *Кои рѣшить по-Миноевым правилам всѣ надлежало*. Трд. Тилем. I 85[29].

---

[25] Текст цитируется по второму изданию 1768 года.

[26] *Алексеев А.А.* Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Алексеев А.А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 290.

[27] Об эволюции языковых вкусов Тредиаковского В.В. Замкова отмечает: «В своей теоретической и практической деятельности Тредиаковский ориентировался до 50-х годов на языковое “употребление”. С начала же 50-х годов он резко меняет свою позицию, перейдя от употребления простого русского слова к “глубокомысленныя славянщизны”» (*Замкова В.В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975. С. 6).

[28] Ср. фр. ориг.: *Enfin, c’est par sa justice qu’il a mérite d’etre aux enfers* <u>*le souverain juge*</u> *des morts* (Les aventures de Télémaque fils d’Ulysse par Fénélon. T. 1. Milan, 1821. P. 97), где *le souverain juge*, дословно «верховный судья», переведено существительными *предсѣдатель* и *судия*.

[29] Речь идет о приближенных царя Миноя, «коих Миной Судиями поставил». Ср. фр. ориг.: *Ensuite* ***celui qui présidoit*** *proposa trois questions, qui devoient etre décidées par les max-*

Слово ***предсѣдѣтель*** Тредиаковский использует и в многотомных переводах «Древней истории» и «Римской истории» Роллена: *Ликорт, и как* ***предсѣдатель*** *в совѣтѣ, и как единомышленник с Филопеменом, ... предприял отвѣтствовать на Аптевы укоризны*. Древн. ист. VIII 295 (1761). *Опредѣлены* ***Предсѣдателями*** *быть на Столѣтных Потѣхах ... М. Эмилий, и М. Ливий Салинатор*. Римск. ист. IV 118 (1762). *Взял он* <Л. Антоний> *случай, уподобить себя с Самоугодием Марию, ... вступившему* ***Предсѣдателем*** *в Сенатѣ в отправление Консулства*. Римск. ист. XV 160 (1766). Ср. фр. ориг.: *Il prit occasion de se comparer avec complaisance à Marius, qui s'étoit aussi trouvé dans le cas de dépouiller la robe triomphale, pour prendre possession, en* ***présidant*** *au Sénat*[30]. В контексте стилистики этих переводов — стремления Тредиаковского не употреблять заимствования — слово ***предсѣдатель*** находится в ряду с многочисленными лексико-семантическими кальками, такими как *совѣтоначальник* – ministre, *пронаписание* – proscription, *достопамятствие* – monument и др.[31]

Стилистически и семантически выбиваются из предшествующей традиции бытования слова ***предсѣдатель*** примеры, отмеченные с 1765 г. В этих случаях слово использовано для обозначения иностранной должности председательствующего светской организации — т. е. в той ситуации, где ранее применялось только слово ***президент***: *Городовое правление* <Нью-Йорка> *состоит из одного бургомистра, Алдермана и Шерифа или ратсгера, из городовых судей,* ***предсѣдателей****, приказных служителей и других нижних чинов, так как в Аглинских городах*. Сев. Ам. 117 (1765). *Из Гамбурга ... Сказывают, что возстановлен прежний статский совѣт, и* ***предсѣдателем*** *в нем назначен наслѣдный Принц Фридрих*. Спб. в. 1772 № 10. Эти примеры можно рассматривать как черты нового этапа в истории слова, в яркой форме проявившиеся со второй половины 70-х гг. (см. ниже п. 3).

Слово ***президент*** в середине века напротив используется активно, распространяясь все шире по сравнению с изначальной сферой, заданной в «Генеральном регламенте»[32]. Данным термином в этот период могут быть обозначе-

---

imes de Minos (Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse par Fénélon. P. 107), где оборот *celui qui présidoit*, дословно «тот, который возглавлял; председательствующий», переведен существительным *предсѣдатель*.

[30] *Rollin Ch*. Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium. Tome quinzieme. Amsterdam, 1748. P. 211–212.

[31] *Алексеев А.А*. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского. С. 292.

[32] Об активности данного заимствования говорит и то, что в русском языке появляются производные *президентство, президентша, президиальный*: *По прошествии четырех мѣсяцов как сей первый, так и будущие по нем Президенты, слагая с себя* ***Президентство****, представляют собранию трех Членов*. ТВЭО I Устав. ***Президентша****, предсѣдательша, жена председателева*. ФРЛ[1] II 322. Наряду с ними встречаются и заимствованные глаголы *президовать* (ср. пол. prezydować < лат. praesidere) и *президировать* (ср. нем. prasidieren, непоср. и через. фр. presider < лат. praesidere): *В полковом крикс рехте* ***президует*** *полковник, или полуполковник, и имѣет при себѣ ассессоров*. Артикул 7 (1715); *Оной* <суд> *состоит из 16 аудиторов* (*auditeurs*), *у коих один советник* ***президирует***. Пут. Дем. 123 (1757); *В одном*

ны руководящие должности в различных сферах: *Ексарх, из Архиереев,* ***Президент*** *духовнаго правления* (ЛВ[1] I 941; 1755 г.). *Публика наипаче обязана Их Превосходительствам господину Тайному Совѣтнику, Манифактур Коллегии* ***Президенту*** *... Василью Евдокимовичу Адодурову*. ЕС 1763 I 72. *Intendant des finances.* ***Президент****, главной судья камерных дѣл, в рентереѣ* (ЛВ[1] II 202; 1764 г.). *При первом собрании подписавшихся под планом экономическаго общества 15 членов, выбраны будут из их числа* ***Президент****, два Секретаря*. ПСЗ XVII 369 (1765). *За что ему тогож Ноября 29, яко в первое собрание послѣ торжественнаго дня Тезоименисства Ея Императорскаго Величества, чрез* ***Президента*** *нашего* <экономического> *Общества, будет вручена назначенная в награждение золотая медаль*. ТВЭО I 172 (1766). *Каждая из оных* <учебных коллегий> *имѣет своего начальника, которые в иных называются* ***Президент***. Дшк. Англ. пут. 134 (1775) и мн. др.

Будучи частичным дублетом к термину ***президент*** (в значении ‘первое лицо в каком-либо собрании, учреждении’), лексема ***презес*** (***презус***) снижает употребительность. В середине и конце века употребления слова немногочисленны: *Назначенной к изслѣдованию поступок Генерала Мордонта кригсрехт состоит из 9 Генералов Порутчиков, между которыми* ***Презесом*** *Лорд Тирали.* Спб. в. 1758 № 2. ***Презес*** *гимназии, принял защищать первое мнѣние.* Ист. животн. 239 (1762). *Потом сказывал он и о судѣ гвардии маиора князя Гагарина с порутчиком Озеровым, и доносил Его Высочеству, что присутствующие Озерова оправили, а он, яко* ***презес****, подал свой голос, что прав князь Гагарин и виноват Озеров*. Зап. Пор. 190 (1764). Периодически слово встречается в законодательных текстах «Полного свода законов»: *Посылать в тот суд от полка Офицера, которому при том судѣ быть и сидеть по правую руку* ***Презуса****, ежели тот Суд производится в Магистратѣ.* ПСЗ XVII 486 (1766); *Дабы в пересылках тѣх судов из мѣста в мѣсто не могло происходить продолжения времени, предписать* ***Презусу****, чтоб оный окончательные Кригсрехты других дивизий на конфирмацію представлял тѣм только Шефам, кои здѣсь находятся*. ПСЗ XX 497 (1777). *Наряжаемые от полков Штаб и Обер-Офицеры в* ***Презусы*** *и Ассесоры для произведения военных судов, во все отвлекаются от исправления должностей по званиям их в полках*. ПСЗ XXVII 722 (1803) и др. Как показывает материал, слово ***презес*** (***презус***) до конца века чаще всего используется для обозначения главы военного суда[33].

конце залы есть креслы про оратора, которой в сем собрании ***президирует***. Пут. Дем. 252 (1757).

[33] Отдельно стоит отметить пример использования слов *президент* и *презус* в переводе статьи «Docteur en Medecine» («Доктор медицины»), сделанном Петром Погоретским, при попытке переводчика обозначить этими словами две разные должности. Слово *президент* использовано со значением ‘глава экзаменационной комиссии’: *В протчем дѣйствие докторства есть одна церемония, с которою* ***Президент*** *взносит на Лиценциата право послѣ чего новой Доктор имѣет благодарительную речь, которая все сие торжество оканчивает.* ПЭ III 50 (1767) — фр. ориг.: *L'acte du doctorat n'est plus que la cérémonie avec laquelle le* ***président*** *donne le bonnet au licentié, & le nouveau docteur fait ensuite un discours de remerciment qui termine son triomphe*); в то время как *презус* обозначает ‘главу диссертационной комиссии’: *Таковы суть степени, по которым происходят в чин Доктора Медицины*; *а чтоб полу-*

3. С середины 70-х гг. соотношение слов ***президент*** и ***предсѣдатель***, связанное с их частотностью, меняется. Причиной этому послужила резкая активизация слова ***предсѣдатель***, его переход от эпизодического появления в текстах отдельных авторов к активному употреблению. Этот переход непосредственно связан с законотворческой деятельностью Екатерины II, а именно с ее областной реформой, начавшейся в 1775 г. Наличие этого переломного момента в судьбе слова составляет полную параллель к истории слова ***президент***, также подвергшегося административной терминологизации после выхода «Генерального регламента», излагавшего новую для того времени административную терминологию. Для слова ***предсѣдатель*** подобным документом стали «Учреждения для управления Губерний» (1775 г.), согласно которым оно становится официальным обозначением ряда должностей в новой структуре местного самоуправления.

Важно отметить, что в подготовительных материалах к этому законопроекту, написанных С.Е. Десницким, слово ***предсѣдатель*** не использовалось. Для обозначения городского главы использовалось слово ***президент***: *В губернских и знатных купеческих провинциальных городах гражданская власть может получена быть двѣнадцатим человѣкам, .. Должность сих человѣк та же в городах губернских и знатных провинциальных должна быть, какая вышепредписанная гражданской власти и в столичных городах, с той только отмѣной, чтоб в губернских и других городах члены гражданской власти засѣдали всѣ вмѣстѣ, не раздѣляясь на департаменты и отправляли бы гражданскую власть совокупно, выбрав одного из себя* ***президентом***. Дсн. МКУ VII 20–21 (1768). Однако в окончательный текст «Учреждений для управления Губерний» это слово не попало, а слово ***предсѣдатель*** было использовано, но в более узком значении – ‘главный судья в системе судов разного вида’[34]: *В Палатѣ Уголовнаго Суда засѣдает* ***Предсѣдатель*** *1, 2 Совѣтника и 2 Ассесора ... В Палатѣ Гражданскаго Суда засѣдает* ***Предсѣдатель*** *1, 2 Совѣтника и 2 Ассесора*. ПСЗ XX 232 (1775). *В Верхнем Земском Судѣ засѣдает первый и вторый* ***Предсѣдатель*** *и 10 Засѣдателей*. ПСЗ XX 232; *В Губернском Магистратѣ засѣдает первый и вторый* ***Предсѣдатель*** *и 6 Засѣдателей*. ПСЗ XX 233. Ср. упоминание тех же должностей в более поздних юридических сочинениях и деловой переписке: *Они* <дворяне> *во всѣхъ государствахъ, а наипаче в Российскомъ, и по справедливой причинѣ, первыми издревле позваны были въ письмоводители или Секретари, въ Совѣтники, Судии, Воеводы,* ***Предсѣдатели***,

---

чить право почетности, довлѣет, когда уже он на диспутѣ ***был презусом***. ПЭ III 50 (1767) — фр. ориг.: *Tels sont les degrés par lesquels on est élevé à la dignité de docteur en Medecine; & pour acquérir les droits de régence, il suffit* ***d'avoir présidé*** *à une these*). Текст французской энциклопедии приводится по электронному изданию на сайте: http://portail.atilf.fr/cgi-bin/getobject_?a.32:13:8./var/artfla/encyclopedie/textdata/IMAGE/ (01.08.2019).

[34] Интересно отметить, что в период подготовки реформы с должностью главного судьи ассоциировалось заимствование *президент*. В журнале «И то и сё» (1769) в списке слов, «напрасно вводимых в язык и нуждающихся в разъяснении», оно снабжается пояснением: *Президент. Главной судья*.

Намѣстники Государевы, въ бояре и Сенаторы. Дсн. 1778 19[35]. *В Новгородской губернии губернатор и* ***предсѣдатель*** *Верхняго Земскаго Суда Долинский лучше многих других, хотя уже послѣдний слишком стар*. АВ XIII 66 (1780-е гг.). *Палата .. прислала сообщение в Экспедицию о расходах от 30 Маия 1787 года, в коем изъясняет, относительно просрочки* ***Предсѣдателем*** *Туманским, что Намѣстническое Правление ... сообщило, что* ***Предсѣдатель*** *Туманской был уволен в отпуск два раза*. ПСЗ XXIII 104 (1790) и др.

После выхода в свет в 1775 г. закона о губерниях, затронувшего жизнь широких слоев населения, слово ***предсѣдатель*** входит в активный повседневный обиход[36]. В связи с этим к концу XVIII в. оно заметно расширяет свою сферу употребления, выходит за рамки юридических текстов и встречается в текстах художественных, в том числе и поэтических. Например, в стихотворении Е.И. Кострова «Безделка»: *Судья и самый* ***предсѣдатель****, Худой законов толкователь, Дает бездѣлкѣ важной вид*. Кстрв Соч. 185 (не позднее 1786 г.); в басне И.И. Дмитриева «Ружье и заяц»: *Ничто и ты, закон! Подумает читатель, Когда не бодрствует, но дремлет* ***предсѣдатель.*** Дмтр. III 31 (1805). Слово отмечено в комедии В.В. Капниста «Ябеда», в которой одним из действующих лиц выступает председатель гражданской палаты Кривосудов: [Добров:] *Вы вѣдать то, Что дому Господин* (действие происходит в доме Кривосудова), *Гражданский* ***Предсѣдатель****, Есть сущий истинны Иуда и предатель.* Капн. Яб. 5 (1798).

Такая актуализация лексемы привела к ее экспансии в сферу законодательно не регламентированного употребления заимствования ***президент***. К 70-м гг. XVIII в. слово ***президент*** было вполне обычным для обозначения не связанных с российским законодательством иностранных административных реалий. После выхода закона 1775 г. для передачи этих значений начинает часто использоваться слово ***предсѣдатель***: *В Лондонском Королевском Ученом Собрании было недавно публичное Засѣдание, во время котораго* ***Предсѣдатель*** *онаго Кавалер Прингл говорил преизрядную Рѣчь*. Спб. в. 1777 № 1. *Повѣренные Мѣщанства .. составили особое Собрание и наименовали оное Народным.* ***Предсѣдателем*** *избран г. Бальи, и опредѣлены два Секретаря*. Спб. в. 1789 864. *По жребию досталось ему* <Сократу> *быть в числѣ Сенаторов. Вмѣстѣ с другими членами Сената предсѣдал он в народном собрании ... Народ прихо-*

---

[35] С.Е. Десницкий использует данное слово также при переводе работы У. Блэкстона «Истолкования английских законов г. Блакстона ... с подлинника английского» [перев. при участии А.М. Брянцева]: *Изъ сихъ десяти помѣщиковъ одинъ ежегодно выбираемъ былъ* ***предсѣдателемъ***. Блэкстон I 293 (1780).

[36] Актуализация слова *предсѣдатель* воспринималась современниками как новое слово в языке. В.В. Виноградов приводит свидетельства А.С. Шишкова: «До заведения наместничеств мы не употребляли слов: *наместник, исправник, пристав, заседатель, председатель* и проч. Тогда они были несколько новы, но теперь кто не употребляет их даже и в самых простых разговорах?»; Н.И. Греч в «Чтениях о русском языке» также указывал на то, что слово *председатель* получило официальную санкцию лишь во второй половине XVIII в. «при Екатерине вошли в употребление слова русские: *казенная, гражданская, уголовная палата, управа благочиния, наместник, председатель, исправник, заседатель* и т. п.». См.: *Виноградов В.В*. Председатель. С. 543).

дил в ярость от малѣйшаго противорѣчия .. Другие предсѣдатели от страха утвердили рѣшение: один Сократ, не боясь никаких угроз, клялся, что он не будет судить беззаконно. Пант. ин. сл. II 129 (1798). *Учредил он* <Колумб> *в селении совѣт, в котором предсѣдателем был избран один из его братьев, а сам приуготовился к новым путешествиям*. Всемирн. пут. X 26 (1802) и мн. др.

Однако в то же время для передачи иностранных руководящих должностей продолжает использоваться и слово ***президент***: *Г. Дикинсон .. будучи послѣ в Пенсильвании* ***Президентом****, невозгнушался сражаться с наступавшими на него*. Рдщв Пут. 301 (1790). *Как извѣстной союз, описанной в прежнем мѣсяцѣ, отвергнул название вельможеской стороны: то выдумали новое. Народное Собрание* <во Франции> *раздѣляют теперь на черных (noires) и бѣшеных | (enragés). Первые, то есть союзники, засѣдают по правую руку* ***Президента*** *Собрания; а послѣдние, то есть бѣшеные, по лѣвую*. ПЖ III 404–405 (1790). *Большая галлерея, стол для* ***Президента*** *и еще два для Секретарей по сторонам; напротив каѳедра; кругом лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей*. Крм. ПРП VI 20 (1801) и др. Следует обратить внимание на приведенные примеры из Спб. в. 1789 и ПЖ III: в них слова ***предсѣдатель*** и ***президент*** выступают как полные синонимы, т. к. речь идет об одной и той же должности главы Учредительного собрания 1789 г. Толковый словарь, выпущенный Российской Академией, также отождествляет должности президента и председателя: словарная статья «Президент» с пометой *Лат*. (САР[1] IV: 1078) отсылает к статье «Предсѣдатель» (САР[1] V: 1037) без дополнительных пояснений и комментариев.

Не было последовательности в последней трети XVIII – начале XIX в. и в обозначении руководящих должностей различных основанных в этот период учреждений: *Академии* ***Предсѣдатель*** *Ея Сиятельство Княгиня Екатерина Романовна Дашкава*. АРА 12. *В 1780 году он* <И. Ф. Богданович> *был опредѣлен в новоучрежденный тогда Государственный Санктпетербургский Архив Членом, в 1788* ***Предсѣдателем*** *его*. ВЕ IX 106 (1803). *Слѣдственное дѣло о зарублении ... на дачѣ ея сиятельства ... статс дамы, Академии Наук директора, Императорской Российской Академии* ***президента*** *и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашковой, принадлежавших ... Александру Александровичу Нарышкину Голландских борова и свиньи*. АВ XXI 404 (1788).

Руководящая должность в учреждении другой сферы (во встретившихся примерах это организации более низкого ранга) может быть обозначена заимствованием: *Не хочу доказывать тебѣ несправедливости твоего равнодушия к приятностям сельским; ибо сия материя давно уже, часто и пространно была нами трактована как в присутствии, так и отсутствии А. И.,* ***президента*** *селозащитительнаго общества*. Псм[1] Птрв 893 (1787). ***Президент*** *Коммиссии о снабжении резиденции припасами, есть Начальник Военнаго Департамента.* ПСЗ XXV 370 (1798); *Антоновский, оставляя Московский университет и купно управление сим ученым обществом по своему званию* ***президента*** *в оном, почтен был ... признательностию*. Зап. Ант. 151 (1806).

Слово ***президент*** может использоваться и в значении, основном для термина ***предсѣдатель***, – ‘старший судья’. Встречаются подобные номинации

судьи в других странах: *Почитающияся же у нас наилучшими и вѣрнѣйшими обнародованныя древния рѣшения суть тѣ, которыя собрал и напечатал сам* ***президент*** *Юстицкой Кок, муж несравненнаго знанья в сем дѣлѣ*. Блэкстон I 181 (1780). *Не могу скрыть от вас, что я не люблю дружиться с людьми вышшаго состояния ... да и на что скрывать? мнѣ ничего не стоит признаться вам в этой антипатии, вам, знатному родом, сыну Французскаго Канцлера и первому* ***Президенту*** *верховнаго судилища — так, государь мой — вам самим*. Пант. ин. сл. III 148 (1798); а также применительно к российской должности главного судьи: *Вот отчего в судах судьею секретарь, Затем что* ***президент*** *— незнающая тварь, И скудоумием своим всё одобряет Что секретарь его ему ни представляет*. Хмн. СС 160 (ок. 1774–1779 гг.).

4. Вывод.

История рассмотренных слов, их вхождение в активный обиход и связанные с этим этапы их взаимодействия друг с другом оказываются напрямую связаны с крупнейшими государственными преобразованиями, проведенными Петром I и Екатериной II. Использование в качестве русского административного термина оказывается ключевым для известных с XVII в. слов ***предсѣдатель*** и ***президент***, а также для заимствования начала XVIII в. ***презес***: именно их кодификация в законодательных актах в качестве терминов становится отправной точкой для дальнейшего вхождения в язык и освоения более широких и переносных значений. Этот фактор оказывается определяющим для относительной хронологии активизации слов в русском языке: первыми в широкое употребление входят регламентированные документами Петровской эпохи заимствования ***президент*** и ***презес***, впоследствии им начинает составлять конкуренцию слово ***предсѣдатель***, после его появления в законодательстве Екатерины II. Для слов ***президент*** и ***предсѣдатель*** можно указать основной текст, повлиявший на их дальнейшую судьбу. Заимствование ***президент*** актуализируется после выхода в 1720 г. «Генерального регламента», а слово ***предсѣдатель*** значительно расширяет сферу употребления после издания в 1775 г. «Учреждений для управления Губерний».

Основные этапы взаимодействия этих совпадающих по основному значению (‘глава какого-либо собрания, учреждения’) определяются хронологическими вехами появления названных документов. В период до 1775 г. слово ***предсѣдатель***, сохранявшее, по-видимому, церковную стилистическую окраску, на фоне слова ***президент*** воспринималось как калька с него и использовалось преимущественно в качестве пояснения к нему. В последней четверти XVIII в. слова оказываются равноправными конкурентами, что видно по применению обоих терминов к одним и тем же административным должностям. Слово ***презес***, этимологически родственное слову ***президент***, на протяжении всего века имело маркированную область употребления — значение ‘главный военный судья’, что, возможно, придавало ему жизнеспособности в языке. Тем не менее, более общий по семантике термин ***президент*** мог заменять слово ***презес*** и в судебной сфере, а применявшееся также в судебной сфере, согласно «Учреждениям для управления Губерний», слово ***предсѣдатель*** дополнитель-

но ограничивало возможную сферу распространения и без того малоактивного в целом латинизма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Лом. ДРИ — Древняя российская история от начала российскаго народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым. СПб, 1766.

Оп. Япона — Описание о Японе содержащее в себе три части, то есть: Известие о Японе и о вине гонения на христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено. СПб., 1734.

Пут. Дем. — Путешествие братьев Демидовых по Европе. Письма и подневные Журналы. 1750–1761 годы. М., 2006.

СЛОВАРИ И КАРТОТЕКИ

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

САР[1] — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).

Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академией наук. Т. I–IV. СПб., 1847.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л., СПб., 1984–2019 (издание продолжается).

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–8. СПб., 2004–2019 (издание продолжается).

Н.В. Патроева

ТРОПЫ И ФИГУРЫ «РЕЧЕНИЙ» И «ПРЕДЛОЖЕНИЙ» В РИТОРИКЕ И СТИХОТВОРЕНИЯХ М. ЛОМОНОСОВА (по материалам словарей)[1]

Современный этап развития словарного дела в России характеризуется особым интересом к русской словесности XVIII века, и прежде всего к фигуре главного реформатора русского литературного языка и поэзии М.В. Ломоносова: за последние несколько лет вышла целая серия «ломоносовских» словарей, представляющих терминологию, грамматику, метрику, историю изучения творчества российского ученого-энциклопедиста[2].

Проблема формирования риторической (и — шире — филологической) терминологии интересна не только имманентно, сама по себе, но и с точки зрения формирования русского литературного языка, а также развития поэзии эпохи российского барокко и классицизма. В этом смысле интерпретация классической риторической теории в «Кратком руководстве к красноречию» 1748 года с опорой не только на античные греко-латинские образцы, но и на собственные опыты Ломоносова в стихах и прозе представляет несомненный интерес как обширный материал для нынешних и будущих исследователей. Вопрос о становлении риторической традиции в России тесно смыкается с проблемой эволюции национального литературного языка, языкового сознания эпохи и роли в этом процессе индивидуального слога Михаила Ломоносова, еще далеко не изученного в системном и стилистическом планах[3]. По верному замечанию П.Е. Бухаркина, не столько теоретическая, сколько иллюстративная часть трак-

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

[2] См.: Словарь «Риторика М.В. Ломоносова. Тропы и фигуры» // Риторика М.В. Ломоносова / Науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб., 2017. С. 9–522; Словарь языка М.В. Ломоносова / Гл. ред. акад. Н.Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 1–5. СПб., 2010–2011; Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 тт. / Под ред. Н.В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб., 2019.

[3] Единственным научным трудом, представляющим ломоносовский идиостиль как систему, до сих пор остается ставшая уже классикой в этой области работа, написанная более полувека назад: *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.-Л., 1966.

татов по искусству красноречия «представляет, пожалуй, более богатый и проще интерпретируемый материал; с известной долей преувеличения можно сказать, что она в большей степени, нежели правила и предписания, связывает риторическую теорию с языковой практикой и вообще со стихией языка»[4], поскольку риторические трактаты «имеют статус неоспоримого культурного и языкового авторитета, статус образцов, посему закрепление в них каких-либо фактов свидетельствует о признании этих фактов языковым сознанием тоже в качестве образцовых»[5]. Наконец, именно риторическое руководство Ломоносова, а не его «Российская грамматика» демонстрирует нам развитие русской синтаксической терминосистемы.

Словарь «Риторика Ломоносова. Тропы и фигуры» (далее — РЛ) как исторический и дифференцирующий по своему типу описывает используемую Ломоносовым риторическую терминологию на широком диахроническом фоне предшествующих, современных Ломоносову и более поздних трактатов по искусству красноречия, а также предлагает богатый иллюстративный материал из «Краткого руководства к красноречию» и — дополнительно — из более раннего «Краткого руководства к риторике» (1743 г.). Интересно было бы (в развитие предложенной в РЛ характеристике тропов и фигур) выяснить, как часто сам Ломоносов в своей поэтической практике использовал тот или иной риторический прием. На наш взгляд, хорошей эмпирической базой в этом отношении может служить «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века», второй том которого (далее — ССРП2) содержит материал не только по грамматике стихотворений М.В. Ломоносова, но и примеры используемых реформатором русского языка и стиха тропов и фигур речи. Разноаспектная характеристика предложений (в том числе с точки зрения использованных в данном художественном контексте тропа или фигуры речи) в синтаксическом поэтическом словаре предлагается в виде таблицы, строки которой являются аналогом статьи традиционного («лексического») словаря, а наименования граф представляют модель словарной статьи во главе с предложением — леммой[6].

Отметим, что перечень риторических приемов отличается в РЛ и ССРП2[7], поскольку в РЛ изложена предложенная Ломоносовым система тропов и фигур,

---

[4] *Бухаркин П.Е.* Риторические трактаты как материал для истории русского литературного языка середины XVIII века // Риторика М.В. Ломоносова. СПб, 2017. С. 549.

[5] *Бухаркин П.Е.* Риторические трактаты как материал для истории русского литературного языка середины XVIII века. С. 549.

[6] О сводном поэтическом словаре «нелексического типа» см.: *Патроева Н.В.* Синтаксис русской поэтической классики как лексикографическая проблема // Грамматические исследования поэтического текста: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.Л. Шестакова, Н.В. Патроева. М., 2017. С. 38–40; *Патроева, Н.В.* Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта // Славянская историческая лексикология и лексикография. СПб., 2018. Вып. 1. С. 122–131.

[7] В РЛ описываются «тропы речений» (метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис, металепсис), «тропы предложений» (аллегория, парафразис, эмфазис, иперболa, ирония), «фигуры речений» (повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие, согласование) и «фигуры предложений» (определение, изречение, вопрошение, ответствование, обращение, указание, заимословие, умедле-

ССРП2 же фиксирует экспрессивно-стилистические средства, обнаруженные авторами словаря в ломоносовских стихотворениях, и интерпретирует их в рамках современной риторической и стилистической терминологии[8], однако оба издания опираются на тексты произведений, опубликованные в одиннадцатитомном академическом «Полном собрании сочинений» Ломоносова (далее — АПСС).

Включенные в восьмой том АПСС стихотворные произведения М.В. Ломоносова малых и средних жанров, составляющие материал ССРП2, включают следующие виды тропов, описанных М.В. Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию»:

1. «Тропы речений», в терминах «Краткого руководства к красноречию»:

1) Метафора является, по определению М. Ломоносова, переносом «речений от собственного знаменования к другому ради некоторого обоих подобия» (РЛ 45); автор дает рекомендацию «метафор не употреблять чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь втесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают» (РЛ 45); приведем только один пример из ССРП2:

Младый Великий Князь, Ты ***восходя сияешь***
И веку Своего ***свет*** *полный обещаешь.* (АПСС 8 610)

ние, сообщение, поправление, расположение, присовокупление, уступление, вольность, прохождение, умолчание, сомнение, заятие, напряжение, пременение, желание, моление, изображение, возвышение, восклицание, восхищение).

В ССРП2 в рубрике «Риторические приемы» фиксируются следующие (приводим в алфавитном порядке): аллегория, алогизм, амплификация, анаколуф, анафора, антитеза, антономазия, асиндетон, гипаллага, гипербола, зевгма, инверсия, ирония, каламбур, литота, метафора, метонимия, олицетворение, оксюморон, период, перифраз, повтор (корневой, аффиксальный, лексический), полисиндетон, риторическое обращение, риторический вопрос, риторическое восклицание, симплока, синекдоха, синтаксический параллелизм, сравнение, умолчание, эллипсис, эпифора. Характеристика синтаксических значений предложений, представленная в словаре, содержит указание на некоторые из перечисленных Ломоносовым в разделе «Фигуры предложений» явлений: например, «уступление», «сомнение» и «желание». «Присовокупление» присутствует в однородных рядах, отмечаемых словарем. Амплификация оказывается аналогична «умедлению». Эпитет в рубрике «Риторические приемы» не указывается в силу максимальной своей частотности в художественном тексте в сравнении с другими тропами. В «Кратком руководстве к красноречию» и РЛ примеры эпитетов встречаются при изложении вопроса об «определении» как «фигуре предложения» и в качестве примеров метафоризации имен (РЛ 45, 221–226).

До сих пор не существует единого и всеми принятого списка тропов и фигур речи (об истории изучения фигур речи и мысли см., напр.: *Ушакова К.М.* Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) М., 2010; *Пекарская И.В.* О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 83–95; Historisches Wörterbuch der Rhetorik / hrsg. Von Gert Üding. Mitbegr. von Walter Jens. In Verbindung mit Wilfried Barner. Bd. 1–11. Tübingen; Berlin, 1992–2014.). Этим также объясняется отличие терминологических схем в РЛ и ССРП2.

[8] См., напр., Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003.

В 118 выбранных для анализа составителями ССРП2 стихотворениях Ломоносова отмечено 2194 предложения и 1275 метафорических контекстов, то есть в среднем 1 метафора на 2 предложения и 11 метафор на 1 стихотворение — показатель достаточно высокий и жанрово обусловленный (ода как регистр «высокий» и о важных материях рассуждающий предполагала широкое привлечение метафорики, несмотря на собственную рекомендацию поэта).

Олицетворение — один из активных тропов в стихотворениях Ломоносова, который для автора «Краткого руководства к красноречию», очевидно, было разновидностью метафоры («когда речение, к одушевленной вещи надлежащее, переносится к бездушной» (РЛ: 45), — читаем в параграфе о метафоре:

Приятной,
Любимой
быть, владеть ***судьба*** *вас* ***одарила,***
Но перваго во мне чувствительнее сила. (АПСС 712)

Как особый троп или фигуру речи Ломоносов не рассматривает и родственное метафоре сравнение (в ССРП2 отмечено 117 подобных репрезентаций):

Российский род в сердцах Ей образ начертал,
Твердее тьмою крат, как Мрамор и Металл. (АПСС 710)

2) Описание синекдохи — тропа, «когда речение переносится от большего к меньшему или от меньшего к большему» (РЛ: 60), — Ломоносов помещает перед параграфом о метонимии, но в произведениях Ломоносова синекдоха по активности своей (143 репрезентации) значительно уступает метонимии (241 контекст):

О Боже! призри к нам единаго лишенным
И успокой ***наш дух*** *довольством совершенным.* (АПСС 517)

3) Метонимия «есть, когда вещей, некоторую принадлежность между собою имеющих, имена взаимно переносятся» (РЛ 70):

Россию *предприяв ущедрить,* ***небеса***
Являют Твоея породы чудеса. (АПРФ 610)

Метонимические переносы (241 контекст) активны в гражданских и духовных одах Ломоносова (в среднем более 1 метонимии на 1 стихотворение).

4) Антономазия как «взаимная перемена имен собственных и нарицательных» (РЛ: 82) используется Ломоносовым в 14 стихотворениях:

Я вижу умными очами:
Колумб российский *между льдами*
Спешит и презирает рок. (АПСС 445)

Катахрезис и металепсис отдельно в ССРП2 как термины не используются, так как в современных риторических словарях и учебниках или не представлены, или рассматриваются как частный случай иного тропа (метафоры, перифраза или метонимии).

2. «Тропы предложений»:

1) Аллегория как «перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих» (РЛ: 103), занимает более скромное место в ломоносовских одах, посланиях и внежанровых стихотворениях, чем собственно метафора: очевидно, Ломоносов, избегая многочленных развернутых метафор, стремился соблюсти высказанное по поводу метафоры пожелание авторам не нагромождать переносные контексты один на другой, дабы не затемнить смысл сказанного:

Но ближе тем парит Орлица,
Что правит свой полет ко Льву. (АПСС 344)

В качестве тропа, основанного на иносказательном толковании конкретного образа, аллегория часто используется в баснях и эпиграммах, но эти жанры редки в поэтическом творчестве Ломоносова:

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую пустыню,
Засевшись вся в галланской сыр. (АПСС 277)

2) «Парафразис» (перифраз), в изложении Ломоносова, «есть представление многими речениями того, что однем или немногими изображено быть может». Этот троп Ломоносов любил вводить в речевую ткань своих од (81 контекст, согласно данным ССРП2):

С восторгом радостным Нева внимает звук,
Что на противников ***Петров*** *готовит* ***Внук****.* (АПСС 610)

Антономасию (14 репрезентаций) можно рассматривать как разновидность перифраза.

3) Для иллюстрации «эмфазиса» Ломоносов приводит, наряду с примерами из Вергилия, собственные строки из похвальной «Оды на прибытие из Голстинии и на день рождения его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня»:

Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзким кораблем
Балтийски волны побелели. (АПСС 356)

В новейших риторических справочниках термин «эмфазис» не рассматривается в качестве наименования особого топа, а имеет более широкое значение (эмоциональное выделение, подчеркивание элементов текста), так что под эту категорию попадают любые экспрессивные средства.

4) «Ипербола» (гипербола): гиперболизация изображаемого часто использовалась в похвальных одах:

Видение мой дух возводит
Превыше Тессалийских гор! (АПСС 236)

Поскольку автор «Краткого руководства к красноречию» считал «послабление» (РЛ: 125) частным случаем «иперболы», то литоту можно также отнести к примерам гиперболизации, однако в стихотворениях Ломоносова этот троп составителями ССРП2 не отмечен.

5) Ирония встречается в эпиграммах, посланиях и внежанровых стихотворениях Ломоносова:

Уж плохи для него лавровые венки,
Нельзя тем увенчать премудрые виски. (АПСС 439);

и редко — в одах:

Но вот вам ваших бед почин:
Соседа в гнев ввели без вин,
Давайте в том другим примеры. (АПСС 389)

Однако при толковании этого тропа в «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов примеров собственного сочинения не приводит.

3. Среди «фигуры речений» особенно часто встречаются различные типы повтора — в терминах Ломоносова «повторение»:

***Дивятся** все, **дивишься** ты и сам:*
Как не греметь во гневе небесам! (АПСС 711)

составители ССРП2 отмечают 276 случаев лексического повтора, 17 морфемного повтора, 129 анафор и 1 эпифору, два из которых приводит сам Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (РЛ 145–146).

«Многосоюзие» (полисиндетон) и «бессоюзие» (асиндетон) используются Ломоносовым при построении сложных периодов. Выделяемые в том же разделе Ломоносовым «усугубление» и «наклонение» аналогичны лексическому повтору или полиптотону; «единознаменование» основано на синонимических связях; «согласование» выступает аналогом современного термина «парономасия» (обыгрывание сходнозвучащих слов); «восхождение» — восходящая градация, или климакс, в современных терминах (эти «фигуры речений» в ССРП2 не описываются).

Из 26 отмечаемых в «Кратком руководстве к красноречию» «фигур предложений», к часто используемым Ломоносовым, согласно данным ССРП2, относятся:

— риторический вопрос (227 репрезентаций):

Но как изобразить для вечности Геройство
И ревность Матерню, чем нам дала спокойство? (АПСС 710)

— риторическое восклицание (267 примеров):

Блаженная страна,
которой такова Монархиня дана! (АПСС 510)

— риторическое обращение (304 контекста):

Мы радость от небес, Щедроты, благодать
*Приемлем чрез Тебя, **Россиян верных мать**.* (АПСС 510)

Стилевая доминанта Ломоносова-поэта — одновременное использование для усиления выразительности и торжественности речи сразу нескольких риторических приемов, например, сочетание риторического обращения с восклицанием, метафорой, метонимией, повтором, инверсией (самым распространенным видом фигур речи, по данным ССРП2 — 2070 контекстов, извлеченных из 2194 предложений 118 стихотворений Ломоносова):

Европа и весь свет, Монархиня, свидетель,
Пред Вышнем коль Твоя любезна добродетель,
Он ревность храбрую в полки Твои вложил
И гордых сопостат коварну мочь сломил. (АПСС 585)

Сопоставление риторических идей и опытов М.В. Ломоносова, теоретического и эмпирического материала, представленного в словарях ломоносовской речи, доказывает тесную связь учения о красноречии с собственной писательской деятельностью реформатора русского языка и стиха: все описанные Ломоносовым тропы и фигуры используются в его творчестве и служат прекрасными образцами для подражания. Кроме вошедших в риторический трактат 1748 г. приемов усиления выразительности речи, Ломоносов применяет и другие (например, каламбур, антитезу, анаколуф, зевгму, эллипсис), что свидетельствует о бедности любых схем и классификаций в сравнении с реальной поэтической практикой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПСС — Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 тт. М.-Л., 1959.

РЛ — Словарь «Риторика М.В. Ломоносова. Тропы и фигуры» // Риторика М.В. Ломоносова / Науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб., 2017. С. 9–522.

СЯЛ — Словарь языка М.В. Ломоносова / Гл. ред. акад. Н.Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 1–5. СПб., 2010–2011.

ССРП2 — Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4-х тт. / Под ред. Н.В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб., 2019.

СЭС — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003.

HWR — Historisches Wörterbuch der Rhetorik / hrsg. Von Gert Üding. Mitbegr. von Walter Jens. In Verbindung mit Wilfried Barner. Bd. 1–11. Tübingen; Berlin, 1992–2014.

М.Г. Шарихина

ФИГУРА «ВОСХИЩЕНИЕ» В «КРАТКОМ РУКОВОДСТВЕ К КРАСНОРЕЧИЮ» М.В. ЛОМОНОСОВА: К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

1. Риторическая фигура «восхищение»: культурно-исторический контекст

Фигура «восхищение»[1] обычно рассматривается исследователями поэтического творчества М.В. Ломоносова в контексте теории «лирического восторга»[2]. Это обусловлено генетической связью данной фигуры с поэтическим «восхищением» — «одним из основных понятий эстетической программы Ломоносова»[3]. Поэтический восторг является основой смысловой организации пиндарической оды, «постоянным признаком одического жанра и — в результате экстраполяции — конститутивным элементом высокого стиля»[4]. Обращаясь к определению этой фигуры в «Кратком руководстве к красноречию» (далее — Риторика), В.М. Живов выделяет в ее содержании следующие элементы: «указание на связь поэтического восторга с сверхъестественным откровенным знанием (которое, впрочем, Ломоносов называет мечтанием, т. е. наваждением, опасаясь вполне уравнять поэта с подлинным боговидцем), подкрепленное ссылкой на античную (пифагорейскую) традицию, обращение к оде на взятие Намюра Буало как

---

[1] *Восхищение есть когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или страшного и чрезъестественного дела. Сия фигура совокупляется почти всегда с вымыслом и больше употребительна у стихотворцев*. Лом. АСС 7: 284–285.

[2] См.: *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.-Л., 1966. С. 136–137; *Серман И.З.* Неизданный конспект М.В. Ломоносова «Трактата о возвышенном» Псевдо-Лонгина в переводе Н. Буало // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 343; *Живов В.М.* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых» // История культуры и поэтика. М., 1994. С. 71–72; *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 191.

[3] *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. С. 136–137.

[4] *Живов В.М.* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых». С. 72–73.

образцу экстатической речи поэта, легитимацию барочной поэтики и стилистики (в частности, вымысла и гиперболы) как необходимого средства выражения стихотворческого профетизма»[5]. Эти элементы указывают на те традиции, к которым восходит риторическая фигура: с одной стороны, к западноевропейской (античной и современной) и, с другой стороны, к барочной.

Вместе с тем самой фигуры «восхищение» в риторических трактатах не обнаруживается. О ее отсутствии в античной традиции сообщает сам Ломоносов в своей риторике: *Сей фигуры хотя нет в правилах у древних учителей красноречия, однако много есть примеров в употреблении*. Риторика 157. И.З. Серман, комментируя этот фрагмент, предположил, что восхищение как поэтический прием «было понято только в новое время, и потому, очевидно, Ломоносов считает его свойством стиля поэзии нового времени вообще и своего собственного творчества в частности»[6]. Между тем риторической традиции Нового времени эта фигура также, по-видимому, не знакома. По крайне мере в тех известных нам риториках, с которыми был знаком М.В. Ломоносов[7], она отсутствует.

Близкой к понятию «восторга» в его поэтико-эстетической функции является категория «удивления»[8]. В связи с этим, кажется вполне правомерным употребление фигуры admiratio в качестве аналога фигуры «восхищение» в издании «Риторика М.В. Ломоносова», в котором приводятся следующие контексты. Первый принадлежит сочинению И.К. Готтшеда[9]: «Когда выражают удивление по поводу какого-либо неожиданного дела. Например, Демосфен в своей “Первой речи против Филиппа”. Я в самом деле удивляюсь, что никто из вас не замечает того и не чувствует себя оскорбленным тем, что война идет столь неудачно. Разве не так? Мы начали ее с целью отомстить Филиппу. Сейчас же дело дошло уже до того, что мы едва можем от Филиппа обороняться»[10]. Второй — риторике П. Крайского: «Соединение частей в речи

---

[5] *Живов В.М.* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. С. 72.

[6] *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. С. 137.

[7] Основной корпус проверенных нами риторик приведен в: Риторика М.В. Ломоносова / П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, А.А. Ветушко-Калевич, Н.В. Карева, К.Н. Лемешев, Е.М. Матвеев, К.Н. Номоконова, А.Н. Семихина, А.С. Семихина, А.С. Смирнова, К.Ю. Тверьянович, А.К. Филиппов, М.Г. Шарихина / Науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб., 2017. С. 25–26. Кроме этого, нами была учтена и не вошедшая в указанный список риторика М. Радау (Radau 1683); о ее влиянии на Риторику М.В. Ломоносова см.: *Костин А.А., Николаев С.И.* Неучтенный источник риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7. М.В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. М; СПб., 2013. С. 41–53.

[8] См.: *Алексеева Н.Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. С. 191.

[9] Несмотря на столь позднее появление этой фигуры в риториках, поэтико-эстетическая категория admiratio активно разрабатывалась в риторических сочинениях уже со времен античности; см.: Herrick M.T. Some Neglected Sources of Admiratio // Modern Language Notes. Vol. 62, No. 4 (Apr., 1947). 1947. P. 222–226.

[10] Риторика М.В. Ломоносова. С. 440.

… при помощи адмирации, например: да приведет это в восхищение весь мир; также: среди стольких памятников деяниям этот следует полагать особенно достойным восхищения или славы, ведь он и т. д. Также: это внушило бы почтение твоим потомкам, стало бы предметом удивления для будущего века; и не меньшее восхищение тобой вызывает то, что следует далее»[11].

Как можно отметить на основании приведенных контекстов, admiratio относится к разряду фигур, выражающих эмоции, в данном случае удивление. Эта эмоция является важным компонентом и в содержании ломоносовской фигуры «восхищение», что отражено в ее определении («сочинитель представляет себя как *изумленна* в мечтании»). Однако лексема *изумленный* указывает на то, что для «восхищения» все же характерна высшая степень проявления эмоции. Более того, эмоциональный план не является его единственным смыслообразующим компонентом. В содержании данной фигуры выделяются следующие конститутивные элементы. Во-первых, это особое душевное состояние поэта, энтузиазм, furor poeticus или поэтический экстаз, в основе которого лежит платоновская концепция божественной природы поэтического творчества[12]. Во-вторых, в состоянии восторга поэту открываются образы, видения, которые он воссоздает в своем сочинении. Таким образом, категория восторга тесно связана с воображением, фантазией. В-третьих, поэтическое вдохновение всегда рождается в результате воздействия внешнего «весьма великого, нечаянного или страшного и чрезъестественного дела» (Лом. АСС 7: 284–285). Оно может иметь разную качественную оценку. Фигура admiratio этих элементов не содержит[13].

Помимо этого, важно учесть и тот факт, что фигура «удивление» приводится в риторике Готтшеда, а это косвенно подтверждает ее отличие от фигуры «восхищение». Платоновское учение об энтузиазме, которое является этико-философской основой поэтического восторга, было воспринято немецкими классицистами с осторожностью, доходящей до полного отрицания[14]. Категория поэтического восторга, рассматриваемая в рамках подражания поэтике Пиндара и так называемого «пиндаризования», по замечанию В.М. Живова, «становится полным разрушением норм классицистической поэтики, узаконивающим барочную поэтику русской оды»[15]. Хотя и барочной традицией этот прием не был до конца усвоен. Ф. Прокопович в сочинении «О поэтическом искусстве» (1705) выразил довольно скептическое к нему отношение: Imo caelestem illum, ut dicunt, mentis impetum, quem furorem alii, alii enthusiasmum vocavere, si ope praeceptorum

---

[11] Там же. С. 440.

[12] См.: *Алексеева Н.Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. С. 116–117, 189.

[13] «Удивление» рассматривается Ломоносовым в обеих риториках как «базовая» эмоция в категории «страстей» в составе риторических мест (Лом. АСС 7: 28, 103).

[14] См.: *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. С. 165–169.

[15] *Живов В.М.* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. С. 71.

destituatur, nihil prodesse dicendum est, si credimus Horatio. Прокопович 1961: 237[16]. Более того, как отметила Н.Ю. Алексеева, «провозглашение пиндарической оды и связанных с нею ценностей ... опровергало и даже ниспровергало характерную для русской литературы умеренность, простоту и ясность стиля и духа»[17].

Как нам представляется, для прояснения культурной традиции, к которой восходит исследуемая фигура, большое значение имеет ее наименование. Этому вопросу посвящена настоящая статья.

2. Лексема *восхищение* в церковнославянском языке: семантика и прагматика

Слово *восхищение* ко времени создания второй риторики Ломоносова уже имело определенную связь со сферой поэтики и поэтического творчества. В «Словаре русского языка XVIII века» оно имеет в качестве одного из значений (3 значение) следующее: ‘Поэтическое воодушевление, восторг’ (СРЯ XVIII 4: 100). Это значение не сопровождается знаком вхождения, однако оно не зафиксировано в словарях предшествующих эпох. Более того, в «Картотеке Словаря русского языка XVIII в.» первой его фиксацией является «Слово похвальное о флоте российском» (1720) Ф. Прокоповича (цитата приведена в примечании 6)[18].

Данное значение, скорее всего, восходит к церковнославянскому значению слова *восхищение* ‘вознесение; восторг, духовное просветление’ (БСЦСЯ II: 407) и является производным от переносного значения глагола *восхищатися* ‘возноситься духом в горний мир’ (БСЦСЯ II: 407)[19]. В «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» у слова *възхыщение* указанное значение не выделяется. Между тем обращает на себя внимание следующая цитата: [сын божий] въ члвка преложися самъ. самого члвка вземъ на ся. яко же вопиеть павелъ. не въсхищеньемь мнѣся бу равенъ. но самъ ся истощи образъ раби приимъ. СбЧуд XIV, 140в. (СДРЯ 2: 144). Она иллюстрирует семантический оттенок ‘присвоение’ в пределах одного из значений этого слова – ‘захват

---

[16] Мало того, даже следует сказать, что и этот пресловутый, как говорят, небесный порыв, который одни прозвали восторженностью, а другие энтузиазмом, без помощи наставников окажется, если верить Горацию, бесполезным (пер. Г. А. *Стратановского*). (Прокопович 1961: 345). Позже Ф. Прокопович вновь выразил свое настороженное отношение к поэтическому восторгу в «Слове похвальном о флоте российском» (1720): *Суесловие есть, естьли не безумие нѣкиих Стихотворцев, котории так плавания воднаго не навидят, что и первых того изобрѣтателей проклинают. Обычно господа онии* <стихотворцы> *вымыслы своя нарицаютъ нѣкиимъ восхищением, или восторгом, да часто им в восторгах своих недоброе снится*. Прокопович 1761: 51.

[17] *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. С. 124.

[18] См. также замечание С. И. Николаева: «В отечественную эстетическую номенклатуру понятие „поэтического восторга“ первым ввел, как кажется, Феофан Прокопович в своей “Поэтике”» (Николаев С. И. Вдохновение и творческий процесс в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. Сб. 25. СПб., 2008. С. 28).

[19] См. также значение этого глагола в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: ‘Увлекаться, находиться в приподнятом состоянии, приходить в экстаз’ (СлРЯ XI–XVII 3: 68).

чего-л., ограбление' (СДРЯ 2: 144). Этот фрагмент является переложением отрывка из Послания к филиппийцам св. апостола Павла (2:6–8)[20]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» этот фрагмент приводится в другом переложении: Иже въ образѣ сы члвчьстѣ не въсхыщения мьнѣвъ се еже быти равьну бун ъ самъ ся съмѣри образъ рабии приимъ. Усп. Сб., 341 XII–XIII вв. (СлРЯ XI–XVII 3: 68). Он также относится к статье на слово *восхищение*, между тем в этом случае указан семантический оттенок 'возвеличение, прославление', который выделяется внутри значения 'действие по глаг. восхитити (в знач. 1)', то есть в значении 'подхватить, поднять на высоту' (СлРЯ XI–XVII 3: 66, 68).

Вероятной причиной различий в семантической интерпретации слова *восхищение* в исторических словарях является то, что приведенный фрагмент из послания апостола Павла является весьма сложным по своему содержанию. П. А. Флоренский посвятил ему отдельную статью, поводом для написания которой стали разногласия христианских богословов и экзегетов по поводу его толкования[21]. По мнению философа, краеугольным камнем этих споров является ключевое слово в этом отрывке – ἁρπαγμός. В церковнославянском переводе ему соответствует *восхищение*. П. Флоренский видит в этом слове terminus technicus мистической философии и указывает на использование в качестве термина другого словообразовательного варианта ἁρπαγή, которое обозначало высшую степень экстаза[22]. Указанные греческие термины употребляются в сочинениях разных авторов данного философского направления: Филона Александрийского, Плотина, св. Афанасия Великого, Аввы Силуана, Иоанна Кассиана Римлянина и других. В произведениях христианских писателей-богословов (св. Афанасия Великого, Аввы Силуана, Иоанна Кассиана Римлянина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и Николая Кавасилы) словами ἁρπαγμός и ἁρπαγή обозначалось особое экстатическое состояние, в процессе которого подвижник лишается чувственного восприятия, словно ощущает себя «вне разума» и созерцает видения, нередко пророческого характера[23].

Мы не располагаем достаточным фактическим материалом для того, чтобы провести однозначное соответствие между греческим ἁρπαγμός (ἁρπαγή) в указанном значении и славянским *восхищением*. Между тем косвенно на это могут указывать данные словарей. Во-первых, в цитатах из переводных памятников с помощью *восхищения* обычно переводится греческое ἁρπαγμός (ἁρπαγή) в разных значениях. Например, в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» при слове *възхыщение* почти во всех примерах, где указано греческое

---

[20] Ср. этот фрагмент в библейском тексте: *Иже во образѣ Бжїи сый, не восхищенїемъ непщева быти равенъ Бгу, Но себе умалилъ, зракъ раба прїимъ, въ подобїи члвѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже члвѣкъ, Смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же кр(с)тныя*. Библия 375.

[21] *Флоренский* П. «Не восхищение непщева» // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 143.

[22] Там же. С. 147.

[23] Там же. С. 148–159.

соответствие, приводится существительное ἁρπαγή (за исключением одного случая употребления субстантивированного инфинитива): 1. Получение чего-л., овладение чем-л.: на всхыщение – εἰς τὸ ἁρπάσαι[24]; 2. Захват чего-л., ограбление: въсхыщенiе – τὴν ἁρπαγήν; въсхыщение – ἁρπαγὰς; 3. Награбленное, украденное: о(т) въсхыщенья – ἐξ ἁρπαγῆς; 4. Похищение, умыкание: отъ въсхыщения – ἐξ ἁρπαγῆς; на въсхыщение – τῇ ἁρπαγῇ; въсхыщенье – τὴν ἁρπαγήν (СДРЯ II: 144)[25]. Во-вторых, в словарях фиксируется значение, которое соответствует тому религиозно-философскому понятию, выражаемому словами ἁρπαγμός и ἁρπαγή. Это значение может относиться как к существительному *восхищение*, так и к глаголам *восхищаться / восхититься*. Материалы двух словарей были приведены выше. Как уже было отмечено, в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» похожего значения нет. Между тем в отношении некоторых случаев употребления этих слов можно выделить оттенки значения ‘вознесение; восторг, духовное просветление’ (либо для глаголов *восхищаться / восхититься* ‘увлекаться, находиться в приподнятом состоянии, приходить в экстаз’). Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий значение ‘поднять вверх, ввысь’ глагола *възхытити*: азъ в римѣ ж(и)выи къ заоутрени идыи … и се облакъ свѣтелъ въсхити мя. і видѣхъ прочая ап(с)лы. на облацѣхъ придущи къ мнѣ СбЧудXIV, 115в. (СДРЯ II: 143). Здесь указанное значение осложняется дополнительными семантическими оттенками ‘унести (увести) из земного мира в горний мир’, ‘вызвать восторг, неземную радость, блаженство’. Те же оттенки значения можно выделить и в семантике причастия *възхыщеный* (значение ‘поднятый вверх, ввысь, вознесенный’): и до третьяго видѣния нб(с)наго дошедъ въ самѣмъ блголѣпнемь <раи> въсхыщенъ и соущихъ тамо глъ сподобивъся слышати (ἀναρπασχείς) ГА XIII—XIV, 191б. (СДРЯ II: 145).

На частотный характер рассматриваемого значения указывают и устойчивые сочетания *восхищение ума* (в значении ‘особое, экстатическое состояние ума; духовное просветление’), *ум восхищается* (‘ум приходит в восторженное состояние, экстаз’), которые приводятся в «Большом словаре церковнославянского языка Нового времени» (БСЦСЯ 2: 407), а также *восхищенный умом* (‘в религиозном экстазе (?)’) в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII 3: 67).

Слова *восхищение*, *восхищать (-ся) / восхитить (-ся)* в рассмотренных выше значениях и употреблениях, как правило, встречаются в переводных и оригинальных произведениях духовно-аскетического содержания: в сочинениях Каллиста Константинопльского и Максима Кавсокаливита, входящих в состав сборника святоотеческих сочинений «Добротолюбие»[26], в «Слове» Исаака Сирина, в «Уставе» Нила Сорского. К этому списку можно добавить «Лествицу» Иоанна Лествичника (словоупотребление из собственной

[24] В греческом тексте используется субстантивированный инфинитив.

[25] См. также SJS 1: 347–348; Сл.Срез. 1: 430.

[26] Большинство произведений в составе этого сборника посвящено «молитвенно-созерцательному опыту монашеской жизни» (Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 491).

выборки): Начало убо млтвѣ, прилози единословнѣ отгоними от началъ самѣхъ. среда же, еже во глемыхъ единѣхъ быти мысли. тоя же совершенїе, восхищенїе ко г(с)ду. Леств.: 258–258 об. Действительно, эстетизация небесного пространства и идея духовного созерцания, которую древнерусская культура наследовала из византийской религиозно-философской традиции, получила широкое развитие на славянской почве[27].

Таким образом, Ф. Прокопович, духовный деятель и богослов, мог перенести известное для него по церковным текстам понятие в сферу поэтики.

3. Глаголы *восхитить* (*-ся*) / *восхищать* (*-ся*) в поэтическом языке М.В. Ломоносова: смысловые связи с фигурой «восхищение»

В языке М.В. Ломоносова глаголы *восхитить* (*-ся*) / *восхищать* (*-ся*)[28] используются в значениях, близких к церковнославянским употреблениям этих глаголов. В большинстве случаев они встречаются в художественных произведениях: в поэзии и в ораторской прозе. Среди употреблений в сочинениях других жанров заслуживают внимания следующие: *кто притом представляет еще всесильного строителя и начальника натуры, ... видит взаимным союзом соединенные и стройным чином расположенные их части, таинства иным несведомые, ... тот не токмо легкими крилами благоговения к небу* ***восхищается****, но и сам якобы в некое обожение приходит*. Лом. АСС 1: 534–535. *Когда мы достигли Царяграда и введены были во храм Софийский, ... великолепным украшением, златыми утварьми, драгоценным одеянием, благоуханием и сиянием возженных светильников, благочинным и усердым молением, громким и согласным пением* ***восхищенные****, чаяли, что нас некоторая божественная сила поставила в пресветлых селениях небесных*. Лом. АСС 6: 264. В первом примере в семантике глагола восхищаться основная сема ‘подняться вверх, вознестись’ осложняется дополнительными семами: ‘унестись из земного мира в горний мир’, ‘пребывать в состоянии восторга, неземной радости, блаженства’. Причастие во втором примере, наоборот, используется в значении ‘приведенный в состояние восторга, радости’, однако приобретает контекстуальную сему ‘вдохновленный; озаренный, освещенный внутренним светом’. На связь этих употреблений с церковнославянским языком указывает и общий контекст приведенных фрагментов. Приведенные примеры ярко демонстрируют усвоение в языке М.В. Ломоносова семантических особенностей глаголов *восхитить* (*-ся*) / *восхищать* (*-ся*), свойственных церковнославянскому узусу. В образных контекстах они обычно развивают семантические оттенки, которые коррелируют с содержанием фигуры «восхищение» (ее основные смыслообразующие элементы были приведены выше). Рассмотрим употребление исследуемых глаголов.

---

[27] См.: *Бычков* В.В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М., 1995. С. 187–192.

[28] В языке М.В. Ломоносова указанные глаголы являются более частотными и семантически выразительными. Лексема *восхищение* насчитывает всего 5 употреблений: Лом. АСС 6: 422; Лом. АСС 7: 262; Лом. АСС 7: 284; Лом. АСС 7: 290; Лом. АСС 8: 687.

Глаголы *восхитить* (*-ся*)/*восхищать* (*-ся*) используются в поэтическом языке М.В. Ломоносова в значении ‘приводить (приходить) в восторг, радостное воодушевление’, например: *Многочисленные увеселительные огни разнаго рода, сии символическия начертания различною отменою оживляя, купно и всех Россиян согласный единомысленным усердием дух к следующим радостным размышлениям и восклицаниям* ***восхищают*** <далее следует стихотворение>. Лом. АСС 8: 536. В этом фрагменте обращает на себя внимание предложно-падежное управление глагола *восхищать* (*восхищают к размышлениям и восклицаниям*), которое сближает его с современным употреблением глагола *вдохновить* (ср.: вдохновить к чему-л.). Другой пример: *Божественный певец Давид / Священными шумит струнами, / И Бога полными устами / Исайя* ***восхищен*** *гремит*. Лом. АСС 8: 636. В приведенных контекстах исследуемые глаголы связаны с творческим процессом, который имеет в качестве результата поэтический текст или пророческое слово.

В языке М.В. Ломоносова глаголы *восхитить* (*-ся*)/*восхищать* (*-ся*) нередко употребляются в сочетании с существительными, обозначающими радость, веселье. Нередко эмоциональное состояние субъекта сопровождается восходящим движением, которое позволяет ему с высоты наблюдать за происходящим: *Так ныне град Петров священный, / Толиким счастьем* ***восхищенный****, / Возшед отрад на высоту, / Вокруг веселия считает / И края им не обретает; / Какую зрит он красоту!* Лом. АСС 8: 558. *Всего народа весел шум, / Как глас вод многих, в верьх восходит, / И мой отрады полный ум, /* ***Восхитив*** *тем, в восторг приводит*. Лом. АСС 8: 60.

В ряде случаев исследуемые глаголы используются в сочетании с существительными *ум* и *дух*, например: *России счастливой Богиня просвещенна, / Ты* ***восхищаешь*** *ум, как солнце вознесена*. Лом. АСС 8: 642. *Красуйся, дух мой* ***восхищенный****, / И не завидуй тем творцам, / Что носят лавр похвал зеленый; / Доволен будь собою сам*. Лом. АСС 8: 102; *Каким необычайным треском, / Каким молниевидным блеском /* ***Восхитился*** *внезапно ум?* Лом. АСС 8: 501. Рассмотренное значение и употребления глаголов *восхитить* (*-ся*) / *восхищать* (*-ся*) коррелирует в смысловом плане с первым из приведенных выше содержательных компонентов фигуры «восхищение»: особым душевным состоянием поэта (лирического субъекта).

Следующий элемент содержания исследуемой фигуры, состоит в том, что напряженное эмоциональное состояние создает в сознании поэта видения и образы. Глаголы *восхитить* (*-ся*)/*восхищать* (*-ся*) в некоторых случаях употребляются в одном контексте с глаголами зрительного восприятия и воображения, например: *Естьли бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, … возможно было нам, радостию* ***восхищенным****, вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространнаго Ея Владычества и слышать от восходящаго до заходящаго солнца беспрерывно простирающияся восклицания и воздух наполняющия именованием Елисаветы, коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось!*

Лом. АСС 8: 235–236. *Какие представляет виды / Отрадой* ***восхищенный*** *ум?* Лом. АСС 8: 796[29].

В соответствии с третьим элементом содержания риторической фигуры «восхищение» находится следующая особенность употребления глаголов *восхитить* (*-ся*) / *восхищать* (*-ся*). Восхищенное состояние в художественных произведениях М.В. Ломоносова нередко возникает в результате некоего внешнего воздействия — события или явления. В языковом плане это выражается в том, что в структуре фразы лирический субъект обычно выполняет роль пациенса, например: *Какую радость ощущаю? / Куда я ныне* ***восхищен****? / Небесну пищу я вкушаю, / На верьх Олимпа вознесен!* Лом. АСС 8: 394; *Горлицы со голубями, / Жалкими вы голосами /* ***Восхищаете*** *дух мой*. Лом. АСС 8: 11; *Мне струны по неволе / Звучат геройский шум. / Не возмущайте боле, / Любовны мысли, ум. / Хоть нежности сердечной / В любви я не лишен, / Героев славой вечной / Я больше* ***восхищен***. Лом. АСС 8: 762.

Таким образом, глаголы *восхитить* (*-ся*)/*восхищать* (*-ся*) являются в поэтическом языке М.В. Ломоносова маркированными элементами, отсылающими к категории поэтического восторга. Слово *восхищение* становится связующим звеном между поэтической практикой Ломоносова, которая наделяет ее смысловым комплексом производящих глаголов, и риторической теорией.

Выводы

Глубокие культурно-исторические связи фигуры «восхищение» с западноевропейской риторической и философско-эстетической традицией (в контексте теории о лирическом восторге) не отменяют ее глубокой укорененности в славянской традиции и в собственной поэтической практике М.В. Ломоносова, что делает ее результатом широкого синтеза в его творчестве западноевропейской и русской традиций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Библия — Библия, сиречь книги Священнаго Писания, Ветхаго и Новаго Завета. СПб., 1751.

Леств. — Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1647.

Лом. АСС — Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 тт. М.-Л., 1950–1983.

Риторика — Собрания разных сочинений в стихах и в прозе коллежскаго советника и профессора Михайла Ломоносова книга вторая, в которой содержится краткаго руководства к красноречию разделение первое .. Печатано при Императорском Московском Университете, 1759 года.

Прокопович 1761 — Феофана Прокоповича архиепископа Великаго Новаграда и великих Лук, Святейшаго Правительствующаго Синода Вицепрезидента, а потом первенствующаго Члена

[29] Ср. цитату, иллюстрирующую глагол *восхищатися* в «Большом словаре церковнославянского языка Нового времени»: *таже по сихъ* ***восхищается*** *во видѣния бжественна, и видит таинства страшна, яже не могу написати; Добр, Каллист Константинопольский* (БСЦСЯ II: 407).

слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя собранныя и некоторыя вторым тиснением, а другия вновь напечатанныя. Ч. II. СПб., 1761.
Прокопович 1961 — Прокопович Ф. Сочинения. М.-Л., 1961.
Radau 1683 — Radau M. Orator extemporaneus, seu Artis oratoriae breviarium bipartitum. Venetiis, 1683.

СЛОВАРИ

БСЦСЯ — Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. I–II. М., 2016–2019.
САР[1] — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. I–XII. М., 1988–2019 (издание продолжается).
СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).
Сл.Срез. – Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. Спб., 1893-1912.
СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л., СПб., 1984–2019 (издание продолжается).
SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. Praha, 1958–1994.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

П.А. Семенов

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИНОНИМОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Памяти Владимира Викторовича Колесова

> Своеобразие синонимии состоит в том, что «семантическая доминанта», на основе которой строится такой синонимический ряд, всегда восходит к какому-то специфически народному «образу» — представлению, которое создавалось в течение столетий и постоянно развивалось, отражая развитие национальной культуры.
>
> В.В. Колесов[1]

1. Постановка вопроса. Словообразовательную синонимию, как известно, понимают двояко: во-первых, как синонимию отдельных производных слов (*очищение–очистка; кормилец–кормитель*); во-вторых, как синонимию моделей (*-ние* и *-ка; -ец* и *-тель*). Оба понимания, конечно, связаны и отражают разный уровень лингвистической абстракции. Осложняется трактовка словообразовательной синонимии еще и тем, что дериватологи говорят и о двух уровнях проявления деривационного значения (словообразовательного значения): а) на уровне слова (*подоконник* ‘нечто находящееся под окном’); б) на уровне модели (*под-…-ник* ‘нечто характеризующее положением под тем, что названо в производящей основе’)[2].

Получается, что применительно к какой-либо паре синонимичных производных слов можно говорить, по крайней мере, о трех типах синонимии: а) синонимии их лексических значений (ЛЗ) — это самое конкретное, «предметное» понимание синонимов; б) синонимии их словообразовательных (деривационных) значений (СЗ) — более высокий уровень абстракции; в) синонимии

---

[1] *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русских слов. СПб., 2004. С. 116.

[2] *Огольцева Е.В.* Образное значение в системе отсубстантивной деривации (структурно-семантический аспект). М., 2006. С. 32.

деривационных значений словообразовательных моделей (ДЗ), репрезентантами которых являются данные слова (самый высокий уровень абстракции). Ср., напр.:

	ЛЗ	СЗ	ДЗ (*-ец — -тель*)
кормилец	‘пестун, дядька’	‘тот, кто кормит’	‘лицо по совершаемому действию’
кормитель			

Следовательно, «словообразовательная синонимия представляет собой пример диалектического единства в языке общего (типового, словообразовательного) и частного (единичного, лексического)», поэтому «нельзя рассматривать словообразовательную синонимию в отрыве от ее реализации в слове, .. в отрыве от лексической синонимии, сводя ее к синонимии словообразовательных средств»[3].

Не углубляясь далее в рассмотрение этой проблемы, оговорим, что ниже мы будем вести речь о синонимии **лексем**, а не моделей, т. е. словообразовательная синонимия будет рассматриваться как разновидность синонимии лексической. С этой точки зрения, словообразовательные синонимы — это однокоренные лексемы, различающиеся формантом. При этом, конечно, необходимым элементом анализа словообразовательных синонимов мы считаем соотнесение лексического значения каждого конкретного производного слова с его словообразовательным значением (СЗ) и с деривационным значением всей модели (ДЗ).

Следует сделать и важное предварительное замечание об особенностях изучения синонимии в диахроническом аспекте. В одной из работ, посвященных лексической синонимии, В.А. Звегинцев заметил, что синонимия — «чисто синхроническое понятие», которое «вообще не имеет диахронического сечения, она знает лишь синхронную протяженность, является выражением внутренних синхронных отношений»[4]. Вряд ли кто-то станет спорить с этим утверждением, если имеется в виду, что синонимами не могут считаться слова, обозначающие одно и то же, но в разные эпохи, на разных синхронных срезах.

Однако вряд ли кто-то оспорит и то, что любой синонимический ряд на любом синхронном срезе — исторически сложившееся и в то же время исторически изменчивое явление. Любой синонимический ряд на любом синхронном срезе находится в состоянии динамического равновесия. И в этом смысле синонимия, как и любое языковое явление, синхронично в такой же мере, как и диахронично. Причем, тезис о том, что любой синонимический ряд — продукт исторического развития лексической системы, представляется более важным, нежели утверждение о его «чисто синхронном» характере. Важно показать, как сложился тот или иной синонимический ряд, объяснить, почему слова, не бывшие синонимами, стали таковыми, и наоборот, прежде синонимичные языковые единицы переставали быть синонимами.

---

[3] *Николаев Г. А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М., 2015. С. 85.

[2] *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1967. С. 129, 131.

Следовательно, диахронический аспект изучения синонимии предполагает: во-первых, реконструкцию синонимических отношений, имевших место в историческом прошлом языка; во-вторых, установление динамики синонимических рядов, того, как менялась их структура, состав ядра и периферии синонимического ряда, соотношение между отдельными его членами, степень и характер их семантической близости; в-третьих, выявление причин установления синонимических отношений между лексемами и причин семантического расхождения синонимов.

Ценный материал и для реконструкции синонимических отношений на каком-либо этапе истории языка, и для интерпретации современных синонимических отношений, понимания их генезиса, и для изучения динамики синонимических рядов дают лексикографические источники прошлого, поскольку авторы словарей чаще всего прибегают к синонимическому способу толкования значений слов. Так, составители «Словаря Академии Российской» прямо пишут в Предисловии о предпочтительном использовании ими синонимического способа: «При объяснении знаменования слов главным пособием употребила Академия сословы или слова тожде значащия, после коих .. присовокуплены определения»[5].

Объектом нашего внимания будут некоторые словообразовательные славянизмы и русизмы, синонимические отношения между которыми реконструируются на основании данных САР[1]. Нас будет интересовать следующие аспекты: а) стилистическая интерпретация словообразовательных синонимов и вариантов в словаре (наличие или отсутствие соответствующей стилистической пометы); б) особенности семантизации этих единиц; в) как связаны семантика и стилистическая соотнесенность слова.

Словообразовательные славянизмы и соотносимые с ними русизмы подробно проанализированы в монографии В.В. Замковой[6]. Остановимся поэтому только на так называемых «непоследовательностях», т.е. таких случаях, когда нами ожидается стилистическая помета, а САР[1] ее не дает, игнорируя формальную соотнесенность славянизма с русизмом, либо наоборот, помета появляется там, где мы ее не ожидаем, при единице, воспринимаемой современным языковым сознанием нейтрально. Задача состоит в том, чтобы показать, как стилистическая интерпретация лексемы связана с ее семантизацией в словаре и с установлением ее синонимических (или квазисинонимических) отношений с другими единицами. Иными словами, объектом семантико-стилистического анализа является синонимический ряд, реконструируемый на основе данных САР[1].

В настоящей статье ограничимся рассмотрением некоторых словообразовательных синонимов со значением лица, действователя (nomina agentis) и со значением опредмеченного действия (nomina actionis).

---

[5] Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2001. Т. I. Предисловие. С. XIII. В дальнейшем при цитировании словарных статей САР[1] в круглых скобках указывается номер тома и страница.

[6] *Замкова В.В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975. С. 85–102.

2. Nomina agentis. В качестве примера синонимии существительных со значением лица рассмотрим производные с суффиксами *-тель* и *-ец*. Известно, что образования с суффиксом *-тель* нередко, вслед за А.А. Шахматовым, оценивают как славянизмы. Ср., однако, следующие ряды слов:

Высокий стиль	**Средний стиль**	**Низкий** <п**ростой**> **стиль**
Властель, ля. с. м. **Сл.** Начальник, имѣющий власть повелевать др. *Постави жрец властели в дому Господни.* 4 Царств. XI. 18. *И постави над ними властели от преходящих пред ним* 3 Царств. XIV. 27 (I: 749).	*Властитель, ля.* с. м. *Властительница. цы.* с. ж. — **б/п**. Начальник, правитель какой страны или народа. *Властители мною держат земли* Притч. VIII. 16 (I: 749).	*Волостель. ля.* с. м. **старин.** Начальник над волостью, управляющий волостию. Судебн. Царя Ив. Вас. Гл. 22. 65, 72 (I: 752).
Владыка, ки. с. м. и *Владычица, цы.* с. ж. **Сл.** 1) Верховный обладатель, правитель, государь, повелитель. *Тако глаголетъ Владыка Господь Саваоѳъ.* Icaia. I. 24. *И единаго владыки Бога и Господа нашего Іисуса Христа отметающеся.* Посл. Іудин. 4. *Рекла еси, въ вѣкъ буду владычица.* Исаіа. XLVII.7. *Да на его примѣръ и на дѣла велики, Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны владыки, Познают ..* М. Лом. 2) Всякой господинъ, владѣлец, хозяинъ. *Раби повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ.* I. Петр. II. 13. 3) Название сіе придается и всякому священноначальнику и настоятелю церкви (I: 755).	*Владѣтель. ля. с. м. Владѣтельница. цы.*с. ж. — **б/п**. Правитель, обладатель. *От хлябей сих и бездн владѣтель вод возник.* М. Лом. *О слава жен во свѣтѣ славных, России радость, страх врагов, Краса владѣтельниц державных.* М. Лом. (I: 754).	*Владѣлец. льца. с. м.* — **б/п**. 1) *Обладатель. Владѣлец марокский;* 2) Господин, помѣщик, *властелин. Владѣльцы земель при обмѣжевании должны представить вѣрныя на свое право доказательства* (I: 753).

Во всех случаях, кроме *волостель*, перед нами неполногласный корень, и по формально-этимологической логике все эти лексемы (*властель, владыка, властитель, владѣтель, владѣлец*) должны быть отнесены к разряду славянизмов, однако составители этого не делают. Помету *Сл.* имеют только *властель* и *владыка*, явно осознаваемые как слова высокого слога, что подтверждается цитатами из Библии, причем контексты в обоих случаях высокие и формульные. *Властитель* и *владѣтель* оставлены без помет: вероятно, осознавались как слова среднего стиля; не случайно, конечно, и то, что от них возможны дериваты женского рода (*властительница, владетельница*), а *властель* как слово высокого стиля таких дериватов не образует. *Волостель* маркировано как «старинное», и *владѣлец* оставлено без пометы, однако же оно находится в стилистической оппозиции к словам *владыка* и *владѣтель*, что видно из толкований, поэтому в принципе здесь могла бы быть поставлена помета «просто же» или «в обычной речи».

Рассмотрим горизонтальные ряды противопоставлений. Можно заметить, что в них происходит и своего рода «семантико-стилистическое нисхождение»: а) славянизм — гипероним самого высокого уровня, что отражено в толковании — оно предельно общее (*имеющий власть, право управлять, повелевать ...*), почти равное словообразовательному значению: это и правитель, и начальник; б) слово среднего стиля — все еще синкрета, но в нем на первый план выступает уже значение ‘правитель’, более конкретное в сравнении с ‘имеющим право, власть’; в) и, наконец, в третьей колонке оказались юридические термины с конкретным значением ‘управляющий волостью’ и ‘собственник’, противопоставленные друг другу как «старинное» и «современное».

Посмотрим теперь на оппозиции по вертикали: *властель — владыка; властитель — владѣтель; волостель — владѣлец*. Здесь тоже видим семантическое нисхождение, но оно является чисто семантическим, не осложнено стилистически (как это было в горизонтальном ряду): слова верхнего ряда объединяет сема ‘начальник, правитель’, слова нижнего ряда — сема ‘обладатель’ (сема ‘начальник’, конечно, присутствует, и в нижнем ряду, но отходит на периферию). Здесь сказалась тенденция к семантическому размежеванию алломорфов *власт-* и *влад-*: корень *власт-* закрепил за собой идею властвования, правления, начальствования, а *влад-* — обладания.

В такой системе противопоставлений у *властеля* и *владыки* в высоком слоге имелся семантический конкурент *властелин*, представляющий собой синкрету, так как соединил семы ‘правитель’ и ‘обладатель’, что, вероятно, способствовало выходу из употребления славянизма *властель*:

Властелин, на. с. м. **Сл.** Правитель, обладатель, господин, имѣющий право управлять, повелевать др. *И избрах Давида быти ему властелину над людьми моими.* 1 Царств. VIII. 16 (I: 749).

Властель и *волостель* выходят из употребления как историзмы. В этой системе оппозиций сохраняется семантическая конкуренция между *властелин* и *владыка*, так как обе лексемы имеют значения и ‘правитель’, и ‘обладатель’, и одна из единиц становится, таким образом, «лишней». Однако выходу из употребления славянизма *владыка* мешает наличие у него специфически церковно-

го значения ‘священноначальник, настоятель’. Любопытно, что СРЯ XVIII фиксирует это значение как выходящее из употребления и у славянизма *властелин*: ‘архиерей как представитель духовной администрации’, и у деривата *властелинство* — ‘положение, звание должностного духовного лица’ (СРЯ XVIII 3: 203). Следовательно, между славянизмами *властелин* и *владыка* намечается семантическое расхождение по линии «светский властитель — духовный властитель», что способствует сохранению обеих лексем в литературном языке.

В паре *властитель – владетель* у *владетеля* тоже есть семантический конкурент *обладатель:*

Обладатель, ля. с. м. 1) Владетель, повелитель, государь; тот, который управляет какою-л. страною. *Но сам толь великаго государства обладатель к тягостным трудам простер рожденныя и помазанныя для ношения скипетра и державы руки.* М. Лом. 2) Иногда * сим именем означается сила или власть некоторых страстей: *Обладательница сердец любовь* (I: 758).

Ср. новую систему противопоставлений, сложившуюся, судя по цитатному материалу СРЯ XVIII и КС XVIII, в последней трети столетия:

Высокий стиль	**Средний стиль**	**Низкий (простой) стиль**
властелин *владыка*	*властитель* *владетель*	*обладатель* *владелец*

Между *властителем* и *владетелем* намечается семантическое расхождение по линии «правитель – собственник»; а *обладатель* и *владелец* со временем расходятся по степени отвлеченности (ср. наличие у лексемы *обладатель* зафиксированного САР[1] переносного значения), что также способствует сохранению обеих лексем в литературном языке (*владелец кобылы – обладатель сердец*). Словари современного русского языка маркируют лексему *обладатель* как книжную, а *владелец* остается без помет (СО, БАС[1], МАС), однако в XVIII в. это стилистическое размежевание еще нельзя считать завершившимся, поскольку для этого должно было отойти на периферию слово *владетель*.

Таким образом, мы видим, что лексикографы пытаются разобраться в наличном синонимическом материале и дать ему по возможности дифференцированную семантическую (с помощью толкований) и стилистическую (с помощью помет) интерпретацию. Здесь важно, что это распределение уже не генетическое, а семантико-стилистическое.

То, что подобное распределение словообразовательных вариантов не случайность, доказывают многие другие примеры. Варианты здесь могут быть различные, в зависимости от наличного лексического материала, напр.: *сл. – старинное – старинное/просторечное*:

Кормитель, ля. с. м. **Сл.** Тоже что кормилец в 1 значении. *Посла в Самарию ко князем самарийским, и к старѣйши-*	*Кормилец, льца.* с. м. 1) **В старинном** употреблении означало дядьку, пѣстуна. *Ольга бѣ в Киевѣ с сыном Святосла-*	*Кормичич, ча.* с. м. **Старин.** Пѣстун, дядка, надзиратель. *Бяше у Ярослава кормичич именем Будый воевода.* Арх.

нам, и ко кормителем сынов Ахаавлихъ. 4 Царств. 10. 1. (III: 827).	*вом; бѣ бо мал еще, и кормилец у него тогда бѣ именем Ясмуд.* Арх лѣт. II. 2) **В просторѣчии**: кто по долгу или человѣколюбию снабжает другаго всѣм потребным для жизни. *Избалованный сын родителям не кормилец.* 3) **В просторѣчииже**: Благодѣтель, милостивец. *Кормилец мой не оставь меня* (III: 827).	лѣт. 42 (III: 827).

В этом случае возникает конкуренция за право быть словом среднего «штиля». Полисемантизм лексемы *кормилец* способствовал ее сохранению в языке.

Иногда маркированным как «славянское» может оказаться всё гнездо наименований лица. Это могло быть связано с маркированностью исходного корня и традиционным употреблением всех производных почти исключительно в церковной литературе (житиях, проповедях и т. п.). Ср.: *волхв, волхователь, волшебник* — **сл.** (I: 814–817); или наименования лица, связанные с *подвигом*: *подвижник* — **б/п**, так как первое значение не христианское: «У римлян и древних греков назывался всякий искусный в подвигах, в употреблении тогда бывших» (II: 554–555), но производные все отмечены пометой **сл.**: *подвигоположник, благоподвижник, преподвижник, сподвижник* (II. 556–557).

Распределение, конечно, может быть и более простым, если авторы имеют дело с парой дериватов:

Велитель. ля. с. м. **Сл.** Нынѣ мало употреб. Тот, который другаго заставляет что делать (без иллюстраций. — *П. С.*). (I: 595).	*Повелитель. ля.* с. м. *Повелительница. цы.* с. ж. — **б/п.** 1) Начальник, имѣющий право не только других заставлять, но и принуждать к исполнению своих приказаний. *Государь есть верховный повелитель всех членов своего государства.* 2)* Представляющий качество повелѣвающаго. *Повелитель многих языков язык Российский.* Ломон. (I: 596).

Славянизм, в соответствии с его высоким рангом, и здесь слово-гипероним, ему присвоено отвлеченное значение, практически равное словообразовательному (*тот, кто велит*), значения нейтрального слова более конкретны.

Относительно образований с суффиксом *-тель* вообще заметим, что, как показывают приведенные примеры (*властитель, владѣтель, волостель, пове-*

литель), такие образования вовсе не обязательно оценивались как славянизмы. Суффикс *-тель*, следовательно, сам по себе не ассоциировался с церковнославянским языком, как думают некоторые исследователи. Это можно подтвердить и другими иллюстрациями, напр., *обитатель* расценивается как нейтральное, а *обитальник* — славянское (I: 716).

3. Nomina actionis. Аналогичное распределение устанавливается между отглагольными существительными со значением опредмеченного действия:

Велѣние. ния. с. ср. **Сл.** Приказание, указ, заповѣдь. *Написана была велѣнием царевым.* Есфир. VIII. 10. *Противно велѣниям кесаревым творят.* Дѣян. XVII. 7 (I: 595).	*Повелѣние. ния.* с.ср. **б/п** Приказание, заповѣдь, **велѣние**, указ. *Изыде повелѣние от Кесаря Августа.* Лук. II. 1 (I: 597).

Любопытно, что здесь составители не смогли обнаружить явных семантических различий, и тогда для *повелѣния* они фактически повторили дефиницию, с той лишь разницей, что «славянизм» (*велѣние*) включили в толкование «русизма»; что вполне закономерно: «гипоним» определяется через «гипероним», а не наоборот. Впрочем, семантическое различие, конечно же, есть: славянизм *веление*, как и полагается гипероним, — это только имя действия, а *повеление* может обозначать не только действие, но и метонимически сам документ, указ.

Таким образом, если брать лексемы изолированно, то совершенно непонятно, почему *веление* маркируется как *Сл.*, а *повеление* не маркируется; но если принимать во внимание всё словообразовательное гнездо (включая *велитель, повелитель* и др.), то логика постановки помет совершенно очевидна.

Обращаясь к другой паре (*даяние–подаяние*) обнаруживаем, что оба члена почему-то маркируются как «славянские». Словообразовательные и семантические отношения как будто аналогичны тем, что и в паре *веление – повеление*, однако маркировка иная. Логика становится понятной, если посмотреть на другие отглагольные существительные этого гнезда. Перед нами две типичные триады отглагольных существительных:

Слав.	**Без пометы**	**<Просторечие>**
Даяние, ния. с. ср. **Сл.** 1) Тоже что давание *Ни едина ми церковь общевася в слово даяния и принятия.* Филип. IV. 15. 2) Самая вещь, данная кому. *Умѣете даяния блага даяти.* Матф. VII. 2. *Всяко даяние благо.* Иаков. I. 7 (II: 479).	*Давание, ния.* с. ср. Дѣйствие дающаго. *Давание кому денег, жалованья, голоса, совѣтов, законов. При давании голосов были не согласны* (II: 479).	*Дача, чи.* с. ж. 1) Давание. *При будущей дачѣ жалования он с тобою расплатится.* 2) Плата. *Малая, большая дача.* 3) Извѣстное пространство загородной земли, данной от Государя во владѣние кому, или приобретенной через куплю

		и застроенной. *Застроить дачу. ѣхать на дачу. Жить на дачѣ.* 4) Угодья и земли, принадлежащия помѣщику или государственным крестьянам. *В моих дачах много строеваго лѣса. В чужих дачах рыбу ловить запрещается* (II: 481–482).
Подаяние. ния. с. ср. **Сл.** 1) Тоже что *подавание*. *Эрмон неукротимых слонов напоив исполненных подаянием многаго вина.* 3 Макк. V. 5. 2) Милостыня. *Питаться мирским подаянием* (II: 505).	*Подавание, ния.* с. ср. Дѣйствие подавающаго. *Подавание воды умываться. Подавание помощи, прошения, явки, милостыни* (II: 505).	*Подача, чи.* с. ж. 1) Подавание. *Подача милостыни.* 2) Говорится о кушаньях, кои господа дают слугам своим в знак особливой своей к ним милости. Государи наши в старину посылали так же к Боярам со стола своего подачи и принималось сие за свидѣтельство особеннаго к ним благоволения (II: 506).

Здесь роль гиперонима выполняет слово среднего стиля, и тем самым как будто нарушается принцип «семантического нисхождения», но понять это «нарушение» можно: авторы должны были маркировать *даяние* и *подаяние* как «славенские», поскольку эти дериваты образованы от «славенского» глагола *даяти*, а главное, их генетико-стилистический статус подкреплен авторитетными текстами. *Давание* и *подавание*, хотя и имеют как будто более общее значение, не ассоциируются, однако, с церковно-книжными формулами и не поддерживаются каноническими текстами.

Таким образом, возникает своего рода противоречие: канонический текст указывает на то, что маркировать как «славянские» нужно *даяние* и *подаяние*, но абстрактность семантики указывает, что такая маркировка должна быть у лексем *давание* и *подавание*. Противоречие, конечно, разрешается в пользу авторитета канонического текста, тем более что за славянизмами закреплено и конкретное предметное значение ‘самая вещь, данная кому’, ‘милостыня’, подтверждаемое каноническим цитатным материалом Последний же член триады и в данном случае имеет наиболее конкретное значение.

САР[1] еще не фиксирует слово *подачка*, появление которого, естественно, сместило отношения в нижнем синонимическом ряду: *подаяние* (высок.) — *подача* (нейтр.) — *подачка* (низк.); а лексема *подавание* оттесняется тем самым в

пассивный запас. *Подачка* как слово низкого стиля, вероятно, входит в активное употребление на рубеже XVIII–XIX вв. (фиксируется вторым изданием САР), причем, только с конкретным предметным значением ‘пища, поданная или брошенная кому-л. с пренебрежением или из жалости’ и расширительно, со второй пол. XIX в., ‘что-л. даваемое из жалости, из милости’. Ср. следующие примеры: *От скуки я взяла с собой арапку-девку да собачку; Вели их накормить ужо, дружочек мой, От ужина сошли подачку* (Грибоедов, Горе от ума, III, 10); *Скудные подачки не окупали даже расхода на извозчиков* (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина, 14) (БАС 10: 231).

4. Изменения в структуре синонимических рядов. Развитие словообразовательной синонимии в языке связано, прежде всего, с необходимостью дифференциации и специализации значений, которые первоначально способно было выражать одно корневое или морфологически простое слово-синкрета. По мнению В.В. Колесова, «разными путями многозначность слов, устраняясь в парадигме, порождает синонимию, т. е. законченный ряд отдельных, самостоятельных, но близких по значению слов»[7]. Как следствие, «начинается развитие словообразовательных гнезд, постепенно эксплицирующих отдельные значения исходной синкреты .., уже не в отдельных текстовых блоках, а в виде самостоятельных лексем. Так, по данным исторических словарей можно установить историческую последовательность появления самостоятельных лексем типа *бѣл-* (разумеется, чисто условно в хронологическом аспекте): *бѣль – бѣлота* (XI в.), а затем *бѣлина* (с XVI в.), почти одновременно *бѣлость* (1534 г.) и позже всего *бѣлизна* — разные степени отвлеченности признака, которые фиксируются в каждом новом образовании .. Общая устремленность системы заключается в выделении самостоятельных лексем для выражения определенных значений, как только они становятся социально важными, уже не в текстах-образцах, а в языковой системе»[8].

Верно и обратное: утрата значимости какого-либо понятия для носителей языка ведет к нивелировке семантических различий между синонимами и к постепенной деградации синонимического ряда.

Именно это мы видим на примере синонимического ряда *властель – властелин – властитель – волостель; владыка – владетель – владелец.* На протяжении всего средневековья мы наблюдаем его неуклонное разрастание, что было, несомненно, связано с важностью идеи господства — подчинения и выражения поссессивных отношений для средневековой эпохи с ее строгой феодальной иерархией. Причем, с одной стороны, наблюдается специализация в отдельных лексемах разных видов «властвования, господства», разного ранга «властителей» и «собственников»; с другой стороны, сохраняется метонимическая связь между ‘властью над кем/чем-либо’ и ‘обладанием’, ‘нахождением в собственности’. И эта смысловая связь, наличие у корневого слова синкретичной семантики держит всю эту массу лексем в рамках одного синонимического

[7] Колесов В.В. Слово и дело. С. 128.
[8] Там же. С. 129.

ряда. Когда же идея «властительства» начала терять в языковом сознании былую актуальность и постепенно исчезала необходимость тонкой дифференциации разного ранга властителей — крупных, средних и мелких, — исчезала и потребность в специализированных лексемах: одни из них (*властель, волостель* и др.) вообще выходили из употребления, между другими стирались семантические различия и устанавливались стилистические (*властелин — властитель; владетель — владелец*). С другой стороны, власть (политическая) уже не обязательно предполагала обладание в собственности. Все это вместе способствовало постепенной деградации синонимического ряда, а в тенденции — и его разделению на два синонимических ряда: ‘правитель, начальник’ и ‘обладатель, собственник’ (разумеется, с сохранением зоны пересечения). Сравнение исторических словарей дает возможность проследить отмеченную динамику синонимического ряда:

СлРЯ XI–XVII	**СОРЯ XVI–XVII**	**САР**[1]	**СРЯ XVIII**
владалец *владарь* *владатель* *владѣлец* *владѣльник* *владѣльница* (ж) *владѣльщик* *владѣтель* *владѣтельница*(ж) *владыка* *владычица* (ж) *владычник* *властелин* *властеличник* *властель* *властеля* (ж) *властельник* *властелянин* *властец* *властитель* *властник* *волостель* В знач. сущ.: *владѣющий влад-* *ствующий* *владущий владующий* *владящий*	*владевник* *владелец* *владельщик* *владетель* *владыка (-ко)* *владычица* (ж) *владычник* *властелин* *властель* *волостелин* *волостель*	*властелин* *властель* *властитель* *волостель* *владыка* *владычица владетель* *владелец*	*властелин* *властель* *властитель* *владыка* *владычица* *владетель* *владелец*

Другой важный фактор, обусловливающий развитие синонимических средств языка, — стилистический. Становление в русском литературном языке XVIII в. системы «трех штилей» способствовало тому, что лексические единицы, прежде не находившиеся в синонимических отношениях или же, будучи синонимами, сохранявшие семантические различия, становились синонимами стилистическими. Такова, например, судьба ряда *подаяние – подача – подачка* с доминантным значением ‘что-л. даваемое из жалости, из милости’. Только сло-

во среднего стиля сохраняет в этом ряду абстрактное значение опредмеченного действия. Вообще, «синонимы — исторически факт стилистического варьирования»[9], о синонимии в строгом смысле можно говорить только в том случае, когда смысловое различие между лексическими единицами в какой-то момент, в каком-то жанре, формуле или контексте стало настолько семантически нерелевантным, что оказалась возможной его нейтрализация. По словам В.В. Колесова, «стилистический эффект синонимического ряда возникает в результате утраты прежде важных семантических отношений; стиль — отработанный материал интеллектуальных потребностей речи, зафиксированных в формах языка»[10].

5. Выводы. Рассмотренные примеры позволяют сделать ряд выводов общего характера:

1) Синонимию нельзя считать исключительно синхронической семантической категорией, как полагают некоторые исследователи. Напротив, любой синонимический ряд — продукт исторического развития лексической системы, и «чем древнее словесный образ, который сложился в семантике синонимического ряда, тем он устойчивее, а все новые синонимы просто “надстраиваются” над ним. Расшифровать же “исходный образ”, с течением времени образовавший семантическую доминанту целого ряда (на этом основании строится и семантическая корреляция), изучающему язык совершенно необходимо, иначе утрачивается представление о стилистической или культурной специфике каждого из синонимов»[11].

Одним из важных источников для изучения синонимии в диахроническом плане являются лексикографические памятники, поскольку эксплицитно представляют синонимические отношения при толковании слов. Словарь гнездового типа, каковым является «Словарь Академии Российской» в первом издании, предоставляет весьма ценный материал для изучения словообразовательной синонимии. В пределах словообразовательного гнезда, как «естественного» типа парадигмы (в отличие от некоторых исследовательских «конструктов», «моделей»), синонимические, эпидигматические, вариантные и иные отношения представлены наиболее наглядно.

2) Изучение синонимических рядов дает возможность точнее семантизировать отдельную лексему и дать ей адекватную стилистическую квалификацию. Применительно к литературному языку XVIII в. большое значение для семантико-стилистической квалификации лексики имеет ее рассмотрение в системе тернарных оппозиций (высокое — нейтральное — сниженное) и бинарных оппозиций (славенское — русское). Последние представляют собой оппозиции генетического и псевдогенетического характера, унаследованные от эпохи церковнославянско-русского двуязычия; тернарные оппозиции связаны с формирующейся в XVIII веке системой «трех штилей». Сложность семантиза-

---

[9] Колесов В.В. Слово и дело. С. 27.
[10] Там же. С. 27–28.
[11] Там же. С. 109–110.

ции и стилистической квалификации отдельных лексических единиц обусловливается, на наш взгляд, наложением этих двух типов оппозиций, встраиванием старых лексем в новую систему противопоставлений.

Исследователи неоднократно отмечали особую роль среднего стиля в формировании русского литературного языка нового типа. Потребность в нейтральной лексике, в слове среднего стиля может объяснить многие семантические и стилистические перегруппировки, происходившие в словарном составе в этот период. Особенно востребованными оказались при этом словообразовательные ресурсы языка, а именно аффиксальные производные, о которых шла речь в настоящей статье.

3) Интересным и перспективным представляется исследование фразеологичности семантики производного слова на материале рядов словообразовательных синонимов. В сфере семантики, как и в стилистической системе, тоже имел место конфликт старых и новых парадигм. С одной стороны, на роль гиперонима претендует, по традиции, славянизм; с другой стороны, слово среднего стиля в новой системе противопоставлений также стремится взять на себя эту роль. Именно поэтому некоторые славянизмы (напр., *властитель, владетель* и под.) теряли стилистическую маркированность, становились нейтральными единицами, и мы не находим при них в САР[1] ожидаемой пометы «славенское». В тернарной оппозиции крайние члены являются стилистически маркированными, и поэтому теряют способность быть гиперонимом. Так стиль формирует (или, точнее, трансформирует) семантику языковой единицы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЛОВАРИ

БАС[1] — Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.–Л., 1948–1965.
МАС — Словарь русского языка: в 4 тт. М., 1999.
Ожегов — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984.

О.А. Старовойтова

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЗАЦИИ

Мировая история предстает перед потомками как история встреч цивилизаций и создающих их этносов. Этносом обычно называют форму коллективного существования людей, особый исторический тип социальной группы. Такая общность, по мнению Ю. В. Бромлея, складывается естественно-историческим путем: «Она не зависит непосредственно от воли входящих в нее людей и способна к устойчивому многовековому существованию за счет самопроизводства»[1]. Названия этносов и их представителей в любом языке пополняют его словарный состав, выполняя различные функции; считается, что «изучение собственно этнонимов важно в первую очередь для истории и истории языка»[2].

Этническая стратификация выступает источником национальных и межнациональных (межэтнических) проблем в силу того, что контакты между нациями (этносами) часто сопровождаются определенной конкуренцией, предполагающей стремление к овладению материальными и духовными ресурсами; национальный вопрос, представляющий собой совокупность политических, экономических, правовых, идеологических, религиозных и др. аспектов, считается одной из самых острых мировых проблем.

Национальный вопрос привлек пристальное внимание политиков, общественных деятелей, этнографов, историков, социологов, филологов в XIX веке: «В то время как на Востоке политика удалялась от национальных основ, и начало народности было теснимо в ней вопросом о дипломатическом преобладании того или другого государства, о соперничестве между ними, чему подчинялись даже интересы христианства, в самой Европе все сильнее и сильнее пробуждался вопрос о правах народностей и выступал на первый план»[3]. Его разноаспектность и во многих случаях остросоциальный характер не могли не повлиять на языкотворческую деятельность и не отразиться, в частности, в словообразовательных процессах в русском языке этого периода.

---

[1] *Бромлей Ю. В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 11.

[2] Этнонимы / Отв. ред. Никонов В.А. М., 1970. С. 3.

[3] *Попов Н.* Россия и Сербия: исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. Ч. II. М., 1869. С. 251.

В качестве одного из словообразовательных новшеств русского языка XIX в. следует отметить вызванное конкретными историческими условиями и причинами социального плана образование отэтнонимной лексики (по преимуществу приставочных глаголов и соответствующих девербативов). Новая лексика, называющая новые связи и отношения, описывающая новые этносоциальные процессы и конфликты, создавалась на основе словообразовательных типов и с помощью формальных словообразовательных средств, почерпнутых из самой словообразовательной системы, образуя обширную тематическую группу отэтнонимной лексики: *обашкирить*, *очеркесить*, *погречить*, *разъевреить*, *итальянизовать*, *норманнизировать*, *обнемечение*, *окиргизение*, *белоруссизирование*, *украинофил* и мн. др. под.[4] Сразу оговоримся, что далее речь пойдет исключительно о лексемах, относящихся к описанию межэтнических отношений, а не манере произношения или характеру правки текста, что также можно увидеть в текстах и обнаружить в некоторых словарях: *офранцузить* — ‘переделать на французский лад (слово)’ (СРЯ XVIII 18: 143); «Францу́зить, II. i, asp. parf. офранцу́зить; v.a. franciser, donner une inflexion française à un mot»[5].

Подобный всплеск образования отэтнонимной лексики вне всякого сомнения приходится на XIX в., хотя отдельные производные от этнонимов глаголы употреблялись в русском языке еще донационального периода. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» фиксируются лексемы *облатынити* (СлРЯ XI–XVII 12: 68); *латинствовати* (СлРЯ XI–XVII 8: 179); *полатынити* (СлРЯ XI–XVII 16: 197); *потурчити*(*ся*) (СлРЯ XI–XVII 18: 29). Однако их значение связано не с межэтническими контактами в широком смысле, а с обращением/переходом в иную веру. В случае первых трех упомянутых глаголов более вероятной представляется их мотивировка названием не этноса, а представителей соответствующей конфессии, ср.: Лати(ы)ни: 2. *Католики* (СлРЯ XI–XVII 8: 178); Латини(ы)нъ: 3. *Католик* (СлРЯ XI–XVII 8: 178–179); Лати(ы)нникъ: 1. *Приверженец католицизма, католик* (СлРЯ XI–XVII 8: 179). В связи с этим возникает вопрос о сохранении/несохранении старого значения у вновь образующихся по той же словообразовательной модели глаголов.

К сожалению, ни частотность употребления подобных глаголов в русском языке XIX века, ни их системность, при которой единицы вступают в определенные отношения друг с другом, образуя устойчивые парадигматические группы, не привели к их активному включению в толковые словари. По-видимому, здесь срабатывает тот же принцип, о котором писал Ю.С. Сорокин в отношении образований на *-ние* (*-нье*): «Конечно, все подобные окказиональные образования этого времени трудно и даже невозможно исчислить и перечислить, но это действительно характерное явление в словообразовании этого

---

[4] См. об этом подробнее: *Старовойтова О.А.* Описание межэтнических контактов в русском языке XIX века сквозь призму отглагольной лексики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 141–151; *Старовойтова О.А.* Семантика и функциональный потенциал префиксальных отэтнонимных глаголов в русском языке XIX века // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. № 16 (2). С. 272–290.

[5] Русско-французский словарь, в котором русския слова расположены по происхождению. Т. 2. II–V. Dictionnairerusse-français Ch. Ph. Reiff. S. Pt. 1836. С. 1014.

времени, и отдельные новообразования этого типа устойчиво отложились в нашем языке»[6].

Наиболее полную картину дает «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. В качестве вокабул в нем представлены следующие единицы: *обангличáниться* (Даль II: 1149); *обасурмáнить*, *обасурмáнеть*, *обасурмáниться* (Даль II: 1149); *обрусúть*, *обрусéть* (Даль II: 1197); *оеврéиться* (Даль II: 1235); *опя́чить*, *опя́чив* (Даль II: 1259); *осармáтить*, *осармáтиться* (Даль II: 1270); *офранцýзить*, *офранцýзиться* (Даль II: 1344). В словарных статьях на соответствующий глагол приведены также девербативы *офранцуженье, ополяченье*, а в речениях используются формы глаголов *обангличанить*, *обнемечить*, *отуречить*, *отатарить*. Что касается семантического толкования приведенных лексем, то словарь представляет довольно пеструю картину: формулировки или очень общие, не дающие представления о том, какие стороны жизни затрагиваются процессом влияния одного этноса на другой (‘*сделать русским*’ (Даль II: 1197); ‘*сделать поляком*’ (Даль II: 1259); ‘*сделать французом*’ (Даль II: 1344)), или более развернутые (‘*стать по виду, по внешности и обычаям похожим на англичанина*’ (Даль II: 1149); ‘*стать поляком, по языку, нравам, убежденьям*’ (Даль II: 1259)). Однако ни одна из них не указывает на такой аспект влияния одного этноса на другой, как религиозные взгляды, вероисповедание.

В качестве единственного исключения следует назвать лексемы *оба(у)сурмáнить(ся)*, *обусурмáнеть* (Даль II: 1208): *обасурмáнить* — ‘сделать басурманом, вероотступником, или только по обычаям, по роду жизни’ (Даль II: 1149); *обусурмáнить* — ‘отуречить, отатарить, сделать бусурманином’ (Даль II: 1208). Дело в том, что лексемы *ба(у)сурман*, *бесерме(я)нин* в истории русского языка ранее были зафиксированы в значении ‘иноверец, нехристианин’ (СлРЯ XI–XVII 1: 79, 150), что логично вело к приобретению производными глаголами значения, связанного с верой: *басурманити* ‘обращать в мусульманскую веру’ (СлРЯ XI–XVII 1: 79), *оба(о)сур(л)манити* ‘обратить в мусульманство’ (СлРЯ XI–XVII 12: 12). Наблюдать синкретизм таких понятий, как этнос и религия, можно было только в значении собирательного существительного *бесерменство*: ‘2. Магометане, татары’ (СлРЯ XI–XVII 1: 150) и относительного прилагательного *бесерменский* ‘магометанский, татарский’ (СлРЯ XI–XVII 1: 150). Однако в XVIII в. происходит расширение значения производящего слова в истории русского языка: ‘… || Простореч. Не православный; иностранец, не соблюдающий православных обрядов (часто — неодобрительно или бранно)… | Вообще иноземец…’ (СРЯ XVIII 1: 149), что позднее фиксирует и словарь В.И. Даля: ‘неверный, нехристианинъ; особ. Мусульманинъ, а иногда всякий неправославный, всякий иноземецъ и иноверецъ, въ неприязненномъ значении, особенно азиятецъ или турокъ’ (Даль I: 164)[7].

---

[6] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е гг. XIX в. М.-Л., 1965. С. 211.

[7] Все примеры из дореформенных изданий в настоящей статье приводятся с изъятием ера, заменой *ѣ* на *е*, *і* на *и*, орфография и пунктуация источников сохранена.

Рассматривая такой социально-психологический феномен, как этническая идентичность (или национальное самосознание)[8], современные исследователи указывают в качестве одного из источников, питающих ее, психологический, к которому относят накопленные этносом духовные идеалы — от религиозных до социальных. Следовательно, этническая группа может рассматриваться как этноконфессиональная и при определенных условиях какая-то из групп становится символом некоей конфессии. На возможность такого явления указывает источник XIX в.: «Мы смешиваем религию с народностью» (W. 265), об этом же свидетельствуют и многочисленные примеры из текстов этого периода:

Поляк знает только, что он ***Поляк****; он воздерживается от братскаго единения; свой* ***католицизм*** *он ставит выше всего* (W. 266).

Русское *дело, т. е. политическая задача, есть в то же время и* ***православное*** *дело, т. е. задача православной церкви. Одно служит непременным восполнением другаго, и это обстоятельство как нельзя лучше указывает необходимость общей работы и дружных усилий духовной и светской властей* (Липранди А. 257).

Религиозный признак сливался с национально-государственным, и всякий, принявший ***православие****, становился* ***русским****, принявший* ***католичество*** *—* ***ополячивался****, а перешедший в* ***магометанство*** *—* ***отурчался*** (Боровитинов 103).

Подобная особенность в разножанровых текстах XIX в. представлена многочисленными случаями контактного употребления пары лексем, одна из которых является производной от этнонима (чаще новообразование), а другая — от названия конфессии:

Одним словом, нашим предкам удалось ***оправославить*** *и* ***ославянить*** *или* ***обрусить*** *более двух третей пространства, называемаго ныне Европейской Россией, которыя не были ни русскими, ни тем менее православными*. (Аксаков 799).

Со времен Казимира Великаго река Вислока (не Вислок, впадающий в Сян) и Висла были с запада границами Руси; ныне же Решовский Уезд, считавшийся до самаго падения Польши в Воеводстве Русском, весь ***ополяченный*** *и* ***окатоличенный****, потерял свою первоначальную народность* (Головацкий 630).

Но эти планы <восстановление древнего величия Польши> *были направлены не на Галицию и Познань, а на западную Россию, потому что тут только были развязаны руки польской интеллигенции — сколько угодно* ***полячить*** *и* ***латынить*** (Данилевский 35).

Как в Боснии происходила борьба между православием и магометанством, так в южной Руси шла распря между тем же православием и католи-

---

[8] См. напр.: *Бакулина С.Д.* Специфика поликультурных отношений в сибирских регионах как основание для трансляции аксиологического наполнения территории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. I. Тамбов, 2014. № 3 (41). С. 25–29; *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. 2009. № 2. С. 3–17; *Янков А.Г.* «Два сердца» русских китайцев // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2014. Вып. 2. С. 168–177.

цизмом. Как в Боснии ***отурчившееся*** *и* ***омагометанившееся*** *старинное сербское дворянство явилось народоотступником и народоугнетателем, так в Малороссии* ***ополячившееся*** *и* ***окатоличившееся*** *древне-русское дворянство выступало лютым общественным врагом русскаго православнаго народонаселения* (Сретькович 132).

Выявление и семантическая разработка составляющих системы отэтнонимной лексики XIX в. ставит на повестку дня и вопрос отображения в их лексическом значении этноспецифических элементов, таких как язык, религия, культура и под., при передаче характера влияния одного этноса на другой. Поскольку первоначально в основе лежал признак веры, именно он стал отправной точкой для анализа. Полученные результаты в самом общем виде можно представить сгруппированными следующим образом.

I. Единицы, появившиеся в донациональную эпоху и сохранившие старое значение в языкеXIX в.

В эту группу можно отнести только имя существительное *латинство* и глагол *полатынить* (встречается также в вариантах: *полатинить*, в бесприставочной форме *лати(ы)нить* — это новация века, лексикографирована в словаре В.И. Даля). Глагол сохраняет старое значение ‘обратить/обращать в католическое вероисповедание’:

— Мы за веру и пойдем, — произнес Носов. — Если захотят всех нас ***полатынить****, в басурманскую веру перекрестить да везде разных мечетей немецких настроить, или велят деревянным да каменным болванам кланяться, так нешто, можно на это смотреть сложа руки?* (Салиас 284).

II. Единицы, появившиеся в донациональную эпоху, но в период XIX в. расширившие свое значение.

1. Глагол *облатынить* (встречается также в вариантах: *облатинить*, *олати(ы)нить*.

1.1. С одной стороны, у него наблюдается сохранение старого значения:

В заключение должно заметить, что мысль ***олатынить*** *себя совершенно чужда Молдо-Валашскому народу, ни сколько не почитающему себя Римлянами; она ограничивается той частью Бояр; которая получила образование свое на Западе* (Липранди И. 113)

Важно обращать внимание на употребление данного глагола, особенно если это употребление выполняет метаязыковую функцию. Так, он может быть использован контактно с более новой лексемой для пояснения последней:

Немножко католический дух, занесенный к нам чрез Киев, и ныне в семинариях отстаивают, как какую-то святыню, даже стараются по разным побуждениям tacito modo еще более если не ***окатоличить, или облатынить****, то по к. м. омонашить семинаристов (извините за новыя слова)* (Ростиславов 254).

1.2. С другой стороны, данный глагол демонстрирует и новое семантическое наполнение — более широкое, связанное не только с религией[9]:

Одряхлевший римский элемент и его цивилизация были слишком слабы, и потому не могли подчинить себе варваров, ***олатынить*** *их, и этим самым варварам была дана возможность начать жить своею жизнию, хотя и при новых условиях; ... и в прежних римских областях варвары не приняли вполне латинского языка, но изменили его, образовали особые языки из смешения латинскаго с германским; а за Рейном, вне прежних областей римских, германский язык сохранился свободным от латинскаго влияния* (Соловьев 611–612).

2. Глагол *потурчить*(*ся*) (фиксируется также в форме *потурчать*(*ся*)) в текстах XIX в. характеризуется высокой частотностью употребления.

2.1. В подавляющем большинстве случаев у него сохраняется старое значение ‘обратить(ся) в мусульманство’. В приведенном ниже примере такое значение глагола отчетливо выявляется из контекста — *потурчались ← возвращались в магометанство … из мести к католической церкви*:

Они <боснийские властители> *бросались в объятия католичества, когда им казалось, что не было другого исхода; но снова вырывались из него, как скоро католическая жизнь начинала их очень сильно сжимать, и возвращались снова или в богомильство, или в православие, или же, наконец, в магометанство. Хорватский историк говорит, что* ***потурчались*** *из жажды мести, какою пылали к католической церкви* (Голечек 190).

Как и в случае с предыдущим глаголом, укажем на метаязыковую рефлексию пишущего в отношении рассматриваемого глагола — его значение эксплицировано в тексте, по-видимому, это сделано во избежание неточного понимания смысла:

Когда приходила к нему <Хуршид-паше> *какая нибудь женщина или девушка и объявляла намерение* ***потурчиться*** *(принять магометанство), он отдавал ее на испытание владыке на неделю*. (Гильфердинг 643).

Предположим, что уточнение значения глагола в контексте, а именно указание на прежнее «узкое» значение, обусловлено тем, что оно в целом противоречит тенденции эпохи — выражать с помощью отэтнонимных глаголов самого общего значения ‘превращать(ся) в кого-л., что-л., придавать какие-л. свойства, качества’.

Тем не менее прежнее значение поддерживается новообразованиями именного характера *потурченец, потурченка, потурченок* и *потурнак*:

Потурченцы *— так называют ренегатов, преимущественно из Босняков и Герцеговинцев, принявших магометанскую веру* (Гильфердинг 213).

Использование лексемы *ренегат* в толковании номинации должно насторожить читателя и обратить его внимание на ее негативную оценочность. Подобная же оценочность наблюдается и во многих других примерах, она демон-

[9] Имеющийся в распоряжении автора статьи эмпирический материал не позволяет утверждать это наверное, но гипотетически можно предположить не только развитие у глагола более широкого значения, но и его спецификацию, связанную с передачей какого-либо иного, нежели религиозного, этноспецифического элемента.

стрирует позицию неравнодушного представителя православной веры в отношении человека, отказавшегося от нее (потурченцы — *язва*, они отличаются религиозным фанатизмом)[10]:

Потурченцы *... были страшною язвою на ея* <Черногории> *теле, от которой она должна была в конце концов распасться и погибнуть* (Ровинский 491); *Славяне-**потурченцы** проникнуты фанатизмом до мозга костей* (Гильфердинг 213).

Негативное отношение к таким людям не ограничивалось негативной оценкой, заключенной в языковой единице, к ним предпринимались самые жестокие меры. В одном труде упоминается «*резня, подобная Варфоломеевской ночи или Сицилийской вечерне. Одних убивали, других перекрестили, и к утру в Черногории не осталось ни одного **потурченка***» (Бакич 227) — «*чтобы вся Черногория облилась кровию **отступников***» (Там же).

2.2. Названный глагол употребляется в новом расширенном значении, на что указывает комментарий в самом тексте — *потурчилась, не меняя веры*:

В одной из повестей его <К.Н. Леонтьева> *рассказывается, как ... девушка, раньше посещавшая подруг-турчанок в гареме, перешла сама туда, «**потурчилась»**, впрочем **не меняя веры**, которую турки у своих семейных не притесняют, и по любви* (Розанов 437).

Подобная история выглядит для автора исследования В.В. Розанова настолько необычной, что он, приводя ее, всецело опирается на авторитет бывшего консулом в Турции К. Н. Леонтьева, описавшего эту ситуацию и множество других, в частности в работе «Из жизни христиан в Турции». Возможно, именно по этой причине глагол *потурчиться* дан в кавычках, которые являются одним из самых распространенных средств представления в тексте метаязыковой рефлексии.

Глагол в новом употреблении может быть и с более узким значением, но не имеющим отношения к религии; из примера ниже следует, что он маркирует такой этноспецифический элемент, как бытовая культура:

Вообще, судя по характеру их <курдов> *костюма, жилищ, утвари и даже арб можно придти к заключению, что они совсем **потурчились**, и в этом отношении соседи их, осетины, несравненно более сохранили свой индивидуально-народный характер* (Крестовский 252).

---

[10] Здесь следует упомянуть еще одну номинацию, не имеющую прямого отношения к отэтнонимной лексике, но связанную с ней концептуально, — *переворотень*, которая в одном из своих значений использовалась для называния людей, изменивших вероисповедание: *О здешних же поляках и говорить нечего: все они русские или по русскому происхождению — каковы **переворотни** из православия в католичество, или русские по усыновлению — каковы древние выходцы из Польши, завладевшие, посредством польских жолнеров и разных незаконных королевских привилегий, землями здешних русских обитателей и обратившие их в рабство под именем холопов* (Б/а 225). Не очень частотные глаголы, образованные от этнонима с помощью приставки *пере-* (напр., *перерусить*, *переполячить*), в большинстве своем характеризуются оценочной семантикой. В этом отношении, как нам кажется, к ним примыкает и *переворотень* (ср. семантический шлейф лексемы *оборотень*), также обладающий негативной оценочностью.

III. Лексические новации — единицы, появившиеся в русском языке в XIX в.

Как уже было сказано вначале, социо-политическая ситуация способствовала появлению значительного числа единиц разных частей речи, образованных от названий этносов. Наибольшей продуктивностью и регулярностью отличались словообразовательные модели для глаголов (типа *онемечить(ся)* или *латинизировать(ся)*) и девербативов (типа *онемечение* или *латинизация*)[11].

1. Исследование значительного количества употреблений отэтнонимной лексики показало, что большинство единиц, обозначающих влияние одного этноса на другой, характеризуется диффузностью семантики. В соответствии с характером словообразовательной модели образованные лексемы имеют значение ‘превращать/превратить/превращение в кого-л., что-л., прида(ва)ть какие-л. свойства, качества’:

Да, теперь оказывается, что словене были одними из первых поселенцев в Европе. В средине они сохранили свою народность, а по краям подчинились чуждому влиянию — ***огречились, олатинились*** *в древности, как в Средние века* ***отуречились****, или в наше время* ***онемечиваются****, хотя и от разных причин* (Барсуков 450);

Эти постоянныя шатания из стороны в сторону, эта зависимость столь важнаго государственнаго дела, каковым является ***обрусение*** *окраин, от личных склонностей и желаний лиц, стоящих во главе его, ... происходит от неясности нашей политической мысли и путаницы понятий, — вообще составляющих крупный пробел в нашем сознании* (Липранди А. 254).

Толкования, приведенные для отэтнонимных глаголов в словаре В.И. Даля, отражают основную проблему, связанную с новообразованиями, — непоследовательность: ‘*стать по виду, по внешности и обычаям похожим на англичанина*’ (Даль II: 1149); ‘*стать поляком, по языку, нравам, убежденьям*’ (Даль II: 125). По ним не совсем ясно, действительно ли глагол *обангличаниться* не предполагает языкового влияния одного этноса на другой, а глагол *ополячиться* — факта влияния в сфере бытовой культуры и/или религии или это неточность в оформлении значения соответствующей лексемы.

1.1. В отдельных случаях общее (самое широкое) значение, благодаря контексту, может быть уточнено (сужено). Так, в примерах, приведенных ниже, глагол указывает на неопределенное множество этносоциальных элементов, но среди них точно нет религиозного:

Очень жаль, что в таблице не указано, остаются ли 23 человека ***оевреившихся*** *Русских христианами или же перешли в иудейство* (Е. Ч. 102);

Ополяченный *и окатоличенный еврей в Варшаве — явление самое обыкновенное, заурядное* (Михневич 39).

В первом случае поставленный вопрос о вероисповедании оевреившихся русских предполагает разные варианты развития событий — сохранение православия или переход в иудейство, во втором присутствует иная лексема (*окатоличенный*), указывающая на конфессиональную принадлежность.

---

[11] См. сноску 4 к данной статье.

1.2. Некоторые контексты употребления отэтнонимной лексики позволяют выявить у нее более узкое значение, специализированное. В контексте данного исследования приведем примеры актуализации в значении религиозного компонента.

Логично предположить, что принцип, по которому определенная конфессия связывается в сознании говорящих с конкретным этносом, не уходит в небытие, и тогда в единице, образованной от такого названия группы, неизбежно присутствует религиозный компонент:

Но чтож? за хлеб–соль и за дружбу, Предав символ наш за коран, Вы к Туркам поступили в службу, и отступились христиан!! Чтож скажет летопись пред светом Про нечестивый ваш союз? «Британец в сделке с Магометом, И — стыд! ***отурчился*** *француз!!»* (Глинка 16);

Уже с самаго начала политика государей обратителей XV в. породила безконечное число зол: безпокойство церкви, которая думала или делала вид, будто думает, что ей угрожает опасность ***объевреиться*** *или омусульманиться вследствие громадного притока лжеобращенных, вероотступников в глубине души* (Вестник 209)

Этническая реальность — сложная система, наделенная массой разнообразных свойств; язык, религия, культура и другие этноспецифические элементы являются ее важнейшими компонентами[12]. История взаимодействия различных этнических групп, при которой представители одного этноса впитывали иноэтнические компоненты, являет собой пеструю и сложную картину, что неизбежно находит отражение в языковой картине мира каждого этноса. Попытки описания и осмысления данных процессов активизировали словообразовательную активность носителей русского языка и тем самым вызвали к жизни обширную группу отэтнонимной лексики, которая возникала в русском языке в разные исторические периоды — обычно раньше имена существительные и прилагательные, а глаголы и девербативы — позже. Семантизация единиц такой группы требует серьезного внимания и детальной проработки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Аксаков — *Аксаков И.С.* Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М., 1886.

Б/а — Б/а. О движениях польских инсургентов в киевском генерал-губернаторстве // Вестник Юго-Западной и Западной России. Март. Т. III. Киев, 1863. С. 225–233.

Бакич — *Бакич Д.* Черногория под управлением владык // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CXCVIII. СПб., 1878. С. 207–272.

Барсуков — *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. СПб., 1894.

Боровитинов — *Боровитинов М.М.* Николай Дмитриевич Сергеевский и его профессорская, научно-литературная и общественная деятельность (биографический очерк). СПб., 1910.

Вестник — Вестник знания. 1904. № 2.

---

[12] *Вергун Т.В., Воронина Т.Н.* Формирование этнокультурного маргинального сознания как социально-философская проблема // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (ч. 2). Электронный научный журнал. Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22304 (дата обращения: 30.10.2019)

Гильфердинг — Босния, Герцеговина и старая Сербия. Сборник, сост. А. Гильфердингом. СПб., 1859.

Глинка — *Глинка Ф.* Ура! // Заморские гости. Собрание песен, военных куплетов, сказок, басен и стихов про Турок, Англичан и Французов. М., 1854. С. 14–16.

Голечек — *Голечек И.* Босния и Герцеговина за время оккупации. Лейпциг: Типо-литография В. Рихтер, 1902.

Головацкий — *Головацкий Я.Ф.* Карпатская Русь. Географическо-статистические и историческо-этнографические очерки Галичины, Северо-Восточной Угрии и Буковины // Чтения в Имп. обществе истории и древностей Российских при Моск. ун-те. Генварь–март. Кн. 1. М., 1876. С. 557–670.

Данилевский — *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1888.

Дестунис — *Дестунис Г.С.* Извлечение из Ганова описания Албании // Вестник Имп. Русскаго географическаго общества. СПб., 1856. Ч. 17. С. 1–22.

Е. Ч. — *Е. Ч.* Грамотность в Риге // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. CCXXXIII. С. 99–110.

Крестовский — *Крестовский В.В.* Собрание сочинений. Т. VII. СПб., 1900.

Липранди А. — *Липранди А.П.* Русское дело в западном крае. VII // Наблюдатель. 1895. № 5 (май).

Липранди И. — *Липранди И.П.* Восточный вопрос и Болгария. М., 1868.

Михневич — *Михневич В.О.* Варшава и Варшавяне: наблюдения и заметки. СПб., 1881.

Ровинский — *Ровинский П.А.* Черногория в ея прошлом и настоящем // Сборник ОРЯС. Т. 45. СПб., 1888.

Розанов — *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России. Т. 2. СПб., 1903.

Ростиславов — *Ростиславов Д.И.* О православном белом и черном духовенстве в России. Т. II. Лейпциг, 1866.

Салиас — *Салиас Е.А.* Свадебный бунт // Собр. соч. Т. 7. М., 1903.

Соловьев — *Соловьев С.* Наблюдения над историческою жизнью народов // Вестник Европы. 1875. Т. 54. Т. II. С. 593–612.

Сретькович — *Сретькович П.С.* Воля в горах // Русский вестник. 1859. Т. 23. С. 120–136.

W. — W. Несколько слов о славянском вопросе // Беседа. М., 1871. Кн. I. Январь. С. 253–268.

СЛОВАРИ

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1863–1866.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб., 1984–2019 (издание продолжается).

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Р. Драгићевић

ИСТОРИЈСКИ РЕЧНИЦИ СРПСКОГ ЈЕЗИКА КАО ИЗВОР ЗА ИСТРАЖИВАЊЕ РАЗВОЈА НАЦИОНАЛНЕ СЛИКЕ СВЕТА СРПСКОГ НАРОДА[1]

Крајем XVII века Срби са Косова и Метохије и из других јужних крајева селили су се на север, у Хабзбуршку монархију, на територију данашње Војводине, Мађарске и Хрватске, све до Будима и Коморана. Неке од тих сеоба биле су организоване и масовне (као што су оне из 1690. и 1740), а неке су биле неприметне. Аустријски цар Леополд I обећао је Србима црквено-школску аутономију, а заузврат је од њих тражио да постану аустријски војници. Око 37.000 српских породица или око 185.000 људи преселило се крајем XVII века. Око 360 села тада је опустело. Сеобе су тако поделиле српски живаљ у два најважнија дела — један је живео у Османском царству, а други у Хабзбуршкој монархији. «Може се са пуно разлога претпоставити да је у сеобу кренуло све што је било на челу народа, сви они који су имали положаја, угледа или имања ... имућније варошко становништво, трговци и занатлије ... У земљи је остао махом сељачки свет, по брдским и забаченијим крајевима, они који сем голога живота нису имали шта да изгубе ... У Јужну Угарску побегло је оно што је било релативно најкултурније и најимућније у српском народу»[2]. Будући да су били потчињени, Срби су морали да прихватају законе, обичаје и начин живота својих властодржаца. Живели су на шаву две велике цивилизације, две културе, два света — мали православни народ између исламске и католичке силе, између оријенталног, источњачког и европског, западног, између конзервативног и модерног.

---

[1] Овај рад је прочитан 18. XII 2015. на конференцији Комисије за етнолингвистику Међународног комитета слависта у Институту за славистику Универзитета у Бечу (Slawische Ethnolinguistik: Methoden, Ergebnisse, Perspektiven, Institut für Slawistik, Universität Wien, 17–19. XII 2015). До сада није објављен. Настао је у оквиру пројекта *Опис и стандардизација савременог српског језика* Министарства просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

[2] *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку, ново исправљено издање у редакцији Владимира Ћоровића, Београд, 1923. С. 35.

Желећи да се прилагоде новом начину живота, Срби су током XVIII, па чак и XIX века објављивали граматике и двојезичне речнике чија је једна страна била славеносрпска, а друга немачка, латинска, мађарска, италијанска, грчка итд. Неки од тих речника су имали задатак да помогну говорницима српског језика да науче базичну лексику и основну фразеологију страног језика. Ти речници представљају чуваре слике о животу Срба у Хабзбуршкој монархији у XVIII и XIX веку. За потребе овог рада анализираћемо 1) немачко-славеносрпски речник приложен уз *Немачку граматику* Стефана Вујановског, штампану у Бечу 1772. године, 2) немачко-славеносрпски *Речник мали*, штампан у Бечу, 1793. године, 3) италијанско-славеносрпски речник, који представља апендикс *Италијанске граматике* Вићентија Луштине, штампане у Бечу 1794. године и 4) грчко-славеносрпски речник, део књиге која носи наслов *Руководство брзом и лаком наученију греческог и српског језика* Георгија Киридиса и Јевтимија Аврамовића, која је штампана у Београду 1845. године.

С друге стране, Вукови речници из 1818. и 1852. године представљају ризницу података о животу, обичајима и култури Срба који су живели у Турској у XIX (али и у XVIII веку). Циљ овог рада јесте да се у њему издвоје и нагласе они културолошки елементи из ове две групе речника којима се у најширим цртама осликава разлика у животу Срба у Хабзбуршкој монархији и Османском царству.

I. Срби под Аустријанцима и Мађарима

У вези са анализом прве групе речника највише пажње посветићемо грађи из *Речника малог* (1793)[3], јер од свих речника које смо испитали само он представља посебну публикацију, тј. не спада у апендикс некој граматици[4].

---

[3] Детаљну семантичку и лексикографску анализу *Речника малог* објавили смо у раду: *Драгићевић Р.* О животу и језику Срба у Хабзбуршкој монархији крајем XVIII века на основу једног речника // Исходишта 1, Савез Срба у Румунији: Центар за научна истраживања и културу Срба у Румунији. Филозофски факултет Универзитета у Нишу, Темишвар–Ниш, 2015, 113–129.

[4] Рѣчникъ малый въ Вѣннѣ, въ Славенно-Сербской, Валахїйской и Восточных Ꙗзыковъ Привилег. Типографїй, 1793. *Речник мали* био је један од најпопуларнијих речника свога времена међу српским становништвом. То се закључује на основу чињенице да је имао више издања (према С. Новакововићу: 1793, 1806, 1814, 1829, 1837), а предмет нашег интересовања јесте прво издање овог речника (из 1793. године). Штампан је у Бечу. На његовим корицама пише да је то речник „славеносербског, валахијског и восточних јазиков“. Име аутора није забележено, али је то, по свему судећи био Сава Лазаревић (Гудков 1993). На његовим корицама пише: «Рѣчникъ малый» въ Вѣннѣ, въ Славенно-Сербской, Валахїйской и Восточных Ꙗзыковъ Привилег. Типографїй, 1793. Речник садржи 104 странице. Обухвата два дела. Први део се састоји од одредница распоређених у 38 тематских група на 73 странице речника. Обрађено је нешто мање од 1500 немачких лексема, којима одговара око 2.500 домаћих еквивалената. То значи да су као превод неких немачких лексема навођени синоними или дублети из рускословенског односно српскословенског језика. Славеносрпску базу овог речника чини, у највећој мери, народна српска лексика. Од 73. до 104. странице налази се 16 пригодних разговора, углавном дијалога, којима се на пригодан, учтив и за те прилике очекиван начин позивају гости, нуди им се храна или пиће, честитају празници или напредовање у служби и т. д.

Речник мали је доживео неколико издања због тога што је био користан. Корисност се огледа у избору тематских група и лексике која је у њима садржана. У питању су најважније тематске групе и фундаментална лексика, тј. лексика за оне предмете, појаве и бића који су сачињавали и обликовали живот појединаца у јужној Угарској на самом крају XVIII и почетком XIX века.

Већ сама чињеница да су речи у овом речнику распоређене у тематске групе указује на могућност једне од метода етнолингвистичкихистраживања, а то је АНАЛИЗА ТЕМАТСКИХ ГРУПА ЛЕКСЕМА У ИСТОРИЈСКИМ РЕЧНИЦИМА.

I.1. Анализа тематских група лексема

Тематске групе лексема у *Речнику малом*, а у некој мери и њихов распоред, осликавају кључне тачке живота Срба, њихових обичаја, њиховог свакодневног живота, као и духовности, веровања, погледа на свет. Види се тежња ка уклапању у друштвени систем у Хабзуршкој монархији, иако уклапање „није било потпуно јер су вера и језик били непремостиве баријере. Припадници српске етније православне вероисповести нису могли да рачунају на државну службу“ (Поповић и др. 2011: 202). Касније је тај закон измењен, али се до државне службе тешко долазило. Велики број изадња овог речника указује на то да међу обрађеним речима није било вишка. То су оне речи са којима се живело и које представљају културолошко и језичко огледало српског народа крајем XVIII века у јужној Угарској. Управо се у томе и огледа значај овог речника. Он представља школски пример како лексикографски рад може спајати практични, свакодневни живот са научним пописом и лексикографском обрадом реалним животом одабране лексике. Састав речника појављује се, тако, као слика света једног времена. Ево, о којим се тематским групама ради и како су оне распоређене: 1) О Богу и стварима које се тичу божје службе (82); 2) О свету и стихијама (65); 3) О години и годишњим добима (40); 4) Имена празника (25); 5) О неким земљама и народима (40); 6) Море и неке воде (21); 7) О рудама (12); 8) О бојама (16); 9) О баштенским стварима (86); 10) О птицама (54); 11) О рибама (17); 12) О четвороножним животињама (43); 13) О пузећим животињама (26); 14) О човеку и његовим удовима (111); 15) О мушкој одећи (33); 16) О женској одећи (18); 17) О учењу (14); 18) О човековим делатностима (83); 19) О духовним достојанственицима (12); 20) О световним достојанственицима (24); 21) О деловима куће (37); 22) О домаћинству (24); 23) Шта се у кухињи налази (48); 24) Шта се у подруму налази (24); 25) О простирању астала (8); 26) О јелу и пићу (30); 27) О стварима у штали (44); 28) О граду (46); 29) Војне титуле (25); 30) Војна терминологија (76); 31) Шта се у пољу види (38); 32) О делатностима које човек обавља својим телом (11); 33) О казнама и гресима (21); 34) О занатима и рукотворцима (43); 35) О трговини и различитим робама (43); 36) О човековим фалинкама (69); 37) О сродству (31); 38) Наши потомци (23).

Није случајно што је тематска група лексема о Богу на првом месту и што спада међу најбројније. Већ сам тај податак указује на значај религије као везивног елемента и духовног подстицаја за српски народ у јужној Угарској.

Ипак, најбогатија група тиче се човека, делова човековог тела, људских активности. Не чуди ни велики број лексема о људским фалинкама, јер бројна истраживања указују на то да су људски недостаци одувек привлачили већу пажњу од квалитета[5]. Важна је кућа и њени делови, подрум у којем се чувају пољопривредни производи, храна и пиће, кухиња, обичаји у вези са позивањем гостију и постављањем стола. Тематске групе сведоче и о вези са природом у свакодневном животу — о упућености на башту, поље и њиву, на важност домаћих животиња за свакодневни живот, али и о вези са птицама, рибама и осталим животињама са којима су се сретали. Пошто су многи зависили од пољопривреде, велики значај имале су временске прилике, нарочито непогоде. Посебне лексичке групе одвојене су за црквене и световне великодостојнике (управо тим редом — црквене, па световне), што би могао бити доказ о томе да се власт поштовала. Држало се и до празника, а посебна група посвећена гресима и казнама, јасно говори о томе да се држало до реда и страховало од казне. Од занимања издвајају се занатлије, трговци и војници, па су свим овим занимањима и делатностима на које се односе посвећене посебне тематске групе.

Све ове закључке изукли смо из назива тематских група, њиховог распореда и бројности лексема у њима, а ако се, пак, осмотре тематске групе понаособ, у свакој од њих се открива по један мали одсечак језичке слике света.

Тако се, на пример, из лексичке групе која је посвећена неким земљама и народима може закључити са којим су то народима Срби у јужној Угарској били повезани суседским, трговачким или политичким везама. У тој групи налазе се Аустрија, Србија, Босна, Бугарска, Француска, Ердељ, Грчка, Хрватска, Италија, Каравлашка, Мађарска, Московска, Пољска, Арапска земља, Турска, Татарска и т. д.

Из групе "О баштенским стварима" сазнајемо да су се, између осталих, гајиле и следеће биљке: јабука, крушка, шљива, вишња, трешња, дуд, смоква, мушмуле, орах, боб, пасуљ, сочиво, мак, винова лоза, бели и црни лук, цвекла, репа, ротква, диња, лубеница, раж, пшеница, лан, рогоз, кукуруз, сунцокрет, конопља, краставац, ким итд. Од цвећа се гајила ружа (*ружица*), љиљан (*лилија*), крин и т. д.

Мушкарци су на главама носили шешир, капу или клобук, кошуљу са *тацлијама* (манжетнама), око врата *пошу* (оковратник), *камизол* (прслуче), *доламу* (врста горњег капута), а на доњем делу тела: гаће, чакшире, на ногама свилене или вунене *штринфе* (чарапе) и ципеле. Обавезан део мушког стила чинили су и *џепни сат*, *прстен*, *бурнутица*, *табакера*. Мушка гардероба украшавана је пантљикама, перјем, дугметима, чипком. Из овог описа јасно је колико се гардероба Срба у јужној Угарској разликовала од гардеробе Срба у Турској.

Да је жена била у подређеном положају у односу на мушкарца, види се и *Речнику малом*. Мушкој одећи посвећено је 33 одреднице, а женској — 18

[5] *Драгићевић Р.* Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу, Београд, 2010. С. 115–124.

(дакле, упола мање). Дискриминација је још упечатљивија када се узме у обзир да се међу тих 18 обрађених лексема налазе и оне које не означавају женску гардеробу, већ инструменте за шивење — *конци*, *прећа*, *преслица*, *вретено*, *маказе*, *прести*, *шити*, *вести*. Од женске гардеробе издвојени су следећи делови: *капа*, *марама за врат*, *прслук*, *сукња*, *кецеља*, *прегача* и *подвезе*, а од накита: *низ бисера*, *златни ланац* и *минђуше*[6].

Списак духовних достојанственика открива живот православаца у католичкој средини, па су обрађени и *папа* (на првом месту), *кардинал*, али и *патријарх*, *архиепископ*, *владика* итд. Световни достојанственици указују на угарско државно и друштвено уређење: *гроф*, *барон*, *немеш* (племић, витез), *фиршт* (кнез), *херцог* (војвода) и т. д.

У кухињи се, између осталог, користило и *оцило*, *мех*, *ватраљ*, *вериге*, *бакрач*, *котао*, *аван*, *сито*, *решето*, *ибрик за кафу*, *ибрик за тај*, *нађве*, *корито*, *чабар за воду*. Постојали су калајни, дрвени, па чак и сламени тањири (што сазнајемо из групе лексема у вези са постављањем стола).

У подруму се чувала бурад за вино, па се тако издваја: *ардов* (велико буре), *буре*, *каца*, *чабар*, *вино* (старо и ново) итд.

Јела се јача храна од оне коју данас конзумирамо. У тематској групи о јелу налазе се и следеће лексеме: *кисео купус са сланином*, *черек*, *плеће*, *груди*, *кук*, *бут*, *дивјачина*, *зец*, *говедина*, *срнећи черек*, *голубићи*, *чорба са резанцима*, *чорба са пиринчем*.

Међу занатима и занатлијама има и оних који данас више углавном не постоје: *ципелар*, *чешљар*, *ћурчија*, *гвожђар*, *кулунџија*, *колар*, *воденичар*, *спетар* (= *корпар*), *лончар*, *сабљар*, *сапунџија*, *свилоткач*, *ужар*, *ткач*, *седлар* и т. д.[7]

У тематској групи о трговини сазнајемо да су се активно користиле мере као што су *палац*, *педаљ*, *коракљај*. Тежина се мерила *кантаром*, а за мерење

---

[6] Одећа је у то време била „израз колективног идентитета, а не личног укуса, а индивидуално и приватно у одевању сведено је на амбицију појединца да достигне или одржи жељени друштвени статус”, исп. *Поповић М., Тимотијевић М.*, *Ристовић М.* Историја приватног живота у Срба од средњег века до савременог доба, Београд, 2011. С. 212. “Одевање сваког појединца, посебно у јавном простору, било је унапред одређено. Непоштовање утврђених норми сматрано је кршењем установљених друштвених правила и подлегало је санкцијама” исп. *Поповић М., Тимотијевић М.*, *Ристовић М.* Историја приватног живота у Срба од средњег века до савременог доба, Београд, 2011. С. 209. Тек у XIX веку појављује се мода. У одећи српске етније у Хабзбуршкој монархији “на посебној су цени биле бунде, а носили су их и мушкарци и жене. Понекад су биле начињене од самуровине и са сребрним дугметима. Провинцијално племство се облачило по узору на угарско, што се види на њиховим портретима. На глави су носили шешире с пером, око појаса раскошне сребрне појасеве, а на ногама чизме, које су сматране племићким статусним обележјем. Граничарско војничко племство носило је униформе, а богати представници грађанског сталежа одећу шивену према тадашњим бечким узорима”, исп. *Поповић М., Тимотијевић М.*, *Ристовић М.* Историја приватног живота у Срба од средњег века до савременог доба. С. 214.

[7] Трговачко-занатлијски цехови су у то прединдустријско доба били економска окосница друштва, исп. *Поповић М., Тимотијевић М.*, *Ристовић М.* Историја приватног живота у Срба од средњег века до савременог доба. С. 202.

дужине користио се и *риф* (стара угарска мера за дужину, 70 cm). За шивење гардеробе купавала се *кадифа*, *чоха*, *гајтани*, *сукно*, *убељено платно*.

Боловало се од *бедро-чреслобоље*, *леђобоље*, *кукобоље*, *грлобоље*, *срдобоље*, *безумствованија*, а владала је и *суха болест* и *воденаја болезн*.

I.2. Анализа *разговорника*

Речници за чију смо се анализу одлучили поседују један део који смо, пратећи В.П. Гудкова, назвали *разговорником*.[8] У питању су збирке замишљених разговора у уобичајеним комуникативним ситуацијама у којима су се говорници могли наћи. Теме тих разговора, као и њихови садржаји, такође откривају важне културолошке сегменте из живота Срба у Монархији. Свака реченица у овим разговорницима представља културолошки податак, па је због тога веома тешко уопштити многобројне и вишеслојне податке до којих смо дошли. Највише што се може учинити у циљу уопштавања јесте побројати теме разговора јер оне упућују на најважније животне ситуације у којима су се могли наћи Срби општећи са странцима. У немачко-славеносрпском речнику Вујановског (1772) има 11 разговора који су посвећени овим питањима: поздрављање; путовања; разговор Немца и Србина који учи немачки; разговор у цркви; позвати некога на обед; постављање стола и друга питања; разговор двојице пријатеља од којих је један нерасположен; сусрет у Бечу; разговор између господина и слуге; разговор о непријатности која се догодила једном од двојице пријатеља и др.[9]

И у речнику В. Луштине (1794) обрађују се сличне теме. Има их 20, а ово су неке од њих: поздрављање; јутарња посета; облачење; разговор са кројачем; о доручку; о времену; о распитивању о некоме; о писању; о куповини; о игри; у цркви; посета болеснику; у књижари; на путовању; о изнајмљивању преноћишта; о јахању и др.[10]

---

[8] *Гудков В.П.*, Сербская лексикография XVIII века, Москва, 1993.

[9] Овај речник представља додатак књизи на чијим корицама пише: "Нѣмецкаѧ грамматіка изъ разлычныхъ авторовъ наипачеже Готштедовыхъ книгъ собранна и въ ползу сербскихъ дѣтей на славеносербскомъ ѩзыкѣ изѧснена Стефаном Вуѧновскимь, слышателемъ правахъ во универзытетѣ віеннскомъ", в Віеннѣ, 1772. Књига има 561 страницу основног текста. Осим граматике, сачињава је и речник и разговорник. Основу славеносрпског језика у овој књизи чини рускословенски, са неким намерним или ненамерним србизацијама (Гудков 1993: 61). Од 353. до 525. странице ове књиге налази се речник који садржи око 4800 немачких одредница и њихових славеносрпских еквивалената. Одреднице су распоређене према врсти речи којој припадају. Не зна се да ли је овај речник настао према неком узору. Према мишљењу Гудкова (Гудков 1993: 63), за разлику од многих других речника из овог периода, овај речник није настао према руском узору.

[10] На корицама ове књиге стоји: "Грамматіка италіанская ради употребленія иллирическія юности, собранна Вікентіемъ Лустина", въ Вѣннѣ, 1794. Осим граматике, ова књига садржи и "Рѣчникъ италіано-иллирическій" (С. 286–352), "Нѣколики разговоры обходителніи, нуждніи ради начинателей" (С. 352–441) и "Собраніе разныхъ исторій или повѣстей" (С. 442–461). Речник је уређен тематски. У њему се налази 61 део и око 2500 италијанских речи и славеносрпских еквивалената. Основицу славеносрпског језика у овом речнику чини српска народна лексика, црквенословенска и руска лексика.

У речнику Киридиса и Аврамовића (1845)[11] има 16 разговора: поздрави; молбе, питања; одобравање, одрицање, одбацивање, захвалност; сумња, савет, уверење; изјављивање радости, жалости, бола, дивљења, наде, очајања; о времену; буђење; облачење; доручак; ручак; одлазак на спавање; у кафани; шетња градом; изнајмљивање стана и др.[12]

Из 16 пригодних разговора којима се завршава *Речник мали*, баш као и из разговора у осталим наведеним речницима, запажа се жеља српског живља да се уклопи у друштвени систем Хабзбуршке монархије. Изразито китњастим језиком, претерано учтивим и понизним, Срби уче како да на немачком језику позову некога (очигледно предсставника вишег сталежа мађарског или немачког порекла) на ручак или у шетњу, како да се понашају када дођу некоме у кућу, како да некоме честитају унапређење или Нову годину, како да се учтиво поздраве на улици уз кратак, куртоазан разговор. Највише се пажње посвећује доласку гостију на ручак, распоређивању гостију за столом, нуђењу храном и пићем, учтивом задржавању гостију да што дуже остану за столом. Из самих ових тема јасно је колико је било битно угостити хабзбуршко племство, одржавати куртоазне односе с њима и надати се некој помоћи од њих. Из те претеране учтивости (која се граничи са полтронством) наслућује се китњасти, барокни дух времена, али и очигледан другоразредни статус Срба у Монархији[13]. Кроз те разговоре види се и потреба за асимилацијом: "И ако су подуже сачували извесан број својих старих особина које су донели из Турске, Срби су се релативно брзо прилагодили условима новога живота и западној култури, у чему им је знатно помогло и раније досељено и већ прилагођено српско становништво. У опште, српска раса, у првим тренутцима када улази у културу, уноси много вековима гомилане животне енергије, показује велику асимилаторску способност, одликује се лако и брзо у занатима, а нарочито у трговини"[14].

---

[11] На корицама ове књиге, једине од свих које анализирамо која је штампана у Београду, а не у Бечу, и то у XIX, а не у XVIII веку, пише: "Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и србскогъ езыка одъ Георгія Киридиса и Евтимия Аврамовића", у Београду, 1845.

[12] Прва група ових разговора више личи на речнике уобичајених фраза него на разговоре из разговорника. Очигледно је да се у XIX веку губи форма речника у виду разговорника и то овај речник лепо показује. Занимљива је разлика која је направљена у разговорима број 12, 13 и 16 између *гостилника*, *каване* и *крчме*, којима су разговори посвећени. Изгледа да се у гостилнику и кафани само јело, а у крчми се могло и преспавати.

[13] Потчињени статус Срба понекад представљају и сами аутори речника. С.6Костић наглашава како је важна мотивација Вујановског за писање немачке граматике и речника била заснована на захвалности према Марији Терезији. У књизи је, обраћајући се Србима, написао да су најсрећнији они поданици чији се владар труди да их усрећи. Божја промисао је даровала српски народ бесмртном царицом Маријом Терезијом и њеним човекољубивим сином, императором Јосифом Другим. Обоје се труде да усреће Србе и да их награде за њихову ропску верност, а српски народ би за то најприкладније показао захвалност ако би боље него до сада учио језик којим говоре царица и њен син, исп. *Костић С.* Стефан Вујановски и његова Нѣмецкаѧ грамматіка // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду XIV/2, 1971. С. 510.

[14] *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку, ново исправљено издање у редакцији Владимира Ћоровића, Београд, 1923. С. 38.

Као примере навешћемо два пригодна разговора. Ови замишљени дијалози као позоришне представе цртају време, обичаје и људе боље и реалније него историјски списи.

Девети комплемент
Госте к седенију принуђавати (посађивати)[15]

-Господине Советниче! Изволте не одрећи се овде сести (посадити се).

-Ви ћете ме утешити ако ме с тим поштедити.

-Ми се нећемо свађати.

-Молим покорњејше узмите ово место.

-Ја нећу то никако учинити. Ја седим овде врло добро.

-Али онде можете много бољше седети.

-Опростити дакле господине ја ћу себи место овде узети. А Ви изволте онде посадити се.

-Господине! Седните без церемоније. Округли астал нејма перваго (началнаго) места. А к тому Ви ћете свагда оно место где ћете сести началное учинити. Дај да не губимо време с церемонијами, јело ће се охладити.

Дванаести комплемент
При окончанију обеда

А. Моја господо! Изволте ми опростити што сам вам тако злочесту част предложио. Други ћу пут наредити да се имате болше дочекати.

Б. Ово дочекање ест изванредно било.

В. У тому није ништа фалило.

Г. Вам Господине није баш от потребе извињавати се будући да се много више нам пристоји Вам за свако поштење које сте изволили нам показати лепо благодарити.

Д. Доиста моја Господо! Ви можете у тому сигурни (обнадеждении) бити да се ми врло радујемо што смо Вас видели: само молим изволте ово злочесто подворење драговољно примити.

Г. Ја сам цело застићен вас слушајући што тако говорите. Захваљујем Господине! За Вашу славну част (трактацију) и препоручујем себе Вашој склоности.

Из ових разговара јасно се види и да су речници намењени богати(ји)м људима јер су њихови учесници они који имају слуге што их облаче и чешљају, људи који путују и обилато се хране се по крчмама, носе свилене чарапе, позивају госте на раскошне ручкове и доручке, имају богато постављене столове, имају периље (праље) које им перу веш и кројаче који им долазе у кућу, купују књиге у време када су оне биле врло скупе.

Однос према надређеној господи, нарочито угарској, није био исти као однос према подређенима, тј. према слугама. Врло импресивну слику о томе

[15] Све примере у овом раду наводићемо савременом графијом.

стичемо у замишљеном разговору број 10 у Речнику С. Вујановског[16]. Наслов тог разговора могао би се превести као *Разговор једног господина са својим слугом, који садржи и многе погрдне речи*. Повод за замишљени разговор је чињеница да се слуга није пробудио на време. Ево како се господар обраћа слуги:

- Ја мнју што ти јешћо в постеље. Востани безделниче!
- Безделниче лењивиј!
- Надлежит ињиј крат тебе с палицеју пробудити. Нестидишљиви безобразниче!
- Псето!
- Ти глупиј осл (= магарац)!
- Ти должен во време востати, лењивиј осл!
- Јежели ти јешћо једину реч проговориш, плут (= подлаче)...

О животу са слугама и о њиховим задужењима, као и о навикама и животном стилу који су богатији Србији усвојили у Монархији, говори трећи разговор у разговорнику речника Вићентија Луштине[17]. Тај разговор носи наслов *О облачении*. Господар се обраћа слуги тражећи од њега да наложи ватру. Затим каже: "Облачи ме". Касније тражи од слуге и да га очешља. Из данашње перспективе оваква задужења делују као манифестација ароганције господара. Затим следи разговор који такође указује на размажен живот богатих[18].

- Дај ми моју кошуљу.
- Ево је, господине.
- Није врућа.
- Јешћо јест хладна.

Ако желите, ја ћу је угрејати.

- Немој, немој, зачто није здраво.

Из ових разговора закључујемо да је хијерархизација грађанства била изразита и да се претеривало и у љубазностима према надређенима и у грубостима према подређенима.

---

[16] Нѣмецкаѧ грамматіка изъ разлычных авторовъ наипачеже Готштедовыхъ книгъ собранна и въ ползу сербскихъ дѣтей на славеносербскомъ ѩзыкѣ изѧснена Стефаном Вуѧновскимь, слышателемъ правахъ во универзытетѣ віеннскомъ, в Віеннѣ, 1772.

[17] Грамматіка италіанская ради употребленія иллирическія юности, собранна Вікентіемъ Лустина, въ Вѣннѣ. 1794.

[18] У осмом разговору разговорника приложеног уз речник Киридиса и Аврамовића (Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и србскогъ езыка одъ Георгія Киридиса и Евтимия Аврамовића, у Београду. 1845) наводи се слична ситуација. Разговор носи наслов *Да се обучемо* и у њему господар тражи од слуге следеће: "Кошуља ми је врло ладна; наложи ватру пак је угреј". Ова реченица потврђује да су тадашњи лексикографи пишући своје речнике имали у виду оне који су већ написани, али они свакако нису преузимали из претходних речника онај део грађе који није одговарао духу времена у којем су они састављали речнике. Због тога понављање мотива из речника у речник тумачимо као сведочанство о његовој заснованости на сликама из реалног живота.

Живот богатих људи помалагале су, осим слугу, и бројне занатлије различитих задужења. И о томе сазнајемо из разговорника приложених уз речнике. Ево неколико примера:

- (Господар тражи свилене чарапе, али га слуга обавештава да су „продрте“ и да је „једна машлија утекла“.) Треба да их даш плетељи да их поправи.[19]

- (Слуга обавештава господара да му бријачи нису оштри.) Треба да их однесеш ножару да их наоштри.[20]

- Ако дође праља, даћеш јој што је неопрано, притом пази да је све точно, што је однела последњи пут[21].

Ови дијалози оживљавају слике и занимања којих више нема. Постојале су занатлије које су зашивале чарапе, оштриле бријаче и ножеве, носиле туђ веш кући, прале га, а затим га опраног враћале наручиоцу.

Дијалози у разговорницима потврђују да се обилно јело за сва три оброка. Задржаћемо се на неким детаљима.

Други разговор у речнику В. Луштине насловљен је *За учинити једно посешћеније изјутра*. Посвећен је комуникацији између домаћина и госта у јутарњим сатима:

- Што једет Ваше господство радо изјутра?
- Да Вам истину рекнем, не једем нигда тако рано.
- Што чините дакле?
- Пијем који крат кафу, чиколату или тој.
- Чиколата много распаљујет (или грејет). Кафа суши одвећ. Тој није ништо друго него вода и сено.
- Са свим тим готово сви њега пијут.
- Не знаде ли Ваше Господство да свет хоћет да је преварен.
- То јест права истина.
- Једимо, дакле, штокод, учинићемо боље.

Овај разговор из 1794. године, вештачки је, али тако животан. Из њега сазнајемо да се, поред кафе и чаја, и топла чоколада пила и у XVIII веку и да је и тада, као и данас, постојала сумњичавост према навикама у исхрани већине становника.

У 17. разговору *О вечере и квартире или обитании* гост који треба да преноћи у преноћишту наручује следећу вечеру: „Дајте нам једну приганицу пилића, пол дуцине (дванадесјатице) голубића, једну салату, шест препелица, или једну дуцину шевах“[22]. Осим необичних мера које су се користиле у то

---

[19] Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и србскогъ езика одъ Георгія Киридиса и Евтимия Аврамовића, у Београду, 1845. С. 47.

[20] Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и србскогъ езика одъ Георгія Киридиса и Евтимия Аврамовића, у Београду, 1845. С. 48.

[21] Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и србскогъ езика одъ Георгія Киридиса и Евтимия Аврамовића. С. 50.

[22] Грамматіка италіанская ради употребленія иллирическія юности, собранна Вікентіемъ Лустина, въ Вѣннѣ. 1794. С. 393.

време, запажамо (и то не само у овом речнику) да су на менију Срба у Монархији често биле мање птице попут голубова, препелица и шева.

Пажњу привлачи и 13. разговор из овог речника, који је посвећен одласку у цркву (*О хождении в церков*)[23]. У том разговору сазнајемо да су стари монаси или калуђери мислили да говорити кроз нос "ест велика учтивост". Констатује се да у цркви има више жена него мушкараца и да "садашњих дана више доходе из љубопитства него из благоговенства". Одлазак у цркву био је друштвени догађај, прилика да се људи виде и испричају. На крају разговора, аутор наводи кратак текст који би се могао назвати културолошким коментаром или поуком, а он га је назвао *Примечеиије*. У том тексту се објашњава да разговор није наведен због тога да би људи у божјем храму нешто друго говорили осим молитве или да причају о себи и другима. Овакве спаситељ, а не ја (констатује аутор), уверава да би боље било да се нису родили. Овај разговор служи док се иде у цркву или се из ње враћа да се не би причало о другим, непристојним стварима.

Из овог речника сазнајемо да се писало пером које се зарезивало, да су се писма печатила црвеним или црним воском, да је на цени био шпански восак, да се (из неких разлога) при писању користила и поспа/песак/праха, да се ценкало у пренећиштима, у књижари, у кројачници, у продавници текстила, да се молило пре јела, да се пред полазак на пут распитивало о томе колико је пут безбедан и да ли има разбојника у шумама, да се и тада, као и данас, говорило да они који су срећни у игри нису срећни у љубави и да не знамо шта је здравље све док се не разболимо. Девојке су почињале да се еманципују, па "причина ест да данашњега дана кћери хоћеду мужа да имаду по својој вољи". И тада су, наравно, постојали ставови о језицима и стереотипи о народима, па су се, тако, учесници у једном разговору сложили да италијански језик није "трудан и да има многе пријатности, особито у женскима устима". Један учесник у дијалогу је посматрајући неког финог "благородног господина" био уверен да је он Инглез, што значи да се веровало да су Енглези господствени. Сазнајемо и да је на Фрушкој гори било "изобилно" дивљих свиња, јеленова, кошута и да је у "великом числу било зецова, жутоловки, дивљих петлова (фазана), јаребица и других птица. Разговори се завршавају описом Сремских Карловаца, а закључује се да "Фрушка ест вторај Олимп, а Карловац – Атена", да се "овај век може звати веком учених", а на крају поносног излагања о Карловцима, аутор завршава: "Здравствуј роде Илирическиј!"

Киридисов и Аврамовићев речник из 1845. године указује на значај говорних чинова у откривању језичке слике света. Поздрављање, захваљивање, исказивање сагласности, несагласности, сумње, савета, радости, жалости, бола, дивљења, наде, очајања, одобравања, неодобравања необично много говори о народу који се служи тим говорним формама.

[23] Грамматіка италіанская ради употребленія иллирическія юности, собранна Вікентіемъ Лустина, въ Вѣннѣ, 1794. С. 380–385.

Ево неколико примера. У трећем разговору (*Одобренје, одрицање, одбацивање, благодарност*) представљен је, између осталог, и континуум могућности за исказивање одобрења:

- Добро; ја се соглашавам.
- Зашто не: нека, нема никакове противности.
- Ја се не противим.
- С великим задовољством.
- Ја сам готов к вашој услуги.
- Ја сам на служби вашој.
- Заповедајте, ја сам готов да вас послушам.
- Говорите, ја чекам заповести ваше.
- Драго ми је што са добио прилику да вам полезан (потребан) будем.
- Ја вам не могу ништа одрећи.
- Да могу, желио бих вам већу услугу учинити.
- Ја желим да Вам полезан будем.
- Знајте да сам вам предан[24].

Ево како су у истом речнику представљене форме захваљивања:

- Благодарим.
- Ја вам благодарим на доброти вашој.
- Благодарим. Ја сам вам зато обвезан. Фала.
- Ви ми велику доброту указујете.
- Ја се одвећ радујем за чест коју ми чините.
- Ја нећу вашу доброту на зло употребити.
- Ово ново доказатељство ваше доброте превосходи очекивања моја.
- Ви сте предухитрили жељу моју.
- Не знам како да на толику милост одговорим.

Већ би и саме формулације у изражавању говорних чинова могле представљати предмет посебног истраживања. Упада у очи разрађен код у вези са могућностима њиховог исказивања. Главно питање на које за сада немамо прецизан одговор представља да ли су се ове учтиве форме заиста користиле у усменој комуникацији или их, можда, речници бележе као резервоар могућности које се саветују корисницима речника. Није сасвим јасно да ли су те форме израз креативности лексикографа који је израдио речник или комуникацијског стила који су Срби затекли у јужној Угарској преселивши се у њу. Можда је облик прилагођавања животу у новој средини подразумевао и преузимање форми учтивости. Речници су имали узоре, а износи да су углавном настали на основу руских извора[25]. Ако је тако, да ли су и форме учтивости преузете из старих руских речника? Постоји и последња могућност, а то је да су се аутори двојезичних речника користили речницима језика који је у

[24] Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и србскогъ езыка одъ Георгія Киридиса и Евтимия Аврамовића.

[25] *Гудков В.П.* Сербская лексикография XVIII века. С. 132.

речнику био обрађен. Можда су Вујановски и Лазаревић преузимали форме учтивости из немачког језика пишући своје немачко-славеносрпске речнике, В. Луштина се можда угледао на италијанско изражавање учтивости састављајући италијанско-славеносрпски речник, а Киридис и Аврамовић су се можда угледали на неки грчки речник док су радили на свом речнику. Могуће је да су се сви аутори угледали на претходне двојезичне речнике који су припадали српској лексикографији и преписивали форме. Ипак, запажамо да је у Киридисовом и Аврамовићевом речнику из XIX века умањен интензитет театралне кићене учтивости из XVIII века коју уочавамо у осталим речницима. Било како било, сви ови речници, а посебно *Речник мали*, били су често коришћени и васпитавали су српско становништво. Учили су Србе да буду учтиви и понизни према надређенима и да се уклапају у животни стил просвећене Европе.

II. Срби под Турцима

Срби који су живели у Хабзбуршкој монархији (касније у Аустроугарској), изгледа, нису имали осећај снажног националног јединства са Србима из Турске (или самосталне Србије). О томе сведочи једна успутна, а врло снажна, реченица коју је у свом предавању у Научном клубу у Бечу, у новембру 1911. године, изговорила Савка Суботић, једна од најзнаменитијих и најобразованијих угарских Српкиња свога времена: "О прошлости Србије, те нама суседне државе, једва да се нешто више зна него о државама на Конгу"[26]. Из ове реченице јасна је дистанца и дистинкција између *нас* и *њих*, а јасно је и ко су *они* – незнанци који као да су са другог континента. Јасно је и то да Србија припада Истоку. У истом предавању Савка Суботић каже: "Београд долази као неко полуострво и прави границу међу Србијом и Аустро-Угарском, те отуда се вели: Београд је кључ а Цариград капија Истока за Запад"[27].

Слике те Србије, могло би се рећи турске Србије, очувана је у Вуковом *Рјечнику* из 1818. и 1852. године[28]. У питању је тројезични речник (српско-немачко-латински). Тај речник је писан за народ и осликава народни живот и то на српском народном језику, за разлику од српских речника насталих у Монархији, који су намењени ситуираном слоју српског грађанства које треба да савлада страни језик. Вуков *Рјечник* садржи и војвођанску лексику, али у занемарљивој мери. Према Ј. Кашићу, у *Рјечнику* из 1818. године обрађено је 839 речи из Војводине, а у издању из 1852. године, обрађено је 1848 лексема. Према укупном броју обрађених речи, на Војводину отпада 3,192% у првом и 3,235% у другом издању *Рјечника*.[29] Вуков *Рјечник* је слика руралног слоја

[26] *Суботић С.*, Жена на Истоку и на Западу, јавно предавање Савке Суботићке одржано у Бечу у Научном клубу 17. (30.) новембра 1911, Нови Сад, 1911. С. 6.

[27] *Суботић С.*, Жена на Истоку и на Западу, јавно предавање Савке Суботићке. С. 14.

[28] Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечима, скупио га и на свијет издао Вук Стефановић Караџић, Беч: 1818; Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима, скупио га и на свијет издао Вук Стефановић Караџић, Беч: 1852.

[29] *Кашић Ј.*, Војвођанска лексика у Вуковом *Рјечнику* // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, књ. X, 1967. С. 199–224.

Срба, оног који је гладовао и с муком преживљавао. У Рјечнику своје место нису нашле многе речи које је Вук користио, али их није било у народу[30]. "Понекад нам се чак чини", запажа М. Селимовић, "да се Вук у свом *Рјечнику* подсмева апстрактности раније књижевности, њеној метафизичности, њеној високопарној патетици[31]. Вук депатетизира ствари ... као да каже својим Рјечником: ово је стварни, груби, мукотрпни, а опет ведри свет народа, сељака који су увек реални и конкретни, чак и кад маштају, научени да трпе, да се подсмевају и да истрајавају".[32]

Издвојићемо још једно тачно Селимовићево лингвокултуролошко запажање: "*Рјечник* нам говори да је овај свет подељен на сиромашне и богате и да су за зло и неправду криви богаташи, а жртве су сељаци. (*Камата — велики, неправедни интерес*; *погосподити се — погосподио се па неће да ради*). Сиротиња се бори против неправде (*Неимање немир од свијета*). Господски свет је покварен, без морала, без душе: новац га квари (*новац душогубац, дукат — губодушница*). Сиротињско искуство је тешко (*Жива жељо, кукурузна пројо*)"[33].

О томе да Рјечник представља сведочанство о тешком животу српског народа, о глади и беди сведоче бројне Вукове дефиниције и објашњења, од којих многе нису у директној вези са том темом. Дефинишући реч *акамоли*, Вук наводи следећу народну пословицу: *Сиротиљо, и Богу си тешка, а камоли кући у којој си*. Биће из маште *баба-руга* објашњава се овако: "њом плаше дјецу кад често ишту круха: Немој искати круха, убиће те баба-руга". Именица *бадаљ* је дефинисана као биљка чији се корен кува и једе за невољу, у гладним годинама. Приче о глади у Вуковом Рјечнику има на претек, док се ова тема уопште не дотиче у војвођанским речницима.

---

[30] Вуков савременик Јован Стејић је 1849. године у *Гласнику* Друштва српске словесности, објавио списак речи које су Вуку биле познате и које је било могуће чути и прочитати међу ученим Србима, али их је Вук "прескочио" зато што их није чуо у народу. Биле су сувише интелектуалне, ненародне, а Вук је желео да у свом *Рјечнику* изнесе што вернију слику српског народа. Ево неких од тих речи: *способност, строгост, благост,подлост, скромност, успешност, уљудност, угодност, крутост, одважност, човечност, благонаклоност, наклоност, добровољност, садашњост, прошлост, раскошност, разузданост, важност, тужитељ, старатељ, управитељ,спаситељ, створитељ, спокојство, вест, доказ, круг, позив, навод, увод, опис, оглас, слух, дух, задатак, израз, молба, жалба, услов, повод, победа, биће, просвета, обмана, особа, споменик, чиновник, званичник, пуномоћник, државник, безгрешан, исправан, безуман, бесмислен, невин, порочан, савестан, успешан, важан, постепено, срдачно, казнити, одобрити, решити, руководити, запоставити.*

[31] Исто би се могло рећи и за лексикографију која је претходила његовом Рјечнику.

[32] *Селимовић М.* За и против Вука, Београд, 1986. С. 131.

[33] *Селимовић М.* За и против Вука. С. 127. Овај Селимовићев поступак приказује један лингвокултуролошки метод за истраживање садржаја речника. До закључака се долази анализом дефиниција и примера. Ови речнички подаци се слажу и уклапају у једну велику слагалицу која доноси коначне закључке.

II. 1. Анализа неких тематских група и синонимских редова у Вуковом Рјечнику

Највећи број речи које су обрађене у *Рјечнику* важне су за народни живот. Њихов значај огледа се и у великом броју синонима. Такве речи и њихове синониме издваја М. Селимовић:

Најести се — напитати се, набањати се, набити се, набокати се, набубабти се, надекати се, наждерати се, назобати се, накресати се, накусати се, налупати се, наслагати се, натући се.

Туђи — бити, воштити, деветати, дерати, лијемати, лињати, мазати, макљати, млавити, млатити.

Ударити — бубнути, лупити, гарнути, генути, депити, депнути, дернути, дупити, лупити, лупнути, врезнути, одадријети, одајачати, одалачити, ћопнути.

Јадан — биједа́н, болан, дерни, жалостан, зајадњи, злосрећан, злосретњи, јадињи, јадован, јадовит, кукав, кукавни, кужан, несрећан, ојађели, тужан.

Рука — приступити коме руци, има лијепу руку (лепо пише), од сваке руке, не иде му од руке, није ми на руку, дошло ми испод руке[34].

Игре. Важну улогу у животу српских сељака имала је игра. Вук их дели на оне које су намењене деци и оне за одрасле, могу се разликовати по дужини, неке се изводе вербално (као доскочице, шале, језичке игре), а неке телесним покретима. За неке игре су потребна одређена помагала, али она нису неопходна за све игре. Неке игре се везују за одређене обичаје, обреде, играју се само у посебним приликама. Ево примера за неке игре: *клис*, *крмача*, *прстен*, *банати се*, *гаврање* (пастирска), *гонеталица*, *купа*, *лончић* (дечја), *навлачкапа*, *ћушкапа*, *ножак*, *пипавица* (дечја), *полетиш*, *плојка*, *попик*, *провођач*, *жмура*, *титра*, *ћералица*, *ћулање*, *фен*, *фес*, *чула*, *шапац*, *шпарта* (дечја), *ускучкобила*, *бубалица*, *вириз*, *вота-фота*, *град*, *из кола кучке*, *кост*, *коштац*, *метаљка*, *нинати*, *провлак*, *скакавица*, *ташун*, *титра*, *титралица*, *титрање*, *трка*, *ћулање*, *халка*, *чуљајка*, *цупкање*, *цуцање*, *чловити*, *чула* (о овим и другим играма писао је Н. Љубинковић).[35] Да игре нису биле важне у свакодневном животу, Вук им не би дао оволико места у својим речницима. Игре су биле начин за испуњавање времена у данима када се не раде тешки послови, али, указују и на одређену инфантилност, коју још више потврђује веровање у натприродна бића.

Натприродна бића. Није необично што се наивна народна свест везује за сујеверје, веровања у онострано, натприродно. Митска бића треба довести у везу са остацима паганства у српској духовности. Паганске слојеве можемо уочити још у легендама, здравицама, пословицама и празничним обредима, који чувају успомену на претхришћански период. Присутна су поред виших, и нижа митска божанства, демони и људи са демонским особинама. Виле и вештице имају велику улогу, али и вукодлаци (вампири), чуме и море. Змајеви су огњевити јунаци, а јављају се и једогоње, ноћнице, хале и други. У вези са

[34] *Селимовић М.* За и против Вука. С. 127–128.

[35] *Љубинковић Н.* Народне друштвене и забавне игре у два издања Вуковог *Српског рјечника* // Ковчежић, књига 16. Београд, 1978. С. 53–60.

описом вештице, Вук се позивао на народне приповетке као важан извор народних веровања и обичаја. Рјечник обилује и мноштвом других одредница које упућују на митска бића, веру у натприродно, онострано. Нека од њих су *море*, *вукодлаци*, *змајеви*, *але*, *једогоње*, *стухаћи* (здухаћи), *ноћнице*, *куге*, *репачи* и други. Поједине су описане једноставно (*ноћнице*, *репачи*), док друге имају дужи опис са утканим разним жанровским облицима (*море*, *куге*). Уз *ђавола* и *врага* наведене су илустративно само изреке и пословице у којима се помињу, док подробнијег описа као код других бића нема.

О тешким пословима, сиромаштву, играма деце и одраслих, о вилама и вилењацима нема ни трага у војвођанским речницима.

Храна. Детаљну анализу назива за јела у Вуковом Рјечнику спровела је А. Крушец[36], а пре ње овом темом бавили су се и Г. и С. Ресел[37]. А. Крушец правилно примећује да се на основу порекла и броја назива за јела у Вуковом *Рјечнику* могу испитивати страни утицаји на српски културу, као и њихова јачина. Она посебно издваја турски утицај, али и грчки, далматински, италијански, аустријски и француски. Убедљиво највећу групу позајмљеница чине турцизми. Ауторка их дели на праве турцизме (*чорба*, *бунгур*, *качамак*, *пексимет*, *симит/симита*, *сомун*, *алва*, *баклава*, *ћаија*, *мавиш*, *пита*, *зерде*, *чимбур*, *кајгана*, *ћешке/кешке*, *ћеваи*, *ћуфтета*, *ћувече*, *каља*, *пилав*, *сарма*, *шкембе*, *паче*, *питије*, *суџук*, *пастрма*, *ошаф/ошап*, *пекмез*, *саганлија*, *туршија*, *кајмак*, *буза*, *кава*, *салеп*, *шербе*, *ракија*, *ожђелдија*) и на домаће речи турског порекла (*чорбетина*, *чорбица*, *чорбина*, *сомунина*, *сомунић*, *питуљица*, *џигерњача*). Германизама, који су дошли из Војводине, много је мање. И они се деле на праве германизме (*шунка*, *комбост*, *путваин*, *шилер*) и домаће речи германског порекла (*ташци*, *онајзовица*). Вук бележи да су то сремачке, банатске и бачке речи. Сасвим је мало хунгаризама: *џиповка* и *лепиња*.

Занимања. Анализу лексема које означавају вршиоце радње и носиоце занимања у Вуковим речницима спровела је Ј. Матијашевић[38]. Она разврстава вршиоце радње или носиоц занимања у неколико група — земљораднике (*тежак*, *ратар*, *паор*, *орач*, *копач* и т. д.), сточаре (*пастир*, *чобанин*, *планинар*, *крвар*, *волар*, *кобилар*, *свињар* итд.), занатлије (*ковач*, *пушкар*, *чарапар*, *ужар*, *сапунџија*, *лојар* и т. д.), угоститеље (*кафеџија*, *крчмар*, *бирташ*, *меанџија* и т. д.). У речницима се прави дистинкција између градских и сеоских занимања, мушких и женских, оних која су се везивала само за одређене националне припадности. *Налбанта/налбантин* је, тако, био поткивач коња. То занимање је било градско и обављали су га само Турци. Кашике су правили само влашки Цигани. Неки занати били су врло угледни,

---

[36] *Kruszec A*. Vukova trpeza — kulinarska terminologija u prvom izdanju "Srpskog rječnika" Vuka Stefanovića Karadžića (1818) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XLVII/1–2, 2004. С. 233–297.

[37] *Ressel G. u Ressel S*. Кулинарска терминологија у Вуковим речницима (именице) // НССВД 17/2, 1988, С. 235–245.

[38] *Матијашевић Ј*. Вуков Рјечник као извор грађе за социолингвистичка проучавања // НССВД 17/1, 1988. С. 123–133.

као кројачи, сајџије, златари/кујунџије, бербери. Док су Војвођани имали ципеларе, Срби у Србији су имали опанчаре.

II.2. Изабрани текстови из Вуковог *Рјечника*

Из Вуковог *Рјечника* сазнајемо да се насупрот хабзбуршкој изразитој понизности у комуникацији са људима надређеног статуса, у Србији се ретко ко именовао *господином*: "У Србији само цара и краља ... пашу, владику, архимандрита, игумна ... проту и учитеља ... зову господином; а у Сријему и осталим њемачкијем државама господин значи оно што је у Србији за времена Карађорђијева значио господар". Под одредницом *господар* Вук објашњава да се и *господаром* у Србији мали ко назива, "а у Сријему пак и у осталијем њемачкијем државама зову и најмањега трговчића господаром. У Србији су од прије знатније Србе, као свињарске трговце, звали газдама". Из ове последње реченице види се и које занимање Вуку прво пада на памет када треба илустровати "знатније Србе". Осим тога, Вук сам износи културолошку разлику између ове две средине.

Обрађујући глагол *господарити*, Вук каже да "ретко умије добро господарити, који нигда није служио". На тај начин он дискредитује оне господаре који нису потекли из сиромашног народа и даје им предност у односу на оне који немају искуство тешког живота слуге.

За разлику од хабзбуршких Срба, који су посвећивали велику пажњу дочекивању гостију, Срби из Турске (или Србије) нису баш жудели за посетама, посебно незваних гостију. Вук наводи три народне пословице обрађујући одредницу *гост*: *Незвану госту мјесто за вратима. Ако не буду гости бијесни, неће бити кућа тијесна. Гост мрзи на госта, а домаћин на обадва*.

Међутим, изгледа да те пословице не одсликавају у потпуности став према гостима. Обратили смо пажњу на одредницу *крчма* да бисмо упоредили опис крчми тога времена у Војводини и Србији, али се испоставило следеће: "Крчме су се у Србији, у Босни и у Херцеговини доскора готово само у пјесмама спомињале, а онако их није било нигдје у земљи осим гдјешто у варошима и у Србији поред Саве и поред Дунава, или по планинама куд нема села. Кад ко путује преко земље, он иде на конак у село, гдје га застане мрак, пред најбољу кућу, па пита може ли ноћити, а домаћин му, или ко други из куће каже: Можеш, брате, с драге воље и добро дошао! Или му каже да не може јер нема сијена за коње или друго што, него га упути гдје може ноћити". У наставку Вук описује да су гости делили са домаћинима оно што се у кући нађе од хране и да гости за то нису плаћали.

Док су хабзбуршки Срби водили рачуна о постављању стола, обавезним столњацима, салветама и прибору за јело, у Србији се често пило из једне чаше. Ево како Вук обрађује глагол *наздравити*: "Кад који хоће да пије, онда наздрави ономе што ће да пије послије њега (јер у Србији, у Босни и Херцеговини пију једном чашом), тј. рече му: Спасуј се, спас' Бог (а онај одговори: На спасеније Ристово) или: Здрав буди".

Описујући изглед српског села, Вук прави паралелу са немачким селима и каже: “А по равни (као. Нпр. по Мачви и Браничеву) доста су честе куће по селима, али опет нијесу у реду, као нпр. по Сријему и овуда по Њемачкој, него растркане (као и по варошима по Турској) по пољу.

Срби из Србије имали су помало погрдан однос према војвођанским Србима. Вук под одредницом *швабурија* каже „тако се сад (као за поругу) у Србији зову Срби из аустријских држава”.

Будући да Срби нису носили шешире и да капе нису скидали приликом поздрављања, подсмешљиво су гледали на војвођанске Србе који су носили шешире и скидали их приликом поздрава. Тако је настала клетва: Немала ти душа мира као швапски шешир.

III. Закључак

Подаци који су побројани у овом раду указују на чињеницу да речници могу послужити као значајан извор за етнолингвистичка истраживања. Показали смо како се за истраживања ове врсте може користити избор лексике, тематске групе лексема, дефиниције и примери, разговорници који садрже замишљене дијалоге, причице, пословице, коментари и други садржаји које поседују историјски речници. У овом раду је само назначено, а може се даље развијати како се поређењем речника могу вршити и упоредна етнолингвистичка истраживања.

М.И. Чернышева

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СЛОВАРНЫХ ОПИСАНИЙ[1]

Работа в многотомном словаре, подготовка и издание которого длится десятилетия, неизбежно влечет за собой пересмотр опубликованного материала, его дополнение, исправление ошибок и неточностей (addenda et corrigenda). Это нормальная практика, принятая в европейском словарном деле.

В отечественной русской исторической лексикографии включение дополнений в заключительный том словаря было осуществлено при завершении издания «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского[2]. Тенденция использования addenda et corrigenda в русской исторической лексикографии набирает силу[3]. Предлагаемая разработка находится в русле ее дальнейшего развития.

Творити

При редактировании 29 выпуска СлРЯ XI–XVII вв., где находится группа слов с корнем *твор*-[4], достаточное внимание было уделено лексикографическому описанию сложного с точки зрения семантики глагола *творити,* а также соответствующих однокоренных лексем. В результате скрупулезной разработки в словарной статье глагола *творити* представлено 19 значений, подтвержденных большим числом цитатного материала — больше 130 цитат с дополнительной внутрицитатной информацией[5] (СлРЯ XI–XVII 29: 253–258).

---

[1] Работа подготовлена при поддержке фонда РФФИ — грант № 17–29–09113 «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (руководитель: М.И. Чернышева).

[2] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: 3 т. СПб., 1912.

[3] См. Приложения в конце последних томов СДРЯ, СлРЯ XI–XVII вв., а также дополнения и исправления к первому выпуску СлРЯ XI–XVII вв.: *Чернышева М.И.* Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и исправления. Тетрадь первая. А–Б. М., 2006.

[4] Автор словарного описания — Е.И. Державина.

[5] Подробнее о нарастающей тенденции к комментированию такого рода: *Чернышева М.И.* Типы “дополнительной информации” в палео-, медиославянской и русской исторической лексикографии» // Slovanská lexikografie počátkem 21. století. Sborník příspěvků z mezinárodní konference, Praha 20. — 22.4.2016 / Ed. B. Niševa a kol. Praha, Slovanský ústav AV ČR, 2018. С. 415–423.

Однако уже после выхода из печати этого тома в 2011 г. был обнаружен материал, требующий дополнительного рассмотрения, поскольку в найденном пассаже глагол *творити* употреблен в таком значении, которое, как поначалу представлялось, совершенно не вписывалось в семантический объем этого слова — ‘уничтожать, разрушать’. Такая семантика не выделена ни в одном из известных исторических словарей русского и славянских языков.

Цитата находится в Изборнике 1073 г. — в русской традиции памятник называется «Изборник Святослава 1073 г.» (Изб.Св. 1073 г.[1], Изб.Св. 1073 г.[2], Изб.Св. 1073 г.[3]), в болгарской — «Симеонов сборник» (Симеон. сб.):

на л. 160 b: *Како бо нѣ жестоко . ѥже бѣгати мрьтвааго . ѥже вси бываѥмы . или ѥже родивъшѫ женоу . за многы дьни нечистыихъ въчинѧти ... или ѥже* ***творити*** *храмъ* — τὸ **λύειν** οἶκον — *на немьже кака дъгна на стѣнахъ* или слѣменьхъ бываше . ѥда бо кто стѣны или сломена речеть съгрѣшивъша ‘разве не жестоко избегать мертвеца, каким все становимся? или родившую женщину много дней считать нечистой … или **разрушать** храм, на котором рубец на стена́х или балках бывает? неужто кто-нибудь скажет, что стены или балки согрешили’ (Изб.Св. 1073 г.[3]).

Еще на этапе редактирования словарной статьи *творити* показалось необычным несколько раз встретившееся в этом же произведении употребление глагола в соответствии с греч. εὐνουχίζω ‘оскоплять’ (лл. 206–206 об.), что побудило выделить соответствующие цитаты в отдельное значение. Обсуждение видов оскопления (каженичества), находящееся здесь, соотносится с положением из Евангелия от Матфея: «ибо есть скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19, 12).

Далее приводится выписка из 29 выпуска Словаря (18-ое значение глагола):

ТВОРИТИ[6] …

‘оскоплять’ (ср. Мф. XIX, 12). *Епифаниево о творяштиихъ ся самѣхъ. А еликоже есть на удобизньное се дѣло дрьзыхъ то отъ всего ся сами отъклонишася и оштуждиша; уже бо ни мужи суть отърѣзанааго ради, ни жены имьже чресъ естьство* (τῶν ἑαυτοὺς εὐνουχιζόντων). Изб.Св. 1073 г.[2], 605. *Каженичьство ҃в·-и суть ... каженици, иже отъ ч҃лкъ творени быша потрѣбы дѣля цѣсарьскыя или кънѧжьскы, хотяште бо нѣции отъ варъваръ цѣсарие или кънязи рьвьности дѣля и зазора о своихъ женахъ еще зѣло юны творять, якоже въздрастъша жены поручити ими… да сего дѣльма мьну и* ***добропрьязни*** [εὐνοῦχον] *ся наричуть* (ὑπὸ ἀνθρώπων εὐνουχίσθησαν ... εὐνουχίζουσιν). Там же, 605–606. *҃г·-и суть… каженици, иже твориша ся сами цѣсарьства рад<и> небесьнааго. Се же суть доблии ап҃ли и иже по тѣхъ въ дѣвьствѣ бывъшии чрьньци, и Иоанъ бо, и Яковъ, сынове Зеведеини прѣбывъшеи въ дѣвьствѣ и ни отъ ч҃лкъ творени, ни съкупивъшеся бракъмь* (εὐνούχησαν ἑαυτούς ... μήτε ὑπὸ ἀνθρώπων εὐνουχισθέντες). Там же, 606 (СлРЯ XI–XVII 29: 257)[7].

---

[6] Материал приводится в упрощенном графическом написании, принятом в СлРЯ XI–XVII.

[7] В 29 вып. СлРЯ XI–XVII цитировалось болгарское издание Изб.Св. 1073 г.[2]

Перед тем как перейти к дальнейшему рассуждению, обратим внимание на выделенное во второй цитате слово *добропрьязнъ,* которое представляет собой еще один перевод греч. εὐνοῦχος, помимо многократно употребляемого эквивалента *каженикъ*[8]. Слово не отмечено ни в исторических словарях русского языка[9], ни в исторических словарях славянских языков[10] и представляет собой оригинальную славянскую этимологию греческого слова[11], где начальное εὐ- в соответствии с моделью многочисленных словообразовательных калек, имеющих такой начальный элемент, передается как *добро-*, конечный элемент греч. слова переводчик понимает как образование от ἔχω. Переводчика не смутило оставшееся без объяснения срединное -ν- в такой этимологии. Между тем, принятая в науке этимология греч. слова такова: от εὐνή 'ложе' и ἔχω 'иметь' (здесь: 'хранить, охранять'), т. е. εὐνοῦχος 'охраняющий (стерегущий) ложе'[12].

Чуть ниже в Изборнике 1073 г. на л. 207 находится существительное *твореникъ* с близкой семантикой:

ТВОРЕНИКЪ … 'тот, у кого повреждены testiculi'. — 'по отношению к человеку (мужчине)'. *Законъ Бъ гл҃ааше: не вълѣзеть каженикъ ни твореникъ въ ц҃рквь Господьну* (Втор. XXIII, 1 = Deut. XXIII, 2: θλαδίας καὶ ἀποκεκομμένος). Изб.Св. 1073 г.[2], 607. — 'по отношению к жертвенным животным'. *И пакы о жрьтваахъ, запрѣштая, рече: твореника и каженика въ трѣбьникъ не приводите Господьнь* (Лев. XXII, 24: θλαδίαν καὶ ἐκτομίαν). Изб.Св. 1073 г.[2], 607 (СлРЯ XI–XVII 29: 249).

Следует также обратить внимание на довольно редкое значение 'погубить, разорить' еще одного слова этого гнезда — глагола *растворити*, представленное двумя цитатами, обе — из переводных памятников (СлРЯ XI–XVII 22: 86):

РАСТВОРИТИ[13] …

4. 'погубить, разорить'. *Растворити и избавити* [вар.: *избивати*] *вся июдѣя от дѣтяте и до старого, младенця и жены въ д҃нь единъ* (lᵉhašᵉmīd lahārog 'истребить и убить'). (Есф. III, 13) Кн. Ефирь, 145. XIV–XV вв. ~ XI–XII

---

[8] В болгарской церковнославянской литературе εὐνοῦχος переводилось как *евноухъ, каженикъ и скопецъ* (*Христов И.* Гръцко-църковнославянски речник ... въз основа на Речника на църковнославянския език от архимандрит д-р Атанасий Бончев. Зографски манастир Света Гора, 2019. С. 358).

[9] В СДРЯ есть *доброприiазньство* 'благосклонность, доброжелательность' из «Пчелы» с другой греческой параллелью (ἡ... εὔνοια) (СДРЯ III: 11).

[10] В Староболгарском словаре зафиксировано только *доброприимати* с другой семантикой (Старобългарски речник 1: 413).

[11] Подробнее: *Чернышева М.И.* Этимологические опыты в древнерусской книжности // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012. С. 119–138.

[12] *Frisk H.* Griechisches etymologiscges Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1960. S. 589.

[13] Схема словарной статьи: 1. 'смешать, растворить' (тж. образно и переносно) // 'смешать (вино) с водой, приготавливая к употреблению'… 2. 'сделать, приготовить'… *растворити хлѣбъ* – 'замесить хлеб'… 3. 'налить кому-л. (подготовленный напиток – обычно вино, разбавленное водой)'… 4. 'погубить, разорить'… 5. 'раскрыть' // 'раздвинуть, разомкнуть'… 6. 'привести в ясность' (СлРЯ XI–XVII 22: 85–86).

вв. *И рече Валамъ къ царю: отроца родится во Израили и растворить* [вар.: *разорить*] *все царство египетское*. (Сказ. о Моис.) Лож. и отреч.кн., 39. XV в. [то же — ВМЧ, Сент. 1–13, 165. XVI в.].

Таким образом, как уже было сказано, приведенный материал нуждается в дополнительном рассмотрении и интерпретации.

В свое время М. Фасмер обратил внимание на разницу семантики существительного *творъ*, бесприставочного *творити* и приставочных образований *затворъ, притворъ* и др. и соответствующих глаголов *затворити, отворити, растворити.*

Он указал на то, что в приставочных образованиях с корнем *-твор* произошло переразложение основы: «Из *ot(ъ)-vorъ получилось путем переразложения *o-tvorъ, после чего -tvor- стало участвовать в др. сложениях. Эти слова восходят к и.-е. *vor-: *ver-; ср. лит. veriù, vérti ‘открывать, закрывать’, àtveriu ‘отворяю дверь’ ùžveriu ‘закрываю дверь’, лат. aperio ‘открываю’ (*ap-veriō), operio ‘закрываю’ (*op-veriō)». (Фасмер IV: 33–34).

Такого же мнения придерживаются создатели «Этимологического словаря славянских языков»: «Скок и Махек характеризуют **otъvoriti* как деноминатив от **otъvorъ*… (Skok. Etim. rječn. 627; Machek[2] 703). Включение **otъvoriti* в гнездо **ver-*/**vьr-*/**vor-* дает основание для трактовки глаголов **zatvoriti*, **pri(o)tvoriti* как появившихся в результате переразлажения в разных языках после падения редуцированных, т. е. после праславянской эпохи: **ot(ъ)-voriti* → **ob-tvoriti*, откуда далее **za-tvoriti*, **pri(o)-tvoriti*, понятые как относящиеся к гнезду **tvor-*» (ЭССЯ 39: 114–115).

При этом создатели ЭССЯ особо оговорили признанной «несостоятельной», как сказано, **«прежде всего с точки зрения семантики»** (выделено нами. — *М.Ч.*) версию, «согласно которой **otъvoriti* вместе с **zatvoriti* и **pri(o)tvoriti* изначально связываются с корнем **tvor-* (Plet.[2] I, 869; Polański-Sehnert 173 и нек. др.)» (ЭССЯ 39: 115).

Этимологическая идея корня *твор-* в бесприставочном глаголе *творити* сформулирована А.К. Шапошниковым следующим образом: «Из праслав.*творити глаг. на –ити от *творъ, восходящего к и.-е. *twer-: *twor-: *tur- ‘хватать, хвататься, охватывать, обрамлять’. В основе праслав. знач. ‘творить, создавать, формовать’ лежит идея сгущения, уплотнения, отвердения, свертывания, схватывания». В качестве подтверждения автор приводит соответствия: лит. tvérti ‘огораживать, прикреплять’, лтш. tvert ‘хватать’[14].

Такая этимология представлена также в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черныха (Черных II: 231).

Интересно, что при трактовке этимологии глагола *растворити* А.К. Шапошников говорит о возможном первоначальном участии не одного, а **двух глаголов**: «Из праслав. *орз-творити, приставочного производного от

[14] *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 2010. С. 407. Эта идея имеет продолжение в «Русско-санскритском словаре», над разработкой которого работают А.К. Шапошников и К.Л. Борисов. Выражаем благодарность А.К. Шапошникову за любезно предоставленную выписку из словарной статьи глагола *творить*.

глаг. *творити, а также из древнего двуприставочного глаг. *орз-от-ворити (соединение приставки *орз- и приставочного глаг. *отворити (çe), которое еще в древности подверглось переразложению и совпало по внешней форме с глаг. *орзтворити (çe))»[15].

В связи с этим обратим внимание на 8-ое значение глаг. *творити* ‘изготавливать путем растворения и смешивания’ (СлРЯ XI–XVII 29: 256) и на сочетание *твореное золото*[16] (СлРЯ XI–XVII 6: 58).

Приведенные исторические и этимологические данные позволяют предположить, что в ряде случаев происходило совпадение семантики глаголов *творити* и *растворити.*

Возвращаясь к решению вопроса о значении глагола *творити* в разбираемых цитатах из Изборника 1073 г., обратимся к его подробнейшему описанию в Пражском старославянском словаре (далее — SJS). Среди многочисленных примеров, помещенных под первым значением, вычленена группа, которой предшествует набранная мелким шрифтом помета sensu malo ‘с дурным смыслом’ (соответствующие греческие и латинские лексемы оригиналов ниже выделены полужирным шрифтом):

sensu malo páchat, dopouštět se, provádět; совершать, творить, причинять; tun, begehen, verüben; — ποεῖν, πράσσειν, διαπράσσεσθαι, ἐργάζεσθαι, κατεργάζεσθαι, ἐπιχειρεῖν, συντελεῖν, **ἀσεβεῖν, κακοποιείν, κακουργεῖν, αἰσχροπραγεῖν, παρανομεῖν**; facere, agere, committere, operari, perpetrare, consummare, irrogare, **malefacere, nocere, praevaricari** (SJS IV: 436).

Практически во всех приведенных примерах sensus malus возникает в лексических сочетаниях с соответствующими существительными, привносящими негативный смысл: *беззаконие творити, грѣхъ творити, блѫдъ творити, зъло творити, срамотоу творити.* Попутно заметим, что в отечественной лексикографической традиции в таких случаях принято использовать помету, типа: «с сущ. образует сочетание по знач. сущ.». Фактически sensus malus в этих лексических сочетаниях можно обобщенно сформулировать следующим образом: ‘причинять (тот или иной) вред’ — соответствующее существительное указывает, какой именно.

Обратившись к разбираемым цитатам из Изборника 1073 г., мы можем предположить, что и вне лексических сочетаний у глагола *творити* существовало такое же значение. Это позволяет объяснить смысл разбираемой в начале статьи цитаты, где *творити* (в соответствии с греч. τὸ λύειν): … *храмъ творити* … следует трактовать не так, как предполагалось раньше: ‘уничтожать, разрушать’ (здесь: храм), а — ‘причинять вред’.

Тогда и оскопление, обсуждавшееся в приведенных выше контекстах, следует понимать как ‘причинение вреда’.

Таким образом, можно предложить более точное толкование 18-ого значения глагола *творити* в СлРЯ XI–XVII: ‘причинять вред (здесь: об оскоплении)’.

---

[15] *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. С. 269.

[16] *Твореное золото* ‘раствор золота в ртути в смеси с серой, кислотами, с клеем, предназначенный для золочения по металлу, золотописных работ’.

Опсимъ

В 13 выпуске СлРЯ XI–XVII находится слово *опсимъ*, значение которого автору словарной статьи[17] не удалось установить, о чем свидетельствует знак вопроса.

Смысл приведенных в Словаре цитат позволяет думать, что речь идет о какой-то жидкости, которую вливают в сосуд (*стклянiцу*): *И кончавъ службу оцѣ мои и облобыза мя съ слезами, и приведе мя в дом, и стклянiцу дръжащу [вм. -ща] съ опсимом* (ВМЧ, Апр. 22–30, 854. XVI в.). *И хотѣ мя яти и бити, аз же избѣгъ и текъ, взях у гс҃жи уропницу*[18] *и опсимъ* (Там же, 853) (СлРЯ XI–XVII 13: 53).

На той же странице издания находится еще один пассаж, где эта, пока не известная нам, реалия названа *вином*: *Влиях въ стъклянiцу опсима ... И ... взях укропницу, да влию к вину въ стькляницу* (ВМЧ, Апр. 22–30, 853).

В этой цитате переводчик, работавший с греческим оригиналом «Чудес Георгия»[19], использовал переводческий прием, называемый «двуязычные дублеты». Этот прием позволял наряду с сохранением в переводе исходного греческого слова вводить его славянский эквивалент[20]. Такая своеобразная «подсказка» помогла восстановить соответствующее греческое слово — это ἀψίνθιον, ἀψίνθιος, ἄψινθος[21], новогреч. ἀψινθία ‘полынь’, а также ‘полынное (горькое) вино’; из греческого языка слово было заимствовано в латинский в соответствующей форме *absinthium*, откуда попало в европейские языки; в русском языке *абсент* ‘спиртной напиток, настойка на полыни’ считается заимствованием из французского *absinthe*.

Передача начального греческого звука [*а*-] через [*о*] в форме *опсимъ* может свидетельствовать о древности заимствования[22] (возможно, из первоначального **опсинфъ* или **опсинѳъ,* хотя и в разговорном греческом языке, и в славянских грецизмах известны случаи выпадения слогов[23]).

---

[17] Автор словарной статьи — Г.П. Смолицкая.

[18] Ошибочно вм. *укропницу*. Так называли металлический сосуд для теплой воды и/или ее нагревания.

[19] Соответствующий греческий оригинал пока обнаружить не удалось.

[20] Подробнее: *Чернышева М.И.* К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием “двуязычные дублеты” // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97–107.

[21] В «Словаре греческого языка византийского периода» отмечены следующие формы со значениями ‘полынь’, а также ‘полынное (горькое) вино’: ἀψινθή, ἀψινθία, ἀψινθίατον, ἀψίνθιν, ἀψινθίδης (LBG 1: 255).

[22] Ср.: *Фасмер М.* Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XII. Кн. 2. СПб., 1907. С. 202.

[23] *Hatzidakis G.N.* Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892. S. 335; *Чернышева М.И.* Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе “Хроники” Иоанна Малалы / Подготовка издания, вступительная статья и приложения М.И. Чернышевой — В кн.: *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. С. 450.

Это греческое слово в формах *асфинфъ* и *ѥспинфъ* встретилось в славянском переводе Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова, VIII, 11), сохранившемся в древнерусском списке XIII века. Цитата из этого произведения приведена в словарной статье *пелынный* ‘относящийся к полыни’ в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: *Имя звѣздѣ гл҃ться еспинфъ*[24] … [Толкование:] *Звѣзду мѣнить дьявола съ нб҃съ спадъша ... асфинфомь же горѣсти пелыньнѣи прикладываеть и* (в греч. иначе: τὴν διὰ τοῦ ἀψινθίου δηλουμένην πικρίαν). Апокал., 42. XIII в. (СлРЯ XI–XVII 14: 189).

Сочетание *-сф-* в форме *асфинфъ* может быть способом передачи греческого двойного согласного ψ, еще один вариант его передачи *-сп-* находится в форме *ѥспинфъ*. Что касается огласовки в начале слова — в специальной литературе отмечены случаи, когда в народной греческой речи [*а*] произносилось как [*е*][25].

Осталось добавить, что слова *асфинфъ* и *ѥспинфъ* не зафиксированы ни в палео- и медиославянской, ни в русской исторической лексикографии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского, на пергамене. — Рукоп. БАН, собр. Ник., № 1, 4°. XIII в.

ВМЧ, Апр. 22–30 — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археограф. комис. Апрель.Тетр. 3. Дни 22–30. М., 1915.

ВМЧ, Сент. 1–13 — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археограф. комис. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868.

Изб.Св.1073 г.[1] — Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М., 1983.

Изб.Св.1073 г.[2] — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 1. Изследования и текст. София, 1991.

Изб.Св.1073 г.[3] — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 3. Гръцки извори. София, 2015.

Кн. Ефирь — *Мещерский Н.А.* Издание текста древнерусского перевода «Книги Есфирь» // Dissertationes Slavicae, XIII (Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae). Szeged, 1978.

Лож. и отреч.кн. — Ложные и отреченные книги русской старины, собр. А.Н. Пыпиным // Памятники старин. русск. лит-ры. Вып. III. СПб., 1862.

Симеон.сб. = Изб.Св.1073 г.[2]

PG. — *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completes. Series graeca. T. 106. Parisiis, 1863.

СЛОВАРИ

Старобългарски речник. Т. I. София, 1999.

Фасмер М. Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XII. Кн. 2. СПб., 1907. С. 197–289.

Христов И. Гръцко-църковнославянски речник ... въз основа на Речника на църковнославянския език от архимандрит д-р Атанасий Бончев. Зографски манастир «Света Гора», 2019.

Чернышева М.И. Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе “Хроники” Иоанна Малалы / Подготовка издания, вступительная статья и приложения

[24] В греческом оригинале: ἀψίνθιος (PG 106: 292).

[25] *Фасмер М.* Греко-славянские этюды. II. С. 208–209; *Hatzidakis G.N.* Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892. S. 334, 349 (сноска); *Mayser E.* Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. Bd. I. Berlin–Leipzig, 1923. S. 55 и след., 142.

М.И. Чернышевой // *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе . М., 1994. С. 402–462.
Чернышева М.И. Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и исправления. Тетрадь первая. А–Б. М., 2006.
Чернышева М.И. Типы ”дополнительной информации” в палео-, медиославянской и русской исторической лексикографии» // Slovanská lexikografie počátkem 21. století. Sborník příspěvků z mezinárodní konference, Praha 20. –22.4.2016 / Ed. B. Niševa a kol. Praha, Slovanský ústav AV ČR, 2018. С. 415 – 423.
Чернышева М.И. Этимологические опыты в древнерусской книжности // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012. С. 119–138.
Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 2010.
Frisk H. Griechisches etymologiscges Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1960.
Hatzidakis G.N. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892.
LBG: *Trapp E.* Lexikon zur Byzantinischen Gräzität. Bd. 1. Wien, 2001.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1968.
Mayser E. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. Bd. I. Berlin–Leipzig, 1923.
Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. I. Ljubljana, 1894; переизд.: Ljubljana, 2010.
Polański K., Sehnert G.A. Polabian-English Dictionary. Hague–Paris, 1967.
SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. IV. Praha, 1997; переизд.: СПб., 2006.
Skok P. Etimologijki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Г. А. Мольков

ИСТОРИЯ СОСТАВЛЕНИЯ «ЛЕКСИКОНА ВОКАБУЛАМ НОВЫМ ПО АЛФАВИТУ» Ф. ПОЛИКАРПОВА

Толковый словарь иностранных слов, созданный при Петре I и имеющий заголовок «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» (далее — ЛВН), описывается в научной литературе, посвящённой лексикографии XVIII века, с определённой неполнотой. Первый публикатор этого текста Н.А. Смирнов пользуется его списком из собрания БАН, 32.6.14, который «представляет собою переплетеную тетрадь in folio, состоящую из 22 листов»[1]. Как указывает публикатор, лексикон в этой рукописи содержит 503 слова и особо примечателен тем, что словарные статьи на буквы А–Г отредактированы лично Петром I — на этом основании Смирнов справедливо предполагает, что публикуемый им лексикон был «составлен по поручению Петра В.»[2]. В рукописи 32.6.14 нет указания на автора или составителя этого словаря и даты его написания; по наличию в тексте исправлений Петра I словарь может быть датирован временем не позднее 1725 г.

По-видимому, описание Н.А. Смирнова и сведения, сообщённые им о ЛВН, повлияли на дальнейшую научную традицию описания: исследователи описывают лексикон как анонимное сочинение. В монографии В.П. Вомперского[3] о словаре даны краткие сведения, повторяющие информацию Смирнова о примерном времени и цели его составления. Более подробно ЛВН был проанализирован Е.Э. Биржаковой. Делая обзор «словарей непонятных слов», созданных в XVIII в., она отмечает нетипичность ЛВН на фоне других лексиконов Петровской эпохи: «Единственным словарем начала века, не связанным с конкретным текстом, был рукописный “Лексикон вокабулам новым”, содержащий 503 слова»[4]. Кроме того, Е.Э Биржакова обращает внимание на нарушения строгого алфавитного порядка в пределах статей на одну букву,

---

[1] *Смирнов Н.А.* Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88, IV 2, Приложение I. С. 363–382.

[2] Там же. С. 14.

[3] *Вомперский В.П.* Словари XVIII века. М., 1986. С. 19–20.

[4] *Биржакова Е.Э.* Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. С. 29.

позволяющие предположить, что «Лексикон был сложен из разных кусков, а кроме того, пополнялся вставками отдельных слов»[5]. Более детальные наблюдения исследовательницы над словником ЛВН позволили ей выдвинуть гипотезу о составителе и верхней границе создания лексикона: «В словник было включено много глоссированных слов из книги Шхонбека “История об орденах кавалерских” и из книги “О войнах Цезариевых”, не встречающихся в других книгах петровского времени. На этом основании возможно предположить, что в составлении Лексикона мог участвовать переводчик этих книг Б. Волков, а также определить время составления Словаря — не ранее 1711 г. (появление последнего перевода) и не позже 1725 г. (правка Петра I)»[6].

Между тем, в описанной линии исследований остался без внимания тот важный факт, что изданный Н.А. Смирновым список 32.6.14 — не единственный. Этот лексикон существует ещё в двух списках, один из которых имеет определяющее значение для установления авторства ЛВН, времени и обстоятельств его создания[7]. Этот список не является отдельной рукописью, но входит как составная часть в другое сочинение — «Историю о владении российских великих князей вкратце...», представленное в рукописи БАН 32.6.30. Хотя имя автора этого трактата в тексте не указано, сочинение с большой степенью уверенности атрибутируется Ф.П. Поликарпову, получившему в 1708 году распоряжение царя составить сочинение по русской истории[8]. По словам С.Л. Пештича, наличие в этой рукописи 32.6.30 «не только “Истории”, но и органически соединенного с ней “Лексикона”» является наряду с другими фактами весомым аргументом в пользу авторства Поликарпова, поскольку в переписке, дающей информацию о процессе написания Поликарповым исторического сочинения, речь идёт также и о лексиконе[9]. Список 32.6.30 содержит дату окончания работы над составлением истории: *Сїе кра^т^кое со^б^рание їсторїи Россїйскїя сове^р^шися в лѣто о^т^ воплощения г^с^дня 1715, го^ду^ марта въ 16 день* (л. 508)[10].

---

[5] Там же. С. 29.

[6] *Биржакова Е.Э.* Русская лексикография XVIII века. С. 30.

[7] Ещё один список — БАН, 1.3.18 — датируется XIX веком и не представляет особого интереса для истории составления ЛВН, т. к. является копией списка 32.6.14, опубликованного Смирновым. Об этом говорит повторение ошибочных написаний из 32.6.14 в 1.3.18; в частности, в толковании слова *перпендикуль* по ошибке написано *с^ъ^ ве^р^хъ до ни^зу^* (вм. *съ верху до низу*), после *с^ъ^ ве^р^хъ* Смирнов даёт помету (sic) — такое же *сверхъ* вм. *сверху* содержит в этом толковании и список XIX века. Впрочем, в некоторых местах при переписывании были устранены отдельные недочёты списка, редактированного Петром I, например, устранён ошибочный повтор заголовка *лазабатория*. Важно отметить, что комментарии Петра I в этом позднейшем списке ЛВН скопированы не были.

[8] *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Часть I. Л., 1961. С. 109.

[9] Там же. С. 110. См. также подробную аргуметацию С.Л. Пештича, основанную на данных переписки Ф. Поликарпова, в пользу данной (никем по сей день не оспаривающейся) атрибуции: Там же. С. 109–111.

[10] Та же датировка значится и в списке ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, содержащем первоначальный вид основной редакции сочинения (*Моисеева Г.Н.* «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы // XVIII век. Сборник 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 91, сноска 47).

В позднейших исследованиях данное сочинение фигурирует как «История России» Федора Поликарпова. В частности, Г.Н. Моисеева, описавшая особенности работы автора этого трактата с источниками и их состав, обращает внимание также и на лексикон в составе трактата, при этом она описывает необходимость лексикографического приложения к сочинению по истории следующим образом: «Пытаясь согласовать замысел своего произведения ... с литературным стилем, Ф. Поликарпов совмещает лексику высокой книжно-славянской речи с многочисленными кальками иностранных слов, отображающими новые явления общественной, военной и политической жизни того времени. Поэтому в языке его “Истории” слой варваризмов даже более значителен, чем в сочинениях, вышедших из круга Петра I в период работы над “Гисторией Свейской войны”. Ф. Поликарпов, по-видимому понимая это, поместил в своей “Истории” “лексикон вокабулам новым по алфавиту”, который должен был облегчить понимание отдельных слов, еще не вошедших в широкое употребление»[11]. Г.Н. Моисеева указывает и на наличие «отдельной рукописи» того же лексикона в собрании БАН — списка с правкой Петра I.

Таким образом, наличие двух списков ЛВН является отмеченным в научной литературе фактом. Но при этом попыток сопоставить имеющиеся списки, установить, какие этапы работы над лексиконом в них отражены, выяснить, в каком виде — в составе сочинения по истории или отдельной рукописью — ЛВН существовал изначально, не предпринималось, т. к. сведениями о двух списках оперировали до сих пор только учёные-историки, интересовавшиеся преимущественно основным текстом трактата. Органичность ЛВН в составе «Истории» Ф. Поликарпова, отмеченная С.Л. Пештичем, на фоне уникальности отдельного списка лексикона среди словарей начала XVIII века, о которой пишет Е.Э. Биржакова, свидетельствует в пользу первичности бытования ЛВН в виде приложения. Тем не менее, изложенные выше наблюдения Биржаковой о многоступенчатом характере образования словника ЛВН и её гипотеза о возможном авторстве Б. Волкова делают потенциально возможным и заимствование Ф. Поликарповым в своё сочинение некого уже существовашего к 1715 году словаря новейших заимствований, составленного кем-то другим.

Сравнение словников ЛВН по двум спискам позволяет более определенно восстановить этапы составления этого словаря, поскольку, по нашим наблюдениям, словник этих списков не идентичен и отражает разновременные версии.

Прежде всего необходимо отметить, что органичность лексикона в составе исторического сочинения не подлежит сомнению, т. к. сам автор оговаривает его присутствие в тексте. Завершив изложение событий Русско-турецкой войны 1686–1700 гг., Ф. Поликарпов перед тем, как перейти к рассказу о Северной войне, замечает следующее: *Начина́ющеися же войнѣ́ европе́ско^и^ сѡ свѣ́йскою коро́ною нача́ша в росси́йское гражда́нство вноси́тися, и рѣ́чи при дворѣ^х^ европѣ́искихъ [а наипа́че во ѳра́нциї] употребля́емые, ка́къ вое́нному ору́жию, и ра^з^ли́чнымъ хитростя́мъ та́къ и чина́мъ вое́нныхъ ли́цъ ра^з^ли́чны^м^ принад-*

[11] *Моисеева Г.Н.* «История России» Федора Поликарпова. С. 91.

лежа́щия: ихже реéстръ и знаменова́нїе прѝ семъ положéнъ ра́ди вѣ́дѣнїя вкра́тцѣ (л. 379).

Следом за этим оформленный как новая глава сочинения (пропущен пустым оборот 379 листа) в рукописи на лл. 380–391 об. расположен ЛВН, после которого (на л. 392) начинается раздел *Начало войны Всероссїйского цр҃я Петра Алеѯѣевича [тѣмъ именемъ Перваго], со свѣйскимъ королемъ кароломъ вторымъ надесять*. Таким образом, этот словарик, по замыслу Поликарпова, является приложением к конкретному разделу его сочинения — о войне *со свѣйскимъ королемъ*.

Рассмотрим соотношение словника версии ЛВН, входящей в «Историю России» (далее — ЛВН[1]), и его отдельного списка 32.6.14 (далее — ЛВН[2]). Как упоминалось выше, словник отдельного списка составляет 503 лексемы. По нашим подсчётам, в словаре, приложенном к описанию Северной войны, в реестровой части только 438 единиц, т. е. на 65 слов меньше. Уже на основании этого общего количественного соотношения можно предположить, что список с «Историей» содержит более раннюю версию лексикона. Более подробное сопоставление словников подтверждает это предположение.

Основная часть отсутствующих в ЛВН[1] слов относится к нарушающим алфавит дополнениям (дополнительным алфавитным спискам) в пределах отдельных букв. Это хорошо заметно на примере буквы Б. В ЛВН[2] на Б всего одно нарушение алфавита: основной словник — *багаж–буеръ* с добавлением в конце трёх слов на *ба-*: *балахай, банта, барiеръ*. В ЛВН[1] отсутствует это добавление нового алфавита на Б из трёх слов. Аналогичным образом в версии ЛВН[1] нет последних, относящихся к добавочным алфавитам слов в большинстве буквенных разделов: 2-х последних слов на В, 3-х слов на Г, последнего (нарушающего алфавит) слова *дишкантъ* на Д, 3-х слов на Е, 2-х слов на К, 3-х слов на П, 4-х слов на Р, 6-ти слов на С и нек. др., завершающих разделы. Очевидно, все эти слова являются дополнениями словника в позднейшей версии ЛВН[2].

При сравнении ЛВН[1] и ЛВН[2] видно также, что словарь на момент представления его царю пополнялся не только добавлениями в конце буквенных разделов. Несколько десятков слов было вписано вкраплениями в уже имевшийся словник внутри реестров на отдельные буквы. Среди этих вкраплений как дополнительное свидетельство в пользу дополнения ЛВН[1] до ЛВН[2] (а не сокращения) можно выделить ряд вписанных слов — однокоренных к уже имевшимся в словнике. К ним относятся добавления: *батарейки* к уже имевшемуся в ЛВН[1] *батареа*, *блоки* к *блокада, блокованiе*, *губернаторство* к *губернаторъ*, *декретный* к *декретъ*, *компанство* к *компанiа*, *манифактурный* к *мануфактура*, *мартирч* к *мортиръ*. Другие однословные вставки, по-видимому, добавлялись в середину с целью сохранить алфавитный порядок хотя бы в пределах первых двух букв, ср. ряд *параграфъ – панегирикъ – панцiонеръ* в ЛВН[1] был расширен до *параграфъ – парапеты – панегирикъ – пакетъ – панцiонеръ* в ЛВН[2]. Иногда такие вставки выглядят случайными. Так, в реестр с выдержанным алфавитным порядком на букву Л: *легатъ – легiонъ – леибгвардiа*, в ЛВН[2] были сделаны вставки слов на *ла-*: *легатъ – лантраторъ – легiонъ – лантлихтеръ – леибгвардiа*, что создало беспорядочность в словнике. В отдельных слу-

чаях вновь добавленные слова дублировали уже имевшиеся в словаре. При отсутствии повторов в ЛВН[1] в реестре ЛВН[2] по два раза появляются слова *електоръ, корпусъ* и *шквадронъ*.

Все различия в словниках ЛВН[1] и ЛВН[2] касаются дополнений реестровой части в ЛВН[2] за единственным исключением: слово *пиратъ*, завершающее раздел на П, с толкованием *ра҃боінікъ морскиі* есть в ЛВН[1], но отсутствует в ЛВН[2]. Возможно, эта словарная статья была утрачена при переписывании лексикона по невнимательности.

Таким образом, ранняя версия словаря иностранных слов, представленная в ЛВН[1], имела более строгий алфавитный порядок, хотя и в ней полной последовательности не было, т. к. в пределах одной буквы может быть несколько алфавитных списков — в частности на букву К уже присутствовали отмеченные Е.Э. Биржаковой в ЛВН[2] три списка слов, идущие друг за другом[12]. Любопытно, что в ЛВН[1] наряду с перебоями алфавита есть ещё одно явное свидетельство его компилятивного характера. В разделах словаря на буквы Е, И и К часть вокабул (24 заголовочных слова) имеют на полях лексикографическую помету — указание на язык происхождения слов. В основном помета указывает на латинское происхождение слова (в 23 примерах), и одно из слов (*ѯ҃архъ*) указано как пришедшее из греческого языка. Указание на язык-источник представляет собой сокращение, состоящее из первого слога названия языка: *ла* ‘латинский’ и *гре* ‘греческий’. Такая техника оформления унаследована из лексикографии XVI–XVII вв. — азбуковников, где «обычно названия языков сокращены до двух-, трехбуквенных сочетаний: *г, елл, ри, жи* и т. д.»[13]. В частности на букву И помета *ла* даётся к большинству слов раздела, но не ко всем, имеющим латинское (в конечном счёте) происхождение основы: *{ла} інструкціа ... {ла} інструме́нтъ ... {ла} інтерпозі́цио ... {ла} інтере́съ ... інфанте́рия ... {ла} істо́риа*[14] *... історикъ ... інсталя́циа* — в ряду идущих подряд слов с пометой *ла* пропущена вокабула *інфантерия*. Вероятно, это слово вклинилось в словник, взятый из источника, в котором слова были снабжены языковой пометой.

Ещё одно качественное отличие двух версий словаря, связанное с расширением словника, заключается в объёме не имеющих толкования слов. По подсчётам Е.Э. Биржаковой, в ЛВН[2] неистолкованных слов насчитывается 85[15], что составляет 17% от общего количества статей лексикона. Многие из добавленных в версии ЛВН[2] слов не имеют толкований, в связи с чем в исходном словнике в ЛВН[1] наблюдается меньший процент неистолкованных статей: 59 из 438 или 13,5%.

---

[12] *Биржакова Е.Э.* Русская лексикография XVIII века. С. 30.

[13] *Коваленко К.И.* «Новгородский» азбуковник XVI–XVII вв.: структурно-типологические, лингвистические и историко-лексикографические особенности. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. С. 152 (см. также: *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975. С. 232–240).

[14] К этому слову, заимствованному из греческого языка, помета *ла* дана ошибочно; «нередко ошибочными» были и языковые привязки в азбуковниках. См.: *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси. С. 236).

[15] Там же. С. 29.

Добавлением новых единиц в словник различие двух версий лексикона не ограничивается. Оформление словаря как отдельного лексикографического труда сопровождалось небольшими дополнениями в его толкующей части. Несколько словарных статей, не имевших в составе «Истории» толкования, снабжаются в ЛВН^2 формулировкой значения. В статью *аффекціа* добавлено толкование *намѣрокъ*; в статью *ливръ* — толкование *книга*; в статью *шнява* — толкование *судно водное*. Также встречаются дополнения и уточнения к уже имевшимся значениям. Представим отмеченные различия в толкующей части отдельных словарных статей в виде таблицы (дополнения в ЛВН^2 выделены курсивом):

Таблица. Различия в толкующей части ЛВН^1 и ЛВН^2

слово	ЛВН^1	ЛВН^2
га́уздукъ	га́лздукъ или́ полоте́нцѡ кото́рымъ шею обвїваю^{т}	га́лздукъ, или полоте^{н}цо, которымъ шею ѡбвива́ютъ *и украша́ютъ*
еконо́мъ	домостроитель	*строитель,* домострои́тель
конфедера́тъ	соеди́не́нны	*союзни*^{к} соедине^{н}ный
капи́тулы	глави́зны, догово́ры	*Статьѝ,* глави^{з}ны, догово́ры
мы́за	се́ло	село, *дере́вня*
прогно́стикъ	пре^{д}зна́нїе пророче́ствѡ	пре^{д}зна́ніе, пр^{о}ро́чество, *Пре^{д}увѣдомле́ніе*
пу́блика	явность	я́вность, *наро́дство*
се́ймъ	собрание г^{с}дъ	собра́ніе госпо^{д} *на ду́му*

Отметим, что в случае со словами *конфедератъ* и *публика* первоначальное малопонятное, калькирующее толкование дополняется более удачным русским эквивалентом, передающим смысл неологизма.

Рассмотренные различия между двумя сохранившимися списками ЛВН XVIII века показывают, что несмотря на прикладной характер ранней версии словаря — его предназначения для разъяснения читателям «Истории России» *рѣ́чей при дворѣ^{х} европѣ́ийскихъ [а наипа́че во ѳра́нциї] употребля́емых*, он продолжал пополняться и редактироваться (по-видимому, Ф. Поликарповым) с целью создания независимого от конкретного текста лексикона иностранных неологизмов Петровской эпохи.

Тем не менее сохранившиеся списки этого лексикона не отражают полной истории его формирования. В ЛВН^1, как уже было сказано, наблюдаются перебои в алфавите словника, свидетельствующие о его компилятивном характере. Эта ситуация содержит в себе некоторое противоречие: с одной стороны, словарь, скорее всего, включает в себя иноязычную лексику нескольких, созданных ранее 1715 г. источников (ср. упоминавшиеся наблюдения Е.Э. Биржаковой о включении в него лексики из книги Шхонбека «История об орденах кавалерских» 1710 г. и из книги «О войнах Цезариевых» 1711 г.; к сожалению, исследовательница не приводит конкретных примеров), с другой сто-

роны, Ф. Поликарпов использует словарь *ра́ди вѣ́дѣнїя* непонятных слов в конкретном тексте, в своём описании Северной войны. Неясным для лексикона, призванного пояснять иноязычную лексику и, по словам Поликарпова, содержащего *реéстръ и знаменова́нїе* подобных *речей-вокабул*, является отсутствие в нём, даже в ранней редакции ЛВН[1], толкований (т. е. *знаменования*) в заметной части (13,5%) словарных статей.

Определить степень адекватности лексикона в контексте исторического сочинения, принцип отбора словника ЛВН[1] и степень участия в этом отборе Ф. Поликарпова помогает сопоставление реестра ЛВН[1] с лексикой раздела о *войне Всероссїйского цр҃я Петра Алеѯѣевича [тѣмъ именемъ Перваго], со свѣйскимъ королемъ кароломъ вторымъ надесять* в «Истории России», расположенного на лл. 392–508 рукописи 32.6.30. До сих пор не предпринималось попыток проверить и подтвердить примерами, в каком объёме пользовался консервативный по своим нормализаторским языковым установкам Ф. Поликарпов новой заимствованной лексикой при описании событий Северной войны.

Присутствие в описании новейшей военной истории Поликарпова новых заимствований вполне ожидаемо, поскольку они активно использовались в источниках, которыми он пользовался. Как пишет Г.Н. Моисеева, «известия, относящиеся к петровской эпохе, представляют собой черновые записки, сделанные Ф. Поликарповым по живым следам исторических событий в хронологической последовательности с максимальным приближением к документальным источникам»[16]. По нашим наблюдениям, *вокабулы новые* действительно часто используются автором истории в тексте, предварённом лексиконом. При этом интерес представляет вариативность плана выражения и разный статус заимствованных слов, включённых в ЛВН[1], — как по частотности употребления в тексте, так и по конкуренции с их русскими эквивалентами, предлагаемыми в толкующей части лексикона.

По нашим наблюдениям, новая заимствованная лексика используется Ф. Поликарповым активно; уже на первых 40 листах раздела — с описанием первых лет Северной войны до взятия Нарвы включительно — отмечено 98 слов из 438, входящих в ЛВН[1]. В целом же в сочинении нами замечено 165 лексем из реестровой части лексикона. Приведём их в порядке следования в лексиконе, отмечая вариативность и расхождения между текстом сочинения и лексикона: *авангардия, адмиралъ, акортъ, амуниция, аптека* (в ЛВН[1] *апотека*), *апроши, акция, ариегвардия* (в ЛВН[1] *ариеръгардия*), *армея, армистициумъ, артилерия* (вар. *алтилерия*), *атака, атаковать, аудиторъ* (вар. *аудитеръ*), *богажъ* (вар. *багажъ*), *бастионъ, баталия, баталионъ, батарея, батерия, белагръ* (в ЛВН[1] *белаггръ*), *блокада, болверкъ, бомба* (вар. *бонба*), *бомбардиръ, бомбардировать, брегада* (вар. *бригада*), *брегадиръ, брешъ, валентиръ, вахтмеистеръ, виктория, генералъ, генералъ маэоръ, генералъ леитенантъ* (вар. *лейтнантъ*), *генералъ а^{д}ютантъ, генеральный, гоубица, градусъ, гранадеръ* (в ЛВН[1] *гранадиръ*), *графъ, гвардия, гварнизонъ* (вар. *гарнизонъ*), *гаутвъ квартиръ* (в ЛВН[1] *гаутебъквартиръ*), *губерния, губернаторъ, деспера-*

[16] *Моисеева Г.Н.* «История России» Федора Поликарпова. С. 82.

ция, дефилей (в ЛВН[1] *дефилея*), *дивизия, дискреция, диверсия* (вар. *диверзия*), *емблема, елекция, залфъ, залфомъ, инвенция, инфантерия, история, ковалерия, ковалеръ, канцелярия, капитуляция* (вар. *капитулация*), *командиръ, командировать, комендантъ, комисаръ, коммуникация, комплементъ, кондиция, контрошкарпъ* (в ЛВН[1] *контрашарпъ*), *конфедеряция* (в ЛВН[1] *конфедерация*), *корпусъ, капитанъ, квартера* (в ЛВН[1] *кватера*), *квартермистръ, каптенармусъ, картаунъ, камвой, картеча, куртина* (в ЛВН[1] *кортина*, ср. в ЛВН[2] *куртина*), *лазабатория, лагаръ* (вар. *лагарь*, в ЛВН[1] *лагеръ*, ср. в ЛВН[2] *лагаръ*), *лейбгвардия, лозонкъ* (в ЛВН[1] *лозонъ* и *лозункъ*), *линия, маэоръ, маршалъ, марширую, матрозъ, министръ, мода, музыка, мундиръ, мыза, мортиръ, мартирецъ, оберъ офицеръ, ордеръ де батали, оффиция* (в ЛВН[1] *оффициумъ*), *оффицеръ, панегирикъ, партия, постъ, правиантъ, потентатъ, полисады, пароль, пардонъ, равелинъ* (вар. *ровелинъ*), *редутъ, реконтръ* (в ЛВН[1] *реконтъ,* ср. в ЛВН[2] *реконтръ*), *реляция, ретирада, ретируюся, нетранжаментъ, рисунокъ, рота, ротмистръ, региментъ, салдатъ, сикурсъ* (вар. *сук(к)урсъ*, в ЛВН[1] *секурсъ*), *секретарь, сенатъ, сержантъ, станцы, ситуация, секундую, транжаментъ, титулъ, трактую, триумфъ, триумальный, торнъ, табель, ундеръ афицеръ, универсалъ, универсалный, факция, феирверкъ* (в ЛВН[1] *фейверкъ*), *фланкъ* (в ЛВН[1] *фланка*), *флотъ, фортеция* (вар. *фортеца*), *фортификация* (вар. *фортофикация,* в ЛВН[1] *фортефикация*), *фортуна, фелцехмейстеръ* (вар. *фелтъ цеихтъ мейстеръ*), *фелть маршалъ, фашины, флинты, фузея, фурия, фрунтъ, фамилия, фрегатъ, циркумференция, шамадъ, штандартъ, шхута* (вар. *шкута*), *шквадронъ, штурмъ, штыкъ юнкеръ, шквадра, штапъ офицеръ, шкиперъ* (в ЛВН[1] *шиперъ*), *юрналъ*. Кроме того, встретились прилагательные *архитектурный, секретный*, производные от входящих в ЛВН[1] существительных *архитектура, секретъ*.

В приведённом списке прежде всего бросается в глаза факт достаточно частого расхождения фонетического (реже морфологического, ср. *дефилей / дефилея, фланк / фланка* и др.) облика одной и той же лексемы в тексте и словаре, приложенном к нему. Он подтверждает гипотезу об изначальном составлении словника ЛВН на основе некоторых источников, непосредственно не использовавшихся при написании исторического сочинения. В этих предполагаемых источниках лексикона слово присутствовало в одном фонетическом облике (*апотека, гранадиръ, секурсъ, фейверкъ, шкиперъ* и др.), а в документах, которыми Ф. Поликарпов пользовался как источниками информации о военных действиях, — в другом (*аптека, гранадеръ, сикурсъ, феирверкъ, шиперъ* и др.). Особенно показательны примеры, в которых лексема имеет 3 варианта, не пересекающихся в лексиконе и тексте сочинения: *секурсъ / сикурсъ / сукурсъ, фортефикация / фортификация / фортофикация* — первый вариант использовался в источнике лексикона, а остальные два — в источниках «Истории России»; а также *лозонъ / лозункъ / лозонкъ*, где первые два варианта — из лексикона, а последний — из текста. Существенно и то, что в большинстве случаев вариативность слов, отмеченная нами в тексте истории, не отображена в ЛВН[1], где в свою очередь к некоторым словам иногда приводятся варианты с толкованием *тож* (*тожде*), ср. вокабулы лексикона: *капита́нъ. сотни́къ. / каптеи́нъ*

то́жъ; *фру^н^тъ. лице че́ло / фронтъ тожде* (в тексте истории встретился только первый вариант).

Вторая значимая для истории составления ЛВН особенность, представленная в списке, связана со словами *куртина* и *лагаръ*. В ЛВН[1] были представлены только фонетические варианты этих слов — *кортина* и *лагеръ*, а в ЛВН[2] использованные в «Истории» Ф. Поликарпова *куртина* и *лагаръ* добавлены в словник, в конце соответствующих буквенных разделов. Возможно, исправление *реконтъ* на *реконтръ* в ЛВН[2] также было сделано по материалам источников сведений о Северной войне. Таким образом, текст трактата в свою очередь сам стал, по всей видимости, источником дополнений к лексикону.

Сделанное предположение подтверждается и тем, что в ЛВН[2] добавлены по сравнению с ЛВН[1] не только два указанных варианта лексем (и сделано исправление одной вокабулы), но и слова, использованные при изложении событий Северной войны, но отсутствовавшие в ЛВН[1]. К ним относятся слова *капралъ, каркасъ, компанство* и *шанцы*. При таком скромном (выявлено 6 вокабул) объёме дополнений в ЛВН[2] по сочинению Поликарпова очевидно, что лексикон пополнялся для представления Петру I и по другим источникам. При этом потенциал раздела «Истории России» о *войне Всероссїйского цр҃я Петра Алеѯѣевича ... со свѣйскимъ королемъ* как источника новых вхождений в язык не был до конца использован при пополнении словника лексикона, поскольку помимо приведённого выше списка заимствований в сочинении Поликарпова также встретились такие новые военные термины иностранного происхождения, как *богинетъ*[17], *брегантина*[18], *калиберъ*[19], *корнетъ* ‘вымпел’[20], *мушкетерия* ‘солдаты, вооружённые мушкетами’[21], *рекогносировать*[22], *фалконетъ*[23], *штормъ фатъ*[24] и нек. др. Отдельно можно отметить пример, не попавший в ЛВН[1], снабжённый в тексте исторического сочинения глоссой: *и о^т^ сего*

---

[17] *в сихъ обоихъ города^х^ взято .. 1592 пары шпагъ / и* ***богинетовъ*** *4198 і иныхъ всякихъ припасо^в^ многое число* (л. 431 об.–432).

[18] *ни единое судно не ушло но всѣ в руки наши^м^ достались которыя ниже сего именованы фрегаты каролусъ [взорвался] ... вахтъ мейстеръ ...* ***брегантины*** *шлифема^х^ ... нумбе^р^съ* (л. 422).

[19] *мартиры чугу^н^ные 1* ***калиберъ*** *85 фу^н^* (л. 425).

[20] *взятъ неприятелскої по^д^е^з^дъ въ 12: коня^х^ состоящеи, с* ***корне́томъ*** *въ четыряхъ миляхъ о^т^сюду* (л. 410).

[21] *тоя же ночи подошли два неприяте^л^ские судна для до^с^мотру какия гости въ ихъ сосѣдство пришли; но понеже пѡ нихъ наша* ***мушкете́рия*** *жестоко стрѣляла і убила неприятелскаго бомбарди́ра і 5: чл҃вкъ са^л^датъ о^т^чего прину^ж^дены ѡни ра́ковои ходъ во^с^приять* (л. 407).

[22] *наша же кавалерїя на правой рукѣ мѣ^ж^ду лѣсовъ поставлѣна была и пре^д^ оною несколко редутъ зделано и лю^д^ми и пушками осажены .. а въ 25 и 26 день* ***рекогносїровать*** *оную ситуацию и неприятелской лагарь изволи^л^ его цр҃ское величество* (л. 480).

[23] *в се^м^ городѣ взято артилерїи пуше^к^ мѣ^д^ны^х^ .. дробовики ..* ***фа^л^конеты*** (л. 424 об.).

[24] *і тако то^т^ приступъ со всѣхъ странъ толь мужественно о^т^ ѳвицеровъ и рядовыхъ учиненъ несмотря на все о^т^ неприятеля учиненное жестокое супротивление і взо^р^вание по^д^ брешемъ по^д^копу и скатывание^м^ множества велики^х^* ***што́рмъ фа́тъ*** *[или приступны^х^ бочекъ] і прочаго* (л. 430 об.).

времѣнѣ конечно ***фиалъ**** {на полях: **чаша*} *мѣсти бжїя на обидящаго начатъ изливатися* (л. 479).

Заимствования в сочинении Ф. Поликарпова обладают разной степенью употребительности. Некоторые слова используются редко, поскольку сама реалия, обозначаемая ими, упоминается в повествовании в единичных случаях, например: *по^с^лано о^т^ г^с^дина втораго фелтьма^р^ша^л^ка ... писмо ... і на то писмо обѣща^л^ горнъ о^т^вѣтъ дать на завтрее и проси^л^ до тѣ^х^ мѣстъ* ***армистициу^м^*** (л. 429); *сначала учинена та стрѣ^л^ба за^л^ѳами и пото^м^ непрестанно продолжена [и о^т^ того учинили^с^ в городѣ немалые пожары между которыми взо^р^валась* ***лабазатория*** *неприятелская с превелики^м^ огнемъ и трѣско^м^ о^т^ бонбъ и грана^т^ в ней лежащихъ] оная была даже до девятаго дня того м^с^ца по вся дни* (л. 428); *гранадеры взяты і в шанцы посланы которы^м^ велено непреста^н^но на бастионы гранаты мета^т^ и^з^ у^с^троенны^х^ к то^му^ новой* ***мо́ды*** *ручичны^х^ ма^р^тиро^в^* (л. 430)[25]; *цр҃ское величество .. са^м^ своею высокою особою, і высокому^д^рымъ промысло^м^ прои^з^волилъ на ся во^з^прияти звание і службу, капитанские* ***оффи́ції*** *пѡлка преображенскаго* (л. 406 об.); *Маия въ 27 ^де^ комендантъ не сте^р^пя о^т^ руски^х^ великого утеснения выше^л^ и^з^ города съ оѳицеры, проси^л^* ***пардона*** *со слезами* (л. 416 об.); *ружья 1117 мушкето^в^* ***фли́нто^в^*** *[їли фузеи] са^л^дацки^х^* (л. 414 об.) и нек. др.

Больше информации о месте лексикона в составе сочинения Ф. Поликарпова дают слова, обозначающие часто встречающиеся в тексте реалии. Лексику такого рода, связанную со словником ЛВН, можно разделить на 3 категории по соотношению славянского / заимствованного обозначения реалии: с использованием только иноязычного обозначения, с параллельным использованием славянского / заимствованного обозначения и категория слов, заимствованное обозначение для которых нам не встретилось. Примеров слов первой категории (использование заимствования) могут быть названия воинских званий и других должностных чинов, которые при описании военных действий используются очень часто (например, *генералъ, гранадиръ, губернаторъ, комендантъ, капитанъ, маэоръ, оффицеръ, салдатъ, фелть маршалъ* и нек. др. менее частотные); также часто и унифицированно используются иноязычные слова *аккордъ, апроши, артилерия, батарея, бомба, гварнизонъ, рота, фланкъ, шамадъ, шанцы*. Их славянские соответствия из лексикона (например, *рвы* вместо *апрошей*, *управитель* вместо *губернатора*, *сотникъ* вместо *капитана*, *здача* вместо *шамада*) в сочинении не используются.

Во вторую категорию входят слова, очевидно, менее приемлемые для автора трактата: Ф. Поликарпов делает уступку в пользу снижающего стиль, но престижного для заказчика сочинения заимствования, но при этом сохраняет и славянский синоним, служащий толкованием иноязычной лексемы в ЛВН[1]. В его сочинении используется как *бастионъ*, так и *башня*, как *виктория*, так и

[25] Обратим внимание, что кроме единичного заимствования *мода* в данной цитате присутствует целый ряд более частотных в сочинении Поликарпова неологизмов (*гранадеръ, шанцы, бастионъ, граната, мартиръ*), что даёт представление о концентрации новой лексики в рассматриваемом тексте.

побѣда, как *фортеция*, так и (чаще) *крѣпость*, как *штурмъ*, так и (чаще) *приступъ*; по одному разу встретились слова *белаггръ* и *блокада*, но в основном используется *осада*.

В некоторых случаях, возможно, использование таких вариантов связано с разным словоупотреблением источников, которыми пользовался автор «Истории». Так, из пары *брешъ / проломъ* славянское соответствие используется в описании взятия Нотебурга: *нашъ штурмъ выручкою і* ^{с}*вѣжими людми доволно укрѣпленъ былъ, однако*^{ж} *не могли они* ***прѡлóмовъ*** *і крѣпости взять ради малагѡ мѣста земли і силнагѡ супротивления неприятелскагѡ* (л. 411); *на три учиненныя* ***прѡломы*** (л. 411 об.); в то время как только заимствование *брешъ* обозначает соответствующую реалию при описании штурма Нарвы 1704 г.: *въ 3* ^{де} *июля горо*^{д} *прилѣжнѣе осмотренъ и положено* ***брешъ*** *дѣлать из*^{з}*а реки въ 4*^{м} *и 5*^{м} *числѣ*^{х} *пушки на батарею поставлены* (л. 423); *сдѣлана батарея на которой поставлено б҃гоуби*^{ц} *и 7 пушекъ въ 12* ^{де} *стрѣляно по всѣ*^{м} *вышеименованны*^{м} *тремъ* ***бреша***^{м} */ по новой неприяте*^{л}*ской работѣ* (л. 423–423 об.), а также при описании более поздних событий войны.

Та же особенность источников, которыми пользовался Поликарпов, хорошо заметна на примере заимствованных слов, которые начинают употребляться только ближе к концу раздела о Северной войне, притом что их славянский эквивалент равномерно встречается во всём тексте трактата. При наличии в ЛВН[1] статьи *їнфантéрия пехóта* в тексте трактата до 1709 г. для обозначения этого часто упоминаемого рода войск представлено только славянское *пехота*; заимствование *инфантерия* начинает использоваться только в описании событий, связанных с Полтавской битвой (первый раз — на л. 476 об.), и далее употребляется как менее частотный дублет слова *пехота*. Используется в сочинении Поликарпова более раннее заимствование *караулъ*[26], широко употребимое в XVII в. [СлРЯ XI–XVII 7: 74], — оно присутствует и в ЛВН[1] как толкование с слову *гвардия*; само же слово *гвардия* встретилось всего в одном контексте, при описании событий 1709 г.: *за неприятелѣмъ вслѣ*^{д} *посланы генералъ порутчикъ и по*^{л}*ковникъ о*^{т} ***гварди*** *кн҃зь голицынъ с* ***гвардиею*** *да генералъ порутчикъ боуръ с драгунскими полки* (л. 483 об.). Неоднократно Поликарпов применяет глагол *уступать* ‘отступать’[27], а его иноязычный эквивалент из ЛВН[1] *ретироваться* использован всего один раз, также при рассказе о Полтавском сражении: *оной* <генерал Боур> *по указу тотчасъ такъ учини*^{л} *и когда оной с нашею кавалерїею ста*^{л} ***ретироватца*** (л. 481); также однократно встречается в той же части сочинения однокоренное заимствование *ретирада* (л. 477). Очевидно, в источниках, содержащих информацию о Полтавской битве, появляется ряд заимствований, ранее не встречавшихся Поликарпову, и он под влиянием их словоупотребления использует эти слова в тексте своего сочинения. Ещё позже — при описании событий 1710 г. — появляется словообразовательный вариант

---

[26] Например: *прочихъ взять за* ***караулъ*** (л. 394).

[27] Например: *генера*^{л} *го*^{р}*нъ* ***бреивно*** ^{т} *ни*^{х} *нача*^{л} ***уступать*** *к на*^{р}*вѣ* (л. 417 об.); *король же сїю малую партию видя самъ своею особою с шестию полками на оную ударилъ рускимъ нарочно до лѣса …* ***уступающимъ*** (л. 478–478 об.) и мн. др.

фортеца (при использовании ранее варианта *фортеция*), отражённый в ЛВН[1]. Эти наблюдения свидетельствуют, что реестровая часть ЛВН[1] продолжала формироваться в процессе написания раздела истории о Северной войне, представленного в списке 32.6.30, т. е. этот лексикон не был заимствован Поликарповым полностью в готовом виде или составлен независимо от работы над историческим сочинением.

Отдельную группу составляют параллельные употребления иноязычного / славянского слова, в которых славянский эквивалент служит пояснением к заимствованию в самом тексте сочинения о Северной войне, т. е. происходит как бы дублирование соответствующей словарной статьи лексикона[28]. Например, при наличии вокабулы ЛВН[1] *фланка* (с толкованием *бокъ*) при первом появлении слова в тексте оно поясняется в скобках: *но о^т конныхъ россїискихъ воїскъ неприяте^л со всѣ^м корпусомъ атакованъ во* ***ѳланкъ*** *{боку} такъ что во оную мызу убѣжать не успѣлъ* (л. 396); при этом далее слово используется уже без толкования: *а оставшуюся неприятелскую пѣхоту і коннїцу ро^сїиское воиско атаковавъ во* ***фланкъ*** *многихъ в полонъ побрали* (л. 402)[29]; ср. также совпадающее в лексиконе и в тексте трактата толкование-пояснение к слову *триумфальный*: ***триумфа^лны*** *торжéственъ* в ЛВН[1] — *По сеи бг҃одарова́ннои викто́рії цр҃скому величеству во^звращающемуся въ Москву с триу́мѳомъ были по^строены двои врата* ***триумфа́лные****, то есть торжественные [имиже вхождаху по римскои старожитно^сти с народною радостию побѣдителие]* (л. 415) в трактате.

Однако для большинства таких случаев полного совпадения двух толкований нет. Толкование в тексте может быть более кратким — использовать только одно из ряда славянских соответствий, представленных в толкующей

---

[28] Подобное избыточное двойное толкование европеизмов в период их интенсивного освоения русским языком встречается и в других текстах, имеющих сопроводительный словарь использованных новых слов. Например, в печатном «Генеральном регламенте» 1720 г. в конце книги прилагается небольшой словарь «Толкованіе иностранныхъ рѣчей, которыя въ семъ регламентѣ». Несмотря на его наличие, при употреблении в тексте слово может сопровождаться пояснением; в «Толковании»: *Прерогативы, - - Преимущества* — в тексте документа: *силѣ и власти принадлежащіе права и прерогативы, [или преимущества] узаконенные* (с. 3); в «Толковании»: *Дирекція, - - - Управленіе* — в документе: *генеральную и верьховную дирекцію, [или управленіе]* (с. 9); хотя основная часть пояснений из «Толкования» в основном тексте «Генерального регламента» не дублируется. А.А. Малышев отмечает примеры неоднократного толкования заимствований в пределах одной статьи в журнале «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям»: например, четырежды поясняется слово *дож* в статье, посвящённой избранию в Генуе нового дожа (*Малышев А.А.* Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на примере журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям»). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. С. 101).

[29] Такая техника введения нового заимствования в язык сочинений разных жанров является типичной для Петровской эпохи — ср. введение новой фортификационной терминологии в пособии А.П. Ганнибала (*Мольков Г. А.* Заимствования в трактатах А.П. Ганнибала по геометрии и фортификации (1725–1726 гг.): к истории неизменяемых прилагательных в русском языке // Сборник материалов Международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». Памяти А.А. Зализняка. 27–29 мая 2019 г. М., 2019).

части лексикона. Слово *мѣсто* использовано для толкования заимствования *постъ* (при определении его в ЛВН[1] как *мѣсто за́ймище ста́нъ*) — только при первом его употреблении: *четыреста чл҃вѣкъ преображенскихъ салдатъ бе*[з] *всякои утраты шанцы начали, і* ***постъ*** *іли мѣсто заняли* (л. 407); *на тої сторонѣ по*[д] *нотенъбургомъ* ***посто*** *заняли* (л. 408); *на острову которои ме*[ж] *крѣпостию і нашими шанццы обрѣтае*[т]*ся* ***постъ*** *занятъ* (л. 410); ср. также пояснение при первом употреблении слова *полисады* в трактате (при достаточно развёрнутом толковании в ЛВН[1] — *ты́нъ: рога́тки. тычі́ны четы́ре а*[р]*шина вы́ши ны*): *шлипембахъ ... хотѣлъ бѣжать в мызу еверстеръ, укрѣпленую велми рвами и* ***полиса́ды*** *{рога*[т]*ки}* (л. 396); *фо*[р]*теціа каменная зѣло крѣпка около ея великие* ***полисады*** (л. 420); *посланы 300 чл҃вкъ са*[л]*да*[т] *с по*[д]*по*[л]*ко*[в]*ника*[м] *с михайло*[м] *жи*[д]*ко*[м] *для за*[х]*вачивания по*[с]*ту у самы*[х] ***полиса́***[д] (л. 423 об.)[30]. При этом поясняющее толкование в тексте трактата Поликарпова может и не совпадать с толкующей частью данной вокабулы в составе ЛВН. Слово *партия* толкуется в тексте при первом его употреблении: *бж҃іею помощию оную* ***партию*** *{по*[д]*е*[з]*дъ} ро*[с]*сиское войско побили и рубили ихъ дорогою до самаго неприяте*[л]*скаго корпуса* (л. 395 об.)[31]; при том что в лексиконе слово *партия* поясняется иначе: *нѣ́сколко чл҃вкъ ча́сть*, т. е. в тексте трактата синоним подобран более ситуативно; слово *пашквѣли* определено в лексиконе как *руга́те*[л]*ные пи́сма*, что не совпадает с пояснением к нему в скобках в сочинении: *на великого г*[с]*дря* ***пашквѣлями****, [ху*[л]*ными писмами]* (л. 458). Прилагательное *универсалный* в лексиконе поясняется синонимом *повсюдный*, а в трактате — *общий* (л. 493). Может не совпадать и достаточно развёрнутое в обоих случаях (в лексиконе и в тексте) толкование, как, например, у слова *юрналъ*, ср.: *поде́ная запи́ска всякі*[х] *случае*[в] (ЛВН[1]) — ***ю*[р]*налы*** *то есть повседневная дѣйствъ военны*[х] *записка* (л. 421).

Наконец, для обозначения ряда реалий, для которых в лексиконе приводятся иноязычные неологизмы, Ф. Поликарпов пользуется традиционной лексикой. Из словарной статьи *їнду́стрїа кова́рство хи́трость* в тексте трактата встретился славянский эквивалент *коварство* из толкующей части[32]; из статьи *Амбасадо́ръ посо́лъ* встречается только славянское слово[33]; из статьи *деѳе́нзиа защи́та оборо́на* — эквивалент *оборона*[34]. Не встречается в сочинении слово

---

[30] Плеонастично в тексте трактата выглядит употребление одного из заимствований этой группы — слова *ретирада*, имеющее в ЛВН[1] толкование *прибѣ́жище усту́пъ*: *той генералъ ... воиско свое раздѣля единой ча*[с]*ти ... к мона*[с]*тырю итти велѣлъ ... другую ... на дорогѣ к полтавѣ поставилъ / дабы непрїятелю уступъ* ***ретира***[ду] *к по*[л]*тавѣ о*[т]*резать* (л. 476 об.–477); славянский и заимствованный эквиваленты следуют друг за другом, без скобок, нарушая грамматическую структуру фразы.

[31] Далее слово *партия* употребляется уже без пояснения: *въ 28* [де] *августа увѣдано чтѡ о*[т] *во*[и]*ска шлипембахова к реке наровѣ приходили* ***партіи*** (л. 419).

[32] *окопче*[н] *смра*[д]*ны*[м] *дымомъ за смрадное свѡе* ***коварство*** (л. 392 об.); *сей генералъ во всѣхъ походахъ у шведскагѡ короля былъ передовымъ, и вторый агетофель в* ***коварствѣ*** (л. 451 об.).

[33] *ротмистръ воеводства мїнскогѡ яко* ***посо***[л] (л. 447 об.); *посланныя о*[т] *нихъ полномочныя* ***послы*** *и грамматы* (л. 494) и др.

[34] *на* ***оборону*** *града пришелъ* (л. 392 об.).

когортъ при многократном употреблении толкующего *полкъ*; не употребляется слово *деташаментъ* (*о^{т}дѣленныя по^{л}кѝ къ нѣкоему дѣлу*) при неоднократном упоминании полков, получающих специальное задание; отсутствует заимствованный глагол *арестовать* (толкование в ЛВН[1]: *за караулъ сажаю*) при упоминании в тексте трактата этого действия: *прочихъ взять за караулъ* (л. 394).

Приведённые примеры последней категории особенно явно показывают избыточность для притекстового словаря лексикографической информации, которую содержит в себе ЛВН: новая заимствованная лексика приводится в нём «с запасом». Несмотря на заявленный прикладной характер, лексикон, включённый в исторический трактат Ф. Поликарпова, оказывается самодостаточным сводом новых слов, из которых в самом трактате употребляется чуть больше трети (ок. 37%).

Рассмотренный материал позволяет выделить следующую последовательность этапов составления первого словаря иноязычной лексики в русском языке. Список БАН 32.6.30 содержит раннюю версию лексикона (ЛВН[1]), входящую в состав исторического сочинения Ф. Поликарпова. Словник этой версии включает 438 слов и, по всей видимости, его основа была составлена не с опорой на язык сочинения, к которому приложен, а на материале ряда внешних источников. По свидетельству Е.Э. Биржаковой, он включает много глоссированных слов из книги Шхонбека «История об орденах кавалерских» 1710 г. и из книги «О войнах Цезариевых» 1711 г.; вероятно, этим не исчерпывается круг источников, из которых производилась выборка лексики, составившей ЛВН. Один из источников ЛВН[1] был рукописным — об этом говорит унаследованная из него помета на полях при некоторых словах на буквы Е, И и К, указывающая язык-источник заимствования. Глоссированная лексика могла быть собрана и из других (помимо указанных Биржаковой) печатных изданий до 1715 г. Например, вокабула *Амбасадóръ посóлъ* могла быть взята из издания «Новая манера, укреплению городов учиненная чрез г. Блонделя … Преведена же на рос. яз. М., 1711», где на с. 36 читается: *по тому ихъ доношенїю послалъ онъ указъ къ* ***амбасодору*** *[послу] своему вышепомянутому графу*. Часть лексики, присутствующая в тексте раздела трактата о Северной войне, могла быть добавлена к словнику непосредственно в процессе написания сочинения, о чём говорят заимствования, появляющиеся в тексте ближе к концу раздела. При таком составном характере ранней версии ЛВН необязательно, на наш взгляд, атрибутировать лексикон переводчику Б. Волкову, из работ которого была (вероятно) выписана часть вокабул. Упоминание лексикона в переписке И.А. Мусина-Пушкина и Ф. Поликарпова, работающего по заданию Петра I, а также его дальнейшая судьба — представление царю отдельным списком — свидетельствуют в пользу того, что Ф. Поликарпов и был его составителем.

Отдельный список (БАН 32.6.14), изданный Н.А. Смирновым в 1910 г., содержит более позднюю и несколько расширенную версию (на 65 слов больше) словаря — ЛВН[2]. Та же версия представлена в его точной копии XIX в. — списке БАН 1.3.18. По-видимому, Ф. Поликарпов продолжал пополнять словарь и по завершении своей «Истории о владении российских великих князей вкратце...». Единичные дополнения несомненно были взяты в ЛВН[2] из раздела

сочинения о Северной войне: определённо это можно сказать о словах *куртина* и *лагаръ*, представленных в версии ЛВН[1] другими вариантами (*кортина* и *лагеръ*) и добавленных в ЛВН[2] в конце буквенных разделов. Таким образом, эта версия словаря не могла появиться раньше 1715 г. Выявление других источников, использованных при написании лексикона на разных этапах, может стать предметом дальнейших исследований.

Более поздняя версия лексикона, представленная царю, явно имеет черновой вид — 17% его словника не имеет толкований, алфавит в пределах букв не унифицирован; вероятно, после редактуры Петра I планировалось, но не было реализовано дальнейшее пополнение и совершенствование словаря. Прослеженные этапы его составления показывают, что притекстовое использование одной из его версий функционально сужало лексикон и не было целью его составления. Словник ЛВН складывался из ряда источников, и словарь, по-видимому, был задуман как попытка собрать воедино и снабдить толкованиями новейшие заимствования из европейских языков, что делает его первым известным оригинальным толковым словарём нового времени, сформированным на основе выборок лексики из корпуса текстов начала XVIII в.

С.В. Русанова

СЛОВО В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ: К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Рассуждая об основных типах лексических значений слов, В.В. Виноградов подчеркивал, что значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова. Оно зависит от ряда факторов: «от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова»[1].

Об этом приходится задумываться создателям исторических словарей, цель которых — описать русскую лексику на протяжении периодов ее становления и развития, об этом необходимо помнить и пользователям словарей при работе со словарными дефинициями.

Любое фундаментальное историко-лексикографическое издание не только расширяет представление о лексическом составе языка в тот или иной период его развития, позволяет восстановить фрагменты языковой картины мира, но и дает материал для дальнейших лексико-семантических исследований, направленных на уточнение значения слов, выявления их системных отношений, территориальной и социокультурной специфики, стилистической маркированности. Особое место среди исторических словарей занимают региональные словари, издание которых активизировалось с конца двадцатого века в связи с пристальным вниманием к деловой региональной письменности, ее роли в истории русского языка (см.: Сл. Сиб. 1991; Сл. Перм. 1993–2001; Сл. Смол. 2000; Сл. Том. 2002; Сл. Нерч. 2003; Сл. Заб. 2011)[2].

---

[1] *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977. С. 165.

[2] См. также: *Городилова Л.М.* Словарь языка памятников приенисейской Сибири XVII в. // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты.

В центре нашего исследования проблема дифференциации общерусского и территориально ограниченного в семантике регионального слова, которая рассматривается на материале «Словаря русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» (далее — Сл. Заб.), ставшего заметным явлением в русской исторической лексикографии. Словарь создан на материале текстов делового языка XVIII в., относящихся к региону, письменные памятники которого не были известны лингвистам. Как отмечает И.А. Малышева, специфика местного узуса делового языка Сибири «связана, во-первых, с тем, что это язык территорий вторичного заселения, сохраняющий в основных своих чертах севернорусские особенности, во-вторых, на него оказывал значительное воздействие иной языковой материал — языки коренного местного населения»[3]. В то же время основу языка регионального делового текста составляет общерусский язык, свойственный языку центральных канцелярий. Все это обусловливает научную ценность Сл. Заб. и пристальное внимание к его принципам лексикографической разработки слов, их отбора, к способам и приемам толкования значений[4].

Ограниченность местных документных источников, их тематическая и жанровая обусловленность делают актуальной при составлении региональных исторических словарей проблему недостатка информативных контекстов и, в связи с этим, достоверности толкования лексического значения слова.

Лексикографы обычно прибегают к трем способам компенсации слабой доказательной силы контекстов: 1) дается ссылка на какой-либо иной источник (лексикографический труд, специальное научное исследование), содержащий обстоятельную характеристику семантики толкуемого слова, отсутствующую в иллюстративном материале; 2) используется общеродовая характеристика в толковании значения слова, если контекст не позволяет сделать достаточно полное и точное описание реалии; 3) после толкования ставится знак вопроса, если контекст иллюстрации позволяет гипотетически вывести те или иные свойства обозначаемого денотата, но другие источники их не подтверждают[5]. Еще одним способом решения проблемы называется использование текстологического толкования лексического значения слова, в частности, привлечение параллельных или вторичных деловых текстов, в которых дублируется содер-

---

Барнаул, 2001. Вып. III. [Электронный ресурс URL http://inion.ru/site/assets/files/1566 /iazykovoe_bytie_chelovek_i_etnosa_2001-3.pdf]. С. 36–61.

[3] *Малышева И.А.* Некоторые замечания к «Словарю русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» // Региональные варианты национального языка: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Улан-Удэ, 2013. С. 197.

[4] *Корнилаева И.А.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011 // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 311–316; *Малышева И.А.* Некоторые замечания к «Словарю русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье». С. 197–201; *Рут М.Э.* «Рассыпанная россыпь» о старом русском Забайкалье. Рецензия на книгу: Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 584 с. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология, 2013. Т. 12. № 9. С. 177–180.

[5] *Майоров А.П.* Введение // Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011. С. 9.

жание иллюстративной части с употребленным вместо толкуемого слова синонимом[6]. В качестве примера реализации подобного принципа в Сл. Заб. можно привести словарную статью, посвященную слову *неведомой* (*невѣдомой*). Одно из значений лексемы толкуется как ‘неподлежащий чьему-л. ведению; неподсудный’ и иллюстрируется предложением *Наместникъ иеромонах Антоний сюда не поехал и сказал что де он Нерчинской канцелярии неведом*, которое дополняется другим текстом и комментарием следующего типа: «<*Ср. описание этого же эпизода в другом документе дела:* но токмо онъ с нами не поехал и сказал что де онъ Нерчинской воевоцкой канцелярии неподсуденъ>» (Сл. Заб. 261). Актуальными в отдельных случаях оказываются и фоновые историко-культурные комментарии и этимологические справки (Сл. Заб. 10–11).

При толковании многозначного слова или слова, содержащего многозначные аффиксы, нам представляется продуктивным более широкое использование системных парадигматических, синтагматических и словообразовательных (синтагматико-парадигматических) отношений слова, подтверждающих или опровергающих достоверность толкования его семантики при недостаточности контекстов, обладающих, кстати, подчас бо́льшим информативным потенциалом, чем может показаться первоначально.

Так, знакомство с дефинициями отдельных слов и иллюстративным к ним материалом в Сл. Заб. позволяет говорить, что в отдельных случаях приводимые в качестве иллюстраций контексты в силу отраженных в них синтагматических связей толкуемых слов могут свидетельствовать об ином их значении.

Остановимся на лексикографическом описании прилагательного ***иссредней*** (*изсредней*), не отмеченного в СРЯ XVIII. В региональном словаре лексема толкуется и иллюстрируется следующим образом: ‘качеством выше среднего, обычного; лучший’. *Ср. лутчей* (в 1 знач.). *И отдать тебѣ из оных приемных лошадей .. пять лошадей выбрав гораздо изсреднихъ. Пять лошадей отданы которые выбраны по силе ордера гораздо изсредние* (Сл. Заб. 182). С нашей точки зрения, речь в тексте идет отнюдь не о качестве выше среднего, а о размере, причем среднем. Выдвинуть такое предположение позволяет ряд фактов.

Прилагательное *иссредний* образовано путем прибавления префикса *из-* к прилагательному *средний*. В региональном словаре зафиксировано еще одно прилагательное, образованное по той же словообразовательной модели: *излишной* ‘превышающий установленное количество; лишний’, имеющее в значении сему ‘выше меры’ (значение ‘сверх меры’ имеет и однокоренное предикативное наречие *излише*) (Сл. Заб. 173), что подтверждает, казалось бы, значение прилагательного *иссредней* ‘качеством выше среднего, обычного; лучший’. Однако *излишной* является синонимом прилагательному *лишной* (Сл. Заб. 173, 225), а для выражения значения ‘то, что превышает какую-л. норму, меру’ в региональном узусе используется также слово *лишек* (Сл. Заб. 225). Приведенные лексемы связаны с понятием превышения меры независимо от наличия или отсутствия в них префикса *из-*, который, будучи старославянским по происхождению, оказывается носителем модификационного словообразовательного значения, явля-

[6] *Майоров А.П.* Введение. С. 10.

ется своеобразным стилистическим маркером при семантическом тождестве производного и производящего слова. Подтверждают это и данные СРЯ XVIII, в котором зафиксированы прилагательные подобной морфемной структуры, вступающие в аналогичные системные отношения с бесприставочными синонимами: ***извольный*** ‘по своей воле, произвольный’ (СРЯ XVIII 9: 25) — *вольный* ‘совершаемый по своей, доброй воле, добровольный’ (СРЯ XVIII 4: 53); ***изначальный*** ‘исконно, издревле существующий’ (СРЯ XVIII 9: 47) — *начальный* ‘являющийся, служащий началом, находящийся в начале чего-л.’ (СРЯ XVIII 14: 101); ***изобильный*** ‘имеющийся в изобилии, в избытке; отличающийся изобилием’[7] (СРЯ XVIII 9: 52) — *обильный* ‘имеющийся в большом количестве, отличающийся обилием’ (СРЯ XVIII 15: 240); ***изустный*** ‘устный’ (СРЯ XVIII 9: 67). Данная структурная модель теряет продуктивность в русском языке XVIII в. В СлРЯ XI–XVII отыменных прилагательных с префиксом *из-* зафиксировано значительно больше: ***извѣчный*** ‘исконный, давний’ (СлРЯ XI–XVII 6: 119) — *вѣчный* ‘исконный, извечный’ (2-е знач.) (СлРЯ XI–XVII 2: 131); ***ный*** ‘добровольный, осуществляемый с готовностью’ (2-е знач.) (СлРЯ XI–XVII 6: 129) — *вольный* ‘добровольный, осуществляемый по собственному желанию’ (1-е знач.) (СлРЯ XI–XVII 3: 17); ***изгибѣльный*** ‘погибший, пропавший’ (СлРЯ XI–XVII 6: 134) — *гибѣльный* ‘прил. к *гибѣль* (в знач. 1)’ (СлРЯ XI–XVII 4: 19); ***изгодный*** ‘пригодный’ (СлРЯ XI–XVII 6: 138) — *годный*[2] ‘годный, нужный’ (1-е знач.) (СлРЯ XI–XVII 4: 57–58) и т. д.

Следовательно, дериват *иссредний* (*изсредней*) по логике должен вступать в синонимические отношения с бесприставочным прилагательным *средний* (*средней*). По данным Сл. Заб. эти отношения в региональном узусе обнаруживаются: словарь фиксирует слово *средней* ‘среднего размера’, причем с ссылкой на Сл. Перм. (Сл. Заб. 453). При таком раскладе прилагательное *изсредней* обозначает то же, что и *средней*, и *посредственный* в 1-м значении (Сл. Заб. 364). В связи с вышесказанным встречающееся в предлагаемых примерах наречие *гораздо* ‘очень, чрезвычайно, весьма’ (Сл. Заб. 103), усиливает именно это значение, хотя само толкование наречия, представленного в региолекте двумя словообразовательными вариантами — *гораздно* (*гаразно, горазно*) и *гораздо*[8], на наш взгляд, также требует некоторых уточнений. В частности, обращает на себя внимание контекстное окружение наречий в иллюстративном материале: они примыкают к словам разных частей речи, что свидетельствует об особенностях их употребления и разных оттенках значения: *Которое вино против пробы прежних вин и горазно не дошло. В случае за ними погони быть в своем числе всемерно не менше числа их воров но горазно б болше. Изыскат[ь] сколко их всех числом в каких мѣстах стойбище имѣют и как гораздно вооружены. — И тѣ бочки гораздо неполны. Взяв две гуранины поутру гораздо на розсвете продают оные* (Сл. Заб. 103). В СРЯ XVIII наречие *гораздо* маркируется как выходящее из употребления, у него выделяются два значения: 1) ‘основательно, как

[7] *Изобилие* ‘большое количество, множество чего-л.’ (СРЯ XVIII 9: 51).

[8] Словообразовательный вариант *гораздо* толкуется посредством отсылки к значению слова *гораздно*, как основного, наиболее употребительного (Сл. Заб. 103).

следует, достаточно' (*И когда неприятель гораздо удалился, тогда, опасаясь со всѣм флотом гнаться, ... поворотили назад*), здесь же оттенок значения 'очень, весьма' (<Стрешнев> *лукавой и злаго нраву, а ума гораздо средняго*) и 2) 'значительно, много', отмеченное пометой «при прилагательных и наречиях сравнительной степени» (*Сия земля* <Испания> *гораздо жарчае, нежели германиіа*). Кроме того, слово фиксируется в составе устойчивого сочетания *гораздо за* 'значительно превышая, много больше' при обозначении времени или возраста (СРЯ XVIII 5: 166). На наш взгляд, региональные контексты согласуются с данными выводами и дополняют их новым иллюстративным материалом: *вино гораздо* ('как следует, достаточно') *не дошло*; *не менше числа их воров но горазно* ('значительно') *б болше*; *бочки гораздо* ('очень') *неполны*.

Аналогичная картина складывается с глаголом *воровать*, который в Сл. Заб. определяется как 'насиловать' и ставится в синонимический ряд с глаголом *блудить* 'насиловать' (Сл. Заб. 78, 47). СРЯ XVIII данного значения у слова не фиксирует; отмечаются только два значения: первое, выходящее из употребления, — 'совершать преступные деяния, нарушать закон', и второе, представляющее результат семантической специализации первого и широко встречающееся в разных контекстах, — 'красть' (СРЯ XVIII 4: 70).

Следует сказать, что семантическая история слов с корнем *вор-* занимает особое место в истории русской лексики. Первая фиксация производных данного словообразовательного гнезда относится к 40–50-м годам XVI в. С момента вхождения в лексическую систему русского языка слова *вор*, *воровать*, *воровство*, *воровской* отличаются высокой частотностью. Так, картотека СОРЯ насчитывает более 300 фиксаций слова *вор*, употребляющегося в самых различных типах памятников[9]. Всем перечисленным словам на протяжении XVII в. были свойственны обобщенные, синкретичные значения, включающие в качестве основной сему 'преступление, противозаконное действие' (СлРЯ XI–XVII 3: 28–31; СОРЯ 3: 17–37). Конкретизация широкой семантики слов происходила в контекстах, свидетельствующих о многообразии семантических реализаций: *воровство* (СлРЯ XI–XVII 3: 31)[10]; *вор* (СлРЯ XI–XVII 3: 28)[11]; *воровать* (СлРЯ XI–XVII 3: 29–30; СОРЯ 3: 23–26). Обращают на себя внимание многочисленные устойчивые сочетания, включающие указанные слова как в общем, синкретичном значении: *воровское дело* 'преступление', *воровская статья* 'преступные действия', *воровские люди* 'нарушители закона', *воровством воровать*[12], *воровски воровать*[13], так и в широком, но не столь обобщенном значении, уточнение которого происходит за счет ближайшего лексическо-

---

[9] *Генералова Е.В.*, *Щекин А.С.* По следам вора // Русская историческая лексикология и лексикография / Под ред. О.А. Черепановой. СПб., 2008. Вып. 7. С. 187.

[10] *Полякова Е.Н.* Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. Пермь, 1979. С. 77; *Благова Н.Г.* Лексика и фразеология памятников русского права XVII века (На материале Уложения 1649 г.). СПб., 1998. С. 55.

[11] *Генералова Е.В.*, *Щекин А.С.* По следам вора. С. 188.

[12] *Воровством воровать* 'совершать какие-л. преступные, противозаконные действия' (СлРЯ XI–XVII 3: 30).

[13] *Генералова Е.В.*, *Щекин А.С.* По следам вора. С. 188.

го окружения: *воровские деньги* ‘поддельные, фальшивые деньги’, *воровская дорога* ‘тайная дорога’, *воровской табак* ‘запрещенный для привоза, контрабандный табак’, *воровские письма* ‘письменные обращения, призывающие к бунту, мятежу’*; блудное воровство* (СлРЯ XI–XVII 3: 30–31)[14], *блудно воровать* ‘прелюбодействовать’ (СОРЯ 3: 24). Диффузная семантика слов, свойственная лексической системе этого периода в целом, определяет мобильность лексем *воровать, воровство, воровской*, *воровски* и в рамках лексико-семантического поля «клевета»: они вступают в синонимические отношения с наименованиями частого в практике Московской Руси действия ложного обвинения[15].

Информация о семантических и функциональных особенностях слов с корнем *вор-* в русском языке XVII в. представляется полезной для определения значения слов данного словообразовательного гнезда в региональном деловом узусе XVIII в.

Если обратимся к зоне иллюстрации глагола *воровать* в Сл. Заб., то обнаружим в его ближайшем лексическом окружении наречия *блудно* и *насильно/насильством*: *И он Федор ее Олену насильно воровал блудно не по одно вре[мя]*. Ее *Окулину схватали и под себя валили и блудно вороват[ь] насильством хотѣли* (Сл. Заб. 78).

Идентичность контекстного окружения представляется не случайной. Слова *блудно*, *насильно*, *насильством*, не учитывающиеся в толковании семантики глагола, в словарях русского языка XI–XVII и XVIII в. связаны с понятием прелюбодеяния, изнасилования и насилия в целом: *блудно* — наречие от *блудный*, прилагательного к *блудъ* ‘распутство’ (СлРЯ XI–XVII 1: 145–146), ‘прелюбодеяние, распутство, незаконное сожительство’ (СРЯ XVIII 2: 69); *насильство* ‘изнасилование’ (СлРЯ XI–XVII 10: 248 (4-е значение); СРЯ XVIII 14: 45); *насильно* ‘сильно, жестоко’, ‘силой, насильно’ (СлРЯ XI–XVII 10: 247), ‘вопреки чьему-л. желанию; силою’ (СРЯ XVIII 14: 44). В СлРЯ XI–XVII отмечается устойчивое сочетание *блудное насильство* ‘изнасилование’ (СлРЯ XI–XVII 10: 248).

Заслуживает внимания и отмеченное региональными словарями устойчивое сочетание *блудное воровство* ‘супружеская неверность; измена, считавшаяся в XVIII в. преступлением’ (Сл. Заб. 78), ‘распутство, прелюбодеяние’ (Сл. Перм. 1: 40). В последнем словаре зафиксировано и устойчивое сочетание *блудно воровать* (Сл. Перм. 39). Среди иллюстраций противозаконных действий, которые именуются глаголом *воровать*, в СлРЯ XI–XVII отмечается контекст, содержащий сочетание *воровали сильно* ‘изнасиловали’: *Стрѣльцы Григорьевой сотни Черемисинова, зазвавъ къ себѣ во дворъ женку, да воровали сильно, да и убивъ до мертва, покинули на улицѣ* (СлРЯ XI–XVII 3: 29).

---

[14] Толкование устойчивого сочетания в словаре отсутствует, дается только иллюстрация: *Да онъ же, старецъ, у многихъ нашия братьи для блудного воровства дѣвицъ, у отцовъ отнявъ и растля блудомъ, выдаетъ замужъ насилствомъ* (СлРЯ XI–XVII 3: 31).

[15] *Генералова Е.В.* О специфике синонимических отношений в языке Московской Руси XVI–XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2016. № 3. С. 101–105.

Таким образом, опираясь на иллюстративный материал, в исследуемой региональной словарной статье в качестве определяемого следует выделить не слово *воровать*, а сочетание *воровать блудно*, которое в соответствии с правилами Сл. Заб. должно помещаться после заглавного слова и выделяться специальным знаком ◊[16]. Сложность в данном случае заключается в том, что в приведенных контекстах отражаются, по сути, два семантически связанных сочетания *воровать блудно* и *воровать насильно*/*насильством*, контаминация которых и актуализирует значение '*изнасиловать*'. В этом убеждают данные исторических словарей.

Дифференциация отдельного слова и слова в составе устойчивого сочетания — одна из сложных проблем исторической лексикографии, особенно при ограниченном количестве контекстов. Поэтому более пристальное внимание к синтагматическим связям слова, отмеченным другими историческими словарями, учет основных тенденций в семантической эволюции слова, обнаруженной в общей и региональной лексикографии и лексикологии, могут оказаться полезными. Так, сохранение лексемами *воровать*, *воровство*, *воровской* в XVIII в. широкой семантики, наряду с их специализацией ('красть', 'кража', 'относящийся к краже')[17], позволяет предположить, что в обобщенном значении анализируемые слова отличались устойчивой лексической сочетаемостью, необходимой для его конкретизации. Отсюда вытекает еще один вывод: соседство данных слов в иллюстративном материале должно учитываться при толковании семантики смежных лексем, ибо они могут образовывать с последними устойчивые сочетания. Например, у субстантива *пристань* Сл. Заб. отмечает два значения: 1) причаливание', 2) место, которое служит приютом или убежищем; пристанище' (Сл. Заб. 384). Второе значение иллюстрируется текстом: *Прежде воровства и злодеяния не видала .. и воровской пристани в доме не имела* (Сл. Заб. 384). СлРЯ XI–XVII также выделяет у слова два значения, однако второе определяется как 'пристанище, приют; притон' и иллюстрируется аналогичными

[16] Ср. аналогичные случаи фиксации слов только в устойчивом сочетании: *Брус ◊ печерной (печерской) брус* (Сл. Заб. 53); *Железо (желѣзо) 2. в слвсч. ◊ белое (бѣлое) жѣлезо* (Сл. Заб. 137); *Кафтан ◊ шубной кафтан* (Сл. Заб. 191) и др.

[17] Функционирование в региональной письменности XVIII в. исследуемых слов в узко специализированном значении также отличается рядом особенностей. Например, *воровство* входит в ряд синонимов *кража*, *покража*, *похищение*; причем употребляется прежде всего в суждениях общего характера, когда в фокусе внимания находится сам факт преступления, осуществленного против чужой собственности. Этим обусловлена еще одна особенность использования субстантива: в большинстве случаев *воровство* употребляется анафорически, т. е. не для прямого указания на ситуацию, а для отсылки к ситуации, уже упомянутой в предшествующем тексте. См.: *Русанова С.В.* Синтаксические связи как отражение семантической специализации слов (на материале наименований кражи имущества в забайкальской деловой письменности второй половины XVIII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 2: Филология. С. 99–104; *Русанова С.В.* Синтаксические связи и семантическое прошлое слова (на материале языка забайкальской деловой письменности XVIII в.) // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2010 г.). Труды и материалы. М, 2010. С. 86.

примерами: *А иные воры денежнымъ воромъ у себя по подворьямъ пристани чинили и воровския деньги у денежныхъ воровъ имали завѣдомо. И въ тѣхъ, государи, мѣстѣхъ былъ великой и глухой лѣсъ и въ томъ лѣсѣ воровские люди всегда пристань держали* (СлРЯ XI–XVII 20: 32). В САР[2] данного слова мы не обнаружили, но здесь зафиксированы слова *пристанодержатель* и *пристанодержательница* ‘кто дает прибежище, содержит заведомо подозрительных людей, как то: беглых, воров, разбойников и проч.’: *Пристанодержатели равному подлежатъ наказанію со злодѣями. Истребленіемъ пристанодержателей истребляются скрывающіеся злодѣи* (САР[2] V: 429). *Воровскую пристань* ‘притон’ фиксирует В.И. Даль (Даль III: 445).

Нам представляется, что и в восточносибирском (забайкальском) узусе была представлена *воровская пристань*, постоянное место пребывания преступных лиц; место, служащее для них приютом или убежищем. Говорить о *пристани* можно только как об эквиваленте составного наименования *воровская пристань*. Для доказательства более широкого значения региональной *пристани* обнаруженных контекстов недостаточно.

Понять, общеязыковое или территориально ограниченное значение имеет слово, встретившееся в исторической региональной письменности, подчас бывает сложно, особенно при недостатке контекстных употреблений. Рассмотренный материал свидетельствует, что определенную помощь способен оказать сопоставительный анализ лексикографического материала академических и региональных словарей, благодаря которому становится возможной актуализация прагматических и синтагматических отношений слова, выявляющая характер преобразований в его семантической структуре — общеязыковой или региональный.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Сл. Смол. — Региональный исторический словарь второй половины XVI—XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смол. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2000.

Сл. Сиб. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1991.

Сл. Перм. — Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / Сост. Е.Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.

Сл. Том. — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной и Л.А. Захаровой. Томск, 2002.

Сл. Нерч. — Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII – XVIII вв.) / Сост. Л.М. Любимова, Г.А. Христосенко. Чита, 2003. Т. 1 (А–З).

Сл. Заб. — Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.

СЛОВАРИ

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. Т. 3. М., 1999.

САР[2] — Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный: в 6-ти тт. СПб., 1806–1822.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–8. СПб., 2004–2019 (издание продолжается).
СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб., 1984–2019 (издание продолжается).

А.С. Котельникова

ЛЕКСИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ (1789–1794)

XVIII век является одним из важных этапов формирования русского языка. В этот период активного развития и преобразования языка был создан Словарь Академии Российской (1789–1794 гг.), призванный отразить все богатство «славяно-российского» языка, классифицировать и нормировать языковой материал.

В русской исторической лексикографии Словарю Академии Российской (далее — САР[1]) уделяется особое внимание. Большая работа по изучению лексического состава Словаря была предпринята при подготовке «Словаря русского языка XVIII века»: анализировались разговорная, специальная и региональная лексика, особенности отражения славянизмов, диалектизмов и заимствований в САР[1], фразеология и словообразование, принципы описания семантики и др.[1]

Толкуемая лексика, включенная в САР[1], не показывает всего объема словарного состава русского языка XVIII века. Границы словника были четко определены в Начертании: предполагалось исключить не только устаревшие слова, имена собственные и ненормативную лексику, но и «слова и речения наук и художеств, которые не входят в общее употребление» (САР[1] I: с. IX), а также заимствованные слова. Одновременно с этим, в словник вошли «област-

[1] Например, *Кутина Л.Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 70–90; *Биржакова Е.Э.* Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.-Л. 1965. С. 251–270; *Замкова В.В.* Специальная лексика в Словаре Академии Российской (лексика ремесел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С 90–101; *Сорокин Ю.С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.-Л. 1949. С. 95–160; *Захарова Е.А., Петрова З.М.* Церковнославянская лексика в «Словаре Академии Российской» (1784–1794 гг.) и в «Словаре русского языка XVIII века» // Словарь Академии Российской. 1789–1794. М., 2002. Т. III. С. 20–28; *Мальцева И.М.* Локализмы в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 102–117.

ные слова, которые ясностью, силой и краткостью могут послужить замене слов иностранных» (САР[1] I: с. IX).

В предисловии к САР[1] указано, что словник состоит из 43 257 слов. Однако Е.Э. Биржакова отмечает, что эта цифра достаточно условна: «Контрольный подсчет по приложенным к каждому тому САР[1] алфавитным спискам … дал цифру 44 952 слова»[2]. Примерное общее число слов, по предположению исследовательницы, составляет не менее 55 000 единиц[3].

Но при всем внимании к лексическому составу САР[1], на наш взгляд, он недостаточно рассматривался как большой текст, который может быть важным и интересным источником для изучения русского языка XVIII века. Так, Л.Л. Кутина отмечала: «Словари как лингвистический источник отражают реальную языковую действительность своего исторического времени и свидетельствуют о языке эпохи»[4].

Толкующая (содержательная) часть Словаря значительно шире по своему составу, чем его реестровая часть, и она может стать интересным материалом для изучения лексики XVIII в. В частности, толкующая часть нередко включает в себя большее число лексем какого-либо словообразовательного типа или относящихся к определенной тематической группе, чем это представлено в части реестровой. Например, в работе И.Э. Еселевич «Собирательные существительные типа каменье и историческая лексикография» было выявлено, что словник САР[1] содержит только семь собирательных существительных (вишенье, лоскутье, оружье, садовье, тряпье, хврастие, хлопье), но в толкованиях подобные слова встречаются достаточно часто: «Они отмечены в словарных статьях, посвященных конкретным существительным (колъ, кола … собир. колье, т. III, 745), используются в речениях-примерах (черенъ … Черенье у ножей, т. VI, 699), употребляются при объяснении значений слов (загребаю … говоря о перегоревшем уголье: к стороне или в горнушку придвигаю кочергой, т. II, 329), наконец — и это особенно часто — указывается как одна из форм множ. числа конкретного существительного (камень, во множ. каменье и камни, т. III, 410)»[5].

Это же можно отметить для лексики самых разных тематических и словообразовательных групп, в том числе — лексики цветообозначений. При толковании имен, называющих предметы реального мира (животных, птиц, рыб, растений, минералов и под.) используется большое количество различных цветоименований. Часто встречаются именования, обозначающие сложные цвета или смешанные оттенки цвета для более точного описания, необходимого для идентификации и классификации того или иного природного объекта: это стало очень значимым благодаря развитию естественных наук (биологии, ботаники,

---

[2] *Биржакова Е.Э.* Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. С. 125–126.

[3] Там же. С. 126

[4] *Кутина Л.Л.* Словарь Академии Российской // Русский язык за рубежом. 1974, № 4. С. 70.

[5] *Еселевич И.Э.* Собирательные существительные типа *каменье* и историческая лексикография // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов. М., 1984. С. 127.

минералогии, химии, физики). Однако несмотря на активное использование такой лексики в толкующей части далеко не все цветоименования были включены в словник САР[1].

Цветообозначения, отмечаемые в САР[1], можно разделить на 3 группы на основании включения их в реестровый список, в «словопроизводное» гнездо или употребления в толкующей части Словаря.

1. Цветообозначения, выступающие в качестве «первообразного» слова, вершины словообразовательного гнезда

К этой группе относятся основные цветоименования: *алый, белый, голубой, желтый, зеленый, красный, серый, синий, черный*. Эти слова включены в общий словник Словаря и сопровождаются толкованием: Алый ... Отъ Турецкаго АлЪ произходящее название свѣтлокраснаго, или ярко-краснаго цвѣта (САР[1] I: 26); Желтый ... Означающее цвѣтъ яркой, которой по бѣломъ цвѣтѣ болѣе прочихъ отражаетъ свѣта, и которой отъ пропущения луча чрезъ раиокъ занимаетъ мѣсто между оранжевымъ и зеленымъ цвѣтами (САР[1] II: 1094–1095); Синий ... имѣюший цвѣтъ темнѣе голубаго (САР[1] V: 451); Сизый ... Имѣющий цвѣтъ черноватый съ синеватымъ отливомъ (САР[1] V: 440). Словарные статьи достаточно подробно описывают данные цвета.

Базовые цветообозначения, несмотря на их распространенность, частотность в употреблении и ясность, могут стать интересным материалом для исследования, в частности, для анализа соотношения слов, обозначающих близкие цвета или оттенки какого-либо базового цвета. Например, опираясь на историю красителя червец (кошениль) и употребление прилагательного *червленый* в письменных источниках, Н.Б. Бахилина предполагает, что *червленый* обозначало один из оттенков красного цвета, тот, который данный краситель придавал тканям: «краситель окрашивал ткани в красный с синеватым оттенком цвет»[6]. Исследовательница предполагает, что цветоименование *червленый* было вытеснено более распространенным прилагательным *красный* и «ограничено какими-то памятниками, жанрами»[7]. Однако составители САР[1] воспринимали данное слово иначе. Включение его в реестровую часть Словаря указывает на то, что составители осознавали его как общеупотребительное слово, а описание *червленого* указывает на осмысление этого оттенка как темно-красного, с добавлением черного, а не синего цвета: Червленый ... Багрянный, имѣющий цвѣтъ темнокрасный, красный съ чернью (САР[1] VI: 694).

Общеупотребительные цветоименования могут образовывать разветвленные словообразовательные гнезда, различные по количеству лексем. Так, в гнездо словарной статьи слова *белый* включено 66 словарных единиц, из которых 2 обозначают оттенки данного цвета: *белесоватый, беловатый* (САР[1] I: 440, 442); *красный* — включено 126 лексических единиц, из которых 4 обозначают оттенки данного цвета: *красненький, красноватый, красновато, краснехонекъ*; *черный* — 78, из которых 6 обозначают оттенки данного цвета: *чер-*

[6] *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975 С. 143.
[7] Там же. С. 149

ненький, чернехонекъ, черноватый, вычерненный, зачерненный, подчерненный (САР[1] VI: 706–712); *зеленый* — 22, из которых 4 обозначают оттенки данного цвета: *зеленоватый, зеленовидный, свѣтлозеленый, темнозеленый* (САР[1] III: 49–51).

2. Цветообозначения, включенные в словообразовательное гнездо

2.1. Большинство лексем этой группы составляют названия, обозначающие оттенки цвета. Как правило, такие именования подобны по своей словообразовательной структуре. Л.Л. Кутина отмечала, что составители Словаря обратили внимание на регулярную повторяемость сематических зависимостей в границах определенных лексических групп: «Типовые, обобщенно-грамматические определения получили в САР … разряды производных слов, характеризующиеся устойчивыми семантическими отношениями производящей основы и аффикса»[8]. Подобная зависимость выявляется и для рассматриваемой группы цветообозначений. В основном, это именования, обозначающие степень насыщенности оттенка цвета и образованные присоединением суффиксов или приставок к корням тех цветообозначений, которые являются вершиной словопроизводного гнезда.

Словарь, как правило, показывает следующие модели образования подобных слов:

а) Прилагательные с суффиксом *-оват* со значением ‘имеющий бледный оттенок соответствующего цвета’ — *беловатый*, *желтоватый*, *красноватый*, *сероватый*, *черноватый* и т. д.: Аловатый ... Къ алому цвѣту близкий, нѣсколько алый, блѣдноалый (САР[1] I: 26); Бѣловатый ... Къ бѣлому цвѣту подхожий; нѣсколько бѣлый (САР[1] I: 442); Голубоватый ... Нѣсколько, частию голубый (САР[1] II: 188–189); Желтоватый ... Нѣсколько желтъ, нѣкоторую желтизну имѣющий (САР[1] II: 1095); Зеленоватый ... Нѣсколько зеленъ, въ прозеленъ (САР[1] III: 49); Красноватый ... Нѣсколько немного красный, блѣднокрасный, аловатый (САР[1] III: 906); Синеватый ... Нѣсколько синий (САР[1] V: 451); Сѣроватый ... Нѣсколько сѣрый’ (САР[1] V: 1065) и др.

Как видно из примеров, составители Словаря придерживались одной модели толкования, в некоторых толкованиях дополнительно приводится ряд синонимов.

б) Прилагательные с суффиксом *-охонек* (*-ехонек*) со значением ‘насыщенный оттенок соответствующего цвета’ — *краснехонек*, *желтехонек*, *белехонек* и т. д.: Желтехонекъ ... Нарочито желтъ (САР[1] II: 1095); Чернехонекъ ... Очень черенъ (САР[1] VI: 706); Краснехонекъ ... Очень красенъ, густокрасный (САР[1] III: 906); Рыжехонекъ ... Совершенно рыжъ (САР[1] V: 235) и др.

Эта модель менее частотна, чем предыдущая, менее продуктивна и представлена в Словаре небольшим количеством примеров.

---

[8] *Кутина Л.Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.). С. 84.

в) Наречия с приставкой *из-*, имеющие значение ‘с оттенком соответствующего цвета’: Иззелена ... То, что имѣетъ примѣсь зелености (САР[1] III: 50); Изъ сера ... Несколько сѣро (САР[1] V: 451).

Значительно чаще подобные именования (*изъ бела*, *изъ желта*, *изъ красна*, *изъ черна* и под.) встречаются в толкующей части в составе сложных прилагательных[9]: Земляника ... Плодъ составляютъ ягоды сочныя, **изъ бѣла алыя** (САР[1] III: 60–61); Потатуйка ... Птица ... съ верху покрытая перьями изпещренными черноватыми, **изъ бѣла-рыжеватыми** полосами, съ изподи бѣлорыжеватыми (САР[1] IV: 1014); Ветла ... Дерево, обыкновенно на влажныхъ мѣстахъ по бѣрегамъ рекъ растущее ... Кора на сучьяхъ **изъ желта красноватая** (САР[1] I: 1055); Теревинфъ, ... Дерево высокорослое ... коры лучшей терпентинъ, которой полупрозраченъ, вязокъ, тянется нитьми, цвѣтомъ изъ желта бурой (САР[1] VI: 99); Жуланъ ... Птичка хищная, величиною съ снигиря ... спина кирпичнаго цвѣта; исподъ начиная отъ глотки до конца зоба такъ же и бока **изъ красна бѣлесоваты** (САР[1] II: 1196); Гоголь ... Утка, имѣющая большую голову, на коей перья, на подобие хохла, пыщутся цвѣтомъ **изъ черна фиолетовыя** (САР[1] II: 163). Несмотря на частотность подобных образований большинство из них, как уже сказано, не включены в словообразовательные гнезда соответствующих первообразных слов, таких как *белый*, *желтый, красный, черный* и др.

2.2. Значительное расширение круга цветообозначений в русском языке обусловлено не только увеличением количества дериватов на базе основных цветоименований, но и активным процессом развития значения цвета у прилагательных, образованных от названий предметов, чей цвет дополнял существующую цветовую гамму или восполнял лакуны в обозначении цветов: *брусника — брусничный цвет*, *вишня — вишневый цвет, железо — железный цвет*, *корица — коричневый цвет, кирпич — кирпичный цвет, молоко — молочный цвет*, *мясо — мясной цвет* и др.

Подобные обозначения цвета были объектом исследования. Так, историю прилагательного *коричневый* рассматривает Н.Б. Бахилина, отмечая, что оно появилось в русском языке в XVII веке[10] и употреблялось только для описания тканей и одежды, к концу XVIII – началу XIX века слова *коричный* (*коричневый*) «были сравнительно мало употребительным и использовались ограниченно»[11]. О цветоименовании *вишневый* Н.Б. Бахилина пишет, что оно было «довольно употребительное в деловых памятниках … появляется сравнительно ра-

---

[9] Как показывает обширный материал Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» (далее — КС XVIII) и СРЯ XVIII, данная модель была достаточно активна: *избѣла*, *из бура, из голуба*, *изжелта*, *иззелена*, *изрыжа, из сѣра, из черна* ... (СРЯ XVIII 9: 9, 12, 29, 35, 36, 64, 144, 170), но чаще данные наречия представлены именно в составе сложных цветоименований: *из бѣла голубой, избѣла-желтый, из бура темножелтый, из желта зеленый, из желта смуглый, из зелена желт, из зелена сини, из рыжа-желтоватый, из красна-голубой, искраснасѣрой, изсѣра-черноватый, из сѣра желтый, изчернакрасноват* и др. (СРЯ XVIII 9: 9, 12, 35, 36, 64, 119).

[10] СлРЯ XI–XVII показывает употребление прилагательного *коричневый* как обозначение цвета уже в XVI в. (СлРЯ XI–XVII 7: 135).

[11] *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975. С. 229

но, по крайней мере с конца XIV в.»[12], далее исследовательница отмечает, что «в XVIII в. прилагательное *вишневый* использовалось для названия смешанного красно-синего цвета в специальной литературе»[13]. Л.М. Грановская включает *коричневый* и *вишневый* в ряд старых цветообозначений, которые в XVIII веке «расширяют круг сочетаний, в который могут вступать, получая при этом более широкое и отвлеченное значение»[14].

В САР[1] подобные слова со значением цвета включаются в словообразовательное гнездо лексемы, ставшей основой для нового цветоименования. Толкования этих слов строятся по модели «цветом похожий на...» или представляют собой ряд синонимов. Например, Вишневый ... Цвѣтомъ похожий на вишню ягоду (САР[1] I: 721); Глинистый ... На глину цветом похожий (САР[1] II: 84); Каштановый ... цвѣтомъ похожий на каштаны (САР[1] III: 487); Коришневый ... Цвѣтомъ похожий на корицу (САР[1] III: 821); *Мясной* ... Цвѣтъ густой, красный (САР[1] IV: 453).

В XVIII веке возникают новые возможности для расширения палитры таких цветов, для которых в русском языке не было собственных средств обозначения. Это во многом было связано с изменением русского быта: появление новых предметов (экзотические фрукты, новые растения, продукты и напитки и под.), развитие моды и др. Наряду с существующими подобными обозначениями цвета (*бирюзовый, брусничный, земляной, молочный* и др.) возникают новые цветоименования: *абрикосовый*, *кофейный, оранжевый, померанцевый, фиолетовый* и др. Так, в начале века в русский язык входит слово *абрикос* (ранняя фиксация — 1717 г.), и только с конца века отмечается прилагательное *абрикосовый* в значении ‘цвета абрикоса’ (СРЯ XVIII 1: 10); с 1715 г. в русских текстах отмечается слово *оранж* ‘апельсиновое дерево’, не закрепившееся в русском языке, но с середины столетия входит в русский язык слово *оранжевый* ‘желто-красноватый, цвета апельсина’ (СРЯ XVIII 17: 64).

В эту группу цветоименований входит и прилагательное *фиолетовый*. Согласно исследованиям Н.Б. Бахилиной, *фиолетовый* появляется в русском языке не ранее второй половины XVIII века как заимствование из французского языка (violet), возможно, через посредство немецкого и польского[15]. По материалам КС XVIII, ранний пример слова *фиолетовый* (цвет) отмечается в «Примечаниях к Ведомостям» 1732 года в описании иллюминации. В САР[1] слово *фиолетовый* включено в гнездо слова *Фиалка* и определяется по общей модели — ‘цветом на фиалку похожий’: Фиолетовое сукно. Фиолетовой атласъ (САР[1] VI: 491)[16]. Встречается оно и в толкованиях: Багор ... Цвѣтъ червленый; густокрасный съ примѣсью фиолетоваго (САР[1] I: 77).

---

[12] *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. С. 247

[13] Там же. С. 248

[14] *Грановская Л.М.* О некоторых процессах в группе имен прилагательных, обозначающих цвет в русском языке XVIII–XIX вв. // Уч. зап. Азербайжданского пед. ин-та им. М.Ф. Ахундова. Серия XII. Язык и литература. № 1. 1964. С. 105.

[15] *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. С. 247.

[16] КС XVIII содержит и прилагательное *фиолетный* (вариант *виолетный*), представленное двумя карточками-цитатами: *Объявление цвѣтов. Пурпуровои. Фиолетныи.* Алярд 8

В единичных случаях значение цвета у прилагательного не указывается в словарной статье, но выявляется только в приводимом речении. Так, *шафранный*, включенное в словарную статью слова *Шафран*, толкуется как *Шафранный* ... ‘принадлежащий, свойственный шафрану; также на шафран похожий’, и одно из приводимых речений-иллюстраций говорит об обозначении цвета: *Шафранной цвѣтъ* (САР[1] VI: 862). *Шафранный цвет* появляется и в толкующей части: Гуммигутъ ... Смолистая камедь, привозимая въ большихъ кускахъ; блестящая, **изъ желта шафраннаго** цвѣта (САР[1] II: 432).

3. Обозначения цветов и оттенков, употребляющиеся только в толкующей части

Наибольшее количество слов-цветоименований обнаруживается в толкованиях-описаниях. Например, в словник САР[1] не включены такие прилагательные со значением цвета, как *медной, свинцовой, серебристый*. Л.М. Грановская отмечает, что в XVIII–XIX вв. «активизируются новые группы окачествленных прилагательных, обозначающих цвет по окраске недрагоценных металлов, их сплавов, различных химических соединений, т. е. тех наименований, которые могли появиться только с развитием технической мысли (например, *стальной, железный, ... металловый, латунный, медный, свинцовый, шиферный* и др.)»[17], подчеркивая, что «большое число окачествленных и заимствованных прилагательных, пополнивших цветовую номенклатуру во второй половине XVIII – нач. XIX в., было ограничено употреблением в определенной профессиональной сфере»[18]. Преимущественное употребление этих слов в научной или производственной сфере ограничивало включение подобных слов в САР[1], поскольку составители предполагали не включать в реестровую часть Словаря «слова и речения Наукъ и Художествъ, которыя не входятъ въ общее употребление, но единственно ученымъ и художникамъ извѣстны» (САР[1] I: с. IX). Однако прилагательные *медный*, *свинцовый*, *серебристый*, *топазовый*, зародившиеся в профессиональной сфере, тем не менее проникают в толкующую часть САР[1]: Вахня ... Родъ трески рыбы длиною до полуаршина, окладомъ кругловатой съ тремя перьями на спинѣ. Цвѣтъ на ней въ то время, какъ изъ воды вынимается, **мѣдной**, а послѣ того весьма скоро въ блѣдной перемѣняется (САР[1] I: 513); Горлица ... Родъ дикихъ голубей ... зобъ мяснаго цвѣта … носъ **свинцоваго** цвѣта (САР[1] II: 250); Жаворонокъ степной ... Клювъ у него **свинцоваго** цвѣта (САР[1] II: 1032); Галианъ ... Маленькая рыбка ... чешуя почти непримѣтная **се-**

(1709 г.); *Смотри в вечерни облачка! — Колико разных там цвѣтов, Злато-румяных, — рудожелтых, — Багровых, сизых, фиолетных.* Бобр. Херс. 231 (1804 г.). Слово имеет и словарную фиксацию: — ЛЦ 378 (1746 г.). В статье используются сокращения источников, принятые в «Словаре русского языка XVIII века». См.: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–141; списки дополнительных источников см. в нечетных выпусках Словаря; см. также на сайте ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html.

[17] *Грановская Л.М.* Цветообозначения в истории русской лексики // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 86

[18] Там же. С. 88

ребристаго цвѣта (САР[1] II: 18); Елецъ ... Рыба чешуйчатая ... бока по выше боковой черты зеленоватые, ниже оныя **серебристаго** цвѣта въ прозелень (САР[1] II: 952); Жаръ птица ... Водится въ степяхъ Восточной Индии ... Радужныя въ глазахъ перепонки прекраснаго **топазоваго** цвѣта (САР[1] II: 1047–1048).

Большинство обозначений цвета, не получивших толкования в САР[1], представляют собой композиты разной структуры. Подобные цветоименования преимущественно обозначают сложные оттенки одного или нескольких цветов. Цветообозначения-композиты могут обозначать насыщенность оттенков одного цвета, в этом случае к корню с цветовым компонентом присоединяется часть *бледно- темно-* или *густо-*. Подобные образования наиболее частотны:

Ветрошейка ... Птичка, величиною почти съ жаворонка ... Клювъ **блѣдно-свинцоваго** цвѣта (САР[1] I: 639); Головки пѣтушьи ... Трава однолѣтная ... цвѣтки около коленцовъ колечкомъ разположенные, сидячие, **блѣдно-алые** (САР[1] II: 184); Голубичникъ ... Кустикъ вышиною около аршина, имѣющий кору изъ сѣра красную ... цвѣтки небольшие **блѣдноалые** (САР[1] II: 188); Поползень ... Птичка величиною съ жаворонка, съ верху покрытая сѣрыми, съ низу же **блѣднорыжими** перьями (САР[1] IV: 995);

Выхухоль ... Животное, водящееся въ умѣренной полосѣ России ... шерсть на немъ весьма мягкая, густая, на спинѣ **темно-бурая**, а на брюхѣ изъ сѣра бѣлесоватая (САР[1] I: 961); Галка ... Птица поменьше вороны ... грудь и брюхо **темнопепловаго** цвѣта (САР[1] II: 18); Авдотька ... имя птицы ... исподъ шеи и грудь покрыты продолговатыми **темнобурыми** чертами (САР[1] I: 5); Заманиха ... листки ... къ основанию суженые, **темнозеленые** ... ягоды продолговатыя, сочныя, **темнокрасныя** (САР[1] III: 16); Каравайка ... приморская птица, имеющая клювъ длинной … нѣсколько нагнутой, темноцвѣтной ... покрытая перьями **темно-зелеными** ... глотка и шея **темно-каштановыя** (САР[1] III: 439).

Зимородокъ ... Птица ... папорошки покрыты **густолазоревыми** перьями (САР[1] III: 74); Тернъ ... дерево кустарное ... плодъ составляютъ ягоды на вишню похожия, но цвѣтомъ **густосиния** (САР[1] VI: 101); Щеголъ ... пташка ... голова около носа **густокрасная** (САР[1] VI: 944); Чахотная трава ... трава, возраждающаяся ежегодно ... листья съ обѣихъ сторонъ гладкия, **густозеленныя** (САР[1] VI: 679–680).

Структура прилагательного, обозначающего основной цвет, может быть разной: или представлять собой композит, обозначающий особый оттенок основного цвета, или обозначать оттенок цвета с помощью суффикса, например, Выпь ... Птица къ роду цаплей принадлежащая ... перья съ верху рыжеватыя, съ низу **блѣднорудожелтыя** (САР[1] I: 946); Почечуйникъ ... Травка однолѣтная имѣющая ... стебелекъ прямоватой ... гладкой, коленчатой; коленца круглыя, изпещренныя крапинками **темно-красноватыми** (САР[1] IV: 1019).

В других случаях сложные прилагательные называют смешанные оттенки, являющиеся переходными между несколькими цветами. Подобные слова объединяют в себе два или более корней с цветовыми компонентами.

Сложения, обозначающие смешанные оттенки в толкующей части САР[1] встречаются реже, чем сложные обозначения насыщенности цвета, но все же достаточно частотны: Волкъ ... Звѣрь лютый, хищный, плотоядный ... шерстью

сѣрожелтоватый съ чернью (САР[1] I: 811); Вороней глазъ ... Трава въ рощахъ растущая ... ягода **сизочерная** величиною съ горошину (САР[1] I: 853–854); Мѣдь ... Металлъ красноватаго или **красножелтаго** цвѣта (САР[1] IV: 381); Соколъ ... Хищная ловчая птица ... стволъ у шейныхъ и грудныхъ перьевъ **чернобурой**, спина **сѣробурая** (САР[1] V: 635); Хрисолифъ ... Драгоцѣнный камень кварцоватой породы, цвѣтомъ **желтозеленый** (САР[1] VI: 592); Вириллъ ... Кристаллъ, цвѣтомъ **зеленоголубоватый**, или подобный водѣ морской (САР[1] I: 713).

Как известно, составители САР[1] в соответствии с решением отказаться от заимствованных слов очень ограниченно вводят их в Словарь. Однако заимствованная лексика, не находя фиксации в реестровой части, может проникать в текст толкования. Примером могут служить слова *пурпурный* и *пурпуровый*[19]. По данным словаря Фасмера, слово *пурпур* было заимствовано из нем. Purpur (Фасмер III: 409), образованные от него цветоименования *пурпурный* и *пурпуровый* регистрируются в XVIII веке.

В КС XVIII отмечается два прилагательных, образованных от слова пурпур — *пурпурный* и *пурпуровый*. Слово *пурпурный* представлено небольшим количеством материала: пять карточек-цитат из текстов конца века («Херсонида» С. Боброва, «Водопад» Г. Державина, «Песнь историческая» А. Радищева). Более употребительным было слово *пурпуровый* (варианты *пурпуровой, порпуровый*): более 50 карточек-цитат, наиболее раннее употребление относится к 1709 году: *Объявление цвѣтовъ. Пурпуровой. Фиолетный*. Алярд 8[20].

В САР[1] *пурпуровый* используется в толкующей части многих словарных статей: *Багряница* — Торжественная **пурпуроваго** или червленнаго цвѣта верхняя одежда владѣтельствующихъ особъ, которая обыкновеннѣе называется Греческимъ словомъ порфира (САР[1] I: 78); *Гранат* — Плодъ, называемый иначе гранатное яблоко, круглой, различной величины, иногда съ кулакъ ... около пупка коего бываетъ пять бугорковъ подъ кожею крѣпкою, морщеватою, съ верху **пурпуровою**, съ низу желтою (САР[1] II: 319); *Душица* — Трава ежегодно отъ корня возрастающая ... цвѣтки по верхушкамъ вѣтвей сидятъ ... остроконечныя, плоския, **пурпуроваго** цвѣта [САР[1] II: 844–845], *Ехидна* — Ядовитая змѣя ... брюхо **пурпуровое** съ черною при концѣ каждой чешуи точкою (САР[1] II: 1026).

Прилагательное *пурпуровый* может выступать как синоним *червленый*, например, при толковании слов с корнем *багр-*: Багровый ... Имѣющий цвѣтъ

---

[19] Ранняя словарная фиксация слова *пурпуровый* отмечается в ВЛ (1731 г.): красныи, пурпуровыи, порфирескии мармор (ВЛ 403); пурпуровыи цвѣт (ВЛ 519).

[20] В КС XVIII обнаруживаются слова-композиты, называющие сложные оттенки: *Иволга. Птица красивая, имѣющая золотожелтыя перья, съ черными концами крылъ, а носъ* ***пурпуроворозовой****. Она кричитъ весьма сходно на кошку. Ростомъ будетъ она не много больше дрозда. Самка сего роду не желта, а зеленовата*. Сл. нат. ист. I 184; *Водвартъ пишетъ, что Гиацинтъ бываетъ воды желтокрасноватой, уподобляющейся пламеню, или янтарю очень темному. Ювелиры полагаютъ, оныхъ два рода, одинъ блѣдной, а другой по темнѣе, которой у нихъ называется красивымъ; въ самомъ же дѣлѣ есть онъ карбункулъ древнихъ, по тому что ихъ Гиацинтъ былъ совсѣмъ отличенъ отъ нашего и цвѣту* ***пурпуро-во-синеватого***. Сл. комм. II 51.

червленый, пурпуровый, густокрасный (САР[1] I: 77); Багряница ... Торжественная пурпуроваго или червленаго цвѣта верхняя одежда (САР[1] I: 78); Багряный ... Червленный, пурпуровый (САР[1] I: 78).

Таким образом, цветообозначения в САР[1] представлены очень широко и разнообразно, однако показаны они по-разному: могут включаться в реестровый состав; могут описываться в составе словарной статьи слова, обозначающего основной цвет, или словарной статьи слова-эталона; могут употребляться только в тексте толкования. Последнее подтверждает, что САР[1] может исследоваться не только как собственно лексикографический труд, но и как обширный текст, содержащий большой пласт лексики, не отраженной в реестровой части Словаря.

Если основные слова-цветоименования даны в отдельной словарной статье и образуют собственное гнездо, то новые цветообозначения, чья внутренняя связь с производным словом еще осознается составителями как носителями языка, остаются внутри гнезда. В гнезде же показываются и суффиксальные образования, обозначающие разную степень насыщенности цвета. Образования-композиты, новые цветообозначения, возникшие на базе заимствований, употребляются преимущественно в толкующей части Словаря как средства описания того или иного предмета.

Общий обзор лексики цветообозначения, зафиксированной во всем тексте САР[1], показывает значительный объем и разнообразие этой лексической группы и с точки зрения ее состава, и с точки зрения активности и продуктивности различных словообразовательных моделей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЛОВАРИ И КАРТОТЕКИ

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

САР[1] — Словарь Академии Российской: в 6 тт. СПб., 1789–1794.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. СПб., 1784–2019 (издание продолжается).

Е.Е. Иванов

О СЛОВАРЕ КРЫЛАТЫХ БИБЛЕЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (с историко-этимологическими комментариями и соответствиями в современном русском языке)[1]

Крылатые выражения традиционно определяются как распространенные в речи разнообразные по значению устойчивые единицыс синтаксической структурой словосочетания (или сочетания слов), которые характеризуются наличием автора или текстового источника. Крылатые выражения как один из семиотических классов крылатых единиц можно противопоставить крылатым фразам и афоризмам, которые синтаксически организованы как предложения[2]. Ассоциация с индивидуально-авторским происхождением или литературным контекстом с течением времени может исчезнуть в сознании носителей языка, и тогда крылатые выражения начинают восприниматься и употребляться как фразеологизмы.

---

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ — научный проект № Г18Р-301«Воздействие языкового наследия Библии на фразеологические подсистемы русского и белорусского языков (историко-этимологический, структурный, функциональный, сопоставительный аспекты)» (руководитель Е.Е. Иванов) совместно с РФФИ— научный проект № 18-512-00005 Бел_а (руководитель В.М. Мокиенко).

[2]Положение о разграничении устойчивых единиц языка (в том числе и крылатых) на фразеологические и афористические было высказано, как известно, еще в начале 1970-х гг. В.Г. Костомаровым и Е.М. Верещагиным в рамках лингвострановедческого описания русского языка и обосновано в их известной работе «Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» (1990). Почти сразу же это положение получило обоснование в терминах теоретической лингвистики, см.: *Иванов Е.Е.* Афоризм как единица языка (к истории и теории понятия) // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: в 2-х тт. / Отв. ред. И.М. Кобозева. М., 1995. Т. 1. С. 192–193. Подробнее см.: *Іваноў Я.Я.* Афарыстычнае выказванне як моўная мадэль крылатых слоў // Філологічні студії: науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету. 2017. Вип. 16. С. 114–121; *Ivanov E.* Aphorism as a Unit of Language and Speech // EUROPHRAS 2016: Word Combinations in the Linguistic System and Language Use: Theoretical, Methodological and Integrated Approaches, Trier, August 1–3, 2016: Abstracts. Trier, 2016. S. 42.

Крылатые выражения являются существенной частью фразеологического фонда любого литературного языка и подразделяются на различные по объему и составу группы в зависимости от типа текстового источника своего происхождения. В современной лексикографической практике крылатые выражения не выделяются в отдельный объект, а включаются в словари крылатых единиц наравне с крылатыми фразами и афоризмами, в том числе восходящих к какому-либо одному типу текстовых источников. Создание словаря крылатых библейских выражений представляет собой первую в восточнославянской лингвистической лексикографии попытку словарного описания только одного семиотического класса крылатых единиц, которые восходят только к одному типу текстовых источников.

Крылатые выражения в белорусском языке и их лексикографическое описание

В современном белорусском литературном языке крылатые выражения составляют значительный пласт единиц как из собственно белорусских, так и иноязычных текстовых источников[3]. Наиболее продуктивными источниками крылатых выраженийв белорусском языке, как и в других языках, являются литературные (художественные и публицистические) произведения, однако не менее значимы фольклорные тексты[4], а также конфессиональный дискурс, прежде всего, Библия[5].

---

[3] См.: *Венідзіктаў С.В.* Іншамоўныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове // Studiasławistyczne. 2003. Т. 4. S. 121–130; *Венідзіктаў С.В., Іваноў Я.Я.* Рускамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай мове // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich. Białystok, 2002.T. VIII: Z języka i kultury pogranicza / red. nauk. J.F. Nosowicz, K. Budrowska. S. 210–217; *Цеплякова А.Д.* Англамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) // Веснік МДПІ імя І.П. Шамякіна. 2009. № 2 (23). С. 162–166; *Цеплякова А.Д.* Нямецкамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. 2009. № 1 (32). С. 137–143; *Цеплякова А.Д.* Франкамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) // Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя філалагічных навук. 2009. № 2 (12). С. 109–116; *Цеплякова А.Д., Іванова С.Ф.* Лацінскія запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання) // Веснік МДПІ імя І.П. Шамякіна. 2010. № 1 (26). С. 88–93; *Цеплякова А.Д., Іванова С.Ф.* Старажытнагрэчаскія запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання) // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А, Гуманітарныя навукі. 2010. № 7. С. 176–179.

[4]Подробнее см.: *Іваноў Я.Я.* Крылатыя словы // Беларускі фальклор: энцыклапедыя: у 2 тт. Мінск, 2005. Т. 1. С. 729–730.

[5] См.: *Лепешаў І.Я.* Біблія і біблеізмы // *Лепешаў І.Я.* У пошуках ісціны: нарысы. Ліда, 2007. С. 42–59; *Качаноўская В.Б.* Тэкставыя фразеалагічныя біблеізмы беларускай літаратурнай мовы // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2007. № 4. С. 39–43; *Сёмуха Д.* Біблейскія запаведзі і беларуская фразеалогія: універсальнае і адметнае // Працы кафедры сучаснай беларускай

Крылатые выражения составляют значительную часть крылатых единиц, функционирующих в современном белорусском литературном языке, обладают специфическими языковыми свойствами, отличными от свойств как крылатых фраз, так и, особенно, афоризмов[6], поэтому заслуживают отдельного словарного описания.

Крылатые выражения в современном белорусском литературном языке на сегодняшний день недостаточно лексикографически репрезентированы. Так, некоторые крылатые выражения из собственно белорусских литературных источников отражены в небольшом по объему справочнике крылатых слов и афоризмов Ф.М. Янковского[7] и в лингвострановедческом словаре пословиц и крылатых выражений белорусского языка[8]. Крылатые выражения из иноязычных литературных и фольклорных источников XII–XX вв. частично предоставлены в первых двух частях толкового словаря крылатых выражений белорусского языка[9]. Различные текстовые источники некоторых устойчивых выражений описаны в этимологическом словаре фразеологизмов И.Я. Лепешева[10].

Полная словарная обработка фонда крылатых выражений белорусского языка будет возможна после того, как будут исчерпывающе описаны все крылатые единицы из текстовых источников всех типов, в том числе из библейских текстов.

Проблема словарного описания крылатых библейских выражений

Крылатые библейские выражения, функционирующие в современном белорусском литературном языке, до недавнего времени лексикографически не описывались (за исключением этимологического словаря фразеологизмов[11]), однако включались в полилингвальные словари библейских крылатых единиц (вы-

---

мовы БДУ. Мінск, 2009. Вып. 8. С. 141–144; *Казлоўская-Дода Я.* Біблійная фразеалогія беларускай і польскай моў: агульнае і рознае // Studia Białorutenistyczne. 2013. T. 7. S. 245–258; и др.

[6] О лингвистических свойствах афористических единиц белорусского языка, в том числе и крылатых, подробнее см.: *Іваноў Я.Я.* Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове: манаграфія. Магілёў, 2017. Крылатые афоризмы белорусского языка описаны в толковом словаре: *Іваноў Я.Я.* Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў, 2011.

[7] *Янкоўскі Ф.М.* Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц). Мінск, 1960.

[8] *Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў:лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997.

[9] См.: Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1: З іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / Сост.: С.В. Венідзіктаў, І.Л. Даніленка, С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў / Пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў, 2004; Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2: З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / Сост. С.В. Венідзіктаў, І.Л. Даніленка, С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў, В.В. Чэх. Магілёў, 2006.

[10] См.: *Лепешаў І.Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 2004.

[11] Там же.

ражений и афоризмов)[12]. На фоне активно развивающейся фразеографии устойчивых библеизмов русского языка[13] в современном белорусском языкознании ощущается актуальная потребность в создании специального словаря крылатых библейских выражений белорусского языка.

В результате проведенных автором исследований установлено, что в современном белорусском литературном языке употребляется значительное количество крылатых выражений, которые восходят к Библии[14]. Они должны описываться отдельно от крылатых библейских афоризмов[15]) в специальном лингвистическом словаре «Крылатыя выразы з біблейскіх крыніц у беларускай мове»[16], разработка принципов составления и структуры которого является одной из актуальных проблем белорусской фразеографии.

В настоящей работе предпринята попытка предложить решение данной проблемы — определить принципы и создать образец лексикографического описания устойчивых выражений, которые восходят к Библии и употребляются в современном белорусском литературном языке, в лингвистическом словаре универсального типа (толковом с историко-этимологическими комментариями и соответствиями в русском языке).

Методологически лексикографическое описание крылатых библейских выражений современного белорусского литературного языка основано на 1) лингвистическом методе структурно-семантического моделирования крылатых библейских выражений в синхроническом и диахроническом аспектах на широком фактическом языковом материале, полученном в результате комплексного дескриптивного и сопоставительного анализа родственных и неродственных языков (разработанного Д. Балаковой, Х. Вальтером, В.М. Мокиенко и др.);

---

[12] См.: Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Сост.: Д. Балакова, Х. Вальтер, Н.Ф. Венжинович, М.С. Гутовская, Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко. Могилев, 2014; Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2-х тт. / Под общ. ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилев, 2019.

[13] См.: *Иоффе Г.А.* Словарь библейских крылатых слов и выражений. СПб., 2000; *Мокиенко В.М.* Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений. СПб., 2007; *Дубровина К.Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010; *Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Трофимкина О.И.* Толковый словарь библейских выражений и слов: около 2000 единиц. М., 2010 и др.

[14] Подробнее см.: *Иванов Е.Е.* Объем и состав устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском языке // На перекрестке культур: единство языка, культуры, образования: сборник научных статей / Под ред. А.К. Шевцовой. Могилев, 2019. С. 87–91.

[15] См.: *ІваноўЯ.Я.* Да складання слоўніка «Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з біблейскіх крыніц» (лексікаграфічныя матэрыялы) // Філалогічний часопис. 2018. Вип. 2 (12). С. 16–33; *Іваноў Я.Я.* Біблейская афарыстыка ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект) // Романовские чтения —XIII: сборник статей / Под ред. А.С. Мельниковой. Могилев, 2019. С. 129–130.

[16] *Іваноў Я.Я.* Крылатыя выразы з Бібліі ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект) // Філалогічні студії: науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету. 2018. Вип. 18. С. 35–47.

2) на методиках фиксации, систематизации и словарного описания устойчивых выражений из Библии, разработанных В.М. Мокиенко и др. в соответствии с принципом лексикографической полноты в фразеологии (сформулированным в свое время Б.А. Лариным)[17].

Ряд общих методологических положений и отдельных методик словарного описания, указанных выше, предварительно был апробирован автором статьи при составлении толковых словарей крылатых выражений[18] и крылатых афоризмов[19] белорусского языка, а также при лексикографическом описании библейских крылатых выражений белорусского языка в сопоставлении с другими языками[20].

Фактическим материалом для разработки структуры и образцов словарных статей послужили наиболее употребительные в современном белорусском литературном языке крылатые библейские выражения, представленные в полилингвальном словаре «Лепта библейской мудрости» (2019)[21].

Объем и содержание словаря крылатых библейских выражений

В словаре предполагается отразить широко употребляемые в современном белорусском литературном языке крылатые библейские выражения из текстов Ветхого Завета и Нового Завета. В качестве текстологической базы для словаря

---

[17] Разноаспектное описание методологии изучения и лексикографирования крылатых библеизмов см.: *Балакова Д., Ковачева В., Мокиенко В.М.* Наследие Библии во фразеологии / Науч. ред. Х. Вальтер. Greifswald, 2013; Die slawische Phraseologie und die Bibel = Славянская фразеология и Библия = Slovanskб frazeylogia a Biblia: коллективная монография / Науч. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Greifswald, 2013. Основные положения данной методологии реализованы в серии словарей, см.: *WalterH., MokienkoV.M.* Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald, 2009; *WalterH., Komorowska E.,Krzanowska A. i zesp.* Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren. Szczecin, Greifswald, 2010; *Walter H., Fojtь P.* Schwarzes Schaf, falscher Prophet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald, 2012; *Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Лепта библейской мудрости: краткий русско-словацко-немецкий словарь библейских крылатых слов. Ruħomberok, Greifswald, СПб., 2012; *Балакова Д., ВальтерХ., Мокиенко В.М.* Из библейской мудрости=Z biblickej mudrosti = Biblische Weisheiten: русско-словацко-немецкий словарь библеизмов. Greifswald, 2015 и др.

[18] См.: Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1–2.

[19] См.: *Іваноў Я.Я.* Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік.

[20] См.: Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках (2014 г.).

[21] При отборе крылатых единиц в белорусскоязычную часть словаря был проведен лингвистический эксперимент (анкетирование 100 информантов), в результате которого был выявлен удельный вес и состав наиболее известных крылатых слов из Библии в современном белорусском языке, см.: *Иванов Е.Е.* Объем и состав устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском языке. С. 90.

будет использован единственный на сегодняшний день полный канонический перевод Библии на современный белорусский литературный язык[22].

В результате фронтального анализа языка СМИ, публицистических текстов, произведений художественной литературы и др. в современном белорусском литературном языке зафиксировано употребление свыше 800 устойчивых выражений и их вариантов, происхождение каждого из которых прямо либо косвенно связано с тем или иным библейским текстом[23]. Не менее половины из них характеризуется регулярным употреблением и достаточно высокой степенью продуктивности при порождении производных выражений (текстов) различных типов (реминисценций, аллюзий и др.). Такие крылатые выражения входят в активный состав общего фонда крылатых библеизмов[24], которые употребляются в белорусском литературном языке, и представляют наибольший интерес для описания в толковом словаре. Поэтому объем словаря целесообразно ограничить 400 единицами.

Крылатые библейские выражения предполагается описывать на основании комплексного похода. Каждая словарная единица интерпретируется с точки зрения действующей литературной нормы белорусского языка (кодифицируются форма и стилистические характеристики), семантизируется (толкуются значение и/или ситуация употребления), репрезентируется в функциональном аспекте (приводятся иллюстрирующие употребление в речи цитаты из публицистических и/или художественных текстов), характеризуется в историко-этимологическом плане (обеспечивается соответствующим комментарием), при необходимости дополнительно сопровождается пояснениями лингвистического характера (в случаях наличия производных единиц, употребления в составе выражения специфических лексических единиц и/или грамматических форм и др.) и/или энциклопедического содержания (если выражение устойчиво ассоциируется с экстралингвистическими фактами), а также культурологического плана (если форма и/или содержание выражения детерминированы культурными реалиями).

Ко всем словарным единицам приводятся их соответствия в современном русском литературном языке. Необходимость такого сравнения обусловлена тем, что целый ряд крылатых библейских выражений попал в белорусский язык, во-первых, не из церковнославянского текста Библии и не из его перевода на белорусский язык, а из русского синодального перевода Библии, а во-вторых, не непосредственно из текста Библии, а путем заимствования из русского языка, где они широко употребляются. Такие крылатые выражения имеют характерную лексическую и грамматическую организацию (содержат русизмы и т. д.).

В практическом плане включение в словарь русскоязычных крылатых библейских выражений предназначено облегчить пользование словарем тем, кто

---

[22] Біблія: кнігі Сьвятога Пісаньня Старога і Новага Запавету кананічныя ў беларускім перакладзе. Duncanville, USA, 2002.

[23] См.: *Иванов Е.Е.* Объем и состав устойчивых выражений-библеизмовв современном белорусском языке. С. 88.

[24] Подробнее см.: *Иванов Е.Е.* Типы устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском языке // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов / Отв. ред. С.Б. Кураш. Мозырь, 2019. С. 144–151.

знает русский язык и изучает белорусский язык как второй в условиях белорусско-русского двуязычия. Это особенно важно в сфере образования при преподавании белорусского языка как учебного предмета в средней школе, а также как общеобразовательной учебной дисциплины на нефилологических специальностях в вузах. Обращение к русскоязычным соответствиям позволяет не только оптимизировать учебный процесс, но и существенно повысить качество лингвистического образования в Республике Беларусь в аспекте русско-белорусской межкультурной коммуникации[25].

Структура словарной статьи

Словарная статья в толковом словаре «Крылатыя выразыз біблейскіх крыніц у беларускай мове» последовательно структурирована и включает зону заголовочной (словарной) единицы (кодифицированную форму крылатого библейского выражения с ее вариантными и факультативными компонентами), зону стилистических помет (функциональную, экспрессивную, эмоциональную и другие характеристики), зону историко-этимологического комментария (определение библейского первоисточника, форму библейского прототипа, контекст его употребления в Библии), зоны лингвистического примечания, энциклопедического пояснения, культурологической характеристики (если необходимо), зону семантизации словарной единицы (толкование значения и/или ситуации употребления в речи), зону иллюстрации употребления (цитаты из художественных и/или публицистических текстов), зону соответствий в русском языке (по материалам наиболее авторитетных лексикографических изданий).

Крылатое выражение как словарная единица подается в его наиболее употребительной форме с включением всех зафиксированных в современном белорусском литературном языке вариантных и факультативных компонентов. Напр.: **адкрываць / адкрыць (раскрываць / раскрыць) вочы** *каму [на каго, на што]* або **развязваць вочы** *каму* або **расплюшчваць / расплюшчыць вочы** *каму [на каго, на што]*. Или: **валасы становяцца / сталі (падымаюцца / падняліся, устаюць / усталі) дуба (дубка, дыба, дыбарам)** *у каго* або **волас становіцца / стаў (падымаецца / падняўся, устае / устаў) дуба (дубка, дыба, дыбарам)** *у каго*. Или: **іерыхонская (ерыхонская) труба** або **[як] іерыхонская (ерыхонская) труба** *[голас]*.

Стилистическая помета характеризует словарную единицу с различных сторон — функционально-языковой (бел. *кніжнае* / русск. *книжное, высокое / высокое, урачыстае / торжественное*), функционально-стилистической (*афіцыйнае / официальное, публіцыстычнае / публицистическое, размоўнае / разговорное, прастамоўнае / просторечное*), экспрессивной (*іранічнае / ироничное, неадабральнае / неодобрительное, адабральнае / одобрительное,*

[25] О роли межкультурной коммуникации в повышении качества лингвистического образования см.: *Иванов Е.Е.* Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов: сборник научных трудов: в 2 ч. / Под ред. М.И. Вишневского, В.В. Мосолова. М., 2008. Ч. 1. С. 161–170.

пагардлівае / презрительное), эмоциональной (*жартоўнае* / *шутливое*), исторической (*устарэлае* / *устаревшее*). Напр.: **ад Адама** (разм.); **дух выпусціць (спускаць / спусціць)** (праст.); **камень спатыкнення** (кніжн.); **стварацъ / стварыцъ сабе куміра** *з каго, з чаго* (неадабр.). Достаточно часто словарная единица сопровождается одновременно несколькими стилистическими пометами. Напр.: **біць сябе ў грудзі** (разм., часта неадабр.) або**біць кулакамі ў грудзі** (праст., неадабр.); **валаамаў асёл** (разм., іран.); **дух і літара [закону]** (публ. або афіц.); **краевугольны камень** (кніжн., узнёсл.); **прыпавесцю ва языцах** *[быць, стаць і пад.]* (кніжн., жарт.-іран.); **служыць мамоне** (устар., кніжн., неадабр.); **у касцюме Адама** (разм., жарт.). Иметь стилистическое своеобразие, а значит сопровождаться соответствующей стилистической пометой, может и только одна из вариантных форм словарной единицы. Напр.: **адкрываць / адкрыць (раскрываць / раскрыць) вочы** *каму [на каго, на што]* або **развязваць вочы** *каму* (разм.) або **расплюшчваць / расплюшчыць вочы** *каму [на каго, на што]*. Разные вариантные формы могут иметь различные стилистические пометы. Напр.: **залаты цялец** (устар., кніжн.) або **залатое цяля** (разм., жарт.).

В зоне историко-этимологического комментария содержится информация о библейском источнике происхождения крылатого выражения (Ветхий Завет или Новый Завет, в необходимых случаях — название отдельных книг или их фрагментов), а также контекст употребления прототипа словарной единицы в библейском тексте (с указанием сокращенного названия книги, номера главы, номеров стихов). Напр.: **капаць / выкапаць яму** *каму, пад каго, для каго* (неадабр.) — выраз са Старога Запавету: «Вось напраўду зачаў бязбожны, зацяжарыў крыўдаю і ману сабе спарадзіў, капаў дол і выкапаў яго, і ўпаў у яму, якую выкапаў: абернецца злосьць ягоная на ягоную галаву, і зладзейства ягонае на цела ягонае ападзе» (Пс 7, 15–17); «На ногі мае ўгатавалі сетку: душа мая панікла; выкапалі перада мною яму, і самі ўпалі ў яе» (Пс 56, 7). Так, библейский контекст приобретает особую значимость в случаях, когда форма крылатого выражения и его прототипа не совпадают, а также в тех случаях, когда знание контекста библейского первоисточника (и близких по содержанию фрагментов из иных библейских книг) необходимо для понимания прямого или переносного смысла данной словарной единицы. Напр.: **забаронены плод** (кніжн.) — выраз склаўся на аснове абагульнення зместу біблейскага міфа пра дрэва пазнання дабра і зла, здымаць плады з якога Бог забараніў першым людзям — Адаму і Еве, пра што распавядаецца ў старазапаветнай кнізе «Быццё»: «Наказаў Гасподзь Бог чалавеку, кажучы: з кожнага дрэва ў садзе ты будзеш есьці; а з дрэва спазнаньня дабра і зла, ня еж зь яго; бо ў дзень, калі ты пакаштуеш зь яго, сьмерцю памрэш» (Быццё 2, 16–17); «І сказала жанчына зьмею: плады з дрэваў мы можам есьці, толькі пладоў з дрэва, якое пасярод раю, сказаў Бог, ня ежце і не чапайце іх, каб вам не памерці» (Быццё 3, 2–3). Или: **несці [свой] крыж** — выраз з Новага Запавету, у якім ужываецца і ў прамым сэнсе, і ў пераносным значэнні (якое спрыяла пашырэнню выразу па-за межамі Св. Пісання): «І, нясучы крыж Свой, Ён выйшаў на месца, называнае Лобным, па-Габрэйску Галгофа» (Ян 19, 17); «І хто не нясе крыжа свайго і ня ідзе за Мною, ня можа

быць Маім вучнем» (Лк 14, 27). В необходимых случаях указывается производный характер словарной единицы, если она образовалась от другого библейского выражения (афоризма). Напр.: **служыць (слугаваць) двум панам** (разм., неадабр.) — «утвораны ад евангельскага афарызма **Нельга (Ніхто не можа) служыць (слугаваць) двум панам** (разм., неадабр.)». Зона историко-этимологического комментария имеет не только лексикографическую, но и научную значимость, поскольку в ней будут отражены новейшие данные об истории и этимологии устойчивых библейских выражений белорусского языка, которые были получены в процессе подготовки словаря[26].

Зоны лингвистического примечания, энциклопедического пояснения, культурологического комментария включаются в словарную статью в тех случаях, когда это необходимо.

Лингвистического примечания требуют случаи, когда форма словарной единицы обусловлена церковнославянским языком перевода Библии, когда параллельно употребляется латинская форма крылатого библейского выражения, когда от словарной единицы образовано еще одно устойчивое выражение, когда одновременно с крылатым библейским выражением в белорусском языке употребляется крылатый афоризм (либо созданный от данного выражения, либо как его производная основа), происхождение которого независимо от словарной единицы соотносится носителями языка с библейскими источниками. Напр.: *берагчы, аберагаць і пад.* **як зрэнку вока**; *глядзець, пільнаваць, берагчы і пад.* **як [сваё] вока** (разм.); *глядзець, берагчы, шанаваць і пад.* **як (што) вока ў ілбе (ў лобе)** (разм.) — «форма *як зрэнку вока* ўтворана ад царк.-слав. Šêw çríèöó œêà, але ў ст.-слав. зэница акрамя ‘зрэнка (вока)’ мела яшчэ і абагульненае значэнне ‘вока’, што паўплывала на ўзнікненне формы *як [сваё] вока* і формы *як (што) вока ў ілбе (ў лобе)*». Или: **ва векі вякоў** або **на векі вечныя** або **на векі вякоў** або **па век вечны** (разм.); **сёння, заўсёды і ва (на) векі вякоў (вечныя)** (кніжн.) — «часта ўжываецца таксама на лацінскай мове *in saecula saeculorum [in secula seculorum]*». Или: **несці [свой] крыж** (высок.) — «ад выразу ўтварылася ўстойлівае спалучэнне **цяжкі крыж** (кніжн.)». Или: **манна нябесная** (іран.) — «ад выразу ўтварыўся афарызм **Манна нябесная з неба не зваліцца** (разм.)».

Энциклопедическое пояснение необходимо, если выражение устойчиво ассоциируется с экстралингвистическими фактами (целиком или только одним компонентом). Напр.: **альфа і амега** — «*альфа* і *амега* гэта назвы першай і

---

[26] См.: *Іваноў Я.Я.* Біблейскае паходжанне фразеалагічных адзінак у сучаснай беларускай літаратурнай мове (па-за межамі этымалагічнага слоўніка фразеалагізмаў) // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО: материалы V Международного научно-практического онлайн-семинара (вебинара), 11 апреля 2019 г. / Под ред. Е.Н. Грушецкой. Могилев, 2019. С. 37–41; *Іваноў Я.Я., Цеплякова А.Д.* Літаратурныя крыніцы фразеалагічных адзінак, запазычаных з нямецкай мовы ў беларускую мову (па-за межамі этымалагічнага слоўніка фразеалагізмаў) // Немецкий язык — лингводидактическое обеспечение и методика преподавания: сборник научных статей, посвященный памяти С.А. Носкова (1943–2018) / Под ред. Е.Е. Иванова. Могилев, 2019. С. 82–87.

апошняй літар грэчаскага алфавіта». Или: **манна нябесная** — «*манна*, як лічаць некаторыя тлумачальнікі Старога запавету, магчыма, была насеннем лішайніку “леканоры” (Lecanora esculenta), якое можна ўжываць у якасці ежы і якое вельмі лёгкае і таму пераносіцца ветрам на вялікія адлегласці. Сучасныя качэўныя плямёны ў пустыні дагэтуль збіраюць гэта насенне, вырабляюць з яго муку і пякуць хлеб».

Культурологический комментарий требуется в тех случаях, когда на содержание, форму или активность употребления в речи крылатого библейского выражения повлияли те или иные экстралингвистические факторы культурного характера (использование данной словарной единицы в ином смысле или в специфической форме в широко известном художественном произведении, в популярном произведении кино, театра или музыки, в речи авторитетного лица и др.). Напр.: **вяртанне блуднага сына** (кніжн.) — «гэтым выразам названы цэлы шэраг твораў выяўленчага мастацтва на сюжэт прыпавесці, сярод якіх найболей вядома карціна галандскага мастака Рэмбранта Харменса ван Рэйна (1606–1669) з такой назвай (1666–1669), якая захоўваецца ў Дзяржаўным музеі «Эрмітаж» у Санкт-Пецярбургу, што паспрыяла папулярнасці зместу біблейскай прыпавесці і ўтворанага ў выніку яго абагульнення выразу».

Лингвистическое примечание может совмещаться с энциклопедическим пояснением и/или культурологическим комментарием в случаях, когда этого требует одна из вариантных форм крылатого библейского выражения или производная от него единица. Напр.: **ад альфы да амегі** — «утвораны ад выразу *альфа і амега* на падставе таго, што *альфа* і *амега* — гэта назвы першай і апошняй літар грэчаскага алфавіта». Или: **слуга двух паноў** (кніжн., неадабр.) — «утвораны ад евангельскага афарызма **Нельга (Ніхто не можа) служыць (слугаваць) двум панам** (разм., неадабр.) і набыў папулярнасць, дзякуючы шырока вядомай камедыі венецыянскага драматурга Карла Гальдоні (1707–1793) з такой назвай “*Il servitor di due padroni*” (1749), галоўны герой якой (слуга Труфальдзіна з Бергама) паспяхова служыць адначасова двум панам, а таксама яе экранізацыі на рускай мове ў музыкальным тэлефільме “Труфальдзіна з Бергама” (1976) рэжысёра У. Вараб’ёва, дзе галоўную ролю слугі выконвае вельмі папулярны камедыйны акцёр К. Райкін (нар. 1950)».

Толкование значения словарной единицы дается в форме развернутого описания того суждения или той ситуации, которые обозначаются в речи крылатым библейским выражением. Эта зона словарной статьи призвана отражать нормативное (наиболее употребительное в современном белорусском литературном языке значение словарной единицы) и приобретает особую значимость в тех случаях, когда значение крылатого библейского выражения не вытекает из суммы значений его лексических компонентов. Напр.: **зямны рай** — «Нейкае надзвычай прыгожае, утульнае месца, дзе няма ніякіх турбот, дзе можна быць шчаслівым». Или: **рваць на сабе (на галаве) валасы** (разм.) —«Быць у роспачы, моцна крыўдаваць, бедаваць». Или: **слугаваць (служыць) двум панам** (разм., неадабр.) — «Адначасова прытрымлівацца адрозных, проціглеглых меркаванняў, вызнаваць дзве веры, працаваць у інтарэсах розных людзей, спраў, устаноў і да т. п. Ужываецца таксама ў прамым значэнні». Или:

[усе]ад мала (ад малага) да вяліка (да вялікага) (устар., кніжн.) — «Ужываецца ў прамым значэнні (усе, не зважаючы на свой узрост, — і старыя, і дзеці; усё насельніцтва; абсалютна ўсе)». Если крылатое выражение имеет несколько значений, они толкуются в порядке своей значимости (встречаемости в речи). Напр.: **манна нябесная** — «1. Пра што-н. рэдкае, вельмі важнае, патрэбнае, чаканае. 2. (іран.) Пра малаімаверную дапамогу, падтрымку з чыйго-н. боку; пра што-н. сумнеўнае, што наўрад калі-н. ажыццявіцца». Или: **сціраць / сцерці з твару зямлі** *каго, што* (кніжн.) — «1. Цалкам знішчыць што-н., разбурыць што-н. дашчэнту. 2. Жорстка паступіць з кім-н., загубіць каго-н.». При необходимости дается характеристика ситуации употребления словарной единицы в речи в форме толкования — где, когда, в отношении кого (чего), при каких условиях, с какой целью и т. п. обычно употребляется крылатое библейское выражение. Напр.: **[час]збіраць камяні** (кніжн., публ.) — «[Надышоў час, прыйшла пара] сумеснымі намаганнямі прыводзіць у пэўны парадак што-н. раней разбуранае, раскіданае, занядбанае і да т. п. Гаворыцца часцей пра з'явы культуры ці міждзяржаўныя адносіны».

Формы реализации в речи словарных единиц, а также их значения и ситуативные характеристики традиционно (как принято в толковых словарях) иллюстрируются цитатами из произведений белорусской художественной литературы и публицистики, а также из современных периодических изданий. Каждая цитата паспортизируется (сопровождается указанием фамилии автора и названия художественной произведения, а из периодической печати — названия газеты или журнала, года, даты или номера издания). Иллюстративный материал дается согласно тому стандарту белорусского правописания, какой использован в цитируемом тексте (в необходимых случаях, как правило, при употреблении спорного правописания или необычных грамматических форм частично адаптируется в соответствии с современной литературной нормой).

Все словарные единицы сравниваются с их соответствиями в современном русском литературном языке по материалам таких справочников крылатых библеизмов, как «Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений» В.М. Мокиенко (2007), «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» К.Н. Дубровиной (2010), «Толковый словарь библейских выражений и слов» Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, О.И. Трофимкиной (2010). Приводятся все возможные типы русскоязычных соответствий белорусским крылатым библейским выражениям: 1) полные — имеющие (почти) дословное соответствие в тексте Библии и схожую внутреннюю форму, напр.: **альфа і амега** — рус. *альфа и омега*; **скрыгатаць зубамі** — рус. *скрежетать зубами*; **несці свой крыж** — рус. *нести свой крест*; 2) частичные — не имеющие дословного библейского прототипа в белорусском (вся словарная единица или один из ее вариантов) и отличающиеся по внутренней форме, напр.: **шанаваць што вока ў ілбе** або **берагчы як зрэнку вока** — рус. *беречь как зеницу ока*; **нібы заслона спала (упала)** *у каго — пелена спала с глаз* чьих, *чешуя отпала от глаз* чьих; **зямныя пакуты** або **зямная юдоль** — рус. *юдоль плача (бед, земная, мирская, печали, скорби, слёз)*; 3) приблизительные — имеющие библейские прототипы (схожий или идентичный по форме оборот имеется в тексте Библии), но отли-

чающиеся по внутренней форме, напр.: **развязваць вочы** *каму* — рус. *открывать (раскрывать) глаза* кому на кого, на что; **марны лямант у пустыні** — рус. *глас вопиющего в пустыне*; *камень спатыкнення* — рус. *камень преткновения*; 4) неполные — не имеющие дословных прототипов в Библии, но содержащие аллюзию на фрагмент библейского текста (белорусский и русский обороты восходят к одному библейскому сказанию, но отличаются по внутренней форме), напр.: **абяцаная зямля** — рус. *земля обетованная*; **унесцісвой уклад***у што* або **уносіць сваю лепту** *ў што* — рус. *внести/вносить свой вклад* во что, *внести/вносить свою лепту* во что; *быць, адчуваць сябе* **на дзясятым небе** — рус. *на седьмом небе* быть, чувствовать себя[27].

Образцы словарных статей

В соответствии с изложенными принципами лексикографического описания крылатых библейских выражений современного белорусского литературного языка разработаны образцы словарных статей, на основе которых будет создан толковый словарь «Крылатыя выразы з біблейскіх крыніц у беларускай мове». Словарные статьи имеют следующий вид.

АД АЛЬФЫ ДА АМЕГІ (кніжн.) ⇐ утвораны ад выразу *Альфа і Амега*, які ўжываецца ў Старым Запавеце. ◀✞«Я ёсьць Альфа і Амэга, пачатак і канец, кажа Гасподзь, Які ёсьць, і быў, і прыйдзе, Усеўладны» (Адк 1, 8). «Я быў у духу ў дзень нядзельны і чуў за сабою гучны голас, быццам трубны, які казаў: “Я ёсьць Альфа і Амэга, першы і апошні”». (Адк 1, 10). «І сказаў мне: збылося! Я ёсьць Альфа і Амэга, пачатак і канец; сасьмягламу дам задарма з крыніцы вады жывое» (Адк 21, 6). «Я ёсьць Альфа і Амэга, пачатак і канец, першы і апошні» (Адк 22, 13). ∆ Разам гэтым выразаму беларускай мове ўжываецца крылаты біблейскі выраз*альфа і амега* (кніжн.) у значэнні ‘самая сутнасць, аснова чаго-н.; што-н. самае значнае’ (гл.). *Альфа* і *амега* — назвы першай і апошняй літар грэчаскага алфавіта. ☐ **З самага пачатку да самага канца.** 🕮 Аднойчы, усумніўшыся ў нейкай дробной ісціне, я пачаў правяраць, і аказалася: усё — ад альфы да амегі — трэба мне вырашаць нанава. (М.Танк. Шчаслівы дзень). Згвалтаванне — адно з самых цяжкіх злачынстваў супраць чалавека як асобы. Таму пры разглядзе такіх спраў не павінна быць памылак пры вызначэнні кваліфікацыі зробленага, а ўсе акалічнасці справы мусяць быць высветлены «ад альфы да амегі». На жаль, у беларускай судовай практыцы часам здараецца разыходжанне пры вызначэнні абставін справы, кваліфікацыі самога злачынства. Менавіта аб гэтым і ішла гаворка на сустрэчы з журналістамі ў будынку Вярхоўнага Суда краіны. («Звязда»).◆*Руск.*: **от альфы до омеги** (книжн.).

---

[27] Подробнее см.: *Иванов Е.Е., Мокиенко В.М.* Типы эквивалентности устойчивых выражений-библеизмов в русском и белорусском языках // Религия и общество — XIII: сборник научных статей / Под ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев, 2019. С. 211–213.

БАЧЫЦЬ (глядзець на, заўважаць) ПАРУШЫНКУ Ў ВОКУ БРАТА СВАЙГО, АЛЕ НЕ АДЧУВАЦЬ (не бачыць) БЕРВЯНА (калоды) У СВАІМ ВОКУ (кніжн., публ., неадабр. *або* іран.) ⇐ выраз з Новага Запавету.◀✞ «Ня судзеце, каб і вас ня судзілі; бо якім судом судзіце, такім вас судзіць будуць; і якою мераю мерыце, такою і вам будуць мерыць. І што ты глядзіш на парушынку ў воку брата твайго, а калоды ў воку сваім не адчуваеш? Альбо, як скажаш брату свайму: "Дай, я выму парушынку з вока твайго"; а вось у тваім воку калода? Крывадушнік! вымі спачатку калоду са свайго вока, і тады ўбачыш, як выняць парушынку з вока брата твайго» (Мв 7, 1–5). «Што ты глядзіш на парушынку ў воку брата твайго, а калоды ў сваім воку не адчуваеш?» (Лк 6, 41). ∆ Разам з крылатым выразаму беларускай мове ўжываецца ўтвораны ад яго крылаты афарызм *Бачым сучок у воку брата свайго, а бервяна ў сваім не заўважаем* або *У чужым воку саломку (саломінку) бачым, а ў сваім [і] бервяна не заўважаем* або *У чужым воку і парушынку ўгледзім, а ў сваім і цэлай калоды не пабачым* (кніжн., публ., неадабр. *або* іран.). ☐ **Звяртаць увагу на чые-небудзь невялікія недахопы, нязначныя памылкі і г. д., але не заўважаць на ўласныя, больш значныя.** 🕮 Выслоўе кажа: «У чужым воку нават парушынку заўважае, а ў сваім і бервяна не бачыць». Час паказаў, што мудрае назіранне характарызуе сітуацыю, якая склалася ў Беларусі і вакол яе. (С. Законнікаў. Бервяно ў воку). Што глядзіш ты ўсё на парушынку Ў воку брата свайго? А між тым Не заўважыў калоды аршыннай У прыдзірлівым воку сваім. Як ты можаш сказаць твайму брату: «Браце, дай выму з вока твайго Парушынку», калі ты не бачыш, Як зручней падысці да яго? Крывадушнік! Спярша ты калоду Вымі з вока свайго і тады, Калі зрок твой адчуе свабоду, Выручай вока брата з бяды. (І. Лагвіновіч. Нагорная пропаведзь Ісуса Хрыста). ◆ *Руск.:* **видеть (замечать) сучок в чужом глазу [и не видеть (не замечать) бревна в своём]** (книжн., публ., неодобр. *или* ирон.).

НЕСЦІ [свой] КРЫЖ(высок.) ⇐ выраз з Новага Запавету.◀✞ «І хто не нясе крыжа свайго і ня ідзе за Мною, ня можа быць Маім вучнем» (Лк 14, 27). «І, нясучы крыж Свой, Ён выйшаў на месца, называнае Лобным, па-Габрэйску Галгофа» (Ян 19, 17). ⇐ на ўтварэнне выразу паўплываў больш распаўсюджаны ў евангельскіх тэкстах блізкі яму па форме і зместу выраз *браць (узяць) [свой] крыж*. ◀✞ «І хто не бярэ крыжа свайго і ня йдзе сьледам за Мною, той ня варты Мяне» (Мв 10, 38). «І паклікаўшы людзей з вучнямі Сваімі, сказаў ім: хто хоча ісьці за Мною, зрачыся сябе, і вазьмі крыж свой, і ідзі за Мною сьледам» (Мк 8, 34). «А да ўсіх прамовіў: калі хто хоча ісьці за Мною, адрачыся ад сябе і вазьмі крыж свой і ідзі за Мною» (Лк 9, 23). ∆ Разам з крылатым выразам у беларускай мове ўжываюцца ўтвораныя ад ягоўстойлівае спалучэнне *цяжкі крыж* (кніжн., публ.) (гл.) і крылаты афарызм *У кожнага свой крыж* (кніжн.). ☐ **Цярпліва пераносіць пакуты, нягоды, пакорліва мірыцца са сваім сумным і цяжкім жыццём.** 🕮 Памагчы крыж несці, як «з Богам не біцца». (Ф. Багушэвіч. Дудка беларуская). [Зоська:] Яны спаць лягуць, а я, як цень, буду снаваць тут сама адна. Баюся я гэтага папялішча раскапанага. Мне тут

зданні усялякія здаюцца. Вазьмі мяне, братка, з сабою! (Да Марылі.) Мамачка, вазьміце мяне — я несці памагу крыж вам! (Я. Купала. Раскіданае гняздо). Не той ён чалавек, каб легка ўсё пакінуць, на ўсіх забыцца, дзеля дзяцей ён готовы несці свой крыж да скону жыцця (І. Шамякін. Ах, Міхаліна, Міхаліна). А ці ж лёгка мне несці крыж свой і таго Сяргейкі, якому не суджана было цешыцца і сумаваць, смяяцца і плакаць, любіць і яшчэ тысячы разоў любіць тое, што завецца жыццём (Сяргей Давідовіч. Замалёўкі). Думаеш, мой капрыз, мая жорсткасць — паўтараць табе, што прафесія, якую ты выбрала, шыкоўная толькі для тваёй мамы і ўсіх тых, хто прымае чалавека па знешняй вартасці, што гэтая прафесія — не твая? Ты не любіш кіно, роздум над яго магчымасцямі напаўняе тваю галоўку адчаем прымусу — ты хочаш несці такі крыж усё жыццё? Ты можаш выхоўваць свой густ і выхаваць яго, але любоў да сваёй справы — гэтай справы — у цябе адсутнічае. (В. Іпатава. Дваццаць хвілін з Немезідай). Захварэла. Пасцельны рэжым, А за вокнамі чэрвеня гукі. На зямлі, без ніякай прынукі, Усе носім свае мы крыжы. (Н. Кавальчук. Крыж у кожнага свой). ◆ *Руск.:* **нести свой крест** (книжн.,высок.).

СЛУГАВАЦЬ (служыць) ДВУМ ПАНАМ (разм., неадабр.) ⇐ выраз утвораны ад евангельскага афарызма *Ніхто (Ніякі слуга) не можа служыць двум гаспадарам*. ◀✞ «Ніхто ня можа служыць двум гаспадарам: бо альбо аднаго будзе ненавідзець, а другога любіць; альбо аднаго пачне трымацца, а другім будзе пагарджаць. Ня можаце служыць Богу і мамоне» (Мв 6, 24). «Ніякі слуга ня можа служыць двум гаспадарам, бо альбо аднаго будзе ненавідзець, а другога любіць; альбо аднаму пачне рупліва дагаджаць, а пра другога ня дбаць. Ня можаце служыць Богу і мамоне» (Лк 16, 13). Δ Разам з крылатым выразам у беларускай мове ўжываюцца крылаты афарызм *Нельга (Ніхто не можа) служыць (слугаваць) двум панам* (разм., неадабр.), а таксама крылаты выраз *слуга двух паноў* (кніжн., неадабр.). Апошні набыў папулярнасць, дзякуючы шырока вядомай камедыі з такой назвай «*Il servitor di due padroni*» (1749) венецыянскага драматурга Карла Гальдоні (1707–1793), галоўны герой якой (слуга Труфальдзіна з Бергама) паспяхова служыць адначасова двум панам, а таксама дзякуючы яе рускамоўнай экранізацыі ў музыкальным тэлефільме “Труффальдиноиз Бергамо” (1976) рэжысёра У. Вараб’ёва, дзе галоўную ролю слугі выконвае вельмі папулярны камедыйны акцёр К. Райкін (нар. 1950). ☐ **Адначасова прытрымлівацца адрозных, процілеглых меркаванняў, вызнаваць дзве веры, працаваць у інтарэсах розных людзей, спраў, устаноў і да т. п. Ужываецца таксама ў прамым значэнні.** 🕮 Але біскуп вырашыў, што больш належыць падпарадкоўвацца богу, чым людзям, больш цару нябеснаму, чым зямному. Таму ён, біскуп, цвёрда заявіў, што і ад пачатага не адступіць, і справу пропаведзі, даручаную яму вярхоўным святаром (г. зн. папам), не можа занядбаць, але выплаты даніны каралю ён не аспрэчвае, кіруючыся сказаным у Евангеллі: «Аддайце кесару кесарава, а богава богу», бо і сам біскуп часамі плаціў за ліваў гэтую даніну, тады як лівы, не жадаючы служыць двум панам, г. зн. Полацку і тэўтонам, заўсёды ўгаворвалі біскупа назусім вызваліць іх ад ярма русаў. (М. Ермаловіч. Старажытная Беларусь). Па

словах Паўла з Візны, «шчырае папежства» пранікла нават у антытрынітарскі рух, бо некаторыя з «братоў» мелі падданых сялян і нават нявольнікаў. У адказ на заўвагу аб тым, што гэта зусім невялікія «маёнткі», Якуб з Калінаўкі заявіў: «Нельга служыць двум панам!» Падданыя гэтых маёнткаў падуладныя іх уладальнікам, значыць, яны не могуць быць «сапраўднымі хрысціянамі» (пакланяцца «другому пану»), «Хрыстос — бог убогіх!» (Л. Іванова. Са спадчыны Сымона Буднага). ◆ *Руск.*: **служить двум господам** (разг., презр.).

Образцы словарных статей, в которых описаны наиболее известные и употребляемые в современном белорусском литературном языке крылатые библейские выражения, использованы при подготовке материалов словаря[28].

Предназначение и целевая аудитория словаря крылатых библейских выражений

Толковый словарь «Крылатыя выразы з біблейскіх крыніц у беларускай мове» предназначен, в первую очередь, студентам и преподавателям вузов, поэтому может использоваться в качества справочного пособия при изучении фразеологических единиц современного белорусского литературного языка и библейских текстов в переводе на белорусский язык.

Словарь благодаря универсальному характеру (поскольку совмещает в себе элементы лингвистического и энциклопедического, нормативного и переводного справочника) будет полезен школьникам и учителям, журналистам и редакторам, переводчикам и лекторам, а также всем, кто стремится приобщиться к библейской мудрости и повысить свое знание афористических единиц современного белорусского литературного языка.

Словарь может использоваться и только как переводной с русского языка на белорусский язык благодаря наличию соответствующего индекса. Это существенно расширяет целевую аудиторию словаря, делает его актуальным и для носителей русского языка за пределами Республики Беларусь, позволяет продемонстрировать общность и избирательность белорусской и русской лингвокультур в составе и употреблении афористических единиц как части языкового и духовного наследия Библии.

[28]Всего создано 50 образцов словарных статей, в которых описано около 70 крылатых библейских выражений и их вариантов. Разработанные образцы элементов словарных статей частично опубликованы ранее, см.: *ІваноўЯ.Я.* Крылатыя выразы з Бібліі ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект). С. 43–44.

ЯЗЫК РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ПЕРИОДИКИ XVIII–XIX ВЕКОВ

Л.Е. Бушканец

«СУМЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ» В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1880–1890–х ГОДОВ

После смерти А.П. Чехова в июле 1904 года газеты и журналы печатали многочисленные телеграммы, пришедшие родным и в издания, в которых писатель работал, а также надписи на венках. Их были не сотни, а тысячи, поскольку Чехов пользовался огромной популярностью и любовью читателей. Такого рода тексты «делаются» обычно быстро, для них «выхватываются» готовые штампы. П.Ф. Якубович-Мельшин писал В.Г. Короленко: *«Кое-как, с большими хлопотами и волнениями, удалось нам собраться, сговориться и соорудить — довольно красивый — венок (из белых лилий и белых роз, с пучком красных пионов посередине) и с той же надписью, которая будет и на московском венке: Певцу сумрачных дней —"Русское богатство". В конце концов еле поспели возложить на гроб, причем слышно было, как В. Розанов, прочитав надпись, сказал: "Какое фразерство!"— чем я, автор надписи, по обыкновению, был немало смущен ... Но потом утешился, когда Ал. Вас. увидал подобную же (более красивую, правда) надпись на каком-то другом венке (не "Мира ли Божьего"?): "Прекрасной звезде сумрачной эпохи"...»* На следующий день он сообщал тому же корреспонденту: *«И сегодня у меня большое недовольство надписью "Певец сумрачных дней!" Вообще, двусмысленно и неопределенно ... А каково Ваше первое впечатление? Одно утешение: надписи эти — не для вечности ...»*[1]. А вот типичная телеграмма от обычных русских читателей: *«Горячо любимому писателю — скорбнику русских сумерек. Город Таганрог»*[2].

В каждый период у публицистики есть свой язык, свои клише. Она появились как попытки уложить сложное явление жизни в удобные словесные формулы. В то же время за ними стоит сложный комплекс переживаний — то, что современнику не нужно объяснять, а можно только назвать. Со временем меняется читатель, уходят настроения времени, и слова становятся ничего не

---

[1] См.: *Петрова М.Г.* Как рождаются фантомы [о А.П. Чехове] // Литературная газета. 1994. 1 июня (№ 22). С. 6.

[2] См.: Русская мысль. М., 1904. № 8. С. 146–149 (2 паг.); В Петербурге. Встреча тела. Венки и телеграммы // Русское слово. 9 июля. М., 1904.

обозначающими. Одно из таких сейчас малопонятных словосочетаний последней трети XIX века — «сумерки нашей жизни».

Несмотря на то, что единичные употребления появляются еще в середине 1880-х годов, его «взлет» связан с появлением сборника А.П. Чехова «В сумерках».

В 1887 г. писатель отобрал 16 рассказов и сначала хотел назвать сборник просто «Рассказы», но позже дал название «В сумерках». Сборник оказался одним из самых популярных у Чехова: с 1887 по 1899 г. он выдержал 13 переизданий и изменил писательскую репутацию Чехова. Особую роль в цикле всегда играет название. В поэзии к концу XIX в. говорящие названия, в отличие от прозы, стали нормой, при этом они отражали не тематические или жанровые особенности цикла, а носили символический характер. Названия же прозаических сборников были связаны с темой или жанром («Неунывающие россияне» или «Шуты гороховые» Н.А. Лейкина, «Юмористические узоры» В.В. Билибина, «Новые рассказы» К.С. Баранцевича, «В наши дни.Повести и рассказы» В.А. Тихонова и др.). Чеховское название — «прорыв» к поэтической символике, и потому оно оказало на современников огромное влияние. В 1887 г. на название обратил внимание только Н.К. Михайловский, хотя оценил его отрицательно, будучи представителем социологической критики: *«Очень подходящее заглавие выбрал г. Чехов для нового маленького сборника своих рассказов. В целом они давно напоминают сумерки, когда замирающий свет не дает глазу резких контуров и определенных красок»*. Он иронически советовал автору зажечь в кабинете лампу, и тогда жизнь приобретет для него более ясные очертания[3].

Однако сам Чехов писал: *«Тут аллегория: жизнь — сумрак, и читатель, купивший книгу, должен читать ее в сумерках, отдыхая от дневных забот»*[4]. Таким образом, само название должно отсылать нас к тем размышлениям, которые порождены смутным, переходным от дня к ночи, временем и «сумеречной традицией» европейской литературы (к «Песням сумерек» Гюго, «Сумеркам» Баратынского, «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Гоголя, к «сумеречным» стихотворениям Тютчева). Это не только определенная проблематика, но и особое тоскливо-тревожное настроение. Н. Михайловский писал: *«Оборванность перспектив, смутность освещения вызывают в вас странное, хотя и всем знакомое чувство тихой, ленивой и конце концов приятной грусти. Вон полуосвещенное человеческое лицо, угол балкона, затянутый темью, и хорошо … На душе тихо, хорошо, хотя отнюдь не весело, и тем более не смешливо. Если в такую пору разговоры разговаривать, так пусть они будут тихие, грустные, отрывочные»*[5]. В 14–ти из 16–ти рассказов действие происходит вне города, на почтовой станции, на берегу реки, в помещичьей усадьбе, в далеком монастыре и т. д., часто вечером или ночью. «Сумеречная» проблематика свя-

---

[3] *[Михайловский Н.К.]* Ан. П. Чехов. «В сумерках» // Северный вестник. СПб., 1887. Кн. 9. С. 81–85 (2 паг.).

[4] *Чехов А.П.* Письма: в 12 тт. // Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. М., 1974–1983. М., 1975. Т. 2. С. 90.

[5] *Михайловский Н.К.* Ан. П. Чехов. В сумерках. С. 84 (2 паг.).

зана с размышлениями о естественном начале и цивилизации. Символика названия, лейтобразы, проблематика делают сборник не отражением жизни 1880–х гг., а размышлением о несовершенстве человеческой природы. Никакого отношения к «эпохе общественной реакции и апатии» не имеет кража в рассказе «Недоброе дело», если только не считать, что во времена застоя сторожа плохо охраняют церковное имущество. То же самое можно сказать о попытке прокурора объяснить сыну, что курить плохо («Дома»), если только не утверждать, что в «эпоху реакции» дети курят с 7 лет.

Но со временем именно название вышло в общественном сознании на первый план и было переосмыслено в социологическом ключе: Чехов превратился в певца хмурых людей, живущих в сумерках русской жизни. Назвать Чехова «певцом сумерек» абсурдно еще и потому, что воспевание предполагает все же положительное отношение воспевающего. Социологичность критики проявилась, например, в таком отклике П. Краснова: *«Чехов посвящает свой талант изображению общественных настроений своего времени ... его рассказы открывают нам тайные стороны души современного общества, ее недуги, ее безнадежность, ее апатию»*[6]. По словам другого критика, А. Скабичевского, формирование Чехова пришлось на эпоху всеобщего застоя, апатии, спячки, постыдного забвения всех лучших традиций и «полного отчаяния», и не он один, а и все его сверстники в *«большей или меньшей степени преисполнены тоскливо-мрачного настроения»* сумрачной эпохи[7].

Такой поворот связан с особенностями человеческой психологии в том числе: социологические штампы возникают сами собой вследствие простоты и мифологичности социологического вульгарного подхода.

Со временем этот штамп настолько заполонил статьи о Чехове, что его высмеял А. Аверченко в юмореске «Жвачка»: *«Однажды на обеде в память Чехова несколько критиков говорили речи. Один сказал: “Чехов был поэтом сумерек, изобразителем безвольной интеллигенции” — “Браво!” — зааплодировали присутствующие. Другой критик заявил, что и он тоже хочет сказать речь ... Подумав немного, он сказал: “Изобразитель российских сумерек, Чехов в то же время был певцом интеллигентского безволия” ... И встал четвертый критик: “Говоря о Чехове, многие забывают указать на ту внешнюю обстановку, в которой жил писатель. Время тогда было серенькое, и это отражалось на героях его произведений. Все они были серенькие, сумеречные, ибо то время — было время сумерек, и Чехов был его поэтом. Безвольная, рыхлая интеллигенция того времени нашла в нем своего бытописателя, и, подводя итоги деятельности Чехова, о нем можно выразиться в заключительных словах: “Чехов был настоящим поэтом сумерек, изобразителем безвольной интеллигенции”»*[8].

Так слово *сумерки*, появившееся в сфере внимания критики и публицистики (влияние литературы на общественный язык в данном случае является

---

[6] *Краснов П.* Осенние беллетристы // Труд. М., 1895. Т. 25 (янв. – март). С. 209.
[7] *Скабичевский А.С.* А.П. Чехов // Русская мысль. М., 1905. Кн. 6. С. 38 (2 паг.).
[8] *Аверченко А.* Жвачка // Сатирикон. 1910. № 6.

очередным доказательством литературоцентричности русской культуры того времени), получило совершенно иные смыслы, чем те, с которыми оно появилось. И зажило собственной жизнью.

Была ли жизнь России 1880–1890–х годов «сумерками» в социально-политическом смысле?

Многие не желали признать Чехова писателем, правдиво отразившим русскую жизнь. В 1909 г. некий Фидэль выпустил «Новую книгу о Чехове», и в предисловии писал: вот вы прочли целое собрание сочинений Чехова и спрашиваете: где я? Вам отвечают: «в России», «*эта жизнь — серая, скучная, бесцветная, безвкусная, холодная, мрачная, ненужная, жизнь 150-ти миллионного народа, имеющего свою историю, свои предания, свой эпос. Это жизнь ваша и ваших близких. Это вы и ваши ближние представляете обнаженную картину зоологического состояния, картину омертвления, царства обыденщины и обывательщины. Это ваша жизнь — сплошная и скучная бессмыслица, пустая и глупая шутка, в которой нет ни нравственности, ни логики, а одна только случайность»*[9]. И правда, Россия конца XIX века — это было время развития русской науки, литературы, отсутствия тяжелых войн, быстрого развития экономики и т. д. Потому многие публицисты обвиняли Чехова: он виноват в том, что распространил собственный пессимизм и заразил им интеллигенцию, «создал» «сумерки русской жизни».

Но мы должны помнить, что если тот или иной писатель стал автором речевой формулы, то значит, что она была востребована обществом и точно «попала» в общественные настроения. В. Х-ко выразил часто повторявшееся мнение: *«Чехов подставил нам, русским обывателям, зеркало и сказал: “Смотрите, как вы жалки, гадки и несчастны! Неужели вам чуждо желание стать гражданами?”»*[10]. Критик Л.Е. Оболенский писал, после чтения Чехова читателя охватывает испуг за общую жизнь, потому многие считают его пессимистом, поэтом безнадежности и разочарования, то есть «сумерек». Оболенский согласился, что, хотя экономика страны бурно развивается, Россия «*растет безмерно с 60–х гг. в умственном и общественном отношении»*, Чехов стал «отразителем» русского душевного и морального разложения: *«Да, душевного и морального, так как разложение общественное — в широком смысле этого слова — мало интересует Чехова (по крайней мере, в его художественных произведениях). Он нигде не рисует нам тех или других русских учреждений; нигде вы не увидите у него ясно подчеркнутой связи между моральным разложением и существующим состоянием собственно «общественных» так называемых “форм”»*[11]. *«Этот-то период неврастенической расслабленности русского общества и нашел в Чехове своего историка. Именно историка — что очень важно для понимания Чехова»*, — соглашался литературовед С. Венгеров и пояснял, что позиция историка определяет то, что по отношению к этому миро-

---

[9] *Фидэль.* Новая книга о Чехова: Ложь в его творчестве. СПб., б. г. С. 5, 9.

[10] *Х-ко В.* У могилы А.П. Чехова // Русские ведомости. М., 1905. № 151 (2 июля).

[11] *Оболенский Л.* Максим Горький и причины его успеха. Опыт параллели с А. Чеховым и Глебом Успенским. СПб., 1903. С. 42–43.

ощущению Чехов является исследователем, а не «выразителем»[12] и что эти настроения Чехов не придумал, а тонко почувствовал.

Что стоит за сумеречным мироощущением?

До сих пор настроения «эпохи сумерек» связывают с общественно-политической атмосферой 1880–х гг.: убийство царя, распространение народнической идеологии, гонения властей на оппозиционные движения. Несмотря на огромные экономические, научные, внешнеполитические успехи страны, тысячи публицистов писали о своем времени как о времени упадка и отчаяния, и нужно прислушаться к их свидетельствам. Но, на наш взгляд, нуждаются в уточнении традиционные объяснения «мрачного» взгляда на жизнь только временем политической реакции и конкретных действий властей.

Реформы 1860–х гг. среди своих неожиданных и непредсказуемых для русской интеллигенции результатов привели к появлению массовой культуры и массового человека. Из-за бурно развивающегося капиталистического рынка человек стал превращаться в придаток работы, появился культ денег, получили распространение и общественное одобрение позиции эгоцентризма, пришло ощущение ненужности, бесполезности, невозможность выработать самооценку благодаря приобщенности к чему-то важному и значимому для общества, что всегда было важно для интеллигенции. Человек неожиданно столкнулся с тем, что он оказался в ситуации крайней нестабильности, потери чувства семьи, а это привело к росту изоляции, утрате доверия, ценностных привязанностей, ослаблению взаимодействия частной и общественной жизни.

Интересны как отражение социальной психологии юмористические журналы 1880–1900–х гг. Не только цензурой можно объяснить обращение «Будильника», «Осколков» и др. к таким темам, как тёщи, дачи и состояние городского водопровода, сама жизнь стала исключительно погруженной в быт. Стали очевидны обвал культурных ценностей, абсурдность поведения поглупевшего человека. Взгляды человека массы становятся нормой, а интеллектуальная жизнь, казалось бы, взыскательная к мысли, становится триумфальной дорогой представителей псевдоискусства, которые страшны не только своей бездарностью, но и своей агрессивностью. Всюду фальшь, неискренность, лакейство. То, что «сумерки» русской жизни — понятие не политическое, но социально-психологическое, писала критик М. Новикова: *«В нашем обществе много ненависти и озлобления друг к другу, это заколдованный круг пошлости и ничтожества, но если общество в целом жалкий муравейник, то отдельная человеческая личность все же таит в себе стремление к прекрасному, чистое и бескорыстное, хотя это стремление часто туманно и не находит себе применения. ... Лишним людям всегда страшно и скучно, тонкое кружево их мечты рвется от соприкосновения с действительностью»*[13].

---

[12] *Венгеров С.А.* Литературное обозрение // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 33 (14 авг.). Стлб. 1370–1372.

[13] *Новикова М.* А.П. Чехов // Чехов А.П.: Сб. статей. Русская быль, серия III. М., 1910. С. 156–157.

Во многих учебниках по истории России и истории русской литературы последней трети XIX в. говорится о «пессимистической» линии в культуре, и пессимизм рассматривается как явление негативное, как некая временная «болезнь», отступление от нормы жизни тех, кто оказался не способным к борьбе[14]. На самом деле нужно говорить о другом, о колоссальном экзистенциальном вакууме, который переживает социум в период становления капитализма после разрушения общества патриархального типа.

Все это порождало определенный комплекс переживаний разночинной интеллигенции.

Желание каждого жить своей жизнью привело к утрате смысла жизни. Возникли настроения апатии, усталости, болезненности, безволия, особенно неожиданные после воодушевления и гражданской активности людей 1860–х годов. Многим представителям демократической интеллигенции было свойственно жуткое чувство абсолютного одиночества. Б. Лазаревский утверждал, что *«красоты истинной, великой и возвышающей чувствуется страстная жгучая жажда в русском обществе ... Туманная и страшная действительность, беспросветная серость и тоска повседневности, жуткое, кошмарное близкое прошлое — все это гнетет безмерно, и душа хочет минутного покоя, минутной радости и возвышения перед лицом красоты»*[15]. Об этом писала Е.В. Лебедева в 1900 г.: *«Условия жизни всегда угнетали людей, а особенно в наше время, время неустойчивости, слабости духовной. Все ждут чего-то, к чему-то стремятся, а жизнь неумолимо опутывает человека своими цепями и еще уменьшает его силы. Сходятся люди, не имеющие ничего общего, но бесконечно дорогие друг другу, но они не имеют возможности жить свободно по своему желанию ... на душе тяжелое чувство беспомощности изменить что-нибудь в тоскливой безотрадной жизни этих несчастливцев»*[16]. Когда ушла эта эпоха вместе с комплексом психологических переживаний, стоящих за словом «сумерки», то выражение «сумерки русской жизни» стало пустым, неясным.

Но «приключения» слова *сумерки* на этом не остановилось, и оно стало обрастать символическими и даже мифологическими смыслами.

Часто смутные психологические состояния в культуре осмысляются через мифологические или библейские образы. Русская интеллигенция второй половины XIX в. хотя и была, в основном, атеистичной, но сохраняла глубинную связь с народными идеалами, в том числе и христианскими. Потому русская интеллигенция (уточним — речь идет о массе врачей, учителей и пр., а не о тех представителях интеллигенции, для которых в начале XX в. были характерны религиозные искания) часто использовала язык библейских образов не в официально-церковной интерпретации, а для размышления об этических и философских проблемах современности. В результате получило распространение

---

[14] См., напр.: История русской литературы: в 4 тт. Т. 4; Литература конца XIX – начала XX вв. (1881–1917). Л., 1883 (разделы «Введение», «Литература 80–х годов»).

[15] *Лазаревский Б.* Письма об искусстве // Новый журнал для всех. СПб., 1909. № 11 (сентябрь). Стлб. 105–114.

[16] Цит. по: *Хализев В.Е.* Из читательских писем к Чехову // Науч. доклады высшей школы. Филол. науки. 1964. № 4. С. 164–174.

«мифологическое христианство» и русская жизнь воспринималась и трактовалась в соответствии с требованиями мифологизированных представлений.

Интересным явлением рубежа веков стала «стихотворная беллетристка», которая ярко отразила настроения времени, это своеобразная стихотворная публицистика, но что-то потребовало того, чтобы настроения вылились именно в лирическую (пусть и плохую) форму.

Возникает образ сумерек и «роковой ночи» как мифологического времени, времени смерти, жизнь осмыслялась в условных и абстрактных образах ада, «сумерки» стали соотносится с такими понятиями, как мрак, мучение, нищета ума, сон наш безмятежный, скука жизни. Сумерки шли рядом с такими словами, как *призрачный, кладбищенский, мрачный, прозрачный, темный*. *«Тогда цветы на стеблях увядали. / И свет погас. И не лучились дали. / И зрячие не видели дорог…»*[17]. Тут опять воспеты тоска, апатия, отчаяние, безволие, пассивность, ужас одиночества, ощущение бессмысленности и пустоты жизни, мечтательность, ощущение бессилия: *«Он, верно, с нами здесь, печален, но и кроток. / Он с нами навсегда! И в каждом сером дне, / И в русских сумерках, и в летней дреме сада, / И в нежной девушке с задумчивостью взгляда, / И в скорбной женщине с надломленной душой … / В молитвенной тоске и чистой и большой, / В осеннем вечере и в музыке Шопена»*[18]. Живущий в сумерках отчаяния поэтобречен на смерть: *«Но сам он знал, что до рассвета /Не доживет душа поэта, / Как в тихом сумраке звезда … / И весть пришла с чужбины дальной: / В его душе многострадальной / Замолкли струны навсегда!»*[19].

В безмерности сумеречного отчаяния есть только одно спасение, надежда, хотя и смутная, на некое «светлое будущее»: *«Но ты узнал, чего мы жадно ищем. / Как тихий звон — над сумрачнымкладбищем, / Твои слова носились в темноте; / Как чудодей — могучий и суровый, / Ты не разбил гремящие оковы, / Но дал простор ликующей мечте», «Но ты пришел, как ангел белоснежный, / И нам сказал, задумчивый и нежный, / Что эта Ночь — предвестница Зари»*[20]. И чем более страшной и хаотичной кажется жизнь, тем больше актуализируется именно идиллическое начало: *«Блистала в* ***сумерках*** *звезда / И сквозь вишневый сад / Роняла в зеркало пруда / С небес лучистый взгляд. / И тени хмурые толпой / Сходились к берегам, / Скользя неслышною стопой / По бархатным лугам. / И тихо плакали, в мечтах / О счастье на земле, / И сад вишневый, весь в цветах, / Томился в полумгле»*[21].

Вспомним снова надписи на венках и телеграммы, которые присылали в редакции газет в июле 1904 г. читатели Чехова: *«В тусклых сумерках нашей жизни лучом своего божественного таланта Чехов осветил и согрел нам понимание правды, добра и красоты. Он дал нам прекрасный завет, говоря: не*

---

[17] *Пустынин М.* Тогда цветы на стеблях увядали… // На памятник Чехову. Стихи и проза. М., 1906. С. 70.

[18] *Щепкина-Куперник Т.* Памяти Чехова // Чеховский юбилейный сборник. М., 1910. С. 30–31.

[19] *Лукьянов А.* Последний вздох-аккорд печальный… // На памятник Чехову. С. 55.

[20] *Пустынин М.* Тогда цветы на стеблях увядали… С. 70.

[21] *Чернобаев Е.* В вишневом саду // Мир Божий. СПб., 1904. № 10. С. 30.

успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны и бодры, не уставайте делать добро!» (из села Антоньева Калужской губернии), *«Нам жаль Антона Павловича. Он стремился спасти душу человека от гибели в болоте пошлости, рассеять сумерки, сделать жизнь красивой, чистой, доброй» (*ученики-земледельцы из Богородска). *«Многие в своих телеграммах и письмах выражают уверенность, что на смену сумеркам идет заря»*, — отмечала «Русская мысль» (*«Он жил «в сумерках ...», «а думал о том времени, быть может, уже близком, когда жизнь будет такою же светлою и радостной, как тихое весеннее утро» (*от группы читателей); *«Глубоко взволнованные смертью нашего огромного художника, мы из глухого угла Урала шлем наши искренние сожаления, рожденные горечью невозвратимой утраты по писателю, вынесшему в своем измученном сердце несокрушимую веру в торжество всечеловеческого идеала. Вечная память борцу против отупляющей пошлости сумерек души и безыдейного распутья»* (коллективная телеграмма из Екатеринбурга)[22].

Апокалиптические смыслы в связи со словом «сумерки» ярко проявились в поэзии Серебряного века. Например, в «Сумерках свободы» Осипа Мандельштама (1918): *«Прославим, братья, сумерки свободы, / Великий сумеречный год! / В кипящие ночные воды / Опущен грузный лес тенет. /Восходишь ты в глухие годы — О солнце, судия, народ. / ... Прославим власти сумрачное бремя, / Ее невыносимый гнет. / В ком сердце есть — тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет»*[23].

Таким образом, в языке публицистики есть целый ряд словесных формул, которые в чрезвычайно емкой образной форме концентрируют общественные настроения. Однако со временем наполняющие их смыслы теряются, и словесная формула оказывается «пустой»: ее наполнение не фиксируется словарями, а восстановить эти утраченные смыслы можно только через анализ публицистики определенного времени и только через междисциплинарный подход, восстанавливающий историко-культурные, социопсихологические пласты жизни общества.

Для конца XIX века можно найти еще целый ряд таких формул, которые были понятны современникам, но совершенно не понятны нам сейчас. Например, слова какого-нибудь некролога: «Умер, конечно, не первостепенный, но симпатичный талант, живший в сумерках русской жизни» — оставляют нас сейчас в состоянии недоумения (что такое *симпатичный талант*? Какой *талант первостепенный*? И пр.).

В истории публицистического языка есть еще целый ряд такого рода формул: *весна, оттепель, застой* и пр. Они также часто приходили в язык из художественной литературы (так, слово *оттепель* связано с И. Эренбургом). Все эти слова образно характеризуют социальные аспекты русской жизни. На этом фоне *сумерки русской жизни* особенно интересны: эта формула прошла

---

[22] См.: Русская мысль. М., 1904. № 8. С. 146–149 (2 паг.); В Петербурге. Встреча тела. Венки и телеграммы.

[23] *Мандельштам О.Э.* Сумерки свободы [Электронный ресурс URL http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/stihi/stih-191.htm].

несколько этапов наполнения ее смыслами: от возникновения ее в контексте философских размышлений о современном состоянии мира, далее к более узкому социальному значению, затем снова к расширению до мифологических смыслов, и в качестве закономерного итога к утрате смыслов, к пустоте.

О.А. Давыдова, Л.Г. Чапаева

АЗИАТИЗМ И *АЗИАТСКИЙ* В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XIX ВЕКА

Идеологический дискурс XIX века имеет своеобразный характер, который определяется тем, что политические, общественные, идеологические проблемы «всплывают» в основном в литературной критике, а с конца 30-х годов — еще и в спорах славянофилов и западников. Идеологическое и культурологическое противостояние славянофилов и западников складывается из множества оппозиций (преимущественно антонимического типа), куда входит и оппозиция *Восток~Запад, Россия~Европа, восточное~европейское, азиатское~европейское, азиатизм~европеизм*. Выстраивается любопытный синонимический ряд: *восточный* совпадает с *российским* и *азиатским* одновременно.

Возникает несколько вопросов: какие смыслы вкладываются в определение *азиатский*? Почему Москва оказывается азиатской, а Петербург — европейским? Что кроется за внешним «территориальным» противопоставлением, в то время как В.Г. Белинский, например, специально отмечал, что «в географическом отношении, она (Россия. — *Л. Ч., О. Д.*) всегда была державою европейскою; но одного географического положения мало для европеизма страны»[1].

Слова, образованные от топонимов, занимающие промежуточное положение между онимами и апеллятивами, как правило, не присутствуют в русских толковых словарях, однако если у таких слов появляется переносное значение, то они в словари попадают; кроме того, многое зависит и от терминологической природы слов и специального характера значения. Такая лексикографическая история у слов *азиат* и *азиатский* в русском языке XIX в.

Уже в начале XIX в. слова активно используются в их прямых значениях: *азиат* ‘житель Азии’ и *азиатский* со значением относительного прилагательного. Наряду с вариантами *азиат/азият*, *азиатский/азиятский* существуют и словообразовательные варианты *азиат–азиатец*: *Географический вопрос решите ж, братцы? наука ждет — куда себя определим: Мы сердимся, когда нам*

[1] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. / Под ред. Н.Ф. Бельчикова и др. М., 1953–1959. Т. V. С. 98.

*скажут: «**азиатцы**!» Быть европейцами мы сами не хотим*. П.А. Вяземский[2]. Или «*азиатец–русс*» в статье «Литературные мечтания» В.Г. Белинского (Белинский I: 36), под которым подразумевается восточный славянин.

Слова *азиатец*, *азиатизм, азиатский* (с переносным значением) в словарях XIX в. не представлены. Нет их и в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона (есть *Азиатская Россия* (часть территории), *азиатские общества, Азиатский вестник* и нек. др.). В словаре В.И. Даля зафиксировано только слово *азиятка* ‘род сарафана’ и сочетание *азиятская рожь* ‘растение Hibiscus syriacus’ (Даль I: 7); *азиятская рожа* ‘Hibiscus Syriacus, растение’ (роза? — *О. Д., Л. Ч.*) представлено в Сл. 1847 (Сл. 1847 I: 4).

В переносном значении слово *азиатский* активно используются достаточно рано, см., например, у Пушкина: *Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как **азиатское** невежество обитало при дворе*. Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII века (1822) (НКРЯ). *Надобно подобно мне провести 3 года в душном **Азиатском заточении** чтоб почувствовать цену и не вольного Европейского воздуха*. А.С. Пушкин. Письмо А.И. Тургеневу (1823) (НКРЯ). *Вы, издатель Европейского журнала в **Азиатской Москве***. А.С. Пушкин. Письмо М.П. Погодину (1827) (НКРЯ).

Появление слова *азиатизм* можно отнести к 30–40-м годам XIX в. В одной из рецензий Белинского 1839 года находим: *Риторическая фраза! Где тут тайна? — Дело ясно! Петра возмутила отжившая идея, мертвая форма, невежество, предрассудки, лень, **азиатизм** и **китаизм** народа, которого силы он знал и назначение пророчески предугадывал* (Белинский III: 225).

В 1842 году в «Журнале министерства народного просвещения» выходит работа Ф.И. Эрдмана под названием «Следы азиатизма в “Слове о полку Игореве”», где речь идет об «азиатских словах и выражениях», т. е. толковании и этимологии ряда встречающихся в произведении тюркизмов. Кроме того, слово *азиатизм* употребляется здесь и в значении ‘мифология народа’: *Каждый народный итог выставляет в мифологическом веке своего существования свойственный ему итог героизма: **азиатизм** — своего Аитара, **грецизм** — своего Геркулеса, **славянизм** — своего Яртура*[3].

Еще Ю.С. Сорокин отмечал «бурный рост начиная с 30-х гг. XIX в. таких словообразовательных разрядов, как существительные с суфф. ***–изм,** -ист, -ация (-изация)* (выделено нами. — *Л. Ч., О. Д.*)»[4]. Наиболее обширный класс слов на *–изм* относится к обозначениям различных направлений, течений в политике, культуре и науке. Многие из таких слов указывают лишь на свойство, склонность к чему-то, или «совокупность характерных свойств языка или слога: ср. образования 30-х гг. *брамбеизм* (у Белинского от имени Брамбеуса), *марли-*

---

[2] Цит. по: *Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010. [Электронный ресурс URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm].

[3] *Эрдман Ф.И.* Слѣды азиатизма в Словѣ о плъку Игоревѣ // ЖМНП. 1842. Ч. XXXVI. Отд. II. С. 25.

[4] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: (30–90-х гг. XIX века). М.-Л.,1965. С. 178.

низм (от имени Марлинского)»[5]. «В произведениях и письмах Белинского является более 130 существительных с суфф. -*изм* … первое место занимает группа слов, обозначающих направления в общественной жизни, философии, религии, литературе и искусстве (более 60 слов)[6]; второе — отвлеченные существительные, обозначающие качества или свойства (или какое-нибудь начало, принцип) и синонимически соотносящиеся прежде всего с существительными на -*ость*, а также на -*ство* и с прилагательными, употребляемыми субстантивированно в среднем роде для обозначения данных качеств (около 40 слов)»[7].

Слово *азиатизм* отмечено только словарями иностранных слов второй половины XIX в. и начала XX в. примерно с одинаковым значением: «*Азиатизм* от соб. им. Азия. a) Характеристические особенности азиатских языков и слога их. b) Высокопарная и надутая речь. c) В переносном значении деспотизм, дикость, жестокость характера» (Михельсон 1865 21); «1) нравы, обряды, быт и характеристические особенности языков азиатских народов. 2) высокопарная и надутая речь. 3) в переносном значении — деспотизм, дикость и жестокость характера» (Чудинов 24).

Достаточно полно, с опорой на лексикографические источники, данное слово описано в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» Н.И. Епишкина:

«1. Нрав и быт азиатских народов. Лучинский 1879. Нравы, обряды, быт и характеристические особенности языков азиатских народов. Чудинов СИС 1902. *Есть у нас русских две крайности — квас и шампанское,* ***азиатизм*** *и* ***французизм****, из которых последний едва ли не вреднее для русского.* С. Шевырев. // Скальковский 1905 29. 2. Высокопарная и надутая речь. Чудинов СИС 1902. 3. перен. Деспотизм, дикость и жестокость характера. Чудинов СИС 1902. *Москва гниет в патриархальности, пиэтизме и азиатизме*. 1842. Белинский М.П. Каткову. // ЛН 56, 75» (Епишкин).

В последнем случае иллюстрация вызывает сомнения, так как понятие *азиатизма* у Белинского, как будет ясно ниже, оказывается значительно шире этого узкого значения.

Следует оговориться, что во втором значении в публицистике слово не отмечено ни в текстах Белинского, ни в НКРЯ (в целом скудно представляющего исследуемые лексемы). Скорее всего, значение взято из пособий по риторике, где *азиатизмом* называлось одно из направлений римской литературы.

Прилагательное *азиатский* в словаре Н.И. Епишкина дается только в прямом значении без толкования: «**АЗИАТСКИЙ** ая, ое. asiatiqueadj. *А он* <Ганнибал> *как азиатцкой крови, возревновал*. 1752. РОА 5 38» (Епишкин).

Понятия *азиатское, азиатизм*, судя по высказываниям, в частности, Белинского, достаточно сложны, многоаспектны и практически не совпадают со словарными значениями, получая идеологическое содержание и дополнитель-

---

[5] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 250.

[6] Там же. С. 254. В примечании приводятся слова *европеизм, пиэтизм, славянизм* ‘славянофильство’.

[7] Там же. С. 254–255. В примечании — *азиатизм* с указанием пяти употреблений у Белинского и с одной цитатой: «азиатизм в образе жизни».

ные коннотации, т. е. понятие становится идеологемой славянофильско-западнического дискурса. Как отмечают исследователи, традиционно «идеологизация слов» происходит с помощью догматических добавок: на традиционную семантику слова искусственно накладываются идеологические смыслы»[8].

Нам представляется, что идеологема *азиатизм* (*азиатский, азиатец*) включает в себя следующие семантические компоненты:

1) «старинная неподвижность», «древность», т. е. верность старине и традициям, преданиям, страх новизны: *Так жили отцы наши и деды» — вот основное правило и высшее разумное оправдание* ***азиатца*** *в его быте и образе жизни* (Белинский V: 98). *В то время, как рос и украшался Петербург, по-своему изменялась и Москва. Вследствие неизбежного вторжения в нее европеизма, — с одной стороны, и в целости сохранившегося элемента* ***старинной неподвижности****, с другой стороны, она вышла каким-то причудливым городом, в котором пестреют и мечутся в глаза перемешанные черты* ***европеизма и азиатизма***» (Белинский VIII: 389). *Москва гордится своими историческими древностями, памятниками,* ***она сама историческая древностьи*** *во внешнем* ***и во внутреннем отношении****! ...* ***Дух нового*** *веет и на Москву и стирает мало-помалу ее* ***древний отпечаток*** (Белинский VIII: 393). Сходное понимание «азиатского» обнаруживаем и в высказывании историка Н.И. Костомарова: *Печальные обстоятельства предшествующей истории наложили на великорусское общество характер* ***азиатского застоя****, тупой* ***приверженности к старому обычаю, страх всякой новизны****, равнодушие к улучшению своего духовного и материального быта и* ***отвращение ко всему иноземному***. Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. (1862–1875) (НКРЯ). Ср.: *О Петербурге привыкли думать, как о городе, построенном даже не на болоте, а чуть ли не на воздухе. Многие не шутя уверяют, что этот город* ***без исторической святыни****,* ***без преданий****, без связи с родною страною, город, построенный на сваях и на расчете* (Белинский VIII: 393).

2) «Семейственность», «патриархальная семейственность», т. е. замкнутость на частной жизни, отсутствие интереса к общественным вопросам: ***Семейственность есть общая форма азиатского быта****; самое государство на Востоке — семейство в огромном размере* (Белинский V: 99). *Это город* ***патриархальной семейственности*** (Белинский VIII: 389). *Во всем и на всем* ***печать семейственности****: и удобный дом, обширный, но тем не менее для одного семейства, широкий двор, а у ворот, в летние вечера, многочисленная дворня. Везде* ***разъединенность, особность****; каждый живет у себя дома и крепко отгораживается от соседа*» (Белинский VIII: 389). ***Характер семейственности лежит на всем и во всем московском!*** (Белинский VIII: 392).

Об азиатской замкнутости позднее писал и Ф.М. Достоевский: *Одним словом, они овладели бы Россией политически, они стащили бы ее немедленно*

---

[8] *Купина Н.А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999. С. 14.

на какую-нибудь новую ***азиатскую дорогу****, на какую-нибудь опять* ***замкнутость***. Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. (1877) (НКРЯ).

3) Азиатизм включает в себя религиозность и приверженность церковным обрядам: ***Сознание азиатца спит****, ибо заключено в магическом кругу младенческой естественности, непосредственности.* ***Мысль*** *его преимущественно проявляется* ***в религиозной сфере***; *Москва гниет в патриархальности,* ***пиэтизме*** *и* ***азиатизме***. 1842. Белинский М.П. Каткову. // ЛН 56, 75 (НКРЯ). Ср.: *Для нас, европейцев, эта поэзия интересна как факт первобытного мира, и мы не можем сочувствовать ее суеверию, ее уродливому* ***пиэтизму****, даже самым красотам ее* (Белинский VIII: 113). Термин *пиэтизм* в данном случае употребляется Белинским не в конкретном значении (‘одно из религиозных направлений, возникшее внутри протестантизма’), а в обобщенном: ‘фанатичная религиозность’ (для пиэтизма характерно личное благочестие, ощущение постоянного строгого и бдительного «Божьего ока»).

И для славянофилов, и для западников в оппозиции *Восток~Запад*, по мнению Г. Флоровского, за «конкретной, фактической, историко-географической противоположностью для романтического сознания идеалистов сороковых годов» скрывается другая, принципиальная антитеза — «антитеза принуждающей власти и творческой свободы»[9]. Белинский замечает: *Азия — страна так называемой* ***естественной непосредственности****, Европа — страна сознания; Азия — страна созерцания, Европа — воли и рассудка. Вот главное и существенное различие востока и запада, причина и исходный пункт истории того и другого* (Белинский V: 98).

Основой философской концепции западничества была идея цивилизованной просвещенной личности, умеющей отстаивать свое достоинство и разумно использовать общественную и личную свободу: *Это происходит от противоположности европейского духа с* ***азиатским****. В азиатском нравственном мире преобладает субстанциональное, безразличное и неопределенное общее — эта бездна, поглощающая и уничтожающая личность человека. … Личность есть основа европейского духа, и потому в нем человек является выше природы* (Белинский VIII: 113).

Отношение к петровским преобразованиям также разделяло славянофилов и западников: если славянофилы полагали, что Петр Первый разорвал связь времен, нарушил естественное течение жизни и развития русского народа, то для западников его роль положительна: *В справедливости нашей мысли ссылаемся на любимые авторитеты г. Шевырева и на Карамзина в особенности. Петр Великий — это новый Моисей, воздвигнутый богом для изведения русского народа из душного и темного плена* ***азиатизма*** (Белинский VII: 629).

Таким образом, идеологемы *азиатизм*, *азиатское* в 40-х годах XIX века аккумулирует в себе все те черты славянофильства, которые претили западникам и которые формируют основные оппозиции двух мировоззрений: недоверие к новому, каким воспринимается европейское влияние; стремление сохра-

---

[9] *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия // О России и русской философии. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 352.

нить старое, неизменное, традиционное, поиск в нем идеала русской жизни; отрицательное отношение к деятельности Петра I; главное место в просвещении народа и объединении с ним отводится православию; подчинение личности государству и проч. К базовым идеологемам *славянофил*, *западник* (см. подробнее[10]), примыкают и идеологемы *азиатизм*, *европеизм*.

В отличие от Белинского, некоторые мыслители второй половины XIX в. склонны положительно оценивать роль «азиатского» в истории России (споры славянофилов и западников затихли, в среде западников наметились серьезные разногласия). Например, А.И. Герцен к таким положительным моментам относит сельскую общину, артели, даже казачество: *Возвратиться к селу, к артели работников, к мирской сходке, к казачеству — другое дело; но возвратиться не для того, чтоб их закрепить в неподвижных* ***азиатских кристаллизациях****, а для того, чтоб развить, освободить начала, на которых они основаны*. А.И. Герцен. Былое и думы. (1857) (НКРЯ). *Поскольку из яркого, пахучего, опьяняющего* ***азиатского цветка*** *доктринеры высушили бледное сено для гербариума* А.И. Герцен. Былое и думы. (1864) (НКРЯ). К.Н. Леонтьев писал, что «*только из более восточной, из наиболее, так сказать,* ***азиатской*** *— туранской нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое; без этого* ***азиатизма*** *влияющей на них России все остальные славяне очень скоро стали бы самыми плохими из континентальных европейцев и больше ничего*. К.Н. Леонтьев Письма о восточных делах (1882) (НКРЯ). Говоря о болгарах, Леонтьев замечает, что они «*не успели стереть с себя все хорошие черты своеобразного* ***азиатизма****»,* и они *«могут иметь великую будущность … если мы по неосторожности не прикоснемся к ним более петербургским, чем московским боком нашего петровского Минотавра!*» К.Н. Леонтьев. Территориальные отношения (1878) (НКРЯ). Впрочем, понятие *азиатизма* у Леонтьева, многослойно, здесь и география славян, живущих на востоке или пришедших в Европу с востока, и славянские «патриархальные формы быта», и, конечно, православие, т. е. восточная (а, значит, азиатская) ветвь христианства.

К началу XX века слово *азиатизм* в словарях постепенно вытесняется лексемой *азиатчина* с негативной коннотацией, но в начале XXI в. вновь актуализируется в современном политическом дискурсе. См. например, название одной из глав книги С.В. Чугрова: «Современный азиатизм и японская идентичность»[11]; статьи и исследования О.А. Добринской[12]; здесь же дается толкование термина: «*Азиатизм* делает акцент на отношениях с азиатскими странами»[13]. Синонимом к слову выступает и *пан-азиатизм* — термин, обозначающий идейно-политическое течение.

---

[10] *Чапаева Л.Г.* Идеологический дискурс 1830–1840-х гг.: явные и скрытые смыслы лингвоидеологем // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Вып. 22 (601). Филологические науки. М., 2010. С. 9–18.

[11] См.: *Чугров С.В.* Япония в поисках новой идентичности. М., 2010.

[12] См., например: *Добринская О.А.* О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии // Японские исследования. 2018. № 2. С. 23–27.

[13] Там же. С. 25.

Подводя итоги, можно сказать следующее.

В середине XIX в. в идеологическом дискурсе возникает идеологема *азиатизм*, не отмеченная в толковых словарях того времени. Однако слово нашло отражение в словарях иностранных слов второй половины XIX – начала XX в. Будучи встроенным в оппозиции славянофильско-западнического дискурса, слово *азиатизм* (вместе с относительным прилагательным *азиатский*) развивает переносные, метафорические значения, приобретая характер многоаспектного идеологического понятия, но в узусе не удерживается, уступая место слову *азиатчина* с ярко выраженной отрицательной коннотацией в третьем значении, на которое указывают словари (см. выше). В начале XXI века слово вновь появляется в историческом и политическом дискурсе, как с исторически территориальным значением ‘относящийся к Азии’ или ‘приверженность к азиатскому’ (см., например, цитату в словаре Н.И. Епишкина: «*Азия,* — писал он, — *остается матерью всех благородных идей. Это в своем роде мозг человечества». Это неожиданное для Аббаса восхваление «**азиатизма**» явно было сознательным ходом*. Вопросы Истории. 2004. № 9. с. 63»), так и новым политическим значением ‘объединение азиатских стран’, ‘ориентация на азиатские страны во внешней политике’. Ни в одном из значений слово не отмечено в современных словарях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Белинский — *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 тт. / Под ред. Н.Ф. Бельчикова и др. М., 1953–1959.

СЛОВАРИ И КАРТОТЕКИ

Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М., 1955.

Епишкин — *Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010. [Электронный ресурс URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm].

Михельсон 1865 — *Михельсон А.Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: http://www.ruscorpora.ru/

Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отд. Императорской Академии Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.

Чудинов — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1910.

ЭСБЭ — Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. I–XLI. СПб., 1890 –1904.

И.Б. Дягилева

ПРОЦЕССЫ ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ XVIII В. В РУССКИХ ГАЗЕТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В связи с развитием журналистики, уже с 20-30-х гг. XIX в. растет влияние публицистического стиля на литературный язык в самых различных областях. К одной из них относится заимствование иноязычной лексики, процесс интенсивный, во многом определяющий движение словарного состава русского языка в рассматриваемый период. Исследование этого явления предполагает несколько этапов: изучение освоения заимствований XVIII века; описание и анализ новой иноязычной лексики первой половины XIX века, выявление в ней прямых заимствований, калек, полукалек, эквивалентов, служащих для передачи новых понятий, фразеологических единиц; изучение их семантического и словообразовательного развития; установление факторов, определявших процессы нормализации в сфере заимствования.

В задачи данного исследования входит описание первого этапа в изучении динамики заимствования, а именно описание процессов освоения заимствований XVIII века в текстах газет первой половины XIX века. Газетные источники — «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Молва»[1], «Бабочка», «Северный Меркурий», «Северная пчела», «Художественная газета» и др. — представляют собой обширное собрание текстов, в которых, благодаря активной переводческой деятельности журналистов, происходила переработка и освоение большого числа иноязычных слов[2].

Фонетическая и орфографическая адаптация

При анализе фонематических и орфографических вариантов слов XVIII в., представленных в газетах, можно отметить, что, с одной стороны, за-

[1] Периодическое издание «Молва», основанное профессором Московского университета Н.И. Надеждиным как приложение к журналу «Телескоп», в первый год своего существования именовалось «журналом мод и новостей», но с 1832 г. стало называться газетой при сохранении формата издания.

[2] В газетах отражается не только появление новых слов, но и уход из языка устаревших заимствований, например: *респонс, аттенция, инвенция*.

вершается в ряде случаев фонетическая и орфографическая адаптация одних слов, происходит стабилизация их форм (*азартный, барельеф, варваризм, гигиена, магазин, нарцисс, электризовать* и др.), но, с другой стороны, множественность и пестрота вариантов других слов сохраняется на протяжении длительного периода времени. Это обусловлено целым рядом причин.

К концу XVIII в. в области заимствования сформировалось ведущее влияние французского языка. Французские дифтонги, носовые звуки, удвоенные согласные, целый ряд фонем, отличных от русского языка, давали при передаче прототипа большое число модификаций. Например, слово ***аккомпанемент*** (фр. accompagnement) употребляется в газетах первой половины XIX в. в 7 вариантных формах.

В представленной таблице показаны варианты по изданиям, при этом нередко встречаются колебания в одном и том же издании на протяжении одного года. Наиболее частотным к середине века становится вариант *акомпанимент*, зафиксированный в «Словаре церковнославянского и русского языка» (Сл. 1847 I: 5), а в современной орфографии слово *аккомпанемент* лексикографически закреплено в Сл. 1891.

наименование источника	**варьирующиеся компоненты слова**	**варианты и год фиксации**
СРЯ XVIII	к/кк нье- мент/нимент/ньеман/немент	акомпаньемент (1795), акомпанимент (1796), аккомпаньеман (1796), аккомпанемент (1806)
«Северная пчела»	к/кк ниемент/нимент/немент	акомпаниемент (1827), аккомпанемент (1846), акомпанимент (1850) — 15 употр., аккомпанемент (1850) — 2 употр.
«Северный Меркурий»	к нимент/ньеман	акомпанимент (1830), акомпаньеман (1831)
«Молва»	к/кк нимент/немент	аккомпанемент, акомпанимент (1831)
«Литературные прибавления к ‘Русскому инвалиду’»	ккнент	аккомпанент (1831, 1 употр.)
«Художественная газета»	к/кк ньамент/нимент	акомпаньамент, акомпанимент, аккомпанимент (1837)

Ср.: *Для разнообразия альманачных музыкальных прибавлений, не худо бы помещать в них пиесы не для только одного фортепияно, но и с* ***акомпаниментом*** *к нему скрипки, или гитары или флейты.* СМер. 1830 24: 94. *Я уже сделал* ***акомпаньеман*** *для гитары.* СМер. 1830 47: 197.

Ту же мелодию композитор помещает во второй части первого аллегро, но уже в более занимательном виде и с ***аккомпаниментом*** *более сложным.* ХГ

1837 7–8: 125. *В особенности хорошо было соблюдены crescendo и decrcesendo в гитарном (Pizzicato)* ***акомпаньаменте*** *Ариеты Фатимы.* ХГ 1837 24: 380.

Широкая вариантность сохраняется также у слова *фортепьяно*, заимствованного в XVIII в. из итальянского (*pianoforte, fortepiano*) и через французский (*piano-forte, forte-piano*), — *пианофорте* (1773), *пианофорт* (1773), *пианофорто* (1780), *фортепиано* (1784), *фортопиано* (1785), *фортопияно* (1789), *пиано-форте* (1796), *фортопьяно* (1799), *фортепияно* (1803)[3]. Название широко известного музыкального инструмента принадлежит к интернационализмам, и в начале XIX века можно во всех европейских языках отметить вариантность, связанную с последовательностью компонентов *forte* и *piano*.[4] В русских газетах широко представлены варианты с первой частью *форте*: *фортепиано, фортепьяно, фортепияно, фортопиано*, в основном, в слитном написании, хотя встречаются и дефисные[5]. Единообразие в написании слова отсутствует не только в пределах одного издания, но даже в рамках одной статьи.

Соната Бетговена для ***фортепьяно*** *и скрипки.* (Статья «Концерты С.Петербургского Филармонического общества». ХГ 1837 7–8: 120. *Если вы вечером слышали а-мольную сонату, исполненную на* ***фортепиано*** *и скрипке, то ночью она верно вам приснится.* ХГ 1837 7–8: 121. *Петербург так избалован своими отличными виртуозами на* ***фортепияно****, ... что лучшим ручательством необыкновенного таланта Леопольда Мейера может служить возбужденный им здесь постоянный энтузиасм.* ХГ 1837 7–8: 129. Еще один вариант встречается в той же газете в другом номере. *В каком доме или лучше, в какой квартире нет* ***фортопиана****.* ХГ 1837 1: 4.

Варианты с первой частью *пиано* в русском языке XIX в. почти не употребляются, можно считать, что они исчезают из языка, хотя интересно отметить, что в европейских языках (английском, итальянском, немецком, французском) закрепился вариант именно с таким порядком частей — *pianoforte*. Форма *пиано-форте* встречается только в газете «Московские ведомости», отличавшейся до 40-х гг. своим консервативным характером.

Они <концерты> *будут состоять из симфоний, увертюр, хоров, обеден и проч. и концертов для* ***пиано - форте*** *и других инструментов.* МВ 1828 85: 3656.

Рассмотренные вариантные ряды свидетельствуют о том, что на адаптацию заимствований в это время влияют, помимо языковых факторов, факторы

---

[3] *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.А.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 386, 401; СРЯ XVIII 19: 200.

Например, отмечены следующие употребления: ***Нем.*** G.S. Löhleins Klavierschule oder Anweisung zum Klavier und **Fortepiano** Spiel. Jena. 1804. F. Seegner. Bravour-Sonatefür **Pianoforte** und Guitarre. Wien, 1830. ***Франц.*** H. Montgeroult Cours complet pour l'enseignement du **Forté Piano**. Paris, 1830. I. Moscheles. Grand Sonate pour le **Pianoforte** à quatre mains. Wien, 1835. ***Англ.*** Popular national melodies. Adapted for the **Pianoforte**. By James Dewar.Edinburgh, 1826. **Fortepiano**. A. Wilson. American Ornithology. Otis. 1839. P. 206.

[5] Например, дефисное написание представлено в словаре Михельсона: *форте-пиано* (Мих. 1861: 364).

социокультурные. Во-первых, отсутствует, особенно в первой трети XIX века, осознанная нормализаторская деятельность журналистов, редакторов газет по единообразному употреблению заимствований. Во-вторых, унификации форм иноязычных слов препятствует билингвизм высшего сословия, приводящий к тому, что систематически возобновляются «вариантные отношения даже в тех звеньях, в которых для монолингвов была уже достигнута известная стабилизация. Фонетическая адаптация слова легко нарушается. Именно поэтому история формального освоения иноязычного слова не есть прямое движение от начальной вариантной пестроты к единой стабильной форме. Она предполагает возможность возобновления былых вариантных отношений и появление вариантности новой»[6].

Изучение процессов освоения иноязычных слов показывает, что в некоторых случаях сложно объяснить причины той или иной возникающей модификации.

Так, музыкальный термин *пиццикато* (итал. *pizzicato*) зафиксирован в СРЯ XVIII в трех вариантных формах: *пиччигато* (1784), *пичикато* (1795), *пиччикато* (1806), но сочетание zz в итальянском языке передается как *цц*, в отличие от сочетания *сс*, соответствующего *ч*. В газетах начала XIX в. появляется еще четыре варианта: *пиццикато* (СП 1826 39: 3), *пиццикати* (Мол., 1831 17: 2), *пичиккато* (СП 1832 6: 3), *пицикато* (ХГ 1837 5: 86), иногда встречается и нетраслитерированная форма — *Pizzicato* (ХГ 1837 24: 380). За исключением Словаря Толля[7], словари иностранных слов XIX века устойчиво фиксируют форму *пиччикато*. Параллельное использование *пиччикато* и *пиццикато* на протяжении всего XIX века привело к тому, что в словаре Ушакова была применена запретительная помета с целью закрепления в узусе нормативного варианта: «Пиццикато и (чаще, неправ.) пиччикато (итал. pizzicato) (муз.)» (Ушаков III: 273).

В некоторых случаях вариантность заимствованных лексем в русском языке была определена вариантностью в языке-источнике, как это произошло со словом *доллар*. В СРЯ XVIII зафиксировано слово *долар* (1790) от англ. *dollar* (СРЯ XVIII 6: 199). В английском языке в это время параллельно употребляются формы *doller* и *dollar* (становится быстро основной)[8]. В русских газетах начала XIX в. встречаются варианты *долер*, *доллер*, *доллар*.

На чрезвычайные расходы текущего года Палата представителей назначила 6 миллионов ***доллеров***. СП 1831 135: 3. *Оценивают оный* <пожар> *в 200,00* ***долеров***. СП 1833 3: 4. *В одной Американской газете пишут: "Исчислено, что капитал, употребляемый на мануфактуры и фабрики в Соединенных Штатах, простирается до 250 миллионов* ***доллеров****"*. СМур. 1832 10: 74. *По*

---

[6] *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.А.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 185.

[7] «Пиццикато, игра на скрипках на щипок, т.е. пальцом, а не смычком» (Толль II: 107).

[8] В качестве примера можно привести следующие фиксации: Doller в Sir John Sinclair. The Statistical Account of Scotland. V. 15. Edinburgh, 1795. P. 480. Dollar в Journals of Congress.Philadelphia, 1781. P. 355.

последнему Бюджету, Государственные расходы Северо-Американских Штатов составляли в 1828 году около 25 мил. ***долларов***. Баб. 1829 11: 42.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на большую распространенность варианта *доллар* в рассматриваемых источниках, в газете «Северная пчела» до середины XIX века используется только форма *доллер*. В большинстве словарей иностранных слов фиксируется *доллар*[9], однако в Словаре Михельсона во всех изданиях, вплоть до конца века, — *доллер*[10]. Здесь следует, видимо, рассматривать такую последовательность в употреблении одного варианта как языковое предпочтение авторов.

Морфологическая адаптация

В количественном отношении среди заимствований первое место принадлежит именам существительным, поэтому и процессы морфологической адаптации проявляются, в первую очередь, в колебаниях грамматического рода и родового оформления, а также в колебаниях форм числа. Эти явления можно наблюдать в языке газет на многочисленных примерах.

В газетах первой половины XIX века довольно часто употреблялось слово *гоэлетта (гоэлетт)*, зафиксированное в СРЯ XVIII в форме *голет*: ◁ ГОЛЕТ 1795, goëlette … *Судно типа шхуны.* (СРЯ XVIII 5: 152)

В «Морском словаре» А.С. Шишкова *гоелетта* описывается следующим образом: «Голет. Небольшое судно много употребляемое у Англичан, а особливо в Америке; сии Суда поднимают Груза от пятидесяти до ста Ластов и более. Имеют две Мачты наклонные назад, на каждой мачте Парус похожий на Грот Бригантина или Катера. Кроме сих двух главных Парусов бывают еще Топсели и два или три Стакселя напереди, а на Корме род Драйвера. Сие Судно по конструкции своей и парусам весьма хорошо ходит в Бейдевинд. Голеты бывают разной величины». Шишков: 43.

В газетных текстах слово употребляется в основном в форме женского рода с окончанием *–а*, что соответствует родовой принадлежности французского прототипа.

Французская ***гоэлетта*** *Эстафета выдержала, на водах Сиры сражение, с двумя Греческими военными кораблями.* СП 1826 49: 3. *Пароход Постоянство взял вооруженную Турецкую* ***гоэлетту***. СП 1827 12: 3. *При первом известии об опасности, Набобы садятся на легкие бриги, летучие* ***гоэлетты****, коих мачты живописно кренятся к корме и уходят в открытое море, пока эпидемия соберет ежегодную дань свою.* ЛП 1831 100: 786.

---

[9] К примеру: «Доллар (англ. dollar.Сравн. шведск.daler, нем. Thaler, голл. daalder). Счетная и торговая монета, серебряная и золотая в Северо-американских соединенных штатах и в республиках Южной Америки». (Сл. 1891: 1099).

[10] «Доллер, англ. dollar, отъ нем. Thaler, талер. Серебряная монета в Северо-Американских Штатах, стоящая на наши деньги 1 р. 35 к. с.» (Мих. 1883: 238).

Форма мужского рода, представленная единичным примером, выходит из употребления, что подтверждается словарными фиксациями формы *гоелетта*[11]. (Мих. 1861: 139, Чуд.: 254 и др.)

Штаты имеют 41 военную крепость, 11 арсеналов, семь линейных кораблей, 10 фрегатов, 2 корветы, 12 военных шлюпов и 7 ***гоэлетов****.* ЛП 1831 № 61: 480.

Еще один интересный пример вариантности по родовой принадлежности — существительное *контральт/контральто*. Вошедшее в русский язык в конце XVIII века, оно, как и итальянский прототип, принимает форму мужского рода даже при финали на *–о*. Слово сохраняет мужской род и при употреблении в новом значении: ‘певица с низким певческим голосом’.

◁ КОНТРАЛЬТ 1795, а, *м*. Ит. contralto. Самый низкий женский певческий голос, контральто (СРЯ XVIII 10: 5).

Голос ее <Г-жи Энгельгардт> *прекрасный* ***контральто****.* СП 1842 266: 1061. *Г-жа Альбони, прелестнейший* ***контральт****, не всем тогда нравилась, потому что голос ее был еще полуобделанный алмаз, хотя и драгоценный.* СП 1847 283: 2. *Голос Г-жи Демерик полный, густой, звучный* ***контральт*** *в обширном регистре.* СП 1849 224: 894.

В ранних употреблениях отмечается дефисное написание. В словарях закрепляется в основном форма *контральто*, за исключением «Словаря иностранных слов» Ф. Павленкова[12].

Голос ее<Г-жи Замбони> *не есть чистый* ***контр-альто****.* (СП 1828 42: 2). *Голос Г-жи Буржуа-Скироли есть один из лучших* ***контр-альтов****, какие мы с давнего времени слышали на нашей сцене.* СП 1830 58: 3.

Представляется, что, при высокой частотности употребления нового заимствования, оно быстрее адаптировалось, в узусе вырабатывался единый нормативный вариант. Например, слово *люстра*, употреблявшееся в грамматических вариантах муж. и жен. рода, к 40-м гг. устойчиво закрепляется в языке в форме женского рода, в том числе и по фонетическим причинам: три согласных в конце слова затрудняют произношение.

◁ ЛЮСТРА 1792, ы, *ж*. и ЛЮСТР 1798, а, *м*. Фр. lustre. Висячий светильник из нескольких подсвечников с различными украшениями (СРЯ XVIII 12: 22).

Муж. р.: *Свет их* <параболических зеркал> *... гораздо сильнее обыкновенных* ***люстров****.* (СП 1825 138: 2). *В Палате Депутатов важнейшим происшествием было случившееся вчера вечером падение большого среднего* ***люстра****: он разбился в дребезги.* СП 1833 300: 1.

Ж. р.: *Кроме хрустальной* ***люстры*** *с большими подвесками, стояло у зеркалов по нескольку двойных подсвечников.*ЛП 1835 37: 290. *Огромная* ***люстра*** *спускалась с верху, и разливала яркий свет.* СП 1840 158: 630.

Значимым фактом закрепления слова *люстра* в языке следует признать его включение в словарь П.И. Соколова: «Люстра, ы, м. фр. Хрустальное или

[11] Мих. 1861: 139, Чуд. и др. издания.

[12] «Контральт — самый низкий женский голос» (Павл.: 269).

бронзовое паникадило, привешиваемое к потолку комнат для их освещения.» (Соколов 1: 1350). Помета, относящая слово к муж. роду, скорее, является опечаткой или данью французскому этимону.

Отмечаются колебания также при употреблении форм числа существительных. Уже рассмотренное выше, в связи с фонетической адаптацией, слово *фортепьяно* функционирует в русском языке в форме мн. ч. параллельно с формой ед. ч. до конца XIX века, в том числе в произведениях М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, В.Ф. Одоевского, И.С. Тургенева и др.

В музыкальном магазине Пеца поступила в продажу петая в С. П.бурге Госпожею Зонитаг Швейцарская Ария с вариациями, аранжированная Г. Барьером для большего чекана с акомпаниментом ***Фортепиан****.* СМер 1830 124: 184. *Фортопианы.* МВ 1828 92: 3993.

Употребление формы мн. ч. связано в том числе и с традицией наименования музыкальных инструментов — предшественников *фортепьяно*: *клавесин/клавесины*, *клавикорд/клавикорды*.

Еще одной особенностью освоения заимствований XVIII в. является неустойчивость морфологических норм у существительных на *–о*: отмечается параллельное функционирование несклоняемых форм и форм, оформленных по второму типу склонения.

В Париже, как у Фамусова, собираются потанцовать при звуках ***фортепиана****.* СП 1832 70: 1. *Романсы: Привет, А.С. Даргомыжскаго,* <посвященный> *хорошенькому* ***контральту****.* СП 1840 23: 89. *О* ***либретто*** *ничего не скажем; сюжет заимствован из известного Байронова расказа. ... Человек с талантом мог бы сделать лучшее из всех доныне существующих* ***либретт****.* СП 1833 250: 1[13].

В первой половины XIX века в газетах такая вариантность склоняемых и несклоняемых форм является частотной, устойчивой (*маэстро, пальто, пианино, сальтарелло, сольфеджио, сопрано и д*р.) и, наверное, не может обосновываться только «просторечной тенденцией»[14]. Эта проблема требует специального изучения.

Словообразовательная адаптация

В первой половине XIX века, помимо продолжающегося процесса фонетической, орфографической, морфологической ассимиляции заимствований XVIII века, на их базе происходило развитие уже имеющихся словообразовательных гнезд и формирование новых. Как уже неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, в этих процессах задействуются те слова, которые оказываются в центре общественного внимания. Неслучайно так много проана-

---

[13] В последнем примере в пределах одной статьи функционирует как несклоняемая форма, так и склоняемая.

[14] «Живо давала о себе знать восходившая еще к Петровскому периоду и не преодоленная в XVIII столетии просторечная тенденция склонять все существительные без исключения». См.: *Тарланов З.К.* Русский литературный язык первой трети XIX века: становление норм именных классов слов в критико-публицистическом стиле. Петрозаводск, 2016. С. 23.

лизированных в данной работе заимствований принадлежит к сфере музыки. Критические разборы спектаклей, балетов, концертов составляли неотъемлемую часть газет этого времени. Например, в «Северной пчеле» они помещались в таких отделах, как «Смесь», «Пчелка», «Журнальная всякая всячина», «Фельетон», «Петербургские городские новости» и др. В таблице представлены факты словообразовательной адаптации некоторых заимствований XVIII века.

XVIII в.	**XIX в.**
абстракция абстрактный (един.)	абстрактность (СПВ 1847 251: 1), абстрактный (СП 1850 121: 185)
карикатура, карикатурный	каррикатурист (СПВ 1847 277: 1).
контральто	контральтовый (СПВ 1847 279: 1)
концерт, концертик, концертный, концертант (музыкальное произведение для двух и более инструментов), концертантный.	концертист, бесконцертный, концертантка
оркестр, оркестренный (един.)	оркестровка (СПВ 1847 278: 2), оркестровать (ХГ 1837 16: 260), оркестровый (СП 1850 68: 271)
ортопедия	ортопедический (СПВ 1847 102: 4)
сопрано	сопранный (СПВ 1847 246: 1)
фортепьяно	фортепьянист (ХГ 1837 7–8: 122), фортепианистка (СП 1832 220: 2), фортепианный (ХГ 1837 7–8: 129) фортопьянный (ХГ 1837 1: 4)

В Среду 28 Апреля, первый ***концертист*** *Императорских Театров Г. Беем, даст концерт в большой Филармонической зале.* СП 1826 50: 2. *В течение пяти недель не было* ***бесконцертного*** *дня и концерта без значительного числа слушателей.* ХГ 1837 7-8: 130. *Билеты, по 3 р. сер., можно получить в квартире* ***концертантки****, в доме Скрипицына, на Мойке, близ Певческого Моста.* СП 1847 28: 2.

Семантическое освоение

Процессы семантического освоения заимствованной лексики достаточно разнообразны и сложны. Развитие новых значений может происходить как на русской почве, так и под влиянием других языков. Не всегда можно однозначно определить, как они развивались. Так, у слова *аномалия* в начале XIX в. появляется новое значение, отмеченное в словарях: «Аномалия. Слово, означающее уклонение от обыкновенных правил». (Кир. 11). «Аномалия. Неправильность; все выходящее из обыкновенного порядка вещей» (Мих. 1861: 18). Ср. с терминологическим значением в XVIII веке:

◁ АНОМАЛИЯ 1752, и, *ж.* Лат. anomalia< гр. ἀνωμαλία, непоср. и через фр. anomalie. *Астр. Аномалия.* Есть угольное расстояние, какой планеты от

Афелии, или Перигелии .. Она означает тот угол, на которой планета, отстоит от точки дальнейшего ее расстояния от солнца. Ян. I 159 (СРЯ XVIII 1: 71)

Другое дело Замоскворечье. Там ворота на запоре, и кто изволит пожаловать в дом ... проходит, как будто тайком, в калитку (ворота раскрываются здесь неиначе как в крайней необходимости); подъезды с улицы ***аномалия*** *в этой сфере.* СП 1847 283: 2.

Новое значения могло развиться на почве русского языка, но могло быть и вторичным заимствованием, так как в западно-европейских языках у слова *аномалия* уже отмечается указанное значение[15]. Непосредственно на русской почве растет сочетаемость, определяя дальнейшее семантическое развитие слова.

В некоторых болезнях медицина бессильна: это должен объявить каждый добросовестный врач. Где есть органическое повреждение, испорченность клетчатой плевы, ***врожденная аномалия*** *в сложении, там искусство ничего не может сделать, потому что не находит помощи в природе.* СП 1843 8: 32. *Я хотел заметить услужливому незнакомцу, что господская половина в стране равенства довольно* ***странная аномалия****, но он не дал мне высказать слова.* СПВ 1847 256: 1. *Нужно ли делать критический разбор подобной пиесы? Ее можно назвать несчастием для Дюма, и вся пиеса —* ***невероятная аномалии****!* СП 1843 181: 722.

Во второй половине XIX века уже выстраиваются значимые в историко-культурном плане лексические ряды со словом *аномалия*: *нравственная, общественная, политическая аномалия; историческая, литературная, юридическая аномалия; психическая, половая, сексуальная, чувственная аномалия.*

Проблема освоения заимствований требует дальнейшего исследования, тем не менее, очевидно, что использование газетной публицистики является продуктивным для изучения адаптации иноязычных слов, их семантической ассимиляции. Рассмотрение материалов газет позволяет сделать важные выводы о том, как новые иноязычные слова и их дериваты возникают в разнообразных сферах общественной жизни, какие социокультурные факторы на них влияют, как складываются языковые предпочтения в обществе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Баб. — газета «Бабочка»
ЛП — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»
МВ — газета «Московские ведомости»
Мол. — газета «Молва»
СМер — газета «Северный Меркурий»
СМур — газета «Северный муравей»
СПВ — газета «Санкт-Петербургские ведомости»
СП — газета «Северная пчела»
ХГ — «Художественная газета»

[15] Anomaly. Irregularity; deviation from the common rule. См.: S. Johnson. A Dictionary of the English language. Vol. I. London, 1827.

СЛОВАРИ

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. 2-е изд., испр. и доп. М., СПб., 1880–1882.

Кир. — Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка. Издаваемый Н. Кириловым. Вып. 1. СПб., 1845.

Мих. 1861 — *Михельсон А.Д.* Объяснение 7000 иностранных слов. М., 1861.

Мих. 1866 — *Михельсон А.Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык с означением их корней. М., 1865.

Мих. 1883 — *Михельсон А.Д.* Объяснительный словарь иностранных слов. Изд. 9-е. М., 1883.

Павл. —Павленков Ф. Словарь иностранных слов. СПб., 1907. С. 269.

Сл. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4-х тт. СПб., 1847.

Сл. 1891 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / Под ред. акад. Я.К. Грота. СПб., 1891. Вып. 1.

Соколов — *Соколов П.И.* Общий церковно-славяно-российский словарь. Т. 1. СПб., 1834.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб., 1984–2019 (издание продолжается).

Толль — Настольный словарь для справок по всем отраслям знания / Под ред. Ф.Г. Толля: в 3-х тт. СПб., 1863-1866.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: в 4-х тт. М., 1996.

Чуд. — Словарь иностранных слов / Под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1894.

Шишков — *Шишков А.С.* Морской словарь. СПб., 1832. Т. 1.

Е.В. Макеева

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ЗАИМСТВОВАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ПУБЛИЦИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Описывая особенности развития словарного состава русского языка в области общественно-политической лексики и, в частности, лексики заимствованного происхождения, Ю.С. Сорокин называет две важные для нашего исследования позиции. Во-первых, в усвоении русским языком целого ряда слов «особенно важную роль сыграла передовая публицистика второй половины 40-х гг.»[1], где новые термины и понятия, нередко обладавшие новизной и в языке-источнике, получали толкование и объяснение, что в свою очередь способствовало быстрому формированию «нового пласта общественно-политической лексики»[2]. Во-вторых, дальнейшие процессы в развитии семантики многих относившихся к данному лексическому пласту слов (дифференциация значений, закрепление сфер употребления и др.), происходившие под влиянием революционно-демократической мысли и тесно связанные с процессами историческими и общественно-политическими, отличаются стремительностью. В определенной степени описание этапов семантического развития этих слов затрудняется их быстрым распространением, вхождением в общее употребление при слабой представленности в «подцензурных словарях 60-х гг.», которые «определяют эти слова (например, *агитация, агитатор*. — *Е. М.*) с официальной точки зрения, очень неполно и неточно»[3].

Целью проведенного исследования была попытка уточнения на материале полных текстов публицистических произведений, а также контекстов из НКРЯ характера семантических изменений, выявления динамики в развитии парадигматических и синтагматических связей, которые приобретали новые или освоенные ранее заимствования во второй половине XIX века.

---

[1] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.–Л., 1965. С. 85.

[2] Там же. С. 85.

[3] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 141.

Одним из направлений развития семантики заимствованного слова, как известно, является расширение его семантического объема. К таким словам можно отнести слово *митинг*, известное в русском языке с середины XIX века и отмечаемое в словарях с 1859 г. (Черных I: 535). В словаре К. Гейзе (1861 г.) слово *митинг* соотнесено с общественно-политической жизнью Англии — «народное собрание для обсуждения какой нибудь политической мѣры или общественнаго вопроса» (ПСИС: 326). Интересны контексты, дающие пояснения к новому слову, обозначающему новое понятие, например: *Лучшая и единственная реформа, которой он может заняться, это усовершенствование в своем домашнем быту. Самые полезные* ***митинги (meetings)****,* ***т. е. народные собрания****, суть те, которые отбываются в семейном кругу, а лучшие речи (speech) те, которые клонятся к водворению спокойствия, мира, любви и снисхождения к человечеству.* Ф.В. Булгарин. Воспоминания (1846–1849) (НКРЯ).

В следующих двух контекстах слово включается в ряд «одноуровневых», уже освоенных явлений общественной и культурной жизни определенных кругов. Ср.: *Нечего говорить о том, что всякие* ***клубы****,* ***митинги*** *и т. п. были там* <в Неаполе> *невозможны; но мы знаем, что чрезвычайно затруднительны были всякие общественные собрания какого бы то ни было рода, для какой бы то ни было цели.* Н.А. Добролюбов. Непостижимая странность (Из неаполитанской истории) (1860) (НКРЯ). *Как могло зародиться такое понятие — решительно не понимаю; по крайней мере, на банкетах и* ***митингах*** *этим несомненно стращали народ: будет-де страшное потрясение, беда.* Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876) (НКРЯ).

Развитие семантики может идти по пути изменения оценочных коннотаций. Представляется, что такой путь прошли слова *агитация*, *агитатор*, пришедшее из немецкого языка, отмеченные в толковых словарях русского языка с 1880 г. (Черных I: 27). В 3-ем издании словаря В.И. Даля *агитация* — ‘народныя или сословныя смуты, подговоры, наущенья и волнение, тревога’; *агитатор* — ‘волнователь, подстрекатель, смутчикъ, зачинщикъ мятежа’. В толкованиях В.И. Даля даются значения с отрицательной коннотацией. Ср. контексты употребления в публицистических текстах: *Это народное возмущение перешло потом в г. Саратов, где были разгромлены холерные больницы и квартиры врачей, и хотя оно было подавлено вызванными из лагеря войсками, с начальником дивизии Эллисом во главе, но и на этот раз было немало жертв благодаря этой* ***гнусной подпольной агитации****.* В.А. Шомпулев. Записки старого помещика (1897–1908). *Легкость, с которой, и то только по-видимому, всплывают знаменитости в революционные времена — поражает молодое поколение, и оно бросается в пустую* ***агитацию****.* А.И. Герцен. Былое и думы (1862–1866) (НКРЯ). *Революционеры продолжали пустую* ***агитацию****.* А.И. Герцен. Былое и думы (1862–1866) (НКРЯ).

Понятие «агитация» приобретает вполне определенные сословные характеристики. Частотны атрибутивные сочетания с прилагательными, обозначающими народы, национальности (*славянская, английская*), отношение к определённой группе людей, объединенных общими идеями (*революционная, славянофильская*) и др.

К концу XIX века, по всей видимости, в связи с развитием народно-освободительного движения в публицистических текстах появляются положительные или нейтральные контексты с этим словом. Например: *Как же овладеть государством? — Для этого есть только два средства: или политическая революция, или* ***законная народная агитация*** *в пользу мирной реформы.* М.А. Бакунин. Государственность и анархия (1873) (НКРЯ).

Слово *агитация* включается в контексты, дающие представления о процессе формирования объема понятия, участвует в формировании ценностных ориентиров[4], ср.: *С страстью проповедования,* ***агитации*** *... пожалуй, демагогии, с беспрерывными усилиями учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношения и придавать им огромное значение у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия.* А.И. Герцен. Былое и думы (1866) (НКРЯ). *Признав эти* ***забастовки политической агитацией****, употребить против забастовавших студентов самые решительные — насильственные меры.* Л.Н. Толстой. Студенческое движение 1899 года (1899) (НКРЯ).

Устаревшее сейчас существительное *комплоты* ‘заговоры’, встретившееся в первом из вышеприведенных контекстов, вместе с глаголом *комплотировать* зафиксировано в словаре К. Гейзе (ПСИС: 243). Это один из нечастых случаев, когда слово с очень коротким сроком жизни в активном словаре языка оказывается зафиксированным в словаре.

Кроме глагола *комплотировать*, быстро сошедшего со сцены, назовем несколько глаголов, семантика которых активно развивалась во второй половине XIX века, о чем свидетельствуют публицистические тексты: *блокировать, зондировать.*

Вероятно, объединяющей линией в развитии семантики этих глаголов можно назвать выход из узкоспециального употребления и, как следствие, расширение сочетаемости, правда, с различной интенсивностью.

Глагол *блокировать* отсутствует в словаре Даля, в словаре К. Гейзе дается значение ‘держать въ блокадѣ, занять всѣ выходы крѣпости войсками’ (ПСИС: 79), у А.Н. Чудинова — в значении ‘осаждать крѣпость’ (Чудинов: 161), т. е. в обоих словарях — в военном терминологическом значении. Между тем, употребление слова в переносном значении можно увидеть, например, в следующем контексте, относящемся к более раннему времени: *Все время мое расхищено служебными занятиями и заботами. Меня со всех сторон* ***блокируют****, как крепость. Только и знай, что отстреливайся то пером, то делом. А что в этом?* А.В. Никитенко. Дневник (1855) (НКРЯ).

Справедливости ради следует отметить, что таких примеров в текстах публицистики не очень много, однако именно в этом направлении развивалась семантика слова в более поздние периоды.

---

[4] «Человек аксиологически маркирует объекты внешнего мира, входящие в круг его вращения». См.: *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. М., 1988. С. 84.

Глагол *зондировать* у Даля есть, но исключительно в профессиональном значении — ‘зонд врача, исследователя почвы’. Толкование дается через синоним — *щуп*. Однако уже в конце первой половины XIX века переносные употребления имеют место, например: *На предложение твое я весьма бы рад был согласиться, если бы это было возможно. Но разсуди сам, если я, не* ***зондировавши*** *грунта, вдруг явлюсь издателем, и если вдруг, основываясь на прежнем, поступят с Москв. также, как с Ев(ропейцем), то не лишу ли я Пог. его собственности, и не приобрѣту ли самому себѣ право называться по крайней мѣрѣ вѣтреным и неосновательным человѣком?* И.В. Киреевский. Письма А.С. Хомякову (1844) (НКРЯ).

Подобные контексты встречаем и в последнее десятилетие XIX века: *Князь Горчаков, несмотря на холод, наступивший в его отношениях к князю Бисмарку после берлинского свидания,* ***позондировал*** *берлинский кабинет и там нашел, в отличие от Вены, где кипела тревога по восточному вопросу, равнодушное настроение к событиям в Герцеговине.* В.П. Мещерский. Мои воспоминания (1897) (НКРЯ). *Рекомендовать кого-либо из московских — так это Кастерина: я сегодня* ***зондировал*** *у него почву: он, кажется, не особенно стремится в Харьков, но для него вопрос финансовый, как для человека семейного, представляет существенное условие.* П.Н. Лебедев. Письма (1899) (НКРЯ). *Барон Каульбарс, после бесплодных переговоров в Софии, начал объезд главных городов Болгарии, чтобы* ***зондировать*** *общественное мнение болгарского народа.* Н.Э. Гейнце. Самозванец (1898) (НКРЯ).

Приведенные примеры показывают фразеологическую связанность значения глагола *зондировать*, обусловленную, как представляется, его первоначальным терминологическим употреблением.

Характерной чертой публицистики 60–70-х годов XIX века Ю.С. Сорокин называет использование для создания эмоционально окрашенной характеристики понятий отвлечённого характера существительных конкретно-предметного значения и приводит такие примеры: «*Винегретом* обозначают эклектическое, случайное сочетание разного рода мнений и понятий. Ср.: “Во Франции немецкая метафизика, как известно, сложилась в так наз. „эклектизм“. В этом философском винегрете желающие находят все возможные общие места по части истины, добра и красоты» (П.Б. Жертвы идеализма; Дело, 1872, № 9, с. 7); “А если обратитесь к авторитетным [у либералов] воззрениям на живые практические вопросы, вас угостят еще гораздо приятнейшими винегретами” (Черн., VII, с. 706); “Наше время и есть время полного господства воззрений смешанных, винегретных, светло-темных, либерально-ретроградных” (Русск. слово, 1864, № 5, Домашняя летопись, с. 40)» (подчеркнуто нами. — *Е. М.*)[5]. Если первый пример показывает возможность смыслового развертывания, образного употребления существительного *винегрет* в оценочном значении, то последний демонстрирует потенциал образованного от него прилагательного, которое включается в ряд однородных членов предложения, выраженных контекстуальными синонимами, причем первый из них «закрепляет» правомер-

[5] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 517.

ность появления здесь прилагательного *винегретный* (ср. у Даля: «Винегретъ, м. фрн. окрошка, но безъ квасу, а съ приправою уксуса, горчицы и пр., холодное, смѣсь всячины. [|| Ирон. Вообще смѣсь разнородных предметов. Ак.]») (Даль).

Из слов заимствованного происхождения с «гастрономическим» исходным значением в публицистике второй половины XIX века нам встретились слова *салат* и *соус*, причем по контекстам, имеющимся на данный момент в НКРЯ, можно увидеть, что слово *соус* очень быстро подвергается фразеологизации и к концу XIX века в значении ‘в ином виде, в другой форме’ — чаще в иронических, а иногда в резко сатирических контекстах — употребляется довольно регулярно, однако, например, в словаре А.Н. Чудинова 1894 года переносное значение еще не зафиксировано (Чудинов: 811). Приведем общественно-политические контексты, включающие атрибутивные сочетания с предложно-падежным сочетанием *под соусом*: *Булгарин, живя в Дерпте, собирал разные исторические и статистические материалы о России, при помощи профессора Николая Алексеевича Иванова (бывшего потом в Казани и, наконец, опять в Дерпте), и, обливши их* ***мнимопатриотическим соусом****, вздумал издать под заглавием «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении».* Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849–1856) (НКРЯ). *Нужно обратить внимание на то обстоятельство, что каждый раз вопросы эти [проклятые] являются под каким-нибудь новым* ***соусом****, под знаменем совершенно новых идей, учений, веяний.* А.М. Скабичевский. Новые черты в таланте г. М. Горького (1898) (НКРЯ).

Существительное *салат* в переносном значении, очень близком к описанному выше значению слова *винегрет*, встречается в книге В.П. Мещерского и включено в контекст, передающий напряженную идейную борьбу: *Немного «Нового Времени», очень много «Руси» и кое-чего собственно европейски-самобытного, и* ***салат убеждений*** *петербургского славянофила, приправленный неприязнью к «Голосу», под этим* ***соусом*** *— готов!*[6]

Таким образом, в языке публицистики второй половины XIX века общественно-политическая лексика заимствованного происхождения формируется и утверждается, получает полноправное место в лексической и фразеологической системе русского языка. Сама же публицистика в этот период оказывается зеркалом изменения общественного сознания, при этом «по мере развития и усложнения общественной жизни и обострения идеологической борьбы» влияние публицистического стиля увеличивается[7]. Эти факты позволяют видеть в публицистике второй половины XIX века богатый источник для исторического лексикографирования словарного состава русского языка и, в частности, заимствований.

---

[6] *Мещерский В.П.* За великую Россию. Против либерализма / Составление и комментарии Ю.В. Климаков / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2010. С. 29.

[7] *Ефимов А.И.* Общественно-публицистическая лексика и фразеология в языке Салтыкова-Щедрина // Уч. зап. МГУ. Вып. 150, 1952. С. 143–217.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЛОВАРИ И КАРТОТЕКИ

Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / Под ред. И.А.Бодуэна-де-Куртенэ. 3. изд., испр. и значительно доп. СПб.-М., 1903–1909. [Электронный ресурс]. URL: https://www.slovari.ru. Дата обращения: 12.07.2019.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка.

ПСИС — Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, [составленный по образцу немецкого словаря Гейзе]. Санкт-Петербург, 1861.

Черных — Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 тт. М., 1999.

Чудинов — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. Санкт-Петербург, 1894.

А.А. Малышев

СЛУЧАИ ПОВТОРНОГО ВНУТРИТЕКСТОВОГО ТОЛКОВАНИЯ ЛЕКСИКИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЖУРНАЛЕ «ПРИМЕЧАНИЯ К САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ ВЕДОМОСТЯМ» (1728–1742)[1]

«Примечания к Ведомостям» издавались Императорской Академией наук с 1728 по 1742 г.; статьи писались по-немецки и переводились на русский язык. Инициатором издания «Примечаний» был редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Г.Ф. Миллер, по мысли которого «Примечания» должны были стать приложением к «Ведомостям», поясняющим читателям различные понятия и реалии, встречавшиеся в текстах «Ведомостей». Подобная справочная функция «Примечаний» в отношении лексики вполне соотносится с общепринятым пониманием языковой ситуации Петровского и послепетровского времени как «словарного голода» (И.А. Василевская), отмечаемым в основных трудах по истории отечественной лексикологии и лексикографии. Обществу, непрерывно получавшему новые знания из переводных источников и непрерывно сталкивавшемуся с иноязычной лексикой в процессе устного и письменного общения, не хватало словарей, удовлетворявших растущие потребности в понимании значений этой лексики.

Теоретическая установка «Примечаний» на простоту и ясность изложения, неоднократно декларировавшаяся издателем[2], не расходилась с практикой: на лексическом уровне авторы немецкого текста «Примечаний» и академические переводчики стремились сделать тексты прозрачными для читателя, отсюда возникало значительное в ряде случаев количество внутритекстовых толкований лексики в пределах отдельных статей (особенно в русскоязычном издании «Примечаний»)[3]. На протяжении XVIIII в. такие пояснения, с разной сте-

---

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-312-00164 «Историческая стилистика русской научно-популярной периодики первой половины XVIII века».

[2] *Малышев А.А.* Рассуждения о языке и стиле в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2014. № 3 (146). С. 62–65.

[3] О роли толкований в текстах разных жанров XVIII века см.: *Алексеев А.А.* Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 75–77; *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка

пенью активности, использовались в лексикографической практике и зачастую, наследуя традиции азбуковников, могли становиться материалом для прикнижных словарей[4]. В то же время, как считает А.А. Алексеев, обилие подобных пояснений, даже в текстах художественной литературы, подчас могло восприниматься читателем не столько как помощь со стороны автора, сколько как несколько навязчивый научный педантизм[5].

Сопоставление немецкого и русского текстов «Примечаний» даёт возможность оценить работу академических переводчиков «Примечаний» в процессе создания ими русскоязычного варианта статей, а также определить степень лексико-семантического вмешательства переводчика в оригинальный текст: количество толкований варьируется в зависимости от предполагаемого уровня знаний целевой аудитории о предмете повествования. Здесь уместно вспомнить мнение М.Я. Дымарского о том, что текст не столько передает некую информацию, сколько упорядочивает и концептуализирует её сообразно авторскому отношению к тому вопросу, которому посвящен текст[6].

XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972; *Василевская И.А.* Отражение новых иноязычных заимствований в русской лексикографической практике XVIII века: дисс. … канд. филол. наук. М., 1969. С. 146–151; *Веселитский В.В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972. С. 18, 39, 128–134 и др.; *Гайнуллина Н.И.* Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы, 2002; *Голованова Е.И.* Структурный анализ заимствований в составе терминологии горных заводов Урала // Деловой язык XVIII – начала XIX в. на Южном Урале и в Зауралье. Челябинск, 2006. С. 57–67; *Лисицына Т.А.* Становление языка русской науки (взаимодействие терминологических и обиходных значений слов) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века. Л., 1984. С. 35–39; *Ротарь В.В.* Иноязычная лексика в текстах путевой литературы рубежа XVII–XVIII вв.: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2012; *Сорокин Ю.С.* У истоков литературного языка нового типа (Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля) // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 60–63, 66–69, 78–80; *Хаустова И.С.* О лексической синонимии в литературном языке Петровской эпохи (по материалам «Ведомостей» 1702–1703 годов) // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 173–175; *Чумандрина М.М.* Роль глосс в изучении лексико-семантических отношений первой трети XVIII века // Развитие синонимических отношений в русском языке второй половины XVIII века. Казань, 1972. С. 42–46; *Шаймерденова Н.Ж.* Глоссы как феномен текста. Алматы, 1998.

См. также обзор точек зрения на терминологическое определение толкования в научной литературе: *Малышев А.А.* Глоссирование vs. внутритекстовое толкование лексики: терминологические точки соприкосновения в отношении текстов XVIII века // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2019. № 1 (178). С. 74–79.

[4] *Василевская И.А.* К методологии изучения заимствований (Русская лексикографическая практика XVIII в.) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. М., 1967. Т. XXVI. Вып. 2. С. 165–171.

[5] *Алексеев А.А.* Эпический стиль «Тилемахиды». С. 75–77.

[6] *Дымарский М.Я.* Проблемы русского текстообразования: сверхфразовый уровень организации художественного текста: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 1999. С. 11–12.

Всего нами было обнаружено 709 случаев толкований в русском тексте[7], список же толкуемых лексем насчитывает 588 позиций, то есть разница между количеством слов и количеством их толкований составляет около 120 единиц. Подобное количественное несовпадение связано с тем, что некоторые лексемы получали пояснение значения неоднократно — как в пределах одной статьи или в статьях одного и того же года, так и в пределах разных статей или статей разных лет. Далее будут рассмотрены случаи повторного толкования одних и тех же слов с приведением избранных примеров[8].

1) Случаи двукратного толкования количественно наиболее частотны и обнаруживают пять разновидностей.

а) Одинаковое толкование в одной статье: (о приборе для измерения плотности воды) *Что и всяким хорошим* ***ареометром, или винною пробою*** *(как он обыкновенно называется) дѣлается*. Прим. Вед. 1734: 130. *Понеже они* <манометры> *при воздухѣ тож дѣлают, что* ***ареометры или винныя пробы*** *при других жидких тѣлах, то можно их назвать и воздушными пробами* Прим. Вед. 1734: 362.

б) Сходное толкование в одной статье: *Комета, отсылая свѣтъ свой к нам чрез* ***исполненной парами свой округ или атмосферу****, которая нам в видѣ бороды казалась* (Прим. Вед. 1742: 151); *Борода кометы, которая не что иное есть как* ***многими парами наполненный воздух, или атмосфера*** *ея.* Прим. Вед. 1742: 153.

в) Сходное толкование в разных статьях одного года: <Молодой парижский игумен Соера был награжден за свое искусство читать проповеди чином> *экстраординарнаго проповѣдника его королевскаго величества, и перваго проповѣдника его королевскаго высочества* ***дофина [наслѣднаго принца]***. Прим. Вед. 1729: 183. *Полученное тому недавно о рождении* ***Дофина или Кронпринца*** *во Франции есть всеи Европѣ так важное.* Прим. Вед. 1729: 303.

г) Одинаковое толкование в статьях разных лет: *Но над всѣм союзом опредѣленъ один* ***ландрихтер, то есть земскии судья****, которои по вся годно от всѣх собраниев избран бывает.* Прим. Вед. 1729: 281. *Бывшия Фалцграфы в Цесарских дворцовых волостях за* ***Лантрихтеров, или земских судей*** *признавались.* Прим. Вед. 1741: 137.

---

[7] *Малышев А.А.* Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на примере журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям»): автореф. дисс. … канд. филол. наук. Архангельск, 2017.

[8] Примеры приводятся в упрощенной орфографии с сохранением ѣ. Вопрос о препозитивном или постпозитивном расположении толкования нами не затрагивается ввиду ограниченности объёма статьи, тем более что обнаружить системность в этом вопросе с достаточной уверенностью затруднительно (кроме тех случаев, когда переводчик сохранял расположение толкования, заданное в исходном немецком тексте статьи). По той же причине не комментируется вопрос о способе ввода (скобки, союзы) и подробности (однословное, словосочетанием, развёрнутое) толкования, на которые с определённого времени могли влиять и доступные переводчику дву- и многоязычные словари (в первую очередь — Вейсманнов лексикон).

д) Различное толкование в статьях разных лет: *Ещеж указом Султанским все* ***имамы [то есть приходские попы]*** *каждои в своеи мечетѣ поучали народ о содержании вѣрности к Султану* (Прим. Вед. 1731: 192); *Румфии сказывает о громовои стрѣлѣ, ... которую* ***Имамъ или Индѣискии священник*** *на поясѣ носил.* Прим. Вед. 1731: 365.

Отметим, что в немецком тексте «Примечаний» ситуация иная: в первом случае толкование дано в сноске: *so liess der Gross-Sultan allen Imans* (*) sind Türckische Priester*, во втором — в тексте: *ein Imam oder Indianischer Priester*. Содержательное соответствие присутствует лишь во втором случае, тогда как в первом *турецкий священник* немецкого варианта становится *приходским попом* в русском тексте (очевидно, в силу общего контекста повествования об Османской империи).

2) Трёхкратное толкование встречается заметно реже двукратного, однако обнаруживает бо́льшую вариативность.

а) Одинаковое толкование в одной статье: <Живописцы наносят глянец> ***нефтью, или*** *сильным и жидким* ***каменным маслом***. Прим. Вед. 1739: 230. <Для змей и насекомых> *особливо* ***нефть или каменное масло*** *великой и нестерпимой им яд*. Прим. Вед. 1739: 231. ***Нефть или каменное масло*** *есть ничто иное, как только часть оной к горению способной материи*. Прим. Вед. 1739: 336.

В немецком тексте «Примечаний» заслуживают внимание различные финали и различное написание толкования, соотв. *mit Naphtha oder einem penetranten und fluchtigen Petrole**o***; *das Naphtha oder das Petrole**um***; *das Naphtha oder Peter**-Öhl***.

б) Одинаковое и сходное толкование в одной статье: <Некий француз через своё изобретение> ***непрестанное*** *движение или тако имянуемое Перпетуумъ Мобиле показал.* Прим. Вед. 1729: 222. *Хотим мы такожде нынѣ ... наперед о Перпетуо Мобили [**непремѣнномъ** движении] нѣчто упомянуть.* Прим. Вед. 1729: 222. <В оглавлении статей этого года> *перпетуумъ мобиле [:**непремѣнное** движение:]*. Прим. Вед. 1729: 421.

в) Одинаковое толкование в разных статьях одного года: <Для приготовления кофе> *видна нужда жарения или жжения, которым содержащияся в нем духи разрѣшатся и* ***легкими или лѣтучими*** *здѣлаются.* Прим. Вед. 1732: 347. <В котелке для варения кофе> ***легких или лѣтучих*** *кафеиных духов не так много утратиться может*. Прим. Вед. 1732: 349. *Всѣ материи разделяются на* ***лѣтучия или легкия*** *и огнь терпящия*. Прим. Вед. 1732: 387.

г) Одинаковое и сходное толкование в двух статьях разных лет: <о правильном способе определения широты и долготы> *От сеи* ***инвенции [изыскания]*** *... неизреченная польза произоити может*. Прим. Вед. 1729: 63. <познание было> *высокою* ***инвенциею [изобрѣтением]*** *древних*. Прим. Вед. 1739: 352. *Готы высокой* ***инвенции [:изобрѣтению:]*** *древних Греков и Римлян послѣдовать немогли*. Прим. Вед. 1739: 352.

д) Одинаковое и сходное толкование в трёх статьях разных лет: <В оглавлении> ***Обсервация [:примѣчание:]*** *при совокуплении Венеры и луны.* Прим.

Вед. 1729: 420. <О северном сиянии> *И ссылаемся при заключении сего историческаго объявления токмо на учиненные здѣсь в послѣдующих годѣх* ***обсервации [примѣчания]***. Прим. Вед. 1730: 84. <Для определения времени по звездам астрономы> *принуждены были себѣ в сем чрез точные* ***обсервации [:наблюдения:]*** *способствовать*. Прим. Вед. 1731: 23.

е) Различное толкование в трёх статьях разных лет: *Михаил Апафи И в 1688 году к* ***партии (сторонѣ)*** *его Римскаго Цесарскаго Величества пристал, требуя от Его Величества против Турков высокои обороны, и преставился в 1690 году*. Прим. Вед. 1728: 33. *При метании жребия чинится часто, что Кардиналы весма противных* ***партеи или факциеи***[9] *сосѣдами бывают*. Прим. Вед. 1730: 146. <О рыцарских турнирах> *При оных увеселительных боях раздѣлялись кавалеры на особливыя* ***нации или партии****, и с каждои стороны всегда по два вдруг выѣжжали*. Прим. Вед. 1739: 10.

3) Четырёхкратное толкование обнаружено нами в трёх случаях.

а) Одинаковое толкование лексемы *горючий* в одной статье: <Подземный жар> *нам дѣйством* ***горючих или*** *тѣми* ***к горению способными*** *огненными частьми себя объявляет*. Прим. Вед. 1739: 330. *Воздух с* ***горючими или к горению способными*** *вещьми сообщение имѣть может*. Прим. Вед. 1739: 332. *Ежели гдѣ* ***горючей или к горению способной*** *материи не много, там и соединенная с нею горячесть не велика*. Прим. Вед. 1739: 332. <Нефть> *есть ничто иное, как только часть оной от Бога сотворенной* ***горючей, или к горению способной*** *материи*. Прим. Вед. 1739: 336.

б) Одинаковое толкование лексемы *диссертация* в двух статьях двух разных лет: *Иулии Минутол в* ***Диссертации [распрѣ]*** *о топографии города Рима*. Прим. Вед. 1729: 15. *Кардинал Цезарь Баронии в пространнои* ***диссертации [:распрѣ:]*** *непристоиными и неучтивыми словами и доказателствами трудился*. Прим. Вед. 1729: 254. <Описание северного сияния> *в умершаго здѣсь тому недавно господина профессора Меиера* ***диссертации [распрѣ]*** *находится* (Прим. Вед. 1730: 60); *Однакож имѣетъ сие* <исследование> *философическим трактатом или* ***диссертациею [:распрѣю:]*** *быть*. Прим. Вед. 1730: 169–170.

в) Различное толкование лексемы *экватор* в четырёх статьях четырёх разных лет: *Другои циркуль ... в срединѣ между обѣими полусами ... называют они* <астрономы> ***Экватором [равнителем] или Равнительным Кругом***. Прим. Вед. 1729: 62. *Солнечныи циркуль (:Еклиптика:) с* ***рассѣкателною или равноденственною линѣю земли (:Екватором:)*** *сходны были*. Прим. Вед. 1730: 365. *Ежели бы земля всегда такое движение имѣла, чтоб ея.* ***средняя линѣя, или Экватор****, под солнцем перпендикулярно обращалась*. Прим. Вед. 1732: 227. *Чрез широту мѣста разумѣют его разстояние от* ***экватора или от обоих полусов равно от стоящеи и землю на двѣ равныя части раздѣляющеи линѣи***. Прим. Вед. 1734: 213.

---

[9] Именно так: слово *партия* поясняется частично синонимичным словом *факция*, а не наоборот (см.: *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 328).

4) Пятикратное толкование обнаружено в двух случаях.

а) Одинаковое, сходное и различное пояснение лексемы *щелочной* в статье «О целительных водах» (1739): <Из минеральной воды получается> *щелочная или прѣсная соль*. Прим. Вед. 1739: 61. *Новѣйшия Физики равным образом во многих Минеральных водах* ***щелочной или из золы происходящей*** *соли ищут*. Прим. Вед. 1739: 68. *Сия* ***щелочная, или пресная*** *соль, в Минеральных водах крѣпчѣ, и на огнѣ вон не выходит*. Прим. Вед. 1739: 71. *В нѣкоторых цѣлительных водах ни мѣльчайших частиц желѣза, ни* ***щелочной или пресной*** *соли ... нѣт*. Прим. Вед. 1739: 72. *Сие купоросное масло с* ***щелочною или пресноватою***[10] *землею морской соли скоро соединилось*. Прим. Вед. 1739: 72.

б) Одинаковое и различное пояснение лексемы *меридиан* в четырёх статьях разных лет: *Такои циркуль прямо около всеи земли от однаго полюса сквозь другаго паки до одногож называют они* <астрономы> ***меридианом или Полуденным Кругом***. Прим. Вед. 1729: 62. *Надлежит нам тот небесныи круг в мысли имѣть, которои* ***полуденным кругом или Меридианом*** *называется*. Прим. Вед. 1731: 17. *Чрез всякои градус к обоим полусам проводятся линѣи, которыя называются* ***меридианы или полуденныя линѣи***. Прим. Вед. 1734: 214. *Сие пространство* <один градус> *есть так же и 180-тая часть* ***меридиана или полуденныя линѣи***. Прим. Вед. 1734: 218. *Под разными* ***меридианами, или в таких мѣстах, которыя по долготѣ между собою разнствуют***. Прим. Вед.1740: 237.

5) Шестикратное толкование связано с одинаковым, сходным и различным пояснением слова *широта* и встречается в статье «О нахождении долготы» (1734): *Можно было разныя оные способы очюнь легко усмотрѣть, которыми* ***широта или вышина полуса*** *каждаго мѣста сыскана быть может. Но хотя* ***широта или вышина полуса*** *какого мѣста и извѣстна есть, однакож она к тому еще не довольна, понеже* ***широта или высота полуса*** *показывает только то, под которым параллельным кругом земли какое мѣсто лежит*. Прим. Вед. 1734: 214. <Практически любой человек может определить> *на каком градусѣ* ***широты или разстояния от экватора*** *оное мѣсто находится*. Прим. Вед. 1734: 216. *Ежели путь прямо к сѣверу или к югу восприимется, то ...* ***высота полуса или широта*** *станет премѣняться*. Прим. Вед. 1734: 219. *Ежели же я сыщу и* ***высоту полуса или широту*** *онаго мѣста, то имѣю я его прямое положение* Прим. Вед. 1734: 230.

6) Семикратно повторенное толкование связано с лексемой *дож* и встречается в трёх статьях. Наиболее интересен случай статьи 1728 г. об избрании в Генуе нового дожа: в ней слово *дож* поясняется пять раз, причём общий объём статьи составляет меньше страницы. Во всех случаях пояснение осуществляется с помощью слов *герцог*, которое к тому времени успело закрепиться в языке (СлРЯ XI–XVII 4: 18): *В Генуѣ новаго* ***Доже [Герцога]*** *избрали*. Прим.

[10] Об особой роли суффикса *-оват-* в химической терминологии XVIII века см.: *Соколов А.И.* Новая химическая номенклатура в русских переводах конца XVIII века (на материале двух переводов учебника Йозефа Франца Жакена) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2012. Т. XVIII. № 3. С. 140.

Вед. 1728: 23. *Сие правление во всѣх сих републиках одно коллегиум вѣдаетъ в которомъ коллегии президентом есть* ***Доже [Герцог]***. Прим. Вед. 1728: 23. *Сеи* ***Доже [Герцог]*** *sѣло малую власть имѣет, понеже он без согласия Сенатскаго ничего дѣлать не может*. Прим. Вед. 1728: 23. *Всякии Доже в особливых … палатах живет, пока в ранг* ***Доже [Герцога]*** *состоит*. Прим. Вед. 1728: 24. <В 1174 г.> *бывшии* ***Доже или Герцог*** *венецианскии Севастиан Циани пошел морем с своим воиском против Кесарскаго флота*. Прим. Вед. 1728: 69. ***Герцог или Доже*** *в републики избран быть имѣет*. Прим. Вед. 1731: 373. <В 697 г. венецианцы решили> *одного владѣтеля над собою имѣть, котораго они назвали* ***Доже или Герцог***. Прим. Вед. 1732: 237.

Подобная неоднократность толкований, как одинаковых, так и сходных и различавшихся семантической содержательностью и/или степенью подробности в разные годы или в разных статьях, свидетельствует о том, что во время издания «Примечаний» многие из толкуемых лексем только входили в русский язык или же переставали быть достоянием сферы ограниченного употребления (науки, политики и др.), а потому вполне могли восприниматься переводчиком как вновь и вновь требующие пояснений. Кроме того, например, в случае слова *экватор* читатель статьи 1734 г. вполне мог не читать статьи 1729, 1730 и 1732 гг., где оно уже было пояснено, либо же у более поздней статьи мог быть другой переводчик. Решение же вопроса о причинах повторного пояснения слова на той же или на следующей странице, в соседнем предложении, а также в пределах одной статьи и о внешней избыточности подобного дублирования мы вынуждены оставить за рамками данной статьи, поскольку с достаточной определённостью ответить на него не представляется возможным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Прим. Вед. — Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям. СПб., 1728–1742.

СЛОВАРИ

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).

Е.А. Потехина

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОНСТАНТИНА ГОЛУБОВА

В современной российской лингвистике, в работах, выполненных в рамках антропоцентрической парадигмы, в течение последних десятилетий особое внимание уделяется изучению феномена т. н. «языковой личности». Истоки представления о носителе языка, сформированного на основании изучения написанных им текстов не только с точки зрения языковой системы, но и отражения в них мировоззрения и интерпретации явлений окружающего мира как основы действий и поступков, обнаруживаются в работах Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова[1]. В 80-е годы это представление получило терминологический статус в работах Г.И. Богина[2] и Ю.В. Караулова[3]. Согласно Караулову, под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью»[4]. Структуру языковой личности, по Караулову, можно представить на трех уровнях: 1) вербально-семантическом, предполагающем описание формальных средств выражения определенных значений в текстах; 2) когнитивном, отражающем понятия и идеи (концепты), составляющие индивидуальную «картину мира», напр., определенную иерархию ценностей, т. е. мировоззрение личности; 3) практическом (у Караулова — прагматическом), где отражаются замыслы, интересы, цели и мотивы действий личности и под.[5]

---

[1] *Иванцова Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». № 4 (12). 2010. С. 24–25.

[2] *Богин Г.И.* Современная лингводидактика. Калинин, 1980; *Он же.* Концепция языковой личности: Автореф. дис. … д-ра филол., Калинин, 1982.

[3] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

[4] *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи её изучения: вступительная статья // Язык и личность. Москва, 1989. С.3.

[5] Там же. С.5.

Данное исследование посвящено личности религиозного философа и общественного деятеля Константина Ефимовича Голубова и проводилось на основании текстов, написанных и опубликованных им в первых четырех книгах журнала «Истина», издававшегося в Иоганнисбурге (б. Восточная Пруссия, ныне Польша) в принадлежавшей ему Славянской типографии в 1863–68 гг. Тексты третьего номера «Истины», поначалу выходившей в формате газеты, и трех сохранившихся номеров журнала (№№ 1, 3, 4)[6]. Книги из собрания бывшего старообрядческого Спасо-Троицкого монастыря были оцифрованы и описаны в ходе реализации проекта № 2011/01/B/H52/03201 „Slavica a bizantyjskie dziedzictwo. Multimedialny katalog zabytków piśmiennictwa staroobrzędowców zamieszkałych w Polsce jako narzędzie odtwarzania fenomenów ginących kultur”, финансированного из средств Национального центра науки (NCN) Польши в 2011–2013 гг. Для удобства пространные фрагменты оригинальных текстов Голубова даются гражданским шрифтом вместо кириллического. При замене букв кириллицы гражданским шрифтом согласно правилам современной орфографии сохраняются оригинальные написания, а знаки препинания расставлены автором статьи согласно действующим правилам пунктуации. При указании на источник цитирования в скобках указывается книга «Истины» и номер листа.

1. Общие биографические сведения о Голубове

Константин Ефимович Голубев родился в 1842 г. на территории современной Латвии, неподалеку от Резекне (Режиц). Эта территория Латгалии до сих пор остается крупнейшим старообрядческим регионом в Западной Европе. Отец Голубева Ефим Яковлевич Чайков был крепостным. Вместе с матерью, будучи ребенком, Голубов оказался в Вильне. Разлуку родителей Голубова следует рассматривать в контексте федосеевской доктрины, поскольку федосеевцы не признают сожительства мужчин и женщин. В Вильне Голубов был отдан в обучение к купцу, а также научился грамоте по старообрядческой традиции. Из Вильна мать вместе с сыном перебралась в Сувалки, а затем и на Мазурское поозерье, где оставила мальчика в Спасо-Троицком монастыре (монастыре Живоначальной Троицы), где игумен Павел (Прусский) открыл школу для мальчиков, а сама приняла постриг в одном из расположенных вблизи Войнова монастыре. Примерно с 1856 по 1859 г. Голубов пребывал в монастыре в качестве воспитанника, а затем, когда игумен заключил договор с иоганнисбургским издателем Антонием Алоизием Гонсеровским, поступил в типографию в качестве ученика. Воплощая в жизнь идею Павла Прусского о восстановлении брачных отношений в старообрядческих общинах, в 1863 г. Голубов женился на дочери сувалкского старообрядца Иустинье Поповой, и, по всей вероятности, на деньги, полученные в приданое, купил типографию у Гонсеровского, во всяком случае, на это указывают выходные данные на изданных в Иоганнисбурге (Янсборке) книгах. Кроме того, о том, что Голубов был владельцем типогра-

[6] Доступны в Интернете в Варминско-Мазурской цифровой библиотеке по адресу: http://wmbc.olsztyn.pl/dlibra/collectiondescription?dirids=62.

фии, свидетельствуют также показания В.И. Кельсиева[7] и статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона[8]. В 1867–1868 гг. в своей типографии Голубов издал четыре книги религиозно-общественного журнала «Истина», объемом около 60 листов (120 с.) каждая, где публиковал главным образом собственные сочинения. В 1868 г. вслед за своим учителем о. Павлом К. Голубов переехал в Россию, перешел в единоверие и переселился в Псков, куда перевез и свою типографию и где в марте 1870 г. был рукоположен во священники. До 1887 г., почти до самой смерти в 1889 г., в собственной Славянской типографии в Пскове священник Голубов издавал журнал «Истина» и «литературно-археологическое и культурно-промышленное издание» «Псковскую газету».

2. Описание языковой личности К.Е. Голубова

В рамках статьи довольно сложно было бы представить полное описание языковой личности провинциального философа-самородка. Поэтому ниже будут отмечены основные темы и направления дальнейшего исследования.

2.1. Вербально-семантический аспект исследования

Следует отметить, что тексты старообрядческих публицистов нового и новейшего времени, крайне слабо изученные с точки зрения формальных средств выражения характерных для таких текстов значений, требуют разработки специальной методики. К старообрядческим публицистическим текстам трудно применить разработанные в традиционном языкознании функционально-стилистические модели анализа, поскольку предварительный анализ требует дифференциации различных стилистических пластов, которые включают эти тексты.

На всех уровнях языковой системы проявляется церковнославянско-русская интерференция, характерная для авторских текстов Голубова. Она заметна как на фонетико-графическом, так и на уровне словоизменения, как на словообразовательном и лексическом уровнях, так и на уровне синтаксиса и текста (дискурса) в целом. В структуре текстов Голубова заметно влияние городского просторечия, которое было им усвоено, вероятно, также из массовой лубочной литературы, популярной в старообрядческой среде[9]. Разговорный русский язык Голубова, не получившего систематического школьного образования, сформировался на базе псковских диалектов[10]. К примеру, появление разночтения в фамилии (Голубов и Голубев) объясняется таким историческим диалектным явлением, как отвердение губных в конце слова, ср.: русск. *голубь*, *голуби* (отсюда: *Голубев*) и бел. *голуб*, *галубы* (отсюда: *Голубов*)[11].

---

[7] *Кингисепп Е. , Клевенский М.* «Исповедь» В.И. Кельсиева // Литературное наследство. Т. 41. 1941. С. 333.

[8] *Истина* // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 13 (25). СПб., 1894. С. 473.

[9] *Плетнева А.А.* Лубочная библия: язык и текст. М., 2013.

[10] См., напр.: *Grek-Pabis I.* Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław, 1968.

[11] См., напр.: *Шахматов А.А.* Очерк современного русского языка. М., 2017. С. 43

Фрагменты на церковнославянском языке в текстах «Истины» и вообще в дискурсе этого общественно-религиозного издания, целью которого стала борьба с расколом[12], занимают значительное место хотя бы потому, что Голубов, как и все старообрядческие дети, обучался грамоте по церковнославянской азбуке, заучивая наизусть Псалтырь и Часовник. Голубов многократно цитирует Священное Писание, сочинения Иоанна Златоуста, известные ему старообрядческие сочинения, вводя в публицистический текст синтаксические обороты, фразеологизмы и лексические вкрапления.

Третий стилеобразующий пласт языка Голубова представляет активно формирующийся в публицистике XIX века литературный стандарт русского языка, поскольку Голубов, по-видимому, учился писательскому мастерству на полемических статьях А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Издатели «Колокола» надеялись на то, что старообрядцы, находившиеся в конфликте с официальной церковью и преследуемые властями, включатся в борьбу с самодержавием на стороне революционных демократов. В крестьянской газете «Общее вече», выходившей в качестве приложения к «Колоколу», Н.П. Огарев регулярно писал о положении староверов, публиковал актуальные материалы, которые доставляли ему корреспонденты-старообрядцы, как из России, так и из-за границы. Огарев и Голубов в течение нескольких лет довольно активно переписывались. По всей вероятности, идея издания собственного общественно-религиозного журнала появилась у Голубова под влиянием Огарева, а не наоборот, вопреки утверждению В.И. Кельсиева[13]. Хотя в 1862 г. Кельсиев побывал в Войнове и в своей «Исповеди» написал о том, что Константин Голубов «завел газетку». Э. Иванец сообщает, что первый номер газеты «Истина», которую он называет «малой» в отличие от «большой», т. е. журнала, вышел в январе 1863 г.[14], тогда как «Общее вече» издается с 15 июля 1862 г. Восьмиполосная газета «Истина» и «Общее вече» имели сходный формат и объем, верстались в две колонки, предназначались для одной и той же аудитории. Сравнение текстов, опубликованных в обеих газетах, было бы чрезвычайно интересным с точки зрения характеристики авторского идиостиля Голубова, с точки зрения использования черт разговорной речи, с точки зрения взаимных языковых заимствований. К.Ф. Надеждин отмечал, что издатель «журнала» не знает грамматики[15], а Кельсиев написал, что стиль «газеты» Голубова так «тяжел и напыщен», что трудно понять, «о чем у него идет дело»[16]. Однако эти замечания относятся не к журналу, «большой» «Истине», а к газете, которую сам Голубов называл листком. Зато позже, в вводной статье к сотой книге «Истины», Голубов вспоминал,

---

[12] *Истина* // Энциклопедический словарь. Т. 13 (25). С. 473.

[13] *Кингисепп Е., Клевенский, М.* «Исповедь» В.И. Кельсиева. С. 253–470.

[14] *Iwaniec E.* Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. Karty z dziejów duchowości rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku. Białystok, 2001. C. 90.

[15] *Надеждин К.Ф.* Журнал раскольнический «Истина» // Православное Обозрение. 1866. № 7. С. 317.

[16] *Кингисепп Е., Клевенский, М.* «Исповедь» В.И. Кельсиева. С. 333.

как Н.И. Субботин восхищался его «знанием чистого русского языка и древних его форм, которые, что совершенно очевидно, сохраняют старообрядцы»[17].

Результаты анализа фонетико-графического уровня языкового материала позволяют отметить некоторые особенности использования Голубовым кириллического шрифта, в том числе включение в алфавит буквы *ё* под влиянием русского литературного языка; отражение диалектных черт русского языка прибалтийских и польских старообрядцев в корреляции твердых и мягких согласных: то́лкѡ, мелча́йшнй, доказа́телство, галвани́ческнй (!), возми́тѣ и др., что можно объяснить отражением диалектного произношения самого Голубова. В текстах обнаруживаются вкрапления просторечных грамматических форм: *сожгём* вместо *сожжем*, *обчистить* вместо *очистить* и под. Наряду с использованием семантических архаизмов (*правоверие*), автор попытался графически адаптировать популярные интернационализмы: теѲрести́ческїй (с омегой широкой и лишним с), матерїа́лнагѡ, рацїѲна́льныѧ.

Среди орфографических правил, которых придерживался Голубов, можно отметить такие: правописание приставок на *з/с*, которое в церковнославянских текстах не всегда подчиняется предписаниям грамматик[18], зато в справочной литературе конца XIX в. уже регулируется фонетически; слитное и раздельное написание предлогов и *не* с различными частями речи; написания слов с прописной/строчной буквы; использование сокращений, обычных для цитат из Священного Писания и святоотеческой литературы, но не обычных для публицистического издания, напр.: Гдр҃тво; выбор одного или двух *-н-* в суффиксах прилагательных и причастий[19]. По-видимому, под влиянием русского литературного языка, Голубов практически отказался от использования паерков, предпочтя им ъ.

Голубов вставляет букву *ё* в словоформах, которые следует признать разговорными, или в светских контекстах. В полемическом письме, обращенном к автору трактата «Душа человека и животных» Вильгельму Вундту, парафразируя Апокалипсис (17:16), Голубов утверждает: «Возненави́днмъ, о҃нажи́мъ, пло́ть съѣди́мъ, н҃кѡсти сожгёмъ, Любодѣ́ицы всемі́рной, ѿтꙋма́ннвшей и҃зъ свое́й ѕолото́й ча́ши на́ши ꙋмныѧ понѧ́тїѧ» (Истина 4: 9). Ср.: «Всё дви́жꙋщеесѧ не премѣ́нно живо́е»; «Мы ꙋпнра́емсѧ и҃ли всё не понима́ть, и҃ли всё выдꙋмывать»; «Ко́локолъ» извёртывлетсѧ от правди́ваго понима́нинѧ "Моско́вскнх вѣдомѡстей" о наро́дной вѣротерпи́мости» (там же: 57).

---

[17] Цит. по: *Iwaniec E.* Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. С. 209.

[18] Ср.: *Давыденкова М.* Написание приставок на *з/с* в церковнославянской и русской дореформенной орфографической традиции // Православная культура вчера и сегодня. Fontes Slavia Orthodoxa II, Olsztyn, 2015. С. 135–146.

[19] Ср.: *Потехина Е.* Канонники из собрания Войновского монастыря: попытка сравнительного анализа // Православная культура: история и современность, Fontes Slavia Orthodoxa III, Olsztyn, 2016. С. 187–188.

Русско-церковнославянская интерференция проявляется в области лексики, к которой в данном случае относится и словообразование, в том числе в авторских неологизмах Голубова. В своих писаниях Голубов постоянно употребляет слово *правоверие*, *правоверный*, которые для него являются синонимами слов *православие*, *православный*. Э. Иванец считает, что для Голубова *правоверие* — не просто синоним лексемы *православие*, а слово с более широким значением[20]. Словарь церковнославянского языка Г. Дьяченко указывает наречие *правоверно* в качестве синонима к слову *благочестиво* и в качестве синонимов прилагательного *православный* приводит такие лексемы, как *правоверующий*, *правомыслящий* (Дьяченко I: 473, 474). Статья правовѣ́рие содержится в «Старославянском словаре», где слово имеет значение ‘истинная вера, правоверие’ (СтСл 495). Посвящение Вильгельму Вундту в статье «Животъ мира» (Истина 4: 2011), где излагаются размышления автора по поводу только что изданных по-русски «Лекций о душе человека и животных», выглядит следующим образом: «*Жертвуется* профессору В. Вундту в Гейдельберг». Однако в русском языке глагол *жертвовать* не использовался в контексте посвящения кому-либо произведений литературы и искусства вообще.

Тексты Голубова полны сложных слов, бо́льшую часть которых можно считать авторскими образованиями, во всяком случае в отношении семантики и особенностей коллокации: *самосознательный* (дух), *умозаключать* ‘понимать’ (ср. совр. болг. умозаключение ‘понимание’, *грубоматериальный* (мир), <о> *всеживящем* <существе>, *зловредие излишьшестра́стей* и пр. Любимое понятие Голубова *самостеснение* ‘самоограничение, воздержанность’, которое, по-видимому, произвело глубокое впечатление на Достоевского[21], нуждается в отдельном исследовании.

В результате стилистической интерференции появились такие русско-церковнославянские гибриды, как *произрастение* ‘растение’ и *растение* ‘рост’, *извёртывается*, *объзаглавленныхъ*, *обчистить* (лит. *очистить*), а также причастные формы: *осяжимой* <природы>, *питеющаго* <зародыш тайны>, *видучий* (*человек слепой понятливее видучаго*), *сприсущия* ‘присущие’ и др.

К проявлениям книжно-просторечной интерференции следует, прежде всего, отнести нарушения в структуре предложения, которые можно охарактеризовать с точки зрения стилистики как солецизмы (соответственно: эллипсисы, анаколуфы и др.). В текстах довольно часто можно обнаружить характерный для просторечия эллипсис прямого дополнения при переходных глаголах: А҆лчꙋщагѡ человѣ́ка попросить̑ потерпѣ́ть, покѧ̀ пригото́вѧтъ емꙋ̀ (что?), и҆ ѻ҆́нъ согласи́тсѧ. Ѻ҆́нъ бꙋ́детъ ꙋ҆потреблѧ̀ть (что?) съ разꙋжде́нїемъ ѡ҆бꙋдꙋщемъ (Истина 4: 6 об.).

Церковнославянский характер имеет употребление конструкции с предлогом *кроме*:

---

[20] *Iwaniec E.* Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. C. 160–162.

[21] *Буданова Н.Ф.* Примечания // Достоевский Ф.М. Бесы / Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 7. Л., 1990. С. 693–695.

1. Ѝ ѻ҆́нъ поймéтъ ѝпрослезѝтсѧ, кромѣ̀ всѧ́кихъ тѣлéсныхъ наказа́нїй (Истина» 4: 6 об.) (*кроме* ‘без’)

2. По какóмꙋ же пра́вꙋ вы̀ … выво́дите ѐго̀ [человека] въ положéнїе выходѧ́щее ѝзъ соста́ва мі́ра? Нѣ́тъ, є҆́тѡ кромѣ̀ того̀. Въ мі́рѣ ѻ҆́нъ вéсь ѡ҆ста́етсѧ свои́мъ сꙋ̑ществóмъ (б. «Истина», № 4: 7) — ‘вне’, ‘без’?

Следующий пример представляет нарушение согласования подлежащего и сказуемого, содержит деепричастную конструкцию с неверным примыканием, неправильно составленную коллокацию при глаголе *увлекаться* (*во что*? вместо *чем*? — может быть, следовало бы написать: *вовлекаться*) и эллипсис прямого дополнения:

Любопы́тствꙋ человѣ́ческагѡ дꙋ́ха свóйственѡ ꙋ҆влека́тьсѧ (во что?) въ постига́тельство (чего?) не постижи́магѡ; ѝлѝ ѝспыта́въ невозмóжность постижéнїѧ (чего?) ѿвéргнетсѧ ѿ не постижи́магѡ (Истина 4: 35 об.).

Исследование языка произведений Константина Голубева позволит представить целый этап формирования старообрядческой публицистической литературы в XIX в. и разработать методику анализа старообрядческих текстов.

2.2. Когнитивный аспект анализа личности Голубова.

В своих авторских текстах, написанных в русле религиозной философии, Константин Голубов, как и положено публицисту и миссионеру, открыто выражает близкие ему понятия и идеи, которые составляют его мировоззрение, в том числе крайне важную для него иерархию ценностей, основанную на представлении о единственно правильном, по его мнению, православном мировоззрении. Автор рассуждает о проблемах морали, о грешниках и о грехе, о совершенстве настоящей веры в Бога, об общественной справедливости, об образовании. Особое место в иоганнисбургских изданиях «Истины» занимает национальный вопрос. Предлагая открытую общественную дискуссию о том, насколько каждая из религий способствует жизни в вере, в какой из религий больше истины, скромности, братской любви, света, рассудка и соответствия Священному Писанию, Голубов утверждает истинность единственной религии, православной.

Голубов предстает в своих писаниях русофилом и антизападником. В русском народе он обнаруживает природную нравственность и противопоставляет безжалостному капиталистическому миру сильную руку монарха: *«Мы видим, насколко злополучен запад у именуемой образованности. Мы видим невыносимое стеснение низшаго состояния народа на Западе. Мы видим, что при всей равноправности поверхностной народ порабощен равноправным капиталистом собственником. Мы видим там от безнравственности близкость неизбежнаго возстания и междоусобной брани. Что мне за прибыль, есть ли меня, отняв у безграничнаго владетеля царя и назвав свободным, отдадут в руки собственникам капиталистам безсовестным? Мне лучше быть под царем, придерживающим всех во страхе как и следует, нежели быть в работе у капиталистов безсовестных изза хлеба насущнаго меня изможданощих. Две*

трети народа на Западе желают безгранично-царственнаго установления поденной платы, так, как на востоке желали освобождения от помещиков. Когда же поймет Запад необходимость самостеснения и милости, милости и суда». (Истина 4: 48 об).

В приведенной выше цитате появляется излюбленный концепт Голубова — *самостеснение*. Под этим понятием он подразумевает особую нравственную ценность личности — естественное стремление к ограничению своих потребностей, покорность и скромность.

Во второй книге «Истины» (1868) он пишет о том, что «*народная склонность к чему-либо (тип)*» вырастает от «*сприсущия какому-либо общему учению и материальному быту*». По его мнению, «*общее учение преподается в народных собраниях, например, в училищах, в церквах и т. п.*». Он считает, что нравственность имеет огромное значение в жизни человека. Она определяет образ жизни «*в общине и в частности*», каким бы ни был человек: «*От нравственного настроения происходят пороки и добродетели, а от добродетели или от пороков в жизни человеку бывает или благополучие или злополучие*». Голубов пишет: «*Судьба божия безусловно промышляет бессознательною тварию, а не человеком: хотя касается и до принадлежностей человеческих, и даже до тела его, но не уничтожает его самовластия духовнаго, разумнаго*». (Истина 2: 18–18 об).

Признавая за человеком право «самовластия», т. е. право на самостоятельность мышления и поступков, Голубов, тем не менее, уверен в том, что нравственность носит национальный характер. Национальный характер («*общее значение*») каждого народа и его «*общий материальный быт*», с его точки зрения, определяется религиозной основой (Истина 2: 19). Для сравнения он, родившийся и выросший в мультикультурной среде, выбирает евреев, поляков, немцев и русских, «*четыре нации*», «*между которыми* <он> *вырос, и которые* <ему> *достовернее известны*». С его точки зрения, религиозное учение евреев «*до чистоты христианской неизъясненное*», поэтому они «*чают изъяснения*»: «*Общий их быт был стеснен извне и под законом внутри, и редко и недолго господствовал. Из этого нравственное терпение, и далновидность в жизни удобно созидаются. Созидается возможность легкой жизни, после порабощения, искусство в расчетах жизни, само-неуважение, извертливое пронырство, неоткровенность, привычка ко всякой жизни и сбережению, а главное отвращение и неискренность к иноплеменным. Разумеется на подобное объяснение можно найти много других выражений, но оне по смыслу все будут недалеко от сказанного*» (Истина 2: 19–19 об.). Поляки же бессознательно доверяют человеку (папе), а исследование отношений между Богом и человеком их вовсе не интересует: «*Люди передовые высокомерны, любославны, не самостеснительны* (разрядка моя. — *Е. П.*). *Общий их быт был в постоянном неуравновешении равноправности и разности сословий: панство и хлопство, два противоположных сословия, но в одном настроении бессознательном, по случаю влияния высшаго на низший класс; хлоп стремится панствовать — не замечая в панстве несправедливом саморазрушение. Изо всего этого нравственное нетерпение и недалновидность созидается: стремление к неравенству, возвыше-*

нию и гордости, господствует несамостеснение, самохвальство превышает дело по случаю бессознательности. Они откровенны и непромышленны. Стоят в совершенно противоположном нравственном настроении против евреев. Известно, это общий взгляд на болшее количество, но во всяком сословии есть частные исключения» (Истина 2: 19 об.–20). Учение немцев в отношении «*богознания*» представляется Голубову «*неопределенным*» и «*произвольным*»: «*Люди передовые пристрастные и деликатно безнравственные: нравственность не имеет определенности. Общий их быт затруднительный, по случаю многолюдства: жизнь их изобретательная, по поводу чего при отсутствии благонравствия, естественно созидается разрозненость и зависть, искусство и экономия, хитрость, неоткровенность, любоиспытливость, привычка к великолепию, но не к довольству*» (Истина 2: 20). Евреям, полякам и немцам Голубов противопоставляет русских: «*Учение их в отношении богознания доверчиво —но достаточно благонравственно, по случаю правоверия. Жизнь их была дикая, но в довольстве. Изо всего этого выростает простота и доверчивость. Русские во обще взаимно-любовны и очень просты: а грýбы оттого, что их ничто не нудило учиться мирской хитрости. Они привычны к довольству, но не к великолепию*» (Истина 2: 20–20 об).

С точки зрения материального быта в представлении Голубова «*неопрятностью еврей схож с русским, но не довольством. Опрятностью немец схож с поляком, но не довольством*» (Истина 2: 20–20 об.). Точное значение понятий, из которых состоят стереотипы, отразившиеся в рассуждениях Голубова, хотя бы представление о «довольстве», не всегда можно понять и однозначно определить.

Голубов полагает, что развитие «*материального быта человечества*» невозможно без развития «*внутренней нравственности*», а нравственность следует развивать «*источником сознательного верования*» (Истина 2: 21).

Свою миссию Голубов видит в распространении православия на Западе, в том числе среди поляков. В письме к В. (Д.И. В-в) в Петербург он восклицает: «*Излейся и изяснися восточное правоверие в сердце польскому народу, его народным языком и обычаем, и народ польской будет родственным и ближним рускому. Народный польский обычай должно обчистить от укоренившейся религиозной папской закваски, но не от народных обычаев, иначе он перестанет быть народным польским обычаем. Да и народу то не в снос забыть всосанныя с молоком обычаи*». Голубов утверждает, что православие объединяет народы, сохраняя их народные обычаи, уничтожая только лишь суеверия, поэтому совершенно оправданным, с его точки зрения, является введение в находящихся под властью России польских органах управления русского языка, во избежание злоупотреблений. Хотя «*церковь вселенскую могут составлять разноязычныя племена*», только «*самосознательное правоверие*» связано «с жизнью, с естеством, с благосостоянием». Поскольку «*жизнь без правоверия неусладительна*», «*охлаждение к религиозности протестантов и латинников*» естественно, поскольку «*нет на Западе примирителей веры с жизнью, но жизнь и вера расходятся в разладе*» (Истина 1: 42), к тому же «*западныя религии требуют от людей бессознательного повиновения*» (Истина 2: 43 об.).

В статьях Голубова проявляются его религиозно-философские взгляды. Опубликованные в четвертой книге «Истины» размышления по поводу изданных в русском переводе лекций Вильгельма Вундта «Душа человека и животных» названы Голубовым «Живот мира». Голубов полемизировал с Вундтом, а основной мотив своих рассуждений представил в эпиграфе к статье, взятом из Первого послания к Коринфянам апостола Павла (15: 44): «Есть тело душевное и есть тело духовное». Занявшись обсуждением одного из главных вопросов философии (а речь идет о различении душевной и духовной, телесной и духовной, т. е. земной и небесной сущности), Голубов обвиняет Вундта в том, что тот не различает души и духа: «*Западные религии душе приписывают духовные свойства человека, а животных бессловесных называют бездушными* (Втор. 12: 23–24)», «*значит, сливают безосновно познания о душе и духе*», и Вундт, «*доказывая безразлично душу животных в человеке, на признает духа* (Экк. 12: 6)», а значит «не понимает разумнаго духовнаго тонкаго существа» (Истина 4: 3–5).

В своих статьях Голубов выступает также как учитель и воспитатель (педагог). Определяя человека как существо «*умом свободное (произвольное), любоиспытливое, самосознательное (разумеющее)*» (Истина 1: 20 об), он пишет, что для того «*чтобы человеку дать свободу, нужно прежде дать ему самосознание пользы и вреда всякого предприятия, но в свою очередь, нельзя дать ему самосознания, не внушив дальновидности. Но дальновидность внушается от опыта, котораго юный человек не в состоянии произвесть над собою за кратковременность юношества, и если юноша бессознательной пустится на исследование опытом вреда и зла, пользы и бесполезности предприятий, то наметается в жизни как нельзя более, пока наконец остепенится, то есть научится дальновидности самосознательной и осознает, что из чего происходит, но редко из распутных бывают люди степенныя* (Истина 1: 20 об.–21)». Приведенные выше обстоятельства являются для Голубова аргументом в пользу необходимости доверять опыту старших. Он формулирует следующую антитезу: «юное безверие — застарелое правоверие». С точки зрения Голубова, лишь «*правоверие учит правде, самостеснению, беспристрастию. Оно понимая и разъясняя зловредие излишьшестра́стей, отсекает их и искореняет раньше образования болезненнаго вреда на жизненном быте*» (Истина 3: 25 об.).

Для Голубова на «правоверии» основываются брак, семья и государство. В статье «Происхождение религий», якобы присланной из России неизвестным автором, однако стилистически похожей на его собственные писания, он утверждает следующее: «*Правоверие для жизни, и жизнь для правоверия. Иераршество церковное, и Государство мирское, в церкви постоянно во взаимных отношениях, как душа с телом: где замирает правоверие, там саморазлагается государство*» (Истина 4: 46 об.). Голубов уверен в том, что «*восточная церковь ближе всех религий к центральной истине правоверия. ... например, отнимите у римлян учение о главенстве Папы, и вся религия падет, или у Протестантов о мертвой вере без дел, и тоже не устоит. А в церкви восточной правоверной весма удобно отнять темныя случайныя стороны (безсознательные расколы), и есть ли ихъ отнимите, она сделается еще светлее. Ее можно*

сравнить с человеком стройным, имеющим все физическия совершенства, но несколько обмараным, грязь не внутри правоверия, но в навыке людей слабых уклоняющихся в крайности. Грязь может обмыться, и церковь озарится во всех отношениях светом правоверия. Но что касается до других религий, то представьте тебе людей изувеченных, которых никаким образом излечить нельзя» (Истина 4: 51–51 об).

В комментариях к собственной статье «Союз веры», напечатанной в первой книге «Истины» и вторично перепечатанной в четвертой, Голубов пишет следующее: «*Народная вера правая ... есть — открытое чисто-народное обще-советное соборное вселенское учреждение правоверия; а потому и господствует. Напротив, частныя секты (или лучше сказать суеверия) суть частных личностей само-думныя уклончивыя мнения, коихъ представители уклоняются от обще-советия, от собора вселенскаго, от разсуждения о правоверии; а потому и раболепствуют*». Эти предпосылки позволили ему заявить, что «*в России национальная церковь есть православная, все прочия вероисповедания, какия бы льготы ни предоставлялись им, не могут иметь характера национальных (народно-соборных) учреждений*» (Истина 4: 57).

В четвертой иоганнисбургской книге «Истины» (1968 г.) Голубов от третьего лица повествует о том, как старообрядцы-беспоповцы из Пруссии в 1867 г. послали посольство к русскому царю-освободителю (Александру II), вырезав на предназначенном в подарок блюде посередине вензель, а кругом надпись славянскими буквами: «Царю-освободителю от русских поселенцов, войновскаго прихода, в Пруссии». Доложившись через прусского посланника в Петербурге 31 июня (1867 г.), гости получили распоряжение 2 июля явиться в Петергоф к царю. Им приготовили и прислугу, и обед, и комнату, и лошадей. В воскресенье ровно в час их принял царь. Послы из Пруссии, стоя на коленях, обратились к царю со словами: «*Прими, великой государь сердечное изъявление преданности от русских поселенцов в Пруссии. Хотя мы и в Пруссии живем, но наше сердце пламенеет к родной России, и к тебе освободителю. Поздравляем тебя с благополучным возвращением из Парижа, и желаем тебе многолетствовать. Радуемся, что десница божия другой раз спасла любимаго нам царя*». Царь поблагодарил их, велел встать с колен и спросил, не желают ли они возвратиться в Россию. Когда посланцы такое желание изъявили, царь уверил их, что их желание будет исполнено и поблагодарил за то, что они «незабыли Россию, столко лет живя в Полше (! — *Е. П.*), и с 29 и 31 года, перейдя в Пруссию, ни на волос не переменились, начиная от одежды и кончая русским языком» (Истина 4: 59–59 об.). Своим рассказом Голубов поддерживает миф о милостивом царе. На самом деле войновским старообрядцам не только не было позволено переселиться в Россию, им было велено покинуть Петербург, и член делегации Тихон Крымов до самой Пасхи 1868 г. ожидал положительного решения царских властей в Ковне и в конце концов, не дождавшись ответа, вернулся в Пруссию[22]. Голубов же остался в Москве, где в Никольском единовер-

[22] *Iwaniec E.* Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w. Warszawa, 1977. C. 135.

ческом монастыре перешел в единоверие, а затем ходатайствовал о получении российского подданства и о позволении на издательскую деятельность в России. Э. Иванец уверен в том, что своими действиями Голубов закрыл прусским старообрядцам дорогу в Россию, поскольку его позиция позволила властям предположить, что рано или поздно все прусские раскольники вернутся в лоно православной церкви и станут российскими подданными на тех условиях, которые им предложит правительство, а не на их собственных[23].

2.3. Практический аспект исследования личности Голубова.

В исследовании практического прагматического аспекта личности (у Караулова этот аспект именуется прагматическим) должны отражаться замыслы, интересы, цели и мотивы действий личности. В связи с этим следует упомянуть, что в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона «Истина» определяется как первый журнал, «поставивший себе целью борьбу с расколом (в первое время — главным образом против беспоповцев-федосеевцев)»[24]. Таким образом, деятельность Константина Голубова, родившегося и воспитанного в среде старообрядцев-беспоповцев федосеевского толка, с самого начала была направлена на просвещение «раздорников» (наименования старообрядцев раскольниками Голубов избегал, ср.: Истина 2: 33) с целью вернуть их в лоно настоящей православной церкви. Общественная позиция Голубова сформировалась не только на основании Священного Писания, творений Святых Отцов Церкви и старообрядческой церковной литературы вообще — в своих письмах Н.П. Огареву он упоминает Монжа, Кондорсе, Роберта Оуэна, Фурье, Робеспьера, Бабёфа, Канта и Прудона (именно в такой последовательности). В статье «Образованность», опубликованной в первой книге «Истины» и перепечатанной в четвертой, Голубов цитирует книгу Прудона «об искусстве», ссылаясь на перевод Курочкина 1865 г.[25]

В течение 1867–1868 гг. Голубов написал и опубликовал в четырех книгах своего религиозно-общественного журнала 13 статей, подписанных его именем (Константинъ, К-н, К. Г., Константинъ Г-въ), шесть открытых писем (четыре письма Огареву, одно Кельсиеву и одно Дарвинисту), подписанных «Мужикъ», — общим объемом около 400 страниц, а также около 20 страниц комментариев и сообщений от имени редакции. Следует обратить внимание на то, что Голубову в то время было всего 25–26 лет.

После переезда в Псков в последующих книгах «Истины» он регулярно публиковал отчеты о деятельности Псковской миссионерской Славянской типографии. Отчете о деятельности типографии за десять лет, с 1868 по 1878 гг., напечатанном в 11 книге псковской «Истины» (1878 г.), Голубов отметил, что св. Синод указом от 7 сентября 1870 г. позволил ему войти «в непосредственное сношение с миссионерами по империи» и распространять отдельные «книжки и брошюры» с целью примирения с православной церковью в прихо-

---

[23] *Iwaniec E.* Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. C. 175–176.

[24] Энциклопедический словарь. Т. 13 (25). С. 473.

[25] *Прудон П.-Ж.* Искусство, его основания и общественное назначение. СПб., 1865. Цитаты из гл. 4 и 23.

дах, «зараженных» расколом, а также в духовных академиях и семинариях. В течение десяти лет он безвозмездно рассылал книги «разного наименования» по епархиям в следующем количестве: Архангельской епархии (330), Астраханской (400), Владимирской (650), Воронежской (500), Вятской (800), Донской (2400). В течение десяти лет Голубовым было напечатано только журнала «Истина» 114.500 экземпляров: с 1-й по 49-ю книги — по 2000 экземпляров каждая, 45–56 книги — по 2500 экземпляров каждая. Автором большинства статей был сам Голубов.

Заключение

Остается сожалеть о том, что не только популярный в 79-е–90-е годы XIX в. миссионер архимандрит Павел (Леднев), прозванный Прусским, но и Константин Голубов (Голубев), воспитанник и последователь знаменитого федосеевского полемиста, вслед за своим учителем вернувшийся в лоно Русской православной церкви и активно участвовавший в общественно-политической жизни России, остается практически неизвестным исследователям, в том числе в России. Единственное монографическое исследование о жизни и деятельности Голубова было опубликовано в 2001 г. в Польше, это книга Эугениуша Иванца «Дорога Константина Голубова от староверия к православию»[26], уже ставшая библиографической редкостью. Е.А. Агеева, вслед за Н.Ф. Будановой[27], пишет о том, что личностями Павла Прусского и Константина Голубова был заинтересован Ф.М. Достоевский, «который считал их, обретших после духовных блужданий родную «почву» и веру, истинными «новыми людьми» в противоположность носившим это наименование деятелям из революционно-демократической среды»[28]. Имена Павла Прусского и его ученика фигурируют в неосуществленном проекте эпопеи Достоевского «Житие великого грешника» (1869), упоминаются в подготовительных материалах к роману «Бесы»[29].

Бывший сотрудник Вольной русской типографии в Лондоне, соратник Герцена и Огарева Василий Иванович Кельсиев, пытавшийся вернуться на родину и арестованный при попытке перехода границы, в своем письме шефу жандармов графу П.А. Шувалову (24–25 мая 1867 г.), названном «Исповедью», написал: «Полтора года в Тульче (среди румынских старообрядцев. — *Е. П.*) дали мне понять множество вещей, о которых я прежде и не догадывался даже. Секты наши не носят в себе ничего революционного, наши сектанты — верноподданные до конца ногтей, хоть подчас и считают государя антихристом, а

---

[26] *Iwaniec E.* Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. Karty z dziejów duchowości rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku. Białystok, 2001.

[27] *Буданова Н.Ф.* Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седминах Даниловых» // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 86–101.

[28] *Буданова Н.Ф.* Примечания // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 7. С. 693–695.

[29] *Агеева Е.А.* «Истина» [Электронный ресурс URL http://www.pravenc.ru/text/675023.html. Режим доступа: 27. 11. 2019].

чиновников ангелами сатаны. Простой народ наш на бунт против царской власти не пойдет. Даже русский выходец, бежавший в Турцию или за веру или от каторги, и тот в глубине души — верноподданный государя. Скучно мне было между ними, — там нет ни одного мало-мальски развитого человека, — но они заразили меня своею тоскою по родине»[30].

Изучение языковой стороны личности Голубова внесет определенный вклад в лексический фонд словаря русской публицистики XIX в., а также позволит сформировать методические приемы описания текстов, создававшихся в эпоху активного формирования публицистического стиля русского литературного стандарта. Голубов родился и сложился как личность в многонациональной среде, в контактах с представителями разных национальностей, религий и христианских конфессий, которую в современной терминологии следовало бы назвать мультикультурной, и в этом нет ничего необычного для России XIX в. В текстах, опубликованных Голубовым, обнаруживаются различные лексические и грамматические пласты. В первую очередь, следует выделить два основных: церковнославянский, сформированный на базе книжной культуры старообрядцев, и русский просторечный, усвоенный автором в быту и вобравший в себя как элементы северо-западных диалектов, так и заимствования из русского литературного языка, а также польского, немецкого и идиш. Неизвестно, сколькими языками владел Голубов. Однако если Василий Кельсиев, с которым Э. Иванец его сравнил, знал 25 языков и говорил на 14, то Голубов, по мнению Иванца, знал их всего лишь несколько[31]. Это знание отразилось в написанных им текстах.

Деятельность оригинального православного философа-самоучки, публициста и издателя Константина Голубова представляет отдельную страницу в истории российской печати и российской культуры XIX века в целом. В текстах Голубова отразилось мировоззрение русских старообрядцев, проживающих за границей: их мысли, стремления, чаяния. Творчество Голубова в перспективе включения в сферу анализа также тех текстов, которые были им опубликованы в 1868–1887 г. в России, не только в журнале «Истина», но и в «Псковской газете» позволит представить себе картину духовной жизни русской провинции глазами провинциала, к тому же в той сфере, которая до сих пор была известна филологам по произведениям классической русской литературы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЛОВАРИ

Дьяченко — *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь: в 2 тт. М., 1993.

СтСл — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1999.

---

[30] *Кингисепп Е., Клевенский М.* «Исповедь» В.И. Кельсиева. С. 265–266.

[31] *Iwaniec E.* Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. С. 38.

Д.А. Романов

ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКЕ «ЗАПИСКИ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТОРОНАХ РУССКОГО СОЛДАТА И ОФИЦЕРА» Л.Н. ТОЛСТОГО СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА[1]

«Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера» входит в состав так называемых «Севастопольских материалов» Л.Н. Толстого — незаконченных работ официально-делового, эпистолярного и публицистического характера, созданных писателем в конце 1854–1855 гг., в период Крымской кампании, и примыкающих к трем его известным «Севастопольским рассказам».

Несмотря на то что ни одна из двух редакций «Записки…» не закончена, обе они представляют собой достаточно обширные публицистические тексты, выделяющиеся из «Севастопольских материалов» ярким эмоциональным отношением автора к сообщаемому, четкой логикой развития мысли, прозрачной рациональной композицией и как следствие — напряженным поиском точной словесной оболочки для излагаемых идей.

В «Записке…» ярко проявляется та черта, которая будет стилеобразующей во всей публицистике Л.Н. Толстого. Это скрупулезно точный подбор ключевых слов, которые через повтор (с различного рода риторическими усилениями) вводятся автором в сознание читателя на протяжении всего текста. Воздействующая сила толстовской публицистики состоит в целенаправленном и эмоционально страстном продвижении таких ключевых слов. «Записка…» — яркий тому пример (несмотря на то, что она создана почти за 30 лет до известных произведений зрелой толстовской публицистики).

«Записка…» носит отчетливый полемический характер по отношению к официальной публицистике, освещавшей ход Крымской войны. В ее языке прослеживаются основные направления лексических сдвигов, характерных для

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00008.

русского литературного языка середины XIX в. (в концепции Ю.С. Сорокина[2] и авторского коллектива академической монографии «Лексика русского литературного языка XIX–начала XX века»[3]). Речь идет об увеличении в литературном языке количества отвлеченной лексики, о приобретении многими лексемами значений нравственно-этических категорий (т. е. о семантическом расширении), об использовании в литературном языке научной терминологии (у Толстого — преимущественно термины философии и социальных наук).

Отвлеченная лексика «Записки…» представлена широкими пластами слов, которые условно можно сгруппировать в три семантических зоны.

Первая из них — обозначение качеств людей и особенностей индивидуального поведения: *вера, честь, отвага, преданность, терпение, усердие, страдание, жестокость, праздность, грубость, тщеславие, дарование, долг, лихоимство, презрение, бескорыстие, самопожертвование, сочувствие.*

Вторую группу составляют отвлеченные существительные, обозначающие преимущественно общественные процессы, формы их осуществления, описания, контроля и т. п.: *ропот, упадок, угнетение, образование, благосостояние, злоупотребление, явление, растление, развитие, увеличение, состояние, достижение, влияние, беззаконие, происки, потребности, возможности, ограничения, требования, столкновения, испытания, понятия.*

Третью группу составляют лексемы, возведенные автором в ранг материальных и морально-этических мерил бытия: *голод, холод, благо, добро, зло, нелюбовь.*

Доминирующая лексика толстовской «Записки…» наглядно отражает результат широкого распространения слов отвлеченной семантики, начавшегося в 30–40-е гг. XIX в. По характеристике Ю.С. Сорокина, такая лексика объединяет терминологию, обозначающую различные понятия общественной жизни, культуры, идеологии, явлений психического мира. К 1870-м гг. корпус такой лексики в русском литературном языке практически складывается: слова такого типа приобретают четкую семантику, ясное носителям языка стилевое распределение, многие из них «становятся устойчивыми, обычными, единственными обозначениями определенных понятий, популярными и распространенными»[4].

Одним из самых частотных языковых элементов в тексте записки является слово *лихоимство*. В лихоимстве Л.Н. Толстой видит порок русской армии и отрицательную черту русского офицерства. Вот наиболее типичный контекст использования этого слова: *Офицеры-аферисты, служащие для одной цели — украсть каким бы то ни было путем состояние в военной службе. — Это люди без мысли о долге и чести, без малейшего желания блага общего, люди, составляющие между собой огромную корпорацию грабителей ... люди, считающие честность глупостью, понятие долга — сумасшествием, заражающие моло-*

---

[2] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. М.-Л., 1965.

[3] Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Отв. ред. Ф.П. Филин. М., 1981.

[4] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 39.

дое и свежее поколение этой правильной и откровенной системой корысти и лихоимства. Записка 293.

Слово *лихоимство* встречается уже в памятниках старославянской письменности, изначально имея яркое отрицательно-оценочное значение — ‘корыстолюбие’ (СтСл. 308). *Лихоимство* в буквальном смысле обозначает ‘взимание лихвы’, т. е. процента. По данным этимологического словаря А.Г. Преображенского, «*лихва* — рост, процент (особенно незаконный) — представляет собой древнее немецкое заимствование, родственное готскому слову *lihvan* — ‘ссужать’»[5]. С такой этимологией согласен и М. Фасмер: он приводит также древневерхненемецкое *lihan* — ‘отдавать в рост, долг; ссужать’ (Фасмер II: 505).

Это слово, по данным материалов И.И. Срезневского, активно употреблялось в древнерусском языке (Срезн. II: 28). За длительный период функционирования оно обросло дополнительными коннотациями и оттенками значения, которые подробнее всего излагает в своем словаре В.И. Даль: «*Лихоимствовать, лихоимничать* — брать взятки, вымогать подарки, приношения, по исправлению службы, должности своей; пускаться в незаконные поборы, мздоимничать, быть подкупным служителем» (Даль II: 665).

Однако даже пространное толкование Даля не вполне адекватно отражает тот смысл, который стоит за этим словом в «Записке…» Л.Н. Толстого. Автор имеет в виду не столько взяточничество и мздоимство, сколько воровство, казнокрадство, ограбление подчиненных. Л.Н. Толстой явно расширяет семантику слова, что отражает в целом практику его употребления в русском языке второй половины XIX в., хотя максимально близкий по времени академический словарь — «Словарь церковнославянского и русского и языка» 1847 г. подобное расширение не фиксирует: «*Лихоимство* — то же, что *лихоимание*: Церк. Взимание лихвы. Мздоимство, взятки» (Сл. 1847 II: 258). В таком же значении слово зафиксировано академическими словарями XX века (Ушаков, БАС[1], МАС), которые находились в плену этимологической связи *лихва* → *лихоимство, лихоимец*.

Реальная языковая ситуация, которую и воспроизводит Л.Н. Толстой в своей «Записке…», показывает явное семантическое наращение данного слова. Уместно заметить, что в подобном же расширенном значении эту лексему использовал и Н.А. Некрасов в своем стихотворении «Забытая деревня»: *Кто-то по соседству, лихоимец жадный, У крестьян землицы косячок изрядный Оттягал, отрезал плутовским манером*. Лишь третье издание Большого академического словаря уже в XXI в. фиксирует эту семантическую подвижку (со ссылкой на указанное стихотворение Н.А. Некрасова): «*Лихоимец* — тот, кто обогащается нечестным, незаконным способом (обычно путем поборов, взяток и т. п.)» (БАС[3] IX: 238). Таким образом, то, что Толстой использовал в своей публицистической практике в середине XIX в., попало в толковый словарь лишь в начале XXI в. Это еще раз доказывает важность для науки изучения языка пи-

[5] *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2 тт. М., 1910–1914. Т. 1. С. 459–460.

сателя, который оказывается более гибким, динамичным, восприимчивым к семантическим сдвигам в сравнении с лексикографической фиксацией.

«Записка…» Л.Н. Толстого отражает переход многих слов, обозначающих отвлеченные понятия, в разряд общественно-политических и развитие у лексики нравственно-этического содержания риторических, публицистических значений.

Другим ключевым словом «Записки…» Л.Н. Толстого является лексема *погибель*, особенно часто встречающаяся в первой редакции. Например: *По долгу присяги, а еще более по чувству человека, не могу молчать о зле, которое открыто совершается передо мной и очевидно несет за собой погибель миллионов людей — погибель силы, достоинства и чести отечества.* Записка 285–286.

Это слово так же, как и слово *лихоимство*, встречается уже в старославянских памятниках со значением столь же эмоционально окрашенным — ‘гибель, разрушение’ (СтСл. 460). Лексема распространена во всех славянских языках и представляет собой, по мнению авторитетных этимологов, реализацию индоевропейского корня **gyb-* со значением ‘гнуть, искривлять’ (Фасмер I: 404).

Во время Крымской войны слово еще не имело политического содержания. По данным Сл. 1847, оно могло выступать в двух значениях отвлеченного характера: *Погибель*. 1. Беда, напасть, пагуба. 2. Смерть (Сл. 1847: 244). Произведения Л.Н. Толстого севастопольского периода (в том числе и рассказы) сделали это слово символическим, знаменующим общественно-политическое положение России (как внешнее, так и внутреннее) в конце николаевского правления.

Е.Т. Черкасова указывала на то, что эпоха 40–70-х гг. XIX в. стала временем «создания “метафизического языка”, то есть национальной системы отвлеченной, философской, научной и публицистической лексики»[6]. Так, слово *зло* в «Записке…» Л.Н. Толстого приобретает философское общественно-политическое звучание. Вот типичный контекст его употребления (Толстой обращается к братьям наследника престола, будущего императора Александра II, — Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу): *Зная истинную любовь вашу к отечеству, я решился обнажить зло это перед вами во всей гнусной правде его и в надежде на разумное содействие ваше указать на те средства, которые одни возможны, если не для уничтожения, то для ослабления его.* Записка 291.

В таком употреблении слово *зло* противопоставлено слову *благо*, они образуют антитетическую риторическую пару, проходящую через весь текст второй редакции толстовской «Записки…», обозначая реальность — с одной стороны, и стремления, чаяния Л.Н. Толстого — с другой.

Оба слова, являясь по основной семантике нравственно-этическими категориями, приобретают явные публицистические значения, характерные их ис-

---

[6] *Черкасова Е.Т.* Введение // История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Отв. ред. Ф.П. Филин. М., 1981. С. 20.

пользованию в литературе второй половины XIX в. По данным Сл. 1847, оба слова имеют обобщенное и более конкретное значения. Так, *зло* трактуется как: 1. Вред, лихо, обида, неправда. 2. Преступление (Сл. 1847 II: 37). *Благо* отнесено к церковным словам и обозначает: 1. Добро; все, служащее к нашему счастью. 2. Доброе деяние (Сл. 1847 1: 48).

Разумеется, общая семантика этих древних слов Л.Н. Толстым сохраняется, но, как уже указано выше, они наполняются общественным и публицистическим содержанием, отчасти реализуя свои исконные этимологические значения. В частности, общеславянский корень **sъl-* родствен древнеиндийскому *hvárati* и *hválati* — ‘идти кривыми путями’ (Фасмер II: 99). Именно такими путями, по мнению Л.Н. Толстого, идет русское общество, русская армия, русское офицерство.

У слова *благо*, как видно из определения Сл. 1847, общественное звучание присутствует, но особенно интенсивно оно закреплялось в языке в середине XIX в., чему способствовала и публицистика Толстого. Сравните приведенное выше «скромное» толкование Академического словаря с определением В.И. Даля, данным менее чем через 20 лет, но уже в 60-е гг. (в первом издании «Словаря живого великорусского языка» 1863–1866 гг.). В статье своего словаря *Благий, благой* Даль отмечал, что *благо* — это «все доброе, полезное, служащее к счастью народа» (Даль I: 222).

Многие слова, уже приобретшие (или актуализировавшие) к 1850-м гг. переносное социальное значение, иллюстрируют его в тексте «Записки…». Например, приобретавшее в это время все большее распространение слово *среда* в значениях: 1. ‘совокупность природных или социальных условий, в которых протекает развитие и деятельность человека; окружающие условия; социально-бытовая обстановка’; 2. ‘совокупность людей, связанных общностью социально-бытовой обстановки, социальных условий’. У Толстого: *людей ... проложивших себе дорогу мимо убивающей среды настоящей военной службы* (Записка 293).

В.В. Виноградов отмечал: «Новое расширение значений слова *среда* происходит в русской публицистической речи в 30–40-х годах XIX в. В нем сказывается влияние социально-политической терминологии. … Это новое употребление слова *среда* отчасти было результатом переноса физических, естественно-научных понятий в область социальных наук. Употребление слова *среда* применительно к социальным условиям жизни той или иной общественной группы ярко выступает в сороковые годы у Герцена, Белинского и людей близких к ним. … В новом значении слово *среда* развивает новые лексические связи: *общественная среда, окружающая среда, социальная среда, семейная среда, образованная среда, мещанская среда* и т. д. В 50–70-е гг. круг этих связей все более расширяется»[7]. Виноградов приводит контексты Тургенева, Некрасова, Помяловского и др. Сюда, безусловно, входит и толстовское *среда военной службы*.

[7] *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999. С. 1016.

В социальном значении употреблено Толстым и слово *сфера*. Такое употребление в тексте «Записки…» многократно: *в солдатской сфере; в сфере, где оно бесполезно; попавшие в сферу военной службы; в сфере лишений, трудов и отсутствия образования*. Сл. 1847 г. вообще не фиксирует у слова *сфера* социального значения ‘общественное окружение, среда, обстановка’; у В.И. Даля такое значение намечено в самом общем виде: ‘известный, чем-либо ограниченный простор духа’ (Даль IV: 658). Следовательно, становление этой семантики приходится именно на 1850-е гг., что отражено в «Записке…» Толстого.

Из области научной терминологии приходит в русскую публицистику середины XIX в. слово *энергия*, приобретающее значение ‘деятельная сила, настойчивость, решимость в достижении поставленной цели’. Сл. 1847 подобного значения не дает, в словаре Даля оно формулируется как ‘постоянство, твердость, сила воли … рвение, яростливость’ (Даль IV: 1536). В подобном значении слово употреблено в толстовской «Записке…»: *люди без ума, образования, энергии*.

Толстой вводит в текст «Записки…» заимствование (немецкое или французское) *корпорация* с актуализацией значения латинского корня *corpor(atio)* — ‘сообщество; группа людей, объединенных общностью интересов’: *Эти люди без мысли о долге и чести, без малейшего желания блага общего, люди, составляющие между собой огромную корпорацию грабителей, помогающих друг другу* Записка 293. В русских лексикографических источниках это слово впервые приводится Далем в статье *Корпус* со значением ‘община, общество, братство, товарищество, сословие, союз людей одного звания, ремесла’ (Даль IV: 433). Толстой явно в ироничном ключе переосмысливает сему ‘ремесло’. В русском языке это было одно из первых употреблений данного слова.

«Записка…» Толстого отражает вхождение в языковой обиход русской публицистики таких оборотов, как: *по мере увеличения чего-либо* (*по мере увеличения силы и числа войска*), *войти в ряды чего-либо* (*войти в ряды войска*), *носить звание* (*носить звание солдата*), *средства противодействия* (*средства противодействия порокам*).

Кроме того, «Записка…» отражает отдельные «демократические» стилистические сдвиги публицистического языка той эпохи — проникновение в литературную сферу разговорной и сниженной лексики (например, *проздравлять* ‘пропивать жалование’, *скотское опьянение, авось, ужасно много*).

Отдельные слова приобретают в толстовской «Записке…» окказиональные оттенки значений, чаще всего оценочные (например, *разврат, порок, наемник, грабитель, старшинство*). Так, слову *наемник* Толстой придает не только значение ‘иностранный офицер, находящийся на русской службе’, но и оттенок — ‘относящийся к службе без должного рвения, спустя рукава’, а *грабителями* именует не только узуальных ‘людей, разоряющих, обирающих кого-то’, но и ‘офицеров, злоупотребляющих служебными обязанностями, казнокрадов’; под *старшинством* автор понимает ‘несправедливое, полученное в результате угождения начальству повышение в чине или звании’.

Несмотря на то что «Записка…» является одним из ранних публицистических произведений Толстого, она в полной мере отражает черты, которые с

течением времени станут опознавательными характеристиками идиостиля Л.Н. Толстого (приобретение нейтральными словами оценочных коннотаций, внедрение в текст лексических повторов эвристемного характера и др.).

Среди лексем, приобретавших в 40-70-е гг. XIX в. дополнительные общественно-политические и идеологические оценочные значения, выделяются признаковые слова (преимущественно прилагательные, но и отдельные причастия). В частности, Ю.С. Сорокин указывал на развитие подобных значений у цветовых прилагательных (*белый, красный, зеленый*), прилагательных, обозначающих положение в пространстве (*левый, правый*) и у прилагательных, обозначающих стороны света (*восточный, западный*)[8]. Вполне очевидно, что подобные значения развивались первоначально в публицистике и философской литературе. Такие признаковые слова тяготели к отрыву от определяемых лексем и приобретению свойств субстантивов, поскольку именовали особый тип людей или разновидности общественных явлений, ситуаций и т. п. Толстой в подобных значениях использует лексемы *отжившее, устарелое, угнетенные, угнетающие, отчаянные.* Определения *угнетенные, угнетающие, отчаянные* становятся в трактовке Толстого названиями различных солдатских типов: *угнетенные* — «люди, сроднившиеся с мыслью, что они рождены для страдания» (в рассказе «Севастополь в августе 1855 года» Толстой назовет таких солдат *покорными* и употребит это слово без определяемого существительного, т. е. как субстантив); *угнетающие* — «люди, перенесшие испытания и не упавшие, но ожесточившиеся духом»; *отчаянные* — «люди, убежденные несчастьем, что для них нет ничего незаконного, и ничего не может быть худшего». Разумеется, подобные значения функционируют только в военной публицистике Толстого 1850-х гг.

Лексемы *отжившее* и *устарелое* (ср. рода) в субстантивном значении ‘то, что не отвечает современным требованиям, условиям, состоянию чего-либо’ постепенно вошли в широкий языковой оборот. В такой форме и с таким значением они фиксируются академическими словарями XX в. (например: БАС[3] 14: 443).

Слово *угнетение* является ключевым в первой редакции «Записки…», т. к. именно в этой редакции большое внимание уделяется положению русского солдата (вторая редакция больше касается черт русского офицерства и генералитета). Вот пример употребления этой лексемы: *В России, столь могущественной своей материальной силой и силой своего духа, нет войска; есть толпы угнетенных рабов, повинующихся ворам, угнетаемым наемниками и грабителями, и в этой толпе нет ни преданности к Царю, ни любви к Отечеству .., ни рыцарской чести и отваги, есть с одной стороны дух терпения и подавленного ропота, с другой дух угнетения.* Записка 286.

Слова гнезда *угнетать* повторяются в первой редакции «Записки…» едва ли не через строку. Л.Н. Толстой, хотя и не относился к революционно-демократически настроенному крылу «Современника», использовал корень *гнет-* исключительно с общественно-политическим смыслом, который мы

[8] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 520.

встречаем и в трактовке В.И. Даля: *Угнести* — гнести, теснить, обижать, сживать со свету, не давать просвету, преследовать силой и властью (Даль IV: 936). В Сл. 1847 трактовка расплывчатая, отвлеченно-этическая, не выводящая на социальные проблемы русского общества (не упоминается возможность притеснения властью, более высоким социальным положением и под.): *Угнетение.* Стеснение, причинение обид, гонение, нападки (Сл. 1847 IV: 321).

Отношения в среде русского офицерства, порядки в армии Л.Н. Толстой называет безнравственными. Прилагательные *нравственный* и *безнравственный* употребляются им в тексте рассматриваемой «Записки…» постоянно: *нравственное растление духа, безнравственное поведение, нравственные язвы* и т. д. Вот показательные контексты: *Русский офицер презирает звание офицера, потому что оно подвергает его влиянию людей грубых и безнравственных, занятиям бесполезным и унизительным.* Записка 292. *Главные нравственные язвы, с увеличением войска, вкравшиеся в ряды его, постепенно увеличивающиеся и доведшие его до сего жалкого морального состояния, суть: скудность содержания войска, пренебрежение к образованию, угнетение.* Записка 294.

Лексемы *нравственный* и *безнравственный* в современном Л.Н. Толстому употреблении ограничивались духовной сферой (церковной и светской) и имели в основном предельно отвлеченное, философское значение. Так, В.И. Даль довольно витиевато и пространно объясняет значение слова *нравственный*, помещенное им в словарной статье *Нрав*: «нравственный, противоположный телесному, плотскому, духовный, душевный. // Относящийся к одной половине духовного быта, противоположный умственному, но составляющий обще с ним духовное начало: к умственному относятся истина и ложь; к нравственному — добро и зло. // Добронравный, добродетельный; согласный с совестью, с законами правды, достоинством человека, с долгом честного и чистого сердцем гражданина» (Даль II: 1448).

Л.Н. Толстой явно переводит данные слова в разряд моральных и общественных категорий, делает их атрибутом действенной публицистики; если использовать метафору, «вооружает» эти слова исправляющей критической силой.

Существительное *растление* Л.Н. Толстой использует применительно к духу русской армии. Помимо анализируемой «Записки об отрицательных сторонах русского солдата и офицера», оно употребляется как ключевое слово и в «Докладной записке князю М.Д. Горчакову», тоже входящей в состав «Севастопольских материалов». Последняя целиком посвящена духу русского войска: *Причины непонятных явлений этих — пороки, нравственное растление духа нашего войска*. Записка 291.

Это исконно русское слово, восходящее к глаголу *тлеть*, употреблялось в русском языке еще в средние века. В.И. Даль приводит такое старое значение этого слова: «Погнить, истлеть, обратьcя в гниль, тление, уничтожиться от тления, рассыпаться в пепел, прах и гниль» (Даль IV: 1635). В «Записке об отрицательных сторонах русского солдата и офицера» Л.Н. Толстой делает это слово общественно-политическим, публицистическим по звучанию, пытаясь доказать

людям из круга наследника русского престола необходимость духовного оздоровления русской армии и русского общества в целом.

Отдельные слова Л.Н. Толстой использует в уникальной форме, их можно считать публицистической неологией «Записки…». Таким словом является, например, лексема *бессознание*, не отмеченная ни одним словарем и имеющая у Толстого значение ‘неосознаваемая, лишенная сознательного отношения жизнь; жизнь без принятия собственных решений, без продуманных поступков; существование по принципу — плыть по течению’. О подавляющей части русского генералитета Толстой замечает: *Русский Генерал по большинству, существо отжившее, усталое, выдохнувшееся, прошедшее в терпении и бессознании все необходимые степени унижения, праздности и лихоимства для достижения своего звания.* Записка 293.

Представленный выше очерк семантических и стилистических трансформаций отвлеченной лексики в «Записке об отрицательных сторонах русского солдата и офицера» показывает, что уже в раннем творчестве Л.Н. Толстого начала складываться его особая манера работы со словом, состоящая в смысловом расширении, добавлении слову общественно-политического содержания, актуализации (акцентировании) смысла посредством придания слову публицистического характера и риторического звучания в тексте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Записка — *Толстой Л.Н.* Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Юбилейное издание: в 90 тт. М., 1932. Т. 4.

СЛОВАРИ

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1880–1882.
БАС[1] — Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.-Л., 1948–1965.
БАС[3] —Большой академический словарь русского языка. Т. 1–25. СПб., 2004–2019 (издание продолжается).
МАС — Словарь русского языка: в 4 тт. М., 1981–1984.
Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка. Т. I–IV. СПб., 1847.
Срезн. — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1902. Т. II.
СтСл — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1999.
Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. М., 1986–1987.

Харламова М.А.

СИБИРСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XIX ВЕКА КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Последняя треть XIX века — одна из самых сложных эпох в истории России, которая характеризуется не только всплеском общественных движений, но и особым интересом к изучению истории страны, устного народного творчества, русского языка в целом и диалектологии в частности. Несмотря на широкое изучение и кажущуюся изученность, русский язык XIX века до настоящего времени не получил той лексикографической разработки, которая бы во всей полноте представила процессы формирования национального лексического фонда. Поэтому плодотворной представляется идея создания дифференциального исторического словаря XIX века[1], над которым работают лексикографы ИЛИ РАН (коллектив под руководством к.ф.н. доц. В.Н. Калиновской). Релевантность отражения в Словаре XIX в. языковой картины мира и состояния лексико-семантической системы языка может быть достигнута благодаря, в частности, привлечению региональных источников, которые дают достаточно объективное представление о живом употреблении русского языка XIX в.

Источники регионального происхождения могут быть привлечены и для работы над новым академическим словарём (БАС[3]) в качестве верификации тех или иных толкований и/или функционирования слова в XIX–XXI вв.

Таким образом, одна из задач нашего исследования — привлечь внимание к региональным публицистическим текстам как лексикографическим и историко-этимологическим источникам, вторая — проследить динамические процессы в сибирской лексике, отражающие общерусские изменения.

Литературное и научно-публицистическое наследие известных сибиряков-краеведов, ученых-исследователей второй половины XIX–начала XX вв. Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Г.Е. Катанаева, И.Я. Словцова, Н.П. Григоровского и др. вызывает интерес у историков, этнографов, но недостаточно изучено филологами.

С 1877 г. в Омске стали регулярно выходить «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества», ко-

[1] Словарь русского языка XIX века. Проект / Отв. ред. З.М. Петрова. СПб., 2002.

торые можно считать важным источником наших сведений о становлении научного и публицистического стилей русского языка. Опубликованные в «Записках…» материалы охватывают многие разделы разных наук.

Однако наибольшее внимание уделено природоведческим исследованиям, среди которых — изыскания в области географии, метеорологии, геологии, минералогии, почвоведения, ботаники, зоологии, а также этнографии, археологии и истории. Кроме того, значительное количество работ посвящено вопросам развития хозяйства, торговли, путей сообщения на территории Западной Сибири. Статьи на разные темы часто публикуются в жанре очерков или путевых заметок. Поэтому материалы «Записок…» являются значительным источником пополнения лексического фонда русского языка и исследований тенденций развития лексической системы.

Для анализа нами было выбрано четыре очерка. Самый ранний из них «Крестьяне-старожилы Нарымскаго края» относится к 1870 году и был опубликован в одной из книг «Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО». Его автором является достаточно известный в XIX веке исследователь-этнограф Николай Петрович Григоровский, сосланный в Сибирь из Удмуртии по обвинению в служебных нарушениях. Он занялся в Сибири активной просветительской деятельностью, выучил язык селькупов — коренных жителей Нарымского края, составил словарь селькупского языка, перевел на него Священное Писание. Известно, что Н.П. Григоровский активно сотрудничал с Западно-Сибирским отделом ИРГО и оставил достаточно большое количество публикаций, которые дают прекрасный материал для дальнейших исторических, этнографических, а также лингвистических исследований.

Остальные тексты представлены в журнале «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (редактор князь Всеволод Алексеевич Долгоруков, Томск): «Путь по хлѣбороднымъ мѣстамъ. Отъ Барнаула до Егорьевска» (Книга V, сентябрь–октябрь 1899 года, автор Александр Шерстобитов); «Къ описанію городовъ и селеній. Святки у тобольскихъ крестьянъ» (Книга V, сентябрь–октябрь 1899 года), «Къ описанію городовъ и селеній II. Крестьянская свадьба въ Туринскомъ уѣздѣ, Тобольской губерніи” (Книга VI, 1899 год). Два последних очерка подписаны именем Марк Квитка, которое, вероятно, является псевдонимом.

Из каждого текста были отобраны лексические единицы, которые наглядно демонстрируют тенденции в развитии русского литературного языка XIX века. Такой подход соответствует основному принципу формирования словника, заявленному в Проекте «Словаря русского языка XIX века», который исключает все стабильные, не подвергшиеся изменениям элементы лексической системы, т. е. включает 1) новации XIX в., 2) слова, пришедшие из предшествующего периода и утраченные на протяжении XIX в. или претерпевающие в этот отрезок времени какие бы то ни было изменения[2]. Обозначенный подход позволяет проследить динамические процессы в лексике на протяжении двух столетий и продемонстрировать результаты семантических и иных сдвигов в современном русском языке, что может быть отражено в БАС[3]. С учетом

[2] Словарь русского языка XIX века. Проект. С. 14.

этих принципов было проанализировано 67 единиц, относящихся к диалектной, терминологической и окказиональной лексике[3].

Наибольшее количество лексем обнаружено в очерке А. Шерстобитова «Путь по хлѣбороднымъ мѣстамъ. Отъ Барнаула до Егорьевска» (31 единица — 46 % от общего количества). Чуть меньше единиц (29 — 43% от общего числа) отобрано из текста Н.П. Григоровского «Крестьяне-старожилы Нарымскаго края». Оставшиеся 7 единиц были извлечены из работ М. Квитки «Къ описанію городовъ и селеній. Святки у тобольскихъ крестьянъ», «Къ описанію городовъ и селеній II. Крестьянская свадьба въ Туринскомъ уѣздѣ».

Если же говорить о разрядах слов, то самой многочисленной группой является группа диалектной лексики: 43 лексемы — 64% от общего числа. В то же время достаточно широко в исследуемых текстах представлены слова, связанные с процессами терминологизации и детерминологизации: 22 единицы — 33% от общего количества. Самой малочисленной оказалась группа окказиональных образований, что во многом определяется характером слов, в нее входящих. Результаты статистического анализа приведены в таблицах (1 и 2):

Таблица 1. Изменения в семантической и стилистической структуре слов (кон. XIX–нач. XXI в.)

Изменения	Кол-во слов	% от общего	Примеры лексем
1. Появление нового значения (часто терминологического)	13	19,4%	*потребитель, сбыт, артерия, нерв*
2. Утрата существующего значения	2	2,9%	*обида, балаган*
3. Переход из общенародного фонда в состав терминов	8	11,9%	*умолот, усышка, сидеть, перерод*
4. Переход из диалектной лексики в состав терминов и/или общенародное употребление	3	4,4%	*тайга, ветла; ови,*
5. Переход из общенародного фонда в разряд диалектной лексики	3	4,4%	*овин, опояска*
6. Всего изменили значения и стилистический регистр	29	43%	

В зависимости от содержания текста меняется количественное соотношение слов в этих группах. В текстах, посвященных описанию обычаев и традиций крестьян, практически отсутствуют термины. В очерках же, описывающих социальное устройство сибирской общины, в равной степени представлены слова всех групп.

[3] В поле нашего внимания в настоящей статье окказиональная лексика не входит.

Рассуждая о процессах, происходивших в русском языке XIX века, ученые единогласно приходят к выводу: «Основной тенденцией, определяющей развитие русской литературной лексики в этот период, была тенденция к синтезу всех жизнеспособных лексических средств, вне зависимости от источников»[4]. В частности, это выражается в обогащении литературного языка словами, приходящими из региональных вариантов языка и постепенно входящими в общенародное употребление. Диалектизмы пополнили терминосистемы ботаники, сельского хозяйства, географии, социальных наук.

В то же время в научно-популярных текстах, в частности в описаниях путешествий, диалектная лексика выполняет две функции: познавательную (даёт название новым реалиям и расширяет кругозор читателей) и эстетическую (создает колорит, делает описание более точным, ярким, образным). Такие лексемы присутствуют в описаниях, а также в речи коренных жителей, записанной автором статьи. Нередко они выделялись графически — с помощью кавычек — и сопровождались толкованием автора (через союзы: *то есть*, *или*; вводные конструкции: *здесь так говорят*, *как называют в этих местах* и т. п.). Объяснение могло даваться в самом тексте или в виде сноски внизу страницы.

Подробнее рассмотрим лишь часть слов, приведенных в таблице 1, которые, как полагаем, наглядно демонстрируют основные лексико-семантические процессы в языке XIX века.

Описывая сибирскую сельскую общину, авторы-исследователи неоднократно обращаются к местным обозначениям, отсюда обширную группу составляет лексика, репрезентирующая пространства Сибири: *ч**е**рнь, т**а**йга, в**ы**пуск, **е**лбан.*

В очерке «Путь по хлѣбородным местамъ…» лексемы *ч**е**рнь — т**а**йга* употреблены как синонимы и толкуются следующим образом: *И теперь всѣ дѣвственные, некультивированные углы огромных сибирских пространствъ, носящих название то “тайги”, то “черни”*(Шерстобитов 28).

Если обратиться к словарю В.И. Даля, то можно найти следующую дефиницию наименования *чернь:* ‘густой, непроходимый лес’ (Даль IV: 592). При этом В.И. Даль помечает это слово как о*бластное* и указывает область — Западная Сибирь. В литературном языке данному наименованию не удалось закрепиться, и мы не находим его ни в одном словаре XX века.

Лексема *та́йга* является заимствованием из алтайских языков, где она имеет значения ‘скалистые горы’ (Черных II: 113). Опираясь на данные словарей, можно констатировать, что в XIX веке данное наименование было менее употребительным по сравнению со своим синонимом *чернь*. Так, определяя лексему *тайга*, Сл. 1847 ссылается на слово *чернь*, а в словарном гнезде *тай* у В.И. Даля анализируемое наименование представлено как синоним к словам *тайбо́ла* и *урма́н* со значением ‘обширные, сплошные леса, непроходимая, исконная глушь’ (Даль IV: 385–386). В XX веке слово *тайга́* меняет ударение и приобретает обобщенное терминологическое значение и становится общеупотребительным. В словаре Д.Н. Ушакова лексема зафиксирована без каких-либо

[4] *Бельчиков Ю.А.* Русский литературный язык второй половины XIX в. М., 1975. С. 5.

помет, однако в самой дефиниции заложена определенная ограниченность употребления, поскольку слово связывается исключительно с территорией Сибири: ‘дикий и мало проходимый, преимущественно хвойный, лес, тянущийся широкой полосой на севере Европы и Азии до Охотского моря’ (Ушаков IV: 636).

В «Словаре русского языка» (МАС IV: 331), а также в современных толковых словарях отмечается значение более обобщенное ‘полоса диких труднопроходимых хвойных лесов на севере Европы, Азии и Америки’.

Полагаем, расхождение синонимичной пары *чернь–тайга* можно объяснить следующим образом. Лексема *чернь* имела несколько значений, из которых самым употребительным было значение ‘простонародье’ (Сл. 1847 IV: 434). Наименование *тайга* было однозначным, не имело никаких негативных коннотаций, поэтому легко перешло в разряд терминов, а затем стало общеупотребительным.

В описаниях пространств Сибири находим лексему *е́лбан*, которую авторы очерков определяют как ‘высокий, обрывистый берегъ’: *У возвышеннаго берега рѣчки Чесноковки, которая весною сливается с Обью, у “елбана”, как здѣсь называютъ такой высокій, обрывистый берегъ, всегда стоитъ целая флотилія большихъ и малых лодок* (Шерстобитов 19). Это заимствование из языков сибирских народов (ИЭСРГА 3: 188) было зафиксировано еще В.И. Далем со значением ‘высокий, округлый мыс, холм’ (Даль I: 518), однако дальнейшего распространения оно не получило и к концу XIX века оставалось незнакомым широкой публике. В литературный язык слово так и не вошло, что, скорее всего, связано с его ярко выраженной диалектной окраской, но в говорах продолжает функционировать в нескольких значениях: ‘1) высокий гладкий мыс на берегу моря или озера; 2) округлая возвышенность, окруженная со всех сторон логами; 3) голая пологая вершина горы; 4) подошва горы’ (СРНГ 8: 338). Опираясь на данные СРНГ, мы можем сделать вывод о том, что данное наименование по-прежнему распространено исключительно на территории Сибири: в Алтайском крае, Иркутской, Новосибирской, Томской областях, в Забайкалье (СРНГ 8: 338).

Как видим, в литературном языке закрепилась только лексема *тайга,* что во многом объясняется следующими факторами: отсутствием дополнительных значений и коннотаций у слова *тайга;* наличием со-значений и ярко выраженной диалектной окраски у слов *е́лбан* и *чернь*.

Среди достаточно объемной тематической группы названий строений в исследуемых текстах обнаружены следующие лексемы: *ови́нъ, балага́нъ, заво́зня.* Анализируемые наименования были известны широкому кругу сибирских читателей в XIX веке, но в следующем столетии под воздействием различных семантических процессов данные слова изменили значения и сменили сферу употребления.

Согласно словарям, слово *ови́н* впервые было зафиксировано в русском языке в XIII– сер. XIV вв.: *Иногда дѣвахи ходятъ большой компаніей гадать за городъ, въ овины* (Квитка 1: 50). Лексема в это время функционировала преимущественно в говорах. С тех пор слово известно по всей территории России и значение его практически не изменилось — ‘строенье для сушки хлеба в сно-

пах’ (Срезн. II: 592; Фасмер III: 113–114). Помета с указанием на ограниченное территориальное употребление (*областное*) дается в словаре Д.Н. Ушакова (Ушаков II: 744), в других словарях литературного языка слово представлено без помет (Ожегов 378).

В говорах слово *овин* продолжает активно функционировать, о чем свидетельствуют данные диалектных словарей (СРНГ 3: 188), а также примеры, найденные нами в картотеке ОмГУ (КСГСрП): *А-сушы´ли / э´та / ну-не´ктарыи в-ба´нях / а-у´/ бы´л / называ´лси ави´н / тако´й / ну-зда´нии диривя´наи //* (г. Тара, Тарский р-н, Петрович А. П., 83 года, ср.-спец., старож., 2009).

В тексте, как и в словарях XIX–XX вв., встречается субстантивированное прилагательное *ови́нный*. Согласно очерку М. Квитки, данная лексема является названием разновидности *домового*: *Подойдя къ нимъ, дѣваха становится спиною къ окну овина и ждетъ, погладитъ ли ее по спинѣ мифический “овинный”* (Квитка 1: 50). Подобное определение — ‘домовой, которого можно увидеть там <в овине> в заутреню светлого воскресенья’ — находим в словаре В.И. Даля (Даль II: 641–642). В словаре Д.Н. Ушакова зафиксировано два значения анализируемой лексемы. На первом месте — ‘прилагательное к овин. Овинный хлеб (высушенный в овине)’, на втором (с пометой *областное*) — ‘дух-покровитель овина, разновидность домового’ (Ушаков II: 743). В современных словарях литературного языка, в частности, в «Словаре русского языка», второе значение отсутствует (МАС III: 583).

Лексема *заво́зня* в XIX веке входила в состав русского литературного языка и фиксировалась словарями, в частности «Словарем церковнославянского и русского языка» со значением ‘судно для перевозки экипажей и лошадей через реки’ (Сл. 1847: 245). В то же время найденные нами контексты иллюстрируют другое толкование: *Желая узнать, будетъ ли мужъ пахарь или кто-нибудь другой, гадающая подходит къ амбару или къ завознѣ и, крестообразно захвативши вытянутыми въ противоположные стороны руками ... считаетъ ихъ снизу или свѣрху* (Квитка 1: 50).

Действительно, на территории Сибири *заво́зня* обозначает ‘сарай’, о чем свидетельствует и словарь В.И. Даля, в котором находим дефиницию ‘каретный сарай’ и указание на местность — Пермь, Сибирь (Даль I: 562). В XX веке слово во всех своих значениях постепенно вышло из состава русского литературного языка. Так, например, словарь Д.Н. Ушакова даёт определение ‘род небольшого речного судна, лодка’ и указывает на сферу функционирования с помощью помет *специальное*, *областное* (Ушаков I: 906). В современных словарях, в частности, в «Современном толковом словаре русского языка» под ред. Т.Ф. Ефремовой, также отражено только одно значение, маркированное как *местное* (Ефремова). В то же время диалектные словари разводят эти значения и фиксируют их как омонимы. Согласно СРНГ, лексема *завозня* в значении ‘сарай для саней, телег, утвари’ распространена исключительно на территории Сибири. Кроме того, данное слово является многозначным и может иметь семантику ‘крытый двор, навес для телег, саней, хлеба’, ‘амбар с покатым настилом, по которому завозится груз’, а также ‘кладовка’ (СРНГ 9: 304). Как мы видим, значение анализируемой лексемы уточняется с течением времени и в связи

с изменением условий жизни, однако ядерная сема —‘помещение для хранения чего-либо’ — остается неизменной.

Итак, как показывает проведенный анализ, слова, называющие строения, одни используются в литературном языке даже без помет (*овин*), другие (*завозня*) — не сохранились в составе литературного языка. Подобные изменения во многом объясняются экстралингвистическими факторами, в частности сменой уклада жизни. В то же время все проанализированные слова продолжают активно использоваться в говорах, что подтверждается данными как диалектных словарей, так и нашей картотеки.

Слова, относящиеся к теме «семья», широко представлены в сибирских текстах, функционировали в русском литературном языке XIX века (*домохозяин, нянюшка, нянька* и т. п.) и продолжают использоваться современными носителями языка. Однако в анализируемых источниках некоторые из них употреблены в несвойственных им в современном языке значениях, которые не всегда фиксировались словарями.

Н.П. Григоровский в своем очерке «Крестьяне-старожилы Нарымскаго края» отмечает, что в семьях сибирских крестьян некрещенного ребенка называли *тата́рином*: *До того времени, когда ребенокъ будетъ окрещенъ, на него не надѣваютъ рубашки, почитая это неприличнымъ, да и называютъ его до крещенія “татариномъ”* (Григоровский 2). Так, в Сл. 1847 не находим этого слова. Современные же лексикографы отсылают нас к слову *тат**а**ры* и представляют данную лексему лишь как название национальности: ‘1) нация, основное население Татарстана; представители этой нации; 2) название различных тюркских, монгольских и некоторых других племён, образовавших в 13–15 вв. самостоятельное государство — Золотую Орду’ (Ефремова 3: 196). Однако в диалектной картине мира наименование *татарин* зачастую не связывается с конкретной нацией, а используется для обозначения *чужого* человека, чей язык и религиозные взгляды отличаются от взглядов носителя, о чем свидетельствуют контексты и сама лексема (возможна в иной форме), обнаруженные в диалектных словарях, *татарва́* (*собир., неодобр.*): *Здесь же татарва жила* (СГСрП 3: 144).

Широко известен и тот факт, что в традиционной русской культуре дети до крещения считались нечистыми существами: предполагалось, что у них «нет подлинной души»[5]. Таким образом, в сознании носителей языка они относились к сфере «чужих», и использование лексемы *татарин* для обозначения некрещенных детей, как представляется, является обоснованным в картине мира диалектоносителя.

Примером постепенной смены сферы употребления (из литературного языка в диалекты) может служить слово *опоя́ска* из тематической группы «одежда»: *Приходитъ въ избу крестьянинъ хозяинъ, снимаетъ шапку, рукавицы, опояску, бросает ихъ куда нибудь на полку въ передний уголъ* (Григоровский 10). В Сл. 1847 находим данную лексему со значением ‘кушакъ, поясъ’

[5] Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти тт. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2011. М., 1999. Т. 2. С. 87.

без каких-либо помет (Сл. 1847 III: 342). В то же время как в словаре В.И. Даля ее обнаружить не удалось. Словари XX века, начиная со словаря Д.Н. Ушакова и заканчивая последними толковыми словарями, фиксируют анализируемое наименование со значением ‘пояс в виде шнурка’ и различными пометами: *просторечное* (МАС III: 628), *областное* (Ушаков II: 827), *местное* (Ефремова 518). В анализируемых текстах слово встречается несколько раз при описании одежды сибирских крестьян, но без каких-либо помет и графических выделений. Однако можно предположить, что к концу XIX века изменился социокультурный контекст, в котором использовалась данная лексема, и постепенно наименование *опояска* стало ассоциироваться не просто с одеждой, а именно с крестьянским костюмом, что в дальнейшем повлияло и на сферу употребления.

Следует отметить весьма необычное значение слова *воровствó*, характеризующее поведение человека, которое употреблялось жителями сибирских деревень, — это синоним к слову ‘шалость’ (Григоровский 6). В словаре В.И. Даля с пометой *старое* зафиксированы следующие значения данной лексемы: ‘обман, плутовство, мошенничество, бездельничанье, подлог’ (Даль I: 242–243). В словарях XX века (как в словарях литературного языка, так и в словарях говоров) подобная дефиниция не зафиксирована. Вероятно, в основу распространенного в Сибири толкования лексемы *воровство* как шалость легло устаревшее еще в середине XIX века значение ‘плутовство, бездельничанье, подлог’ (Сл. 1847 I: 417). Далее произошло постепенное переосмысление семантики. Сам автор текста видит причину подобной трансформации, прежде всего, в укладе жизни сибирских крестьян*: Въ здѣшней сторонѣ воровство и кража смѣшиваются между собой и считается просто шалостью* (Григоровский 13). Но данному диалектному значению не удалось закрепиться даже в говорах. И скорее всего, это связано с развитием терминологической (юридической) семантики у слова *воровство.*

Таким образом, тематическая направленность зафиксированных диалектных лексем самая разнообразная: от названий пространств Сибири до важнейших наименований, связанных с жизнью крестьян (дом/строения, семья, одежда и т. п.), и даже абстрактных понятий, описывающих поведение человека.

Авторы очерков как бы дают понять читателю, что при описании территорий Сибири и её жителей без местных слов не обойтись, и имеется настоятельная потребность не только использовать их, но и объяснять для широкого круга читателей, жителей европейской части страны в том числе. С другой стороны, как показывают наши наблюдения, публицисты стараются избегать частого повторения слов, которые кажутся им излишне простонародными.

Итак, основные особенности функционирования лексических единиц в сибирских источниках следующие: пополнение общелитературного фонда словами из языков аборигенов края и диалектов (*тайга*) или выход из состава литературного языка тех или иных лексем (*елбан*, *опояска*); усиление процесса терминологизации, в том числе за счет диалектных слов (*перерод*, *умолот, овин, усышка,* ср. совр. *усушка*); развитие у лексем новых значений (*сбыт*, *артерия*), архаизация семантики и выход из употребления (*воровство*). См. табл. 1.

Информация о фиксации в словарях исследованных лексем (67) показывает процесс вхождения/не вхождения единиц в литературный словарный фонд: так, 23% от общего числа единиц не представлены в словарях XIX в. и фиксируются в лексикографических работах только через 40–50 лет, а иногда и гораздо позже после упоминания их в текстах (*кацавейка*; *потребитель* в современном значении). Кроме того, 11 лексем (16%) не представлены ни в словарях XIX в., ни в современных:

Таблица 2. Отражение лексем в словарях

	Отражение в словарях	Кол-во лексем	% от общего	Примеры лексем
1	Не зафиксированы в словарях XIX в.	10	14,9%	*глазун, кацавейка, завозня*
2	Не зафиксированы в словарях XIX–XXI вв.	11	16,4%	*воровство, загонщик, посиденщица*

Полагаем, что публицистическое наследие сибиряков, может послужить эмпирической базой как «Словаря русского языка XIX века», так и нового БАС[3]. Кроме того, региональные тексты могут верифицировать и актуализировать динамические процессы, происходящие в это время в национальном русском языке. Активное вовлечение диалектных слов в сферу общенародного и терминологического употребления, как справедливо отмечал ещё А.А. Шахматов в конце XIX в., является обоснованным, поскольку необходимо «для выражения очень многих понятий, определенно выраженных областными словами»[6].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Григоровский — *Григоровский Н.П.* Крестьяне-старожилы Нарымскаго края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества. 1870. Книга I. С. 2–28.

Квитка 1 — *Квитка М.* Къ описанію городовъ и селеній. Святки у тобольскихъ крестьянъ // Дорожник по Сибири и азиатской России. 1899. Книга V. С. 45–50.

Квитка 2 — *Квитка М.* Къ описанію городовъ и селеній II. Крестьянская свадьба въ Туринскомъ уѣздѣ, Тобольской губернии // Дорожник по Сибири и азиатской России. 1899. Книга VI. С. 22–28.

Шерстобитов — *Шерстобитов А.* Путь по хлѣбороднымъ мѣстамъ. Отъ Барнаула до Егорьевска // Дорожник по Сибири и азиатской России.1899. Книга V. С. 14–29.

[6] Словарь русского языка, составленный II Отделением АН. Предисловие. Т. 2. Вып. 1. СПб, 1887. С. V.

СЛОВАРИ

БАС[3] — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–25 / Гл. ред. К.С. Горбачевич. М.-СПб., 2004–2019 (издание продолжается).

Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. М., 1989–1991.

Ефремова — Современный толковый словарь русского языка в 3-х тт. / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2006.

ИЭСРГА — Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая. Вып. 3. Барнаул, 2009.

КСГСрП — Картотека Словаря говоров Среднего Прииртышья кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

МАС —Словарь русского языка: в 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984.

Ожегов — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984.

Славянские древности — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти тт.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51 / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова М., 1966–2019 (издание продолжается).

СГСрП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья в 3-х тт. / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Т. 3. Томск, 1993.

Сл. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный II отделением Императорской Академии Наук: в 4-х тт. СПб., 1847. [Электронный ресурс URL http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847].

Срезн. — *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: в 3-х тт. М., 1989.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. 2–е изд. М., 1986–1987.

Черных — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. 5-е изд. М., 2002.

С. Янурик

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА
(на основе газетных материалов)

В своем фундаментальном труде Ю.С. Сорокин рассматривает 48 слов, заимствованных из английского языка в 30–90-е гг. XIX в.[1]. Относительно невелик круг технических терминов, укоренившихся в русском языке в этот период. Сюда входят названия, связанные с железнодорожным транспортом: *вагон*, *рельс* и *туннель*. Эти иноязычные неологизмы возникли в русском языке в 30-е гг. XIX в. в связи с началом железнодорожного строительства в России. «Англичане первые завели у себя железные дороги и от них по всей Европе пошли названия: *вагон*, *вокзал*, *буфет*, *тендер*, *туннель*, *рельс*, *трамвай*, *экспресс* и др.»[2]. В начале XIX в. первые паровозы появились именно в Великобритании, и там же была построена первая в мире пассажирская железная дорога.

В настоящей статье английские заимствования *вагон*, *рельс* и *туннель* описываются в разных аспектах: даются сведения о лексикографическом представлении этих слов, приводятся примеры их употребления в русской публицистике[3], обсуждаются проблемы формального и семантического освоения англицизмов с учетом их вариативности, особенно на начальном этапе адаптации в заимствующем языке. Каждый раздел статьи содержит следующие части: 1) этимологическая справка, 2) первая словарная фиксация, 3) ранние примеры употребления слова в публицистике, 4) формальные варианты слова, 5) вариантные наименования.

---

[1] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.-Л., 1965. С. 163.

[2] *Огиенко И.И.* Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915. С. 87.

[3] Для анализа нами была выбрана газета «Северная пчела» (далее — СП), выходившая в Санкт-Петербурге в 1825–1864 гг., поскольку в этом периодическом издании широко представлена новая иноязычная лексика 30–40-х гг. XIX в. См.: *Дягилева И.Б.* Новая иноязычная лексика в газете «Северная пчела» (30–40-е гг. XIX в.) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. VIII. Ч. 3. СПб., 2012. С. 205–218.

1. *Вагон*

1.1. В научной литературе существуют значительные разногласия по поводу этимологизации этого заимствования. В ряде работ в качестве языка-источника указан только английский язык (Черных I: 130; Шапошников 1: 92; СТС 2001: 63)[4]. Некоторые исследователи также считают слово *вагон* англицизмом, подчеркивая при этом роль французского в качестве языка-посредника (Аникин 5: 316)[5]. По мнению других авторов, слово пришло в русский язык из французского, хотя в конечном счете оно возводится к английскому этимону даже в этих лексикографических изданиях (ЭСРЯ 3: 4; Шанский 1971: 66; Шведова 2007: 71; Крысин 1998: 136; НСИС 2008: 157). В этимологической зоне «Большого академического словаря русского языка» представлены оба возможных языка-источника как равноправные варианты (БАС[3] 2: 310–311). Существенно отличается от предыдущих подход М. Фасмера, предложившего для этого слова немецкую или французскую этимологию (Фасмер I: 264).

1.2. По данным В.М. Аристовой, существительное *вагон* впервые было зафиксировано в словаре иностранных слов А.Д. Михельсона в издании 1872 г.[6] Нами обнаружена более ранняя фиксация слова у этого же автора-составителя (Михельсон 1861: 43). В других лексикографических источниках можно найти еще более позднюю датировку (Березин 1874 4: 547; БАС[1] 2: 21–22; БАС[3] 2: 310–311). П.Я. Черных, в свою очередь, отмечает, что иноязычное название *вагон* фигурирует уже в академическом словаре 1847 г. в словарной статье *поѣзд*: ‘совокупная ѣзда *вагонов* (выделено нами. — *С. Я.*) по желѣзной дорогѣ’ (Сл. 1847 III: 417). В качестве заголовочного слова неологизм впервые представлен в русской лексикографии на десятилетие позже: «*вагон* — экипаж, употребляемый для поездки по железной дороге» (Углов 33, см. Черных I: 130).

1.3. Первые примеры употребления заимствования *вагон* в русских публицистических текстах засвидетельствованы в сентябре 1836 г. (ЭСРЯ 3: 4), т. е. во время строительства царскосельской железной дороги: *В этих* ***вагонах*** *можно перевезти цѣлую армию из внутренности страны на границу*. СП 1836 № 215: 3[7]. До этого времени в газетных материалах анализируемый неологизм не встречался, а вместо него использовалось синонимичное слово, пришедшее из французского языка еще в XVIII в.: ***Экипажи****, на желѣзныхъ дорогахъ употребляемые, имѣютъ особое устройство*. СП 1835 № 256: 3.

1.4. По утверждению некоторых ученых, данное иноязычное название первоначально появилось в написании *ваггон* (Цыганенко 1989: 46–47; Чер-

---

[4] См.: *Аристова В.М.* Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). Л., 1978. С. 82.

[5] См.: *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 163; *Огиенко И.И.* Иноземные элементы в русском языке. С. 93.

[6] *Аристова В.М.* Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). С. 82.

[7] Автор статьи выражает благодарность за предоставленные электронные версии русских газетных материалов 30–40 гг. XIX в. старшему научному сотруднику ИЛИ РАН Ирине Борисовне Дягилевой.

ных 1: 130). По нашим наблюдениям, однако, колебания в графическом облике заимствования обнаруживаются с самого начала включения слова в русский текст. Например, о первых опытах езды по железной дороге между Царским Селом и Павловском: *Всего привезено изъ Англии … только еще четыре экипажа*: *два шарабана … и два* ***вагона***, *т. е. повозки открытыя*. СП 1836 № 222: 1, ср. о том же событии в следующий день: *Нынѣ употреблены были только такия повозки, которыя назначаются впредь для перевоза одного простаго народа (называемыя шарабанами и* ***ваггонами****)*. СП 1836 № 223: 1.

В первые годы после появления иноязычного нововведения на страницах газеты «Северная пчела» в большинстве случаев предпочиталась форма *вагон*, а вариант с двумя согласными встретился всего лишь один раз. В начале 1840-х гг. наблюдалась уже прямо противоположная тенденция, и некоторое время абсолютно преобладала форма *ваггон*. В 1843 г. пропорция двух графических вариантов стала более уравновешенной, а к концу 1840-х гг. опять начало побеждать написание *вагон*:

СП	*ваггон*	*вагон*
1837	1	5
1841	45	5
1842	117	1
1843	38	21
1849	3	11

1.5. На начальном этапе освоения нового заимствования для обозначения вагона употреблялись слова *карета*, *повозка*, *телега*, *экипаж* и др. (Аникин 5: 316)[8]: *Длинная цѣпь двѣнадцати огромных* ***экипажей*** *... величественно приходит в движение*. СП 1837 № 219: 3. Ср. в аналогичном контексте спустя несколько лет: *Не менѣе двадцати четырех цѣпей* ***ваггонов*** *проѣхало туда и обратно*. СП 1841 № 140: 3. Эти два наименования могли выступать в качестве синонимов даже в одном предложении: *На половинѣ дороги, цѣпь* ***экипажей*** *останавливается на десять минут, и въ то же мгновение выскакиваетъ изъ* ***ваггонов*** *большая часть пассажиров*. СП 1841, № 226: 4.

Несмотря на это, новый характер и различное назначение предметов скоро привело к семантическому размежеванию близких по значению понятий: *Общество имѣет два полные* ***берлина****, в которых помѣщается по двадцати по четыре пассажира, два* ***дилижанса****, на 50 пассажиров каждый, два* ***шарабана****, из которых в каждом помѣщается от тридцати шести до сорока пассажиров, два* ***вагона****, на 40 пассажиров каждый, один двух-этажный* ***экипаж****, для помѣщения от 160-ти до двухсот чел., десять* ***повозок*** *для перевозки экипажей, товаров и животных*. СП 1837 № 165: 2. См. также: *Станции просторныя, удобныя, великолѣпныя;* ***кареты*** *и* ***ваггоны*** *отличные*. СП 1841 № 199: 3.

[8] См.: *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 139.

2. *Рельс*

2.1. По единогласному мнению русских лексикографов, заимствование *рельс* восходит к английскому источнику. Такая этимология представлена во всех исторических и толковых словарях, а также словарях иноязычных слов русского языка (Шанский 1971: 388; Шведова 2007: 828; СТС 2001: 699; Крысин 1998: 600; НСИС 2008: 721 и др.).

2.2. В монографии В.М. Аристовой первая словарная фиксация англицизма *рельс* датируется 1864 г. (Толль 3: 292)[9]. В это же десятилетие новое иноязычное название регистрируется еще в двух словарях (Михельсон 1861: 290; Даль 4: 82). В некоторых этимологических справочниках, однако, предлагается более ранняя датировка (Черных II: 110; Шапошников 2: 277). Речь идет о «Всеобщем французско-русском словаре» И.И. Татищева, в котором слово отмечается в форме *рель* в 1839 г.: *rail — рель* (выделено нами — *С. Я.*), колесовина в железной дороге (Татищев 2: 469). Вариант *рельсы* также можно найти в словарной статье слова-синонима *колесопровод* в академическом словаре 1847 г.: ‘деревянныя доски или желѣзные брусья, по которым катятся тачки и телѣжки, и ѣздят паровозы на желѣзных дорогах; *рельсы* (выделено нами — *С. Я.*)’ (Сл. 1847 II: 189).

2.3. По данным П.Я. Черных, самый ранний случай употребления слова *рельс* засвидетельствован в статье «Об устроении железных дорог в России», опубликованной в газете «Северная пчела» 11 ноября 1835 г.: *Укрѣпивши насыпь, приступают к устройству собственно желѣзнаго пути, т. е. к накладкѣ вдоль по насыпи особым образом выкованных желѣзных брусьев, называемых рельсами*. СП 1835 № 255: 4.

2.4. При отсутствии графических вариантов у этого неологизма можно наблюдать определенные колебания в грамматическом роде существительного: *рельс* (м.) — *рельс**а*** (ж.) (Фасмер III: 467). В русской лексикографии вариант *рельса*, как правило, получает помету *простореч*. (Черных II: 110; БАС[1] 12: 1202–1203; БАС[3] 23: 600). Однако в газетных материалах 1830–1840-х гг. форма женского рода в единственном числе нам не встречалась.

2.5. Для раннего периода становления железнодорожной лексики характерны попытки обозначить технические новшества русскими словами, например, в статье «Чугунные дороги», опубликованной в «Библиотеке для чтения»: *Двойные **колеи** между Лионом и Сент-Этьеном существуют только на шестидесяти верстах* (1835 г., № 2, с. 111–112)[10]. На начальном этапе освоения английского заимствования *рельс* рядом с ним часто появлялось словосочетание *железные брусья*: *Из особеннаго притом устройства колес экипажей, дѣлаемыхъ всегда из желѣза или чугуна и идущих по **желѣзным** же **брусьям**,*

---

[9] См.: *Аристова В.М.* Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). С. 117.

[10] Цит. по: *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 139.

или ***рельсами****, проистекает особенное их свойство*. СП 1835 № 256: 4. См. также цитату, приведенную выше (в пункте 2.3).

В 1837 г. в известиях о новой царскосельской железной дороге в функции присловного пояснения не раз употреблялся и другой синоним: *На эти брусья накладывают другие, поперечные бруски, и на них уже укрѣпляют, в чугунных подушках,* ***желѣзныя шины (рельсы)****. Эти* ***шины*** *сдѣланы не так, как на большой Царскосельской желѣзной дорогѣ*. СП 1837 № 137: 1. *Из временнаго деревяннаго строения выбѣгают* ***рельсы****, или* ***шины*** *и пролегают, вдоль по Введенскому Каналу и Семеновскому Плацу, до Обводнаго Канала*. СП 1837 № 219: 3.

В то же время в путевых письмах о прогулках по Лондону неологизм *рельс* приводился уже без пояснения: ***Рельсы*** *идут в два ряда, так что паровозы могут ходить в одно время в ту и в другую сторону ... у нас дорога шире, и* ***рельсы*** *лежат гораздо в большем между собою разстоянии*. СП 1837 № 147: 4.

В начале 1840-х гг. англицизм *рельс* нередко использовался в газетных заметках о несчастных случаях на железной дороге, чередуясь с эквивалентом *шины*: *Первый паровоз, неизвѣстно от чего,* ***соскочил с шин****, и уперся влѣво, в стѣну прокопа ... и тѣм преградила путь другому паровозу, который равным образом* ***соскочил с рельсов*** *вмѣстѣ с тремя ваггонами*. СП 1841 № 223: 2. В аналогичных контекстах в качестве синонима выступала также лексема *дорога*: *Первый ваггон* ***сбросило с дороги****, два другие* ***соскочили с рельсов****.* СП 1842 № 279: 2.

3. *Туннель*

3.1. В большинстве лексикографических изданий слово *туннель* / *тоннель* представлено как заимствование из английского языка (см., например, БАС[1] 15: 1135; СТС 2001: 848; Крысин 1998: 719; НСИС 2008: 875 и др.). В некоторых словарях упоминается и о том, что при освоении англицизма посредническую роль играл французский язык, ср. ударение на конечном слоге (Фасмер IV: 77; Шведова 2007: 989). Любопытно отметить, что у Фасмера *тоннель* и *тунель* (именно так, с одним *н*) описаны в разных словарных статьях, и в последнем случае наряду с англ. *tunnel* возможным этимоном выступает также нем. *Tunnel* (Фасмер IV: 121).

3.2. Рассматриваемое заимствование в русской лексикографии отмечается с 1837 г.: ‘*Тунель* — в Лондоне — подземный проезд под дном реки Темзы’ (Ренофанц 1837: 258). Отдельные графические варианты англицизма впервые фиксируются словарями немного позже: *т**у**ннель* (Углов 186; Михельсон 1861: 345), *т**о**ннель* (Толль 3: 688; Михельсон 1865: 623).

3.3. В этимологических словарях даются сведения о том, что в русском языке слово *туннель* известно с середины XIX в. (Черных II: 271) или со второй трети XIX в. (Шапошников 2: 434). В монографии В.М. Аристовой приводится цитата из книги Николая Греча «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» 1839 г.: «О *тоннелѣ* (выделено нами. — *С. Я.*), или подводном пути под

Темзою, вы имѣете, конечно, достаточное понятие»[11]. Данный текст, однако, первоначально был напечатан в газете «Северная пчела» (1837 № 147) на два года раньше. В то же время в нашем корпусе имеются и более ранние примеры употребления слова *туннель* в русской публицистике, начиная с 1828 г. (см. ниже).

3.4. До 1835 г. в газете «Северная пчела» встречалась исключительно форма *туннель*: *В Лондонских Газетах сообщают слѣдующее, о сдѣлавшемся в* ***Туннелѣ*** *провалѣ*. СП 1828 № 11: 2. *Между тѣм,* ***Туннель*** *остается в одном положении: он сто́ит уже акционерам около 200,000 ф. ст*. СП 1829 № 80: 2. *Г. Брюнель, строитель* ***туннеля****, в засѣдании Британскаго Общества в Эдинбургѣ, объявил, что Правительство намѣрено назначить сумму для окончания* ***туннеля***. СП 1834 № 211: 3.

Данная тенденция подтверждается и способом графической передачи этого иноязычного неологизма в других публицистических изданиях того времени: *Состояние* ***Туннеля*** *все одинаково ... окончить сооружение* ***Туннеля*** *за гораздо меньшую сумму*. Бабочка 1829 № 54: 1. *Вчера было общее собрание акционеров, предпринявших провести* ***Туннель*** *под Темзою*. Бабочка 1830 № 54: 1. *В Ливерпульском* ***туннелѣ*** *хотят устроить акустический телеграф*. Бабочка 1831 № 35: 2. *Если хотите видѣть прекрасныя картины … Гробница Герцога Орлеанскаго …, равно как Лондонский* ***туннель****, (подводный путь под Темзою), очаровательны своею удивительною естественностию*. Северный Меркурий 1831 № 35: 4.

Транслитерированный англицизм служил основой также для образования относительного прилагательного: 7-*го Марта ... явилась к Герцогу Веллингтону депутация* ***Туннельских*** *акционеров (т. е. предпринявших прорыть дорогу под Темзою)*. СП 1829 № 33: 1.

По нашим наблюдениям, графический вариант *тоннель* в газетных материалах впервые появился в 1835 г.: *Работы въ* ***тоннелѣ*** *под Темзою производятся с дѣятельностию: ежедневно заняты сим дѣлом болѣе ста работников*. СП 1835 № 87: 1.

Начиная с 1837 г. английское наименование стало приобретать новое, «железнодорожное» значение: *Вчера, на желѣзной дорогѣ между Лондоном и Бирмингамом, окончили* ***туннель*** *(подземный проѣзд), начатый за два года в Камден-Тонѣ*. СП 1837 № 26: 3. *Работы на большой желѣзной дорогѣ, между Лондоном и Бирмингамом, продолжаются с чрезвычайным успѣхом ... В прошедшем мѣсяцѣ,* ***туннель*** *в Кильсби был подвинут на 150 локтей*. СП 1837 № 297–300: 2.

Однако в большинстве номеров газеты «Северная пчела» за этот год слово *туннель* продолжало обозначать подземный ход под Темзой, а в графическом оформлении нового английского заимствования наблюдалась значительная вариативность: *На днях вода снова прорвалась в* ***туннель*** *под Темзою*. СП 1837 № 195: 4. Ср. в известии об этом же происшествии спустя несколько

---

[11] *Аристова В.М.* Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). С. 129.

дней: *Прорыв в* ***тоннелѣ*** *под Темзою совершенно задѣлан. Вода выкачана почти совершенно*. СП 1837 № 199: 3.

С начала 1840-х гг. вариант *туннель* на страницах газеты «Северная пчела» больше не употреблялся, будучи вытеснен формой *тоннель*: *Освящение и открытие* ***тоннеля*** *под Темзою происходило 25-го числа, в присутствии тысяч четырех человѣк*. СП 1843 № 71: 3.

При этом наименование *тоннель* все чаще обозначало сооружение на железной дороге и относилось не только к Великобритании, но и другим странам: *Третьяго дня, архитекторы торжественно положили послѣдний камень в* ***тоннелѣ*** *между Ахеном и Бельгийскою границею. Таким образом, благополучно окончены трудныя работы над* ***тоннелями*** *Рейнской желѣзной дороги*. СП 1842 № 34: 2. *Один Бельгийский инженер предлагает устроить* ***тоннель*** *между Дувром и Кале. Сумма, исчисленная на эту работу, будет только вдвое болѣе той, в которую обошелся* ***тоннель*** *под Темзою*. СП 1843 № 119: 3.

В конце рассматриваемого нами периода слово *тоннель* получило еще одно значение: «Так называли Пассаж на Невском проспекте» (Синдаловский 2003: 184)[12]. См., например, в объявлении, помещенном почти во всех номерах газеты «Северная пчела» в начале июля 1849 г., т. е. через год после открытия этого торгового дома в Санкт-Петербурге: *11 до 7 час. — Косморама, в* ***тоннель-пассажѣ****. За входъ 25 к. сер.; дѣти платят половину*. СП 1849 № 143: 4. Ср. также: *Недавно, говоря о* ***пассажѣ****, я сожалѣл, что прекрасный* ***тоннель*** *почти пуст*. СП 1849 № 244: 1. *Русский базар в* ***тоннелѣ пассажа*** *уже открыт и в полном дѣйствии*. СП 1849 № 250: 2[13].

Изменения в частотности появления отдельных графических форм иноязычного неологизма на страницах газеты «Северная пчела» можно проследить в следующей сводной таблице:

СП	*туннель*	*тоннель*
1829	2	0
1834	2	0
1835	2	1
1837	15	10
1841	0	32
1842	0	29
1843	0	31
1849	0	30

3.5. Для начального этапа процесса заимствования нового англицизма *туннель* было характерно использование разнообразных русских эквивалентов

[12] На данный аспект семантического развития анализируемого заимствования обратила наше внимание И.Б. Дягилева.

[13] Интересно отметить, что с 2018 г. в торговом доме «Пассаж» на цокольном этаже работает супермаркет под названием «Лэнд Туннель».

в публицистических текстах (*путь*, *ход*, *дорога*, *проезд*, *подземелье*, *галерея* и др.): *Сегодня утром в 7 часу, в* ***Туннелѣ (подземельном пути под Темзою)*** *снова сдѣлался провал, и сей* ***путь*** *в одну минуту наполнился водою*. СП 1828 № 10: 2. *О* ***тоннелѣ****, или* ***подводном пути под Темзою****, вы имѣете, конечно, достаточное понятие*. СП 1837 № 147: 3. *Увѣряют, что* ***Туннель****, или* ***ход*** *под Темзою будет продолжаем в слѣдующем году*. Бабочка 1829 № 85: 1. *Депутация* ***Туннельских*** *акционеров (т. е. предпринявших прорыть* ***дорогу*** *под Темзою) … пошлина, которая будет собираться в сем* ***подземельном проѣздѣ*** *… он обязуется кончить сие* ***подземелье*** *скоро и исправно*. СП 1829 № 33: 1. *Работы* ***подводной галереи****,* ***Туннелля****, под Темзою продолжаются с успѣхом*. СП 1835, № 185: 4.

В известиях, связанных с железнодорожной тематикой, употребляются следующие выражения: *Вчера, на желѣзной дорогѣ между Лондоном и Бирмингамом, окончили* ***туннель (подземный проѣзд)****, начатый за два года в Камден-Тонѣ.* ***Подземный ход*** *простирается на 1590 ярдов (682 сажени), имѣет в вышину 25 футов, а в ширину 24 фута*. СП 1837 № 26: 3.

В большинстве случаев именно это последнее словосочетание (как правило, с уточнением *под Темзою*) сопровождает, поясняет или заменяет иноязычное название в газетных материалах в 1840-е гг.: *Материял уже заготовляется для постояннаго моста чрез Неву. Для Петербурга это гораздо важнѣе, нежели* ***тоннель****, или* ***подземный ход под Темзою****, для Лондона*. СП 1842 № 244: 3. *В Лондонском* ***тоннелѣ****, со времени его открытия, прошло 574,000 человѣк. В этом* ***подземном ходѣ*** *уже устроено двадцать лавок с разными товарами и припасами*. СП 1843 № 117: 3.

4. В заключение стоит отметить, что процесс освоения новых английских заимствований в XIX в. и в XXI в. обнаруживает много общих черт. Вопросы графической передачи иноязычных неологизмов с удвоенными согласными (*ва*-*гон* / *ваггон*) остаются актуальными и по сей день (ср. *блогер* / *блоггер*, *велне**с*** / *велне**сс***, *о**ф**шор* / *о**фф**шор*, *шо**п**инг* / *шо**пп**инг* и др.). В русский язык продолжают проникать английские существительные в форме множественного числа, которые при заимствовании воспринимаются как формы единственного числа и таким образом получают русскую флексию *-ы* (например, *рель**сы*** — ср. *джин**сы***, *легин**сы***, *слак**сы***, *чип**сы***, но *шорт**ы***). В настоящее время, так же, как и в XIX в., заметную роль в быстром пополнении словарного состава русского языка за счет заимствований играют газеты и журналы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Бабочка — газета «Бабочка»
СП — газета «Северная пчела»
Северный Меркурий — газета «Сѣверный Меркурий»

СЛОВАРИ

Аникин — Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–13. М., 2007–2019 (издание продолжается).

БАС[1] — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.-Л., 1948–1965.

БАС[3] — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–25. М.-СПб., 2004–2019 (издание продолжается).

Березин — Березин И.Н. Русский энциклопедический словарь. СПб., 1873–1879.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1863–1866.

Крысин 1998 — Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Михельсон 1861 — Михельсон А.Д. Объяснение 7 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1861.

Михельсон 1865 — Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865.

НСИС 2008 — Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2008.

Ренофанц 1837 — Ренофанц И.И. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов или краткое истолкование встречающихся в них слов. СПб., 1837.

Синдаловский 2003 — Синдаловский Н.А. Словарь петербуржца. СПб., 2003.

Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отд. Императорской Акад. Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.

СТС 2001 — Современный толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001.

Татищев — Татищев И.И. Всеобщий французско-русский словарь. Изд. 3-е, доп. и испр. Т. 1–2. М., 1839–1841.

Толль — Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). Т. 1–3. СПб., 1864.

Углов — Углов В.Н. Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке. СПб., 1859.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь современного русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Цыганенко — Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989.

Черных — Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1999.

Шанский 1971 — Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1971.

Шапошников — Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 2010.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка. Вып. 1–11. М., 1963–2014 (издание продолжается).

ХРОНИКА

И.А. Малышева

XXXI ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Л.Л. КУТИНОЙ И Ю.С. СОРОКИНА

В Институте лингвистических исследований РАН ежегодно проводятся чтения памяти Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина, основателей «Словаря русского языка XVIII века».

Первые чтения были проведены в марте 1988 г. в память об ушедшей в конце 1987 года Л.Л. Кутиной. Тогда чтения открылись сообщением *Ю.С. Сорокина* «Последняя работа Л.Л. Кутиной о языке русской науки XVIII века». На чтениях выступили: *А.А. Алексеев* («Елизаветинская библия как источник по истории церковнославянского языка XVIII века»), *Л.С. Ковтун* («Символы и реалии в трактовке древнерусских книжников (по данным лексикографии XVI–XVII вв.)»), *Е.Г. Ковалевская* (Стилистические средства создания исторического колорита в «Истории государства Российского»), *Е.Д. Коноплина* («Глагольное управление в языке русской науки второй половины XVIII века») и др.

С 1991 года в название чтений включено имя Ю.С. Сорокина.

Чтения — прежде всего дань памяти создателям «Словаря русского языка XVIII века». Л.Л. Кутина и Ю.С. Сорокин оставили бесценный научный клад: ими создана концепция исторического словаря, занимающего особое место в русской исторической лексикографии. Впервые разработаны такие методы и приемы описания лексики, которые позволяют совмещать принципы синхронного и диахронического представления лексического состава языка. Подготовляемый «Словарь русского языка XIX века» также создается в рамках концепции, разработанной Ю.С. Сорокиным.

В разные годы в чтениях принимали участие В.В. Колесов, Л.М. Грановская, Г.Н. Акимова, О.С. Мжельская, Р.П. Рогожникова, К.А. Рогова, И.А. Попов, Л.Я. Костючук, Л.Ю. Астахина, Г.А. Николаев, Т.А. Лисицына и др. В программах чтений обязательно стояли имена сотрудников группы «Словаря русского языка XVIII века» — Е.Э. Биржаковой, З.М. Петровой, В.В. Замковой, Н.Н. Кукановой, Е.Д. Коноплиной, Е.А. Захаровой, И.Е. Кузнецовой, О.Ю. Коробейниковой, В.Н. Калиновской, С.С. Волкова, В.М. Круглова и др.

Круг обсуждаемых вопросов всегда был широк: проблемы языковой нормы, вопросы стилистики, особенности языка отдельных авторов или отдельных произведений, история слов и групп лексики, лексикографическое описание слова, проблемы омонимии и синонимии в историческом словаре, история русской лексикографии, исследование источников по истории русской лексики и др. Особое внимание уделялось вопросам изучения русского языка XVIII–XIX вв.

Чтения важны и тем, что в докладах, представляемых на них, с одной стороны, осмысляется научное наследие Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина. В разные годы на чтениях были заслушаны следующие доклады и сообщения: *Денисов П.А.* «Концепция термина в работах Л. Л. Кутиной» (1988 г.), *Ковалевская Е.Г.* «Понятия *стиль* и *текст* в работах Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина» (1991 г.), *Петрова З.М.* «“Словарь русского языка XVIII в.”» в системе исторических словарей русского языка» (1991 г.), *Биржакова Е.Э.* «Л.Л. Кутина — лексиколог и лексикограф» (2006 г.) и др. С другой стороны, тематика докладов разнообразна и охватывает разные проблемы и направления изучения русского языка XVIII–XIX вв., лексикологического и лексикографического описания словарного состава данного периода: *Коноплина Е.Д.* «Словарь 1847 г. и некоторые грамматические труды I половины XIX в. как источник грамматических сведений для исторического словаря русского языка XIX в.» (1991 г.), *Этерлей Е.Н* «Письма как источник историко-культурного словаря XIX в.» (1991 г.), *Замкова В.В.* «Эпитет в русской одической поэзии середины XVIII века» (1994), *Алексеев А.А.* «Место “Елизаветинской библии” в структуре русской литературной речи XVIII века» (1996), *Лисицына Т.А.* «Номинативные лакуны в лексической системе русского языка XVIII века» (1996 г.), *Колесов В.В.* «Соотношение стиля и нормы в представлении XVIII века» (1998 г.), *Приемышева М.Н.* «Некоторые особенности функционирования числительных в русском языке XVIII века» (2002 г.), *Малышева И.А.* «О новых источниках Словаря русского языка XVIII века» (2003 г.), *Николаев Г.А.* «Рукописный немецко-русский словарь XVIII века (из фондов научной библиотеки Казанского университета)» (2005 г.), *Биржакова Е.Э.* «Полный французский и российский лексикон» 1786 года как первый опыт создания толкового переводного словаря» (2007 г.), *Астахина Л.Ю.* «Письма К.Ф. Калайдовича как источник по истории русского языка начала XIX века» (2007 г.), *Кузнецова И.Е.* «Лексические новации XVIII века в двуязычных словарях Ф. Гелтергофа» (2008 г.), *Дягилева И.Б.* «Новая иноязычная лексика в газете “Северная пчела” (30-40-е гг. XIX века)» (2011 г.), *Семенов П.А.* «Варьирование местоимений *аз* и *я* в любовной силлабической лирике Петровской эпохи» (2015 г.), *Соколов А.И.* «К истории слова *предмет*» (2017 г.), *Мольков Г.А.* Употребление предлогов *чрез* и *через* в русском языке XVIII века (2017 г.), *Мольков Г.А.* «Математическая терминология в трактате А.П. Ганнибала “Геометрия практика” (1725 г.)» (2018 г.), *Калиновская В.Н., Эзериня С.А.* Композиты с начальным компонентом *земле-* (новации XIX века)

(2018 г.) и др. Материалы многих докладов впоследствии были опубликованы в разных сборниках[1].

XXIII чтения (2010 г.) были посвящены 50-летию Картотеки Словаря русского языка XVIII века[2].

29 марта 2019 года в Институте лингвистических исследований РАН состоялись очередные XXXI чтения памяти Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина. В них приняли участие исследователи из Москвы и Санкт-Петербурга.

Анализу одного из сложных и интересных источников изучения лексики русского языка XVIII века посвящен доклад к.ф.н. *А.И. Соколова* и д.ф.н. *И.А. Малышевой* «Об исследовании одного переводного текста начала XVIII века: “Монархия Турецкая”». Текст, опубликованный только в 1741 г., представляет собой перевод начала века, сделанный русским дипломатом, сподвижником Петра I П.А. Толстым в бытность его послом в Оттоманской империи. Перевод сделан с итальянского оригинала, что доказывается целым рядом структурных и языковых признаков (деление текста на абзацы, вкрапления итальянизмов, дословный перевод некоторых конструкций и др.). До своей публикации текст претерпел несколько более поздних правок, что также важно для анализа его языка. В качестве источника для «Словаря русского языка XVIII века» данный текст очень ценен: выявлено более 100 слов, не зафиксированных в опубликованных выпусках Словаря и в его Картотеке (*безотреченно, бесприбыльно, великообразный, женолюбец, конфетуриер, малооружный, малоплодный, малородный, многословство, почесание, саморассудительный, трактовати* и мн. др.), обнаружена более ранняя фиксация ряда новых слов (*бритовщик, винопродавец, драгоман, новициат, потирание, таверна* и др.), выявлены незарегистрированные ранее варианты слов, дополнен недостаточный цитатный материал по отдельным словам и т. д.[3]

В докладе д.ф.н. *П.А. Семенова* «К характеристике словообразовательных синонимов в русском литературном языке XVIII в.» анализировалось значение лексикографических источников прошлого, в частности «Словаря Академии Российской» (1789–1794), для изучения синонимии в диахроническом аспекте. На материале словообразовательных синонимов со значением лица (*властель, властитель, волостель, властелин, владетель, владелец; кормитель, кормичич,*

---

[1] См., например: *Соколов А.И.* К истории слова *предмет* // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е.П. Осипова. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2017. С. 85–91; *Мольков Г.А.* Употребление предлогов *чрез* и *через* в русском языке XVIII века // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 1. СПб.: ИЛИ РАН. 2018. С. 75–84.

[2] См.: *Малышева И.А.* Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (к 50-летию ее создания) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии XVII–XVIII вв. К 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века»: Сб. статей и материалов. Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. VIII. Ч. 3. СПб., 2012. С. 9–28.

[3] См.: *Соколов А.И., Малышева И.А.* «Монархия Турецкая» в переводе П.А. Толстого как источник изучения русского языка начала XVIII века // Вестник Моск. гор. пед. ин-та. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 4 (36). С. 34–43.

кормилец; велитель, повелитель и др.) и опредмеченного действия (*веление, повеление; даяние, давание, дача, подаяние, подавание, подача*) показан процесс развития синонимических рядов, дифференциация и специализация значений синонимов, а также распада синонимии. Рассмотрены стилистические оппозиции славянизмов и русизмов в синонимических рядах[4].

Доклад к.ф.н. *К.И. Коваленко* «Старое вино в новых мехах: использование Sketch Engine для анализа источников “Словаря русского языка XVIII века”» посвящен возможностям корпусной лингвистики при работе с текстами XVIII века. Для тестирования были взяты «Зерцало естествозрительное» (1713 г.), «Хитрости Бертольдовы» (1741 г.) и письма В.Н. Татищева (1746–1750 гг.). Данные тексты были загружены в Sketch Engine и проанализированы с помощью встроенных в программу функций: был получен частотный словарь словоформ и лексем, выявлена сочетаемость слов, сформирован конкорданс и тезаурус. Практически все перечисленные функции снабжены графической визуализацией, что облегчает восприятие данных. Однако необходимо отметить некоторое количество ошибок, возникающих при автоматической обработке текстов, что снижает достоверность полученных результатов. Ошибки объясняются тем, что встроенный автоматический словарь рассчитан на нормы современного русского языка, и у программы возникает ряд трудностей при распознавании слов (что связано с употреблением в текстах букв старого алфавита), а также при морфологическом и синтаксическом аннотировании текстов (преимущественно из-за использования окончания род. пад. ед. ч. *-аго /-яго*, инфинитивов на *-ти*, местоименных слов *иже, еже, яже* и т. п.). Добиться улучшения результатов возможно при ручном исправлении некорректной разметки.

Несколько докладов было посвящено истории отдельных слов и групп лексики.

Целью доклада д.ф.н. *С.И. Иорданиди* «Семантико-словообразовательный этюд (о лексеме *разгильдяй*)» было показать как этимологический, семантический и деривационный анализы в совокупности помогают в определении значения слова как объекта исторического словаря. Автор привел разнообразные точки зрения на значение и формообразовательную структуру исследуемого слова из исторических словарей и других материалов и сформулировал свои соображения относительно его происхождения. Учитывая внушительное словообразовательное гнездо с корнем *гил-*, отраженное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» и других материалах (*гиль* ‘смута, мятеж, буйство, скопище’, *гилевати*, *гилеванье*, *гилевство*, *гилевщикъ*, *гилянство*, *гильщикъ*, *гилить*, *изгиляться* и др.), С.И. Иорданиди пришла к выводу, что слово *разгильдяй* представляет собой префиксально-суффиксальное образование: приставка *раз-* +*гил*’+ вставное *д*’ + суффикс *–ай*/(*-яй*). Была обоснована интерпретация *д*’ в качестве эпентезы[5].

---

[4] См. статью П.А. Семенова в настоящем сборнике.

[5] См. статью С.И. Иорданиди в настоящем сборнике.

В докладе к.ф.н. *С.А. Эзерини* «*Автограф — автографировать — автографический — автография — автографомания*: лексические неологизмы русского языка XIX века» на примере генетически родственной, однако не составляющей словообразовательного гнезда группы лексики показана роль исторического словаря (в том числе подготавливаемого «Словаря русского языка XIX века») как одного из важнейших научных результатов, подводящих итог фронтальной исследовательской работы лексикографов в деле описания словарного состава национального языка определенной эпохи и характерных для него лексических процессов. Показательна в этом отношении лексема-неологизм русского языка XIX века *автограф* — в словарной статье на соответствующую вокабулу впервые в научной практике в хронологическом порядке будут объединены относящиеся к различным референтам, но мотивированные общей интернациональной двухкомпонентной основой лексические факты, являющиеся как разновременными прямыми заимствованиями из французского и немецкого языков (*автограф* в знач. ‘подлинная подпись, рукопись автора’ (нач. XIX в.), ‘памятная надпись на каком-л. предмете, сделанная известным человеком для его почитателей’ (вторая пол. XIX в.), ‘выполненный автографическим (литографическим) способом оттиск с текста или изображения’ (1860-е гг.), ‘самопишущий прибор’ (1880-е гг.), так и собственно русской новацией, созданной по аналогии с продуктивной интернациональной моделью (в знач. ‘копировальный прибор’). Подобные словарные статьи по своей сути представляют объективное, основанное на материале многочисленных источников законченное по форме лексикологическое исследование.

Доклад к.ф.н. *И.Б. Дягилевой* «*Пальто*: к истории слова» посвящен проблеме заимствований в русском языке первой половины XIX века. На примере слова *пальто* показаны особенности вхождения и адаптации иноязычных слов в этот период. Слово *пальто* (варианты *пейлот* и *палето*) было заимствовано из французского языка, первое его употребление относится к 1839 году. В докладе анализируются возможные причины ошибочного возведения слова к английскому прототипу. При вхождении в русский язык у слова *пальто* наблюдалась вариантность по роду: м. р. (как во французском языке) и ср. р. по конечной гласной. Интересной чертой адаптации слова *пальто* следует также признать параллельное существование склоняемых и несклоняемых форм, отмечавшееся в текстах различных жанров вплоть до начала XX века. В докладе проанализировано развитие сочетаемости слова *пальто*, отмечена его словообразовательная адаптация в системе русского языка (ср. *пальтишко, пальтецо, пальтишечко, пальтичко*).

Доклад *Т.С. Власовой* «Либерал или вольнодумец: к истории формирования гнезда с компонентом *либерально-* в русском языке XVIII века» посвящен семантической дифференциации русских и заимствованных слов, совпадающих в каком-либо общем значении. Была обоснована мысль о том, что дифференциация слов *вольнодумец* и *либерал* связана с расширением сочетаемости слова *либеральный*, терминологизацией слова *либерализм*, отрицательными коннотациями слов *либерал* и *либерализм*, использованием глагола *либеральничать* в

качестве средства иронической оценки. Отдельное внимание было уделено сложным прилагательным с компонентом *либерально*- в русском языке XIX века.

Все заслушанные доклады показали разные аспекты изучения лексики русского языка XVIII–XIX вв. и ее лексикографического описания, важность постоянного ввода в круг источников новых текстов.

Сведения об авторах

Бушканец Лия Ефимовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений, Казанский федеральный университет.
Lika_kzn@mail.ru

Генералова Елена Владимировна, кандидат филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский гос. университет.
elena-generalova@yandex.ru

Давыдова Ольга Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет (Москва).
dav.ol@ mail.ru

Драгичевич Райна, доктор филологических наук, профессор, Белградский университет (Белград, Сербия).
rajnad@yahoo.com

Дягилева Ирина Борисовна, кандидат филол. наук, ст. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
diaghileva@gmail.com

Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова (Беларусь, Могилев)
ivanov-msu@mail.ru

Иорданиди Софья Ивановна, доктор филол. наук, вед. науч. сотр., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).
siordanidi@yandex.ru

Коркина Татьяна Дмитриевна, кандидат филол. наук, мл. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
tdk2006@bk.ru

Котельникова Анастасия Сергеевна, аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
asya.kotelnikova@gmail.com

Кузнецова Ирина Евгеньевна, научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
kuznetsova4irina@rambler.ru

Макеева Елена Вячеславовна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении, Московский педагогический государственный университет (Москва).
ev.makeeva@mpgu.su

Малышев Александр Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики, Санкт-Петербургский государственного университет.
malyshev.alexander@mail.ru a.malyshev@spbu.ru

Малышева Ирина Алексеевна, доктор филол. наук, профессор, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
iamalysheva@mail.ru

Мольков Георгий Анатольевич, кандидат филол. наук, научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
georgiymolkov@gmail.com

Патроева Наталья Викторовна, доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета.
nvpatr@list.ru

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филол. наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого».
kafrus@rambler.ru

Русанова Светлана Владимировна, кандидат филол. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет.
rusanova_7@mail.ru

Семенов Петр Александрович, доктор филол. наук, доцент**,** профессор Балтийского института иностранных языков и межкультурного сотрудничества (Санкт-Петербург).
2331638@mail.ru

Старовойтова Ольга Альбертовна, кандидат филол. наук, ст. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
ostarovo7@rambler.ru

Харламова Марина Александровна, кандидат филол. наук, доцент; доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, ст. научн. сотр. Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
khr-spb@mail.ru

Чапаева Любовь Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета.
lg4@mail.ru

Чернышева Маргарита Ивановна, доктор филол. наук, профессор, вед. научн. сотр., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).
chernysheva@bk.ru

Шарихина Миляуша Габдрауфовна, кандидат филол. наук, научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
justmilya@yandex.ru

Янурик Сабольч (Janurik Szabolcs), кандидат филол. наук (PhD), ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы филологического факультета Будапештского университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D).
janurik@yahoo.com

Аннотации и ключевые слова

Бушканец Л. Е. «Сумерки русской жизни» в российской публицистике 1880–1890–х годов

В статье на материале одной словесной формулы «Сумерки русской жизни» рассматриваются особенности языка российской публицистики конца XIX–начала XX веков. С опорой на междисциплинарный анализ (лингвистические методы, анализ исторической социальной психологии, методы литературоведения и пр.) показано, что в языке публицистике есть не закрепленные в словарях значения слов и выражений, которые понятны современникам, но, как только ухолит эпоха и эмоционально-психологическое содержание этих формул, для последующих поколений они становятся пустыми и клишированными. Между тем без понимания сконцентрированных в них смыслов невозможно читать публицистические тексты определенной эпохи.

Ключевые слова: язык публицистики, конец XIX века, словесная формула, социальная психология

Генералова Е.В. Лингвистический портрет *московской волокиты*

В статье рассматривается лексика с семантикой ‘замедлять, затягивать, задерживать’, ‘промедление, задержка’ и т. п. в языке Московской Руси XVI–XVII вв., исследуется языковое представление исторического феномена московской волокиты, появившегося именно в это время.

Ключевые слова: историческая лексикология, историческая семантика, микроистория, русский язык XVI–XVII вв.

Давыдова О.А., Чапаева Л.Г. Азиатизм и *азиатский* в идеологическом дискурсе XIX века

Идеологический дискурс XIX века имеет своеобразный характер, что связано с дискуссией славянофилов и западников. Их идеологическое и культурологическое противостояние складывается из множества оппозиций, куда входят и оппозиции *восточное~европейское, азиатское~европейское, азиатизм~европеизм*. В данном идеологическом контексте понятие *азиатизм* оказывается не просто многозначной лексемой. Оно аккумулирует в себе все те черты славянофильства, которые претили западникам и которые формируют основные оппозиции двух мировоззрений: недоверие к новому, каким воспринимается европейское влияние, и стремление сохранить старое, традиционное, поиск в нем идеала русской жизни, отрицательное отношение к деятельности Петра I, отведение православию главной роли в просвещении народа и нек. др.

Ключевые слова: азиатизм, идеологический дискурс, славянофил, западник, лексема, идеологема, словарь.

Драгичевич Р. Историјски речници српског језика као извор за истраживање развоја националне слике света српског народа

Срби су од краја XIV века били под влашћу Турака. Да би сачували православну веру, српски језик и обичаје, прихватити су позив аустријског цара Леополда I и, крајем XVII века, населили пограничне делове Хабзбуршке монархије. Њихов задатак био је да ратују против Турака и бране Хабзбуршку монархију, а за узврат су добили могућност да сачувају своју веру и језик. Тако се српски народ поделио на два дела – на оне који су живели под Турцима и на оне који су живели под Немцима и Мађарима. Цивилизацијска разлика међу њима осећа се и до данас. У раду се анализирају двојезични речници који су помагали Србима да савладају основну лексику својих окупатора. Показало се да ови речници садрже бројне податке о

приватном животу српског народа и да указују на културолошку и цивилизацијску поделу српког народа у XVIII веку.

Кључне речи: двојезична лексикографија, историјска лексикографија, српски речници из 18. века, српски језик.

Дягилева И.Б. Процессы освоения заимствований XVIII в. в русских газетах первой половины XIX века

В связи с развитием журналистики с 20-30-х гг. XIX в. растет влияние публицистического стиля на литературный язык в самых различных областях, к одной из них относится заимствование иноязычной лексики. Использование газетной публицистики является продуктивным для изучения адаптации иноязычных слов, их семантической ассимиляции. Рассмотрение материалов газет позволяет сделать важные выводы о том, как новые иноязычные слова и их дериваты возникают в разнообразных сферах общественной жизни, какие социокультурные факторы влияют на их развитие, как складываются языковые предпочтения в обществе. Проблема разных типов вариантности рассматривается на примере слов *аккомпанемент, доллар, гоэлетта, контральто, пиццикато, фортепьяно, аномалия* и др.

Ключевые слова: историческая лексикология, заимствование, освоение, адаптация, семантическое освоение, вариантность, газетная публицистика

Иванов Е.Е. О словаре крылатых библейских выражений современного белорусского литературного языка (с историко-этимологическими комментариями и соответствиями в современном русском языке)

В статье рассматриваются принципы лексикографического описания крылатых выражений, которые восходят к библейским текстам и широко употребляются в современном белорусском литературном языке. Предложена новая методика системной комплексной репрезентации крылатых библейских выражений в специальном справочнике универсального типа (нормативном словаре с историко-этимологическими комментариями и соответствиями в современном русском языке). Разработаны образцы словарных статей. Определены предназначение словаря и его целевая аудитория.

Ключевые слова: Библия, фразеология, крылатое слово, белорусский язык, толковый словарь, историко-этимологический комментарий, русский язык, межъязыковое соответствие.

Иорданиди С.И. Семантико-словообразовательный этюд: *разгильдяй*

В статье показано, как этимологический, семантический и деривационный анализы в совокупности помогают установить словообразовательную структуру слова и определить его значение как объекта исторического словаря. Автор приводит разнообразные точки зрения на значение и формообразовательную структуру исследуемого слова из исторических словарей и других материалов и формулирует свои соображения относительно его происхождения. Учитывая внушительное словообразовательное гнездо с корнем *гил'*, отраженное в Сл XI–XVII вв. и др. материалах (*гиль* 'смута, мятеж, буйство, скопище', *гилевати*, *гилеванье*, *гилевство*, *гилевщикъ*, *гилянство*, *гильщикъ*, *гилить*, *изгиляться* и др.), автор склоняется к тому, что *разгильдяй* представляет собой префиксально-суффиксальное образование: приставка *раз-* +*гил'*+ *вставное д'* + суффикс *-ай* (*-яй*). Показана обоснованность интерпретации *д'* в качестве эпентезы.

Ключевые слова: этимологические словари, исторические словари, диалектные словари, структурно-семантический анализ, эпентеза.

Истратий В.В. О терминологии речей С.Е. Десницкого, посвященных преподаванию юриспруденции

Статья посвящена терминологии оригинальных сочинений первого русского правоведа С. Е. Десницкого. В статье показано, что Десницкий, который получил юридическое образование в Великобритании, в своих работах о преподавании юриспруденции опирается на труды английского правоведа У. Блэкстона, заимствуя у него отдельные аргументы и примеры. За рядом терминов Десницкого — словами *корпус, разночинец, решение судебное, адвокат* и *ходатай/ходатайствующий* — стоят понятия английского права, существенно отличающиеся от близких понятий российской правовой системы.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, XVIII век, юридическая терминология, С. Е. Десницкий

Коркина Т.Д. Формирование административной лексики в русском языке XVIII века: слова *председатель, президент, презес*

В статье прослеживается история слов *предсѣдатель*, *президент* и *презес* в русском языке XVIII в., вошедших в этот период в активное употребление. При наличии у них общего компонента в значении — ‘тот, кто занимает первое, главенствующее место в каком-л. собрании, обществе’ — их семантическая история на протяжении XVIII века представляет сложный процесс постепенного разграничения сферы употребления и функциональной дифференциации. Исследование показало, что история данных слов, их вхождение в активный обиход и связанные с этим этапы их взаимодействия друг с другом оказываются напрямую связаны с крупнейшими государственными преобразованиями, проведенными Петром I и Екатериной II: именно кодификация данных слов в российских законодательных актах в качестве терминов становится отправной точкой для дальнейшего вхождения в язык и освоения более широких и переносных значений. Этот фактор оказывается определяющим для относительной хронологии активизации слов в русском языке: первыми в широкое употребление входят регламентированные документами Петровской эпохи заимствования *президент* и *презес*, впоследствии им начинает составлять конкуренцию слово *предсѣдатель*, после его появления в законодательстве Екатерины II.

Ключевые слова: русский язык XVIII века, историческая лексикология, префиксальные образования, заимствования, административная лексика.

Котельникова А.С. Лексика цветообозначения в «Словаре Академии Российской» (1798–1794)

В статье приведен общий обзор лексики цветообозначения, зафиксированной во всем тексте Словаря Академии Российской (1789–1794). Анализируется лексикографическое осмысление лексики цветообозначений и классифицируется ее представленность в Словаре. Цветонаименования распределяются на три группы на основании включения в реестровый список или употребления в толкующей части Словаря: цветообозначения, выступающие в качестве вершины словообразовательного гнезда; цветообозначения, включенные в словообразовательное гнездо; обозначения цветов и оттенков, употребляющиеся только в толкующей части. Представлены модели описания в Словаре цветоименований, обозначающих оттенки цвета. В статье прослеживаются некоторые тенденции развития группы цветообозначений, появление новых названий цвета, их отражение в Словаре. Подчеркивается значимость Словаря Академии Российской как источника для изучения лексики русского языка XVIII века.

Ключевые слова: русский язык XVIII века, историческая лексикология, лексика цветообозначения, Словарь Академии Российской.

Кузнецова И.Е. Синтагматические связи глагола *предать* в русском языке XVIII века

Глагол *предать* в русском языке XVIII века представляет определенную трудность для лексикографического описания, что обусловлено несколькими факторами. В-первых, он осознается как часть высокого штиля и в прямом значении активного действия, которое характерно для обиходного языка, практически не употребляется. В процессе развития метафорического значения глагола *предать* происходит его семантическая редукция, и относящиеся к нему имена начинают обозначать не объект, инструмент или адресата, а предикативный признак. При этом в разных типах предложений значение глагола грамматикализуется в разной степени. Эти процессы отражаются в структуре синтагматических связей глагола, анализу которых посвящена настоящая статья. Исследование проводилось на материалах Картотеки словаря русского языка XVIII века и Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: русский язык XVIII века, историческая лексикография, глагол, связочный глагол, синтагматические связи.

Малышев А.А. Случаи повторного внутритекстового толкования лексики в научно-популярном журнале «примечания к санкт-петербургским ведомостям» (1728–1742)

Статья посвящена рассмотрению случаев неоднократного внутритекстового толкования лексем в материалах научно-популярного журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) – как в пределах одной статьи, так и в разные годы. Подобная неоднократность толкований, как одинаковых, так и отличавшихся содержательностью или степенью подробности (например, четыре различных толкования слова «экватор») и появлявшихся в разные годы или в разных статьях, свидетельствует о том, что во время издания «Примечаний» многие из толкуемых лексем только входили в русский язык или же переставали быть достоянием сферы ограниченного употребления (науки, политики и т. д.), а потому могли восприниматься переводчиком как вновь и вновь требующие пояснений. Кроме того, читатель конкретной статьи вполне мог не читать статьи схожей тематики предыдущих лет или же у более поздней статьи мог быть другой переводчик. Вопрос о причинах повторного пояснения слова на той же или на следующей странице, а также в целом в пределах одной статьи и внешней избыточности подобного дублирования остаётся открытым, поскольку с достаточной определённостью ответить на него не представляется возможным.

Ключевые слова: историческая стилистика, историческая лексикология, русская журналистика, толкование лексики, XVIII век.

Малышева И.А. К семантике глаголов *с пре-* в русском языке XVIII века: значение усиления действия

В статье описывается одна из групп глаголов с неполногласной приставкой *пре-* в значении усиления, интенсивности действия (*преизобиловать, преогорчать, прераспещрять* и под.). В отличие от других семантических групп этой словообразовательной модели эта группа не имеет соотносительных пар с *пере-*, и, возможно, этим обусловлена ее дальнейшая судьба в языке. Эта группа интересна для изучения русского языка XVIII века тем, что почти на протяжении всего столетия она представлена в текстах разных жанров или как авторское (окказиональное) образование, оставшееся языковым фактом одного текста (*преизнуриться, преободрять, преукорить* и под.), или как слова, постепенно утрачивавшие свою книжность, расширявшие свое употребление (*преимуществовать, преисполнить, преуспеть* и под.). Последнее приводило к изменению, дополнению и семантических, и функциональных характеристик: новые значения, особенности употребления и сочетаемости и т. д.

Ключевые слова: русский язык, XVIII век, глагол, префикс *пре-*, семантика.

Е.В. Макеева. Общественно-политическая лексика заимствованного происхождения в языке публицистики второй половины XIX века: функционально-стилистический аспект

В статье представлены результаты исследования, целью которого было изучение динамики изменений в семантической структуре отдельных заимствованных слов, относящихся к общественно-политической лексике; выявление особенностей их функционирования в публицистических текстах второй половины XIX века; сопоставление полученных наблюдений с лексикографическим представлением в словарях XIX века. Особое внимание уделено контекстам, в которых наблюдается детерминологизация общественно-политической лексики, развитие у данных единиц переносного значения или оттенков значения; представлены контексты, включающие заимствованные слова, относящиеся к другим тематическим группам, которые в составе фразеологизированных сочетаний могут быть отнесены к общественно-политической лексике; показаны случаи употребления слов в несвойственном им по сравнению с фиксацией в словарях XIX века значениях. Сделаны выводы о том, что публицистические тексты XIX века, особенно второй его половины, являются богатым источником для пополнения лексикографического описания заимствований.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика; развитие словарного состава; историческая лексикология

Мольков Г.А. История составления «Лексикона вокабулам новым по алфавиту» Ф. Поликарпова

В научной литературе встречаются упоминания о двух списках «Лексикона вокабулам новым», при этом в своей работе исследователи, как правило, обращались к тексту словаря по одному из списков — опубликованному Н.А. Смирновым в 1910 году. Предпринятое сравнение двух списков показало, что они отражают две разных редакции словаря, при этом автором обеих редакций с большой степенью вероятности был Ф. Поликарпов. В первоначальном виде лексикон был использован им как сопроводительный текст, поясняющий заимствованную лексику в тексте его сочинения по русской истории, а в дальнейшем словник лексикона расширялся, и словарь приобрёл статус самодостаточного собрания новой заимствованной лексики.

Детальный анализ структуры словника «Лексикона вокабулам новым», проведённый в статье, показывает, что он складывался из ряда источников, и словарь, по-видимому, был задуман как попытка собрать воедино и снабдить толкованиями новейшие заимствования из европейских языков, что делает его первым известным оригинальным толковым словарём нового времени, сформированным на основе выборок лексики из корпуса текстов начала XVIII в.

Ключевые слова: история лексикографии, лексические заимствования, язык Петровской эпохи, Ф. Поликарпов

Патроева Н.В. Тропы и фигуры «речений» и «предложений» в риторике и стихотворениях М. Ломоносова (по материалам словарей)

Тропы и фигуры речи, интерпретируемые М.В. Ломоносовым в его научных трудах и используемые в стихотворных произведениях, представлены в двух новейших словарях — «Риторика М.В. Ломоносова. Тропы и фигуры» и «Синтаксическом словаре русской поэзии XVIII века: Том 2: Ломоносов». Статья предлагает обобщающие данные, касающиеся системы риторических приемов, примененных М.В. Ломоносовым в его поэзии малых и средних жанров. К самым распространенным тропам, используемым Ломоносовым, относятся метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха и сравнение. Гипербола, перифраз, антономазия и аллегория встречаются в ломоносовских одах гораздо реже. Из фигур речи наиболее активны инверсия, эллипсис, повтор (в том числе анафора), риторические обращения, воскли-

цания и вопросы. Менее часто используются асиндетон и полисиндетон при построении периодической речи, а также анаколуф и антитеза. К маргиналиям среди ломоносовских риторических приемов относятся оксюморон, каламбур, симплока.

Ключевые слова: троп, фигура речи, риторическая традиция в России, тропы и фигуры в поэзии барокко и классицизма.

Потехина Е.А. Языковая личность Константина ефимовича Голубова

В статье анализируются тексты старообрядческого публициста XIX в. Константина Голубова с точки зрения теории языковой личности. В 1867-1868 гг. в Иоганнисбурге (Пруссия) Голубов начал издавать религиозно-общественный журнал «Истина», в котором публиковал собственные сочинения. В текстах Голубова отражается мировоззрение православного философа, убежденного в преимуществе православия над другими верованиями. Произведения Голубова вызвали глубокий интерес в кругах революционных демократов и привлекли внимание Достоевского.

Ключевые слова: старообрядцы за границей, русская публицистика, языковая личность, миссионерская деятельность Русской православной церкви по борьбе с расколом

Романов Д.А. Отражение в лексике «записки об отрицательных сторонах русского солдата и офицера» Л.Н. Толстого семантико-стилистических процессов середины XIX века

Ранняя публицистическая работа Л.Н. Толстого отражает общеязыковые процессы середины XIX в. в лексической сфере: увеличение количества отвлеченной лексики, используемой в публицистике и художественной литературе; смысловое расширение многих слов; стилистические сдвиги, связанные с приданием словам общественно-политического и морально-этического звучания. Кроме того, «Записка…» Толстого фиксирует переход отдельных слов из научного дискурса в публицистический, развитие оценочности (преимущественно негативной) у ранее нейтральных лексем. Анализируемый текст дает представление о характерных лексических чертах идиостиля Толстого: в частности, об эвристемном характере словесных повторов.

Ключевые слова: лексика, семантика, смысловое расширение, стилистическая трансформация, оценочность.

Русанова С.В. Слово в историческом словаре: к вопросу о региональной специфике лексического значения

Статья посвящена проблеме определения семантики слова в историческом региональном словаре. В центре внимания лексикографическая интерпретация отдельных слов, зафиксированных в «Словаре русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье». В работе актуализируется необходимость при недостаточном контекстном материале учитывать парадигматические и синтагматические отношения слова, отраженные в других исторических региональных и академических словарях, что позволяет уточнить степень территориальной специфики значения слова.

Ключевые слова: русский язык XVIII в., исторический региональный словарь, лексическая семантика слова, контекст, устойчивое сочетание.

Семенов П.А. К характеристике словообразовательных синонимов в русском литературном языке XVIII века

В статье раскрывается значение лексикографических источников прошлого, в частности, «Словаря Академии Российской» (1789–1794) для изучения синонимии в диахроническом аспекте. На материале словообразовательных синонимов со значением лица (*властель,*

властитель, волостель, властелин, владетель, владелец; кормитель, кормичич, кормилец; велитель, повелитель и нек. др.) и опредмеченного действия (*веление, повеление; даяние, давание, дача, подаяние, подавание, подача*) показан процесс развития синонимических рядов, дифференциации и специализации значений синонимов, распада синонимии, рассматриваются стилистические оппозиции славянизмов и русизмов в синонимических рядах.

Ключевые слова: словообразовательные синонимы, славянизмы, русизмы, nomina agentis (существительные со значением лица), nomina actionis (существительные со значением опредмеченного действия).

Старовойтова О.А. Этноконфессиональный компонент в лексике русского языка XIX века: к проблеме семантизации

Этническая стратификация и неизбежные контакты между этносами, предполагающие их стремление к овладению материальными и духовными ресурсами, неизменно ведут к возникновению межэтнических проблем, которые считаются одними из самых острых и поэтому находят отражение в языке любого народа. В русском языке XIX в. активно функционирует огромное количество единиц, производных от названий наций и народностей (этнонимов). Глагольная и отглагольная лексика данной группы, которая по большей части представляет собой лексические новации XIX в., свидетельствует о необычайной активности национального языкового сознания. Зафиксированные в русском языке предшествующих периодов отэтнонимные глаголы, характеризующие взаимоотношения между этносами, в большинстве своем указывают на такой этноспецифический элемент, как религиозный. В настоящей статье представлено описание различных групп отэтнонимной лексики XIX в. в их отношении именно к данному феномену. Изучение данной проблемы должно способствовать более точному семантическому описанию подобной лексике в словаре русского языка XIX в. Библиогр., 10 назв.

Ключевые слова: русский язык; историческая лексикология и словообразование; лексика, мотивированная этнонимами; этноконфессиональный компонент

Харламова М.А. Сибирская публицистика XIX века как лексикографический источник

В статье репрезентируются новые источники дифференциального словаря XIX века и толкового академического словаря (БАС^3) — очерки сибирских авторов-краеведов, опубликованные в региональных журналах. Анализируется лексика, демонстрирующая тенденции в развитии русского литературного языка XIX века и имеющая разную судьбу в современном русском литературном языке. В результате обнаружено, что семантические и стилистические изменения ярко проявляются в диалектной лексике регионального характера, которая могла как войти в современный литературный язык, так и переместиться из общенародного фонда в разряд диалектной лексики, кроме того, лексические единицы могли развить терминологическое значение или развить/утратить то или иное значение.

Ключевые слова: сибирская публицистика, диалектная и литературная лексика, семантика.

Чернышева М.И. Новое прочтение словарных описаний

Работа над многотомным СлРЯ XI–XVII вв., подготовка и издание которого длится десятилетия, неизбежно влечет за собой пересмотр опубликованного материала, появление дополнений, а также исправление ошибок и неточностей (addenda et corrigenda). Автор рассматривает несколько слов со славянским корнем *твор-* и на основе этимологического и лексикологического анализа приходит к выводу о необходимости уточнения 18-го значения глагола *творити*, которое должно быть сформулировано иначе: ‘причинять вред’. Во втором этюде автор устанавливает происхождение и значение лексемы *опсимъ*. Об отсутствии све-

дений о ней свидетельствует знак вопроса в 13-ом выпуске СлРЯ XI–XVII вв. Слово *опсимъ* происходит от греческого ἀψίνθιον, ἀψίνθιος, ἄψινθος ‘полынное (горькое) вино’, а обнаруженные в славянском переводе XIII в. формы *асфинфъ* и *ѥспинфъ* до сих пор не имели описания ни в палео- и медиославянской, ни в русской исторической лексикографии.

Ключевые слова: славянская и русская историческая лексикология и лексикография, Словарь русского языка XI–XVII вв.

Шарихина М.Г. Фигура «восхищение» в «кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова: к вопросу о наименовании и историко-культурном контексте

В статье рассматривается вопрос о характеристике культурно-исторического контекста риторической фигуры «восхищение». В связи с этим вопросом было исследовано соответствие наименования и конститутивных элементов, формирующих содержание данной фигуры, поэтической практике М.В. Ломоносова. В ходе исследования были выявлены смысловые параллели между содержательными компонентами фигуры и употреблением в поэтическом языке Ломоносова глаголов *восхитить* (*-ся*) / *восхищать* (*-ся*), которые служат производящей основой для наименования фигуры. Кроме этого, семантика и употребление указанных глаголов восходят к церковнославянскому языку. Это позволяет сделать предположение о том, что фигура «восхищения» представляет собой органичный синтез западноевропейской культурно-исторической и церковнославянской языковой традиций.

Ключевые слова: язык М.В. Ломоносова, поэтический язык, риторическая фигура, церковнославянское влияние, лексическая семантика, историческая лексикология.

Янурик С. Проблемы освоения английских заимствований в русском языке XIX века (на основе газетных материалов)

В статье рассматриваются иноязычные неологизмы 30-х гг. XIX в. *вагон*, *рельс* и *тунель*, заимствованные русским языком из английского в начале железнодорожного строительства в россии. в ходе анализа указанные заимствования описываются в разных аспектах: обсуждаются проблемы их лексикографического представления (трудности определения языка-источника и языка-посредника, первая словарная фиксация слова), приводятся ранние и более поздние примеры их употребления в языке русской публицистики (главным образом на материалах газеты «северная пчела»). Особое внимание уделяется вопросам формального и семантического освоения англицизмов, подробно анализируются их графические варианты, освещаются тенденции развития написания и значения этих лексических инноваций в русском языке 1830–1840-х гг. на основе разнообразных цитат, взятых из печатных периодических изданий того времени, сопоставляются семантические особенности английских заимствований и соответствующих русских наименований. в конце статьи отмечаются некоторые общие черты в графической и морфологической адаптации новой иноязычной лексики в русском языке XIX и XXI вв.

Ключевые слова: русский язык XIX века, английские заимствования, проблемы освоения иноязычной лексики, формальная вариативность, неологизмы, газетные материалы, лексикографическое представление.

Summaries and keywords

Bushkanets L. «Twilight of russian life» in russian journalism of the 1880s-1890s

The article considers the peculiarities of the language of Russian journalism of the late XIX–early XX centuries on the basis of one verbal formula «Twilight of Russian life». Relying on interdisciplinary analysis (linguistic methods, analysis of historical social psychology, methods of literary criticism, etc.), it is shown that there are not fixed in dictionaries meanings of words and expressions in the language of journalism, they are understandable to contemporaries, but as soon as the epoch and the emotional and psychological content of these formulas goes away, for subsequent generations they become empty and clichéd. Meanwhile, without understanding the meanings that are concentrated in them, it is impossible to read the journalistic texts of a certain era.

Keywords: language of journalism, the end of the XIX century, verbal formula, social psychology

Generalova E. Linguistic portrait of *moscow red tape*

The article describes vocabulary with semantics ‘slow down, delay,’ etc. in the language of Moscow Russia of 16-17th centuries and the linguistic representation of the historical phenomenon of Moscow red tape, which appeared right at this time.

Keywords: historical lexicology, historical semantics, microhistory, Russian of the 16-17th centuries.

Davydova O., Chapayeva L. Asiatism and *asiatskiy* in the ideological discourse of the XIX century

The ideological discourse of the XIX century has a unique character, this is due to the discussion of Slavophiles and Westernists. Their ideological and cultural confrontation consists of many oppositions of a predominantly antonymic type, which includes the opposition of Eastern~European, Asian~European, Asianism~Europeanism. In this ideological context, the ideologem of *Asianism* is not just a multi-valued lexeme, but it accumulates in itself all those features of Slavophilism that were disgusted by the Westernistsand which form the main oppositions of the two worldviews: the distrust of the new, some European influence is perceived, the desire to preserve the old, unchanging, traditional, search for the ideal of Russian life in it, negative attitude towards the activities of Peter I, the main role is given to Orthodoxy in educating the people and integrating with them, subordination of personality to the state, etc.

Keywords: Asianism, ideological discourse, Slavophil, Westernist, lexeme, ideologem, dictionary.

Dragichevich R.

Serbs had been under Turkish rule since the late 14th century. In order to preserve the Orthodox faith, Serbian language and customs, they accepted the invitation of the Austrian Emperor Leopold I and, at the end of the 17th century settled the border parts of the Habsburg Monarchy. Their task was to wage wars against the Turks and defend the Habsburg Monarchy, and in return they were given the opportunity to preserve their religion and language. Thus, the Serbian people split into two parts - those who lived under the Turks and those who lived under the Germans and Hungarians. The civilizational difference between them is still felt today. This paper analyzes bilingual dictionaries that helped Serbs master the basic vocabulary of their occupiers. These dictionaries testify about everyday life of the Serbian people and indicate the cultural and civilizational division of the Serbian people in the 18th century.

Keywords: bilingual lexicography, historical lexicography, 18th-century Serbian dictionaries, Serbian language.

Diaghileva I. Processes of the 18th century borrowings development in Russian newspapers of the first half of the 19th century

Determined by the development of journalism the influence of the journalistic style on the literary language is growing in various fields since 20-30s of the 19th century. One of such spheres is the borrowing. The article analyzes the processes of the 18th century borrowings development in the texts of newspapers of the first half of the 19th century, that represented an extensive lexical base, in which, thanks to the effective translation activity of journalists, large number of foreign words were assimilated. The history of the words *accompaniment, dollar, goeletta, contralto, pizzicato, piano*, etc. is considered.

Keywords: historical lexicology, borrowings, adaptation, semantics development, variants, newspaper journalism

Ivanov E. The dictionary of winged biblical expressions of the modern Belarusian literary language (with historical and etymological comments and phraseological correspondence in the modern Russian language)

The article is concerned with the principles of the lexicographic description of winged expressions, which go back to biblical texts and are widely used in the modern Belarusian literary language. A new methodology for a systematic comprehensive representation of winged biblical expressions in a special reference book of a universal type (a standard dictionary with historical and etymological comments, and phraseological correspondence in the modern Russian language) is proposed. Samples of dictionary entries have been developed. The purpose of the dictionary and its target audience are determined.

Keywords: The Bible, phraseology, winged word, Belarusian language, explanatory dictionary, historical and etymological commentary, Russian language, interlanguage phraseological correspondence.

Iordanidi S. Semantic and word formation study(*razgild'ay*)

The article shows how etymological, semantic and derivational analysis helps to establish theword-formation structure of a given word (as an object of the historical dictionary of OldRussian) and to determine its meaning. The author cites various points of view on the meaningand themorphological structure of the studied word from historical dictionaries and othermaterials and formulates her own considerations regarding its origin. Considering the impressivederivational nest with the root gil', reflected in the Dictionary of the XI−XVII centuries RussianLanguage and other materials (*gil'* 'distemper, rebellion, riot, crowd', *gilevati*, *gilevanie*,*gilevstvo*, *gilevschik*, *gilyanstvo*, *gilshchik*, *gilit'*, *izgil'at's'a* etc.), the author is inclined tobelieve that *razgild'ay* is a kind of confixal derivative: prefix *raz-* + root *gil'-* + epenthesis *-d'-* +suffix *-ay* (*-'ay*). The infixed *-d'-* is interpreted as an epenthesis.

Keywords: etymological dict., historical dict., dialect dict., morphological and semantic analysis, confixation, epenthesis.

Istraty V. On the terminology of S. Desnitsky's speeches on the study of the law

The paper concerns the terminology of the original works by Semion Desnitsky, the first Russian professor of law. It is shown that Desnitsky who graduated the University of Glasgow borrows some arguments and examples from the W. Blackstone's works. Some terms used by Desnitsky — the words *корпус, разночинец, решение судебное, адвокат* and *хода-*

тай/ходатайствующий — should be interpreted as translations of English legal terms *corporation, commoner, precedent* and *solicitor* or *barrister*.

Keywords: Russian language, historical lexicology, 18th century, legal terminology, Semion Desnitsky

Korkina T. Formation of administrative lexicon in the eighteenth century russian language: *predsedatel'* (предсѣдатель), *president* (президент), *preses* (презес)

The article keeps track of the history of words *predsedatel'*, *president* and *preses* in the Russian language of the 18th century, which were actively used over this period. Although these words have a common component in the meaning — 'the one who takes the first, dominant place in any meeting or society'— their semantic history during the 18th century is a complex process of gradual differentiation of usage and functional delineation. The study showed that the history of these words, their entry into active use and the related stages of their interaction with each other are directly linked to the largest state transformations carried out by Peter I and Catherine II. It is the codification of these words in Russian legislative acts that becomes starting point for further entry into the language and the development of wider and figurative meanings. This factor turns out to be crucial for the relative chronology of the words activation in the Russian language: the foreign words *president* and *preses,* regulated by the documents of Peter's era, become the first to be widely used, and then the word *predsedatel'* begins to compete with them after it's appearance in the legislation of Catherine II.

Keywords: 18th century Russian, historical lexicology, words with prefixes, native vs. borrowed words, administrative lexicon.

Kuznetsova I. Syntagmatic relationship of the verb предать in the XVIII century russian language

The verb *предать* in the Russian language of the eighteenth century presents a certain difficulty for the lexicographic description due to several factors. Firstly, it is recognized as part of a high style and in its direct meaning of active action, which is characteristic for common speech, is practically not used. In the process of developing the metaphorical meaning of the verb *предать*, its semantic reduction takes place, and the names associated with it begin to denote not an object, tool or addressee, but a predicative attribute. Moreover, in different types of sentences, the meaning of the verb is grammatized to a different degree. These processes are reflected in the structure of the syntagmatic connections of the verb, which analysis this article is devoted to. The study was conducted on the materials of the Card index of the Russian language dictionary of the XVIII century and the National corps of the Russian language.

Keywords: Russian language of the 18th century, historical lexicography, verb, copular verb, syntagmatic connections.

Malyshev A. Repeated intra-text lexemes interpretation in popular scientific magazine "notes to the st. petersburg vedomosti" (1728–1742)

The article is devoted to the consideration of lexemes repeated intra-text interpretation cases in the materials of the popular scientific magazine "Notes to the St. Petersburg Vedomosti" (1728–1742), both within one article and in different years. Such repeated interpretations, whether of the same or different content or detailization degree (e.g., four different interpretations of the word "equator") and appearing in different articles or years, indicates that at the "Notes" edition time, many of these interpreted words only began to be a part of the Russian language or ceased to be the domain of limited use (science, politics, etc.), and therefore may have been perceived by the translator as requiring an once more clarification. In addition, the reader of a particular article may well not have read the articles of similar subject matter of previous years or a later article may have had another translator. The question of the reasons for the repeated word explanation on the same or on

the next page, as well as in general within one article and the external redundancy of such duplication remains open, as it is not possible to answer it with sufficient certainty.

Keywords: historical stylistics, historical lexicology, Russian journalism, interpretation of vocabulary, 18th century.

Makeyeva E. Socio-political vocabulary of borrowed origin in the language of journalism of the second half of the XIX century: functional and stylistic aspect

The article presents the results of a study aimed at Examining the dynamics of changes in the semantic structure of Selected borrowed words related to socio-political vocabulary; it identifies the features of their functioning in journalistic contexts of the second half of the 19th century and compares the observations with the lexicographic representation in the 19th century dictionaries. Particular attention is paid to the contexts in which there is determinologization of socio-political vocabulary, the development of these units' figurative meaning or shades of meaning; it presents contexts, including borrowed words relating to other thematic groups which being a part of fraseological unit can be attributed to the socio-political vocabulary; it also shows the use of words with the meaning which is unusual compared with 19th century dictionaries. Conclusions are drawn that the journalistic texts of the 19th century, especially the second half of it, are a rich source for replenishment of lexicographical description of borrowings.

Keywords: socio-political vocabulary; vocabulary development; historical lexicology

Patroeva N. Tropes and figures of "expressions" and "sentences" in the rhetoric and poems of M. Lomonosov (based on the materials from the dictionaries)

Tropes and figures of speech interpreted by M.V. Lomonosov in his works and used in his poetic works are presented in the two latest dictionaries - "Rhetoric by M.V. Lomonosov. Tropes and figures of speech» and «Syntax Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century: Volume 2: Lomonosov». The article shows the summarizing data regarding the system of rhetorical techniques applied by M.V. Lomonosov in his poetry of small and medium genres. The most common figures of speech used by Lomonosov include metaphor, personification, metonymy , synecdoche and comparison. Hyperbole, periphrasis, antonomasia and allegory are much less common in Lomonosov's odes. One of the most active figures of speech are inversion, ellipsis, repetition (including anaphora), rhetorical addresses, exclamations and questions. Asyndeton and polysyndeton as well as anacoluthon and antithesis are less commonly used in the construction of periodic speech. Oxymoron, pun and symploce are among the Lomonosov's rhetorical methods.

Keywords: trope, figure of speech, rhetorical tradition in Russia, tropes and figures in the poetry of Baroque and Classicism

Pociechina H. Language personality of Konstantin Golubov

The Author of the paper analyzes the texts of the Old Believer editor and publicist of the XIX century Konstantin Golubov from the point of view of the theory of linguistic personality. In 1867-1868 in Johannisburg (Prussia), Golubov began to publish the philosophical, sociological and religious journal "Istina" ("Truth"), which contents mostly his own articles. Golubov's texts reflect the worldview of the Orthodox philosopher, convinced of the superiority of Orthodoxy over other beliefs. Golubov's works aroused deep interest in the circles of revolutionary democrats and attracted the attention of Dostoevsky.

Keywords. Russian Old Believers abroad, Russian journalism of the 19th century, linguistic personality, missionary activity of Russian Orthodox Church against Schizm

Romanov D. Reflection in lexicon “Notes on the negative parties of the russian soldier and officer” of L. Tolstoy semantic-stylistic processes of the middle of the XIX century

Early journalistic work of L. Tolstoy reflects the general language processes of the middle of the XIX century in the lexical sphere: an increase in the number of abstract vocabulary used in journalism and fiction; semantic expansion of many words; stylistic shifts associated with giving the words a socio-political and moral-ethical sound. In addition, “Note ...” Tolstoy records the transition of individual words from scientific discourse to journalistic, the development of evaluative (mostly negative) in previously neutral lexemes. The analyzed text gives an idea of the characteristic lexical features of Tolstoy’s idiostyle: in particular, the heuristic character of verbal repetitions.
Keywords: vocabulary, semantics, semantic expansion, stylistic transformation, appraisal.

Rusanova S. Word in the historical dictionary: to the question of regional specifics of the lexical meaning

The article is devoted to the issue of determination of word semantics in the historical regional dictionary. Lexicographic interpretation of the separate words recorded in "The dictionary of Russian language of the 18th century: Eastern Siberia. Transbaikal" is the focus of the research. The need with insufficient contextual material to consider the paradigmatic and syntagmatic relations of a word reflected in other historical regional and academy dictionaries is highlighted in the paper. It is what allows to specify the degree of territorial peculiarity of a word meaning.
Keywords: Russian language of the 18th century, historical regional dictionary, word lexical semantics, context, established collocation.

Semenov P. On the issue of derivational synonyms in the Russian literary language of the 18th century

The article reveals the importance of lexicographical sources of the past, in particular «Dictionary of the Russian Academy» (1789–1794), for the study of synonymy in the diachronic aspect. The process of the synonymic series development, differentiation and specialization of the meanings of synonyms, the destruction of synonymy is shown as well as a stylistic opposition of slavonicisms and russianisms in synonymic series is considered on the material of word-forming synonyms with the meaning of a person (*vlastel, vlastitel, volostel, vlastelin, vladetel; kormitel, kormichich, kormilets; velitel, povelitel,* etc.) and objectified action (*veleniye, poveleniye; dayaniye, davaniye, dacha, podayaniye, podavaniye, podacha*, etc.).
Keywords: Derivational synonyms (word-forming synonyms, word-building synonyms), Slavonicism (Church Slavonic word), Russianism (Russism), nomina agentis, nomina actionis.

Starovoytova O. Ethno-confessional component in the 19th century russian language vocabulary: toward the question of semantization

Ethnic stratification as well as the inevitable contacts between ethnic groups, which presume an aspiration to taking possession of material and spiritual resources, invariably lead to the emergence of interethnic problems. They are considered one of the most acute and therefore are reflected in the language of any nation. A huge number of words, derived from the names of nations and nationalities (ethnonyms) were actively functioning in the 19th century Russian language. The main part of the verbs and their derivatives which form the group is the lexical novations of the 19th century. This fact testifies to the extraordinary activity of national linguistic consciousness. The ethnonymous verbs used in the Russian language of previous periods in order to characterize the relationship between ethnic groups mainly indicate such an ethnically specific element as a religious one. The article presents a description of the various groups of the 19th century ethnonymous vocabulary in their relation to this particular phenomenon. The study of this question should contrib-

ute to a more accurate semantic description of mentioned vocabulary in the dictionary of the 19th century Russian language. Refs 10.

Keywords: the Russian Language; history of lexis and word-building; words derived from the names of the ethnos; ethno-confessional component

Kharlamova M. Siberian journalism of the XIX century as a lexicographical source

The article presents new sources of the differentiated dictionary of the XIX century and the explanatory dictionary (BAS[3]) — essays by Siberian authors, published in regional journals. The paper analyses vocabulary showing the key tendencies in the development of Russian literary language of the XIX century and having changed in various ways in modern Russian literary language. As a result, it has been found that semantic and stylistic changes are manifested in the dialectal vocabulary of regional character, which could either enter the modern literary language or move from the public fund to the category of dialectal vocabulary, in addition, lexical units could develop terminological meaning or develop/lose significance.

Keywords: Siberian journalism, dialectal and literary vocabulary, semantics.

Chernysheva M. New reading vocabulary descriptions

The work on the multi-volume Dictionary of the Russian Language XIth–XVIIth centuries, the preparation and publication of which lasts decades, inevitably entails a revision of the published material, the appearance of additions, as well as correction of errors and inaccuracies (addenda et corrigenda). The author considers the few words with the Slavic root *tvor*- and on the basis of etymological and lexicological analysis comes to the conclusion about the need to clarify the 18th meaning of the verb *tvoriti*, which should be formulated differently: ‘to harm’. In the second study, the author establishes the origin and meaning of the lexeme *opsimъ*. The lack of information about it is evidenced by the question mark in this Dictionary. The word comes from the Greek ἀψίνθιον, ἀψίνθιος, ἄψινθος ‘wormwood (bitter) wine’, and discovered in the Slavic translation of the XIIIth century shapes *asfinfь* and *esfinfь* still not been described yet neither in paleo- and media-Slavic, nor in Russian historical lexicography.

Keywords: Slavic and Russian historical lexicology and lexicography, Dictionary of the Russian Language XIth–XVIIth centuries

Sharichina M. The figure “voskhishcheniye” in the “brief guide to eloquence” by M.V. Lomonosov: to the question of the name and the historical-cultural context

The article discusses the characterization of the cultural-historical context of the rhetorical figure “voskhishcheniye”. In connection with this issue, the correspondence of the name and constituent elements that form the content of this figure, to the poetic practice of M.V. Lomonosov was investigated. The study revealed semantic parallels between the substantial components of the figure and the use in Lomonosov’s poetic language of the verbs *voskhitit’*(*sya*) / *voskhishchat’*(*sya*), which serve as a producing basis for the name of the figure. In addition, the semantics and usage of these verbs date back to the Church Slavonic language. This allows us to make the assumption that the figure “voskhishcheniye” is an organic synthesis of the West European cultural-historical and Church Slavonic linguistic traditions.

Keywords: Language of M.V. Lomonosov, poetic language, rhetorical figure, Church Slavonic influence, lexical semantics, historical lexicology.

Januric S. On the adaptation of English loanwords in Russian in the 19th century (on the basis of newspaper materials)

In the present paper, the author analyzes three new words of foreign origin (*вагон*, *рельс*, and *туннель*) borrowed into the Russian language from English in the 1830s at the beginning of railway development in Russia. In the study, these loanwords are described in various aspects: the author discusses the problems of their lexicographic presentation (difficulties in determining the source language and the intermediary language, the time of the first inclusion of these words in a dictionary), and indicates the earliest and further instances of their usage in the language of Russian journalism (first of all, based on materials taken from the newspaper *Северная пчела*). special attention is paid to the problems of formal and semantic adaptation of English loanwords in issue, a detailed investigation of their orthographic variants is offered, and tendencies in the development of the spelling and the meaning of these lexical innovations in the Russian language in the 1830s and 1840s are demonstrated. On the basis of diverse quotations taken from the written periodical press of that time, the semantic peculiarities of the analyzed English loanwords and the corresponding Russian terms are compared. In the concluding paragraph of the paper, the author reveals several common features in the orthographic and morphological adaptation of new loanwords in the Russian language in the 19th and the 21st centuries.

Keywords: the Russian language in the 19th century, English loanwords, problems of loanword adaptation, formal variation, neologisms, newspaper materials, lexicographic presentation

Содержание

Предисловие ……... 3

Лексикология

Генералова Е.В. Лингвистический портрет *московской волокиты*…… 7

Иорданиди С.И. Семантико-словообразовательный этюд: *разгильдяй*…..…… 17

Малышева И.А. Глаголы с *пре-* в русском языке XVIII века: значение усиления действия..…… 29

Кузнецова И.Е. Синтагматические связи глагола *предать* в русском языке XVIII века …...…… 44

Истратий В.В. О терминологии речей С.Е. Десницкого, посвященных преподаванию юриспруденции.…… 49

Коркина Т.Д. Формирование административной лексики в русском языке XVIII века: *председатель, президент, презес*……. 64

Патроева Н.В. Тропы и фигуры «речений» и «предложений» в риторике и стихотворениях М. Ломоносова (по материалам словарей)…….. 79

Шарихина М.Г. Фигура «восхищение» в «кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова: к вопросу о наименовании и историко-культурном контексте …….. 86

Словообразование

Семенов П.А. К характеристике словообразовательных синонимов в русском литературном языке XVIII века ……... 99

Старовойтова О.А. Этноконфессиональный компонент в лексике русского языка XIX века: к проблеме семантизации…….. 112

Лексикография

Драгићевић Р. Историјски речници српског језика као извор за истраживање развоја националне слике света српског народа …… 125

Чернышева М.И. Новое прочтение словарных описаний …….. 143

Мольков Г.А. История составления «Лексикона вокабулам новым по алфавиту» Ф. Поликарпова...…… 151

Русанова С.В. Слово в историческом словаре: к вопросу о региональной специфике лексического значения...…… 166

Котельникова А.С. Лексика цветообозначения в «Словаре Академии Российской» (1789–1794)..... 175

Иванов Е.Е. О словаре крылатых библейских выражений современного белорусского литературного языка (с историко-этимологическими комментариями и соответствиями в современном русском языке)….. 185

Язык русской публицистики и периодики XVIII–XIX вв.

Бушканец Л.Е. «Сумерки русской жизни» в российской публицистике 1880–1890–х годов..... 203

Давыдова О.А., Чапаева Л.Г. *Азиатизм* и *азиатский* в идеологическом дискурсе XIX века..... 212

Дягилева И.Б. Процессы освоения заимствований XVIII в. в русских газетах первой половины XIX века..... 219

Макеева Е.В. Общественно-политическая лексика заимствованного происхождения в языке публицистики второй половины XIX века: функционально-стилистический аспект..... 229

Малышев А.А. Случаи повторного внутритекстового толкования лексики в научно-популярном журнале «примечания к санкт-петербургским ведомостям» (1728–1742)..... 235

Потехина Е.А. Языковая личность Константина Ефимовича Голубова..... 242

Романов Д.А. Отражение в лексике «Записки об отрицательных сторонах русского солдата и офицера» Л.Н. Толстого семантико-стилистических процессов середины XIX века..... 256

Харламова М.А. Сибирская публицистика XIX века как лексикографический источник..... 265

Янурик С. Проблемы освоения английских заимствований в русском языке XIX века (на основе газетных материалов)..... 275

Хроника

Малышева И.А. XXXI чтения памяти Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина 287

Сведения об авторах..... 293

Аннотации и ключевые слова..... 296

Summaries and eywords..... 304

Содержание..... 310

Table of contents..... 312

Научное издание

Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 2 / Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. В.Н. Калиновская, И.А. Малышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. — 317 с.

Утверждено к печати
Ученым советом Института лингвистических исследований
Российской академии наук

Подписано к печати 28.12.2019
Формат 60x90 1/16

Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru
https://iling.spb.ru

Отпечатано в типографии

Подготовка оригинал-макета
К.И. Коваленко.

Материалы сборника доступны в электронном виде
на сайте ИЛИ РАН:
http://iling.spb.ru/books/slavlex/issue2019-1.pdf